

Р. И. ПИМЕНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

современной

ВЛАСТИ

Р. И. ПИМЕНОВ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ
ВЛАСТИ**

Москва
1996

ББК 63.3(2)52
П32

Заказное издание

Печатается в авторской редакции
по оригинал-макету,
подготовленному ТОО "Перспектива"
(г. Санкт-Петербург)

Пименов Р. И.
П32 Происхождение современной власти. Кн. I.
Россия в борьбе за конституцию (1855—1905). Кн.
II. Россия конституционная (1906—1917). — М.,
1996. — 351 с.
ISBN 5—250—02606—0

П 0503020300—039
079(02)—96

ББК 63.3(2)52

ISBN 5—250—02606—0

© Пименова В. А., Пименов Р. Р., подготовка текста
© ТОО "Перспектива" (г. Санкт-Петербург), подго-
товка оригинал-макета

Предисловие¹

Мне хотелось осмыслить на материале родной мне истории, что такое "государство", "народ" и "правительство", что нового внесла в этом плане Россия в мир в XX веке. Для этой цели я стал поднимать факты, и уже к 1952 осознал, что все те схемы, которыми пичкали нас советские историографы и пропагандисты, просто **не имеют никакого отношения** к реальности. Вместо того чтобы заняться изобличением и опровержением их вранья, я, просто отстранив его, начал воссоздавать фактуру российской истории XIX—XX веков. По неискоренимой потребности **делиться обретенным знанием с другими** я уже с 1954 и писал статьи ("Судьбы Русской Революции", 1954, погибла при аресте 1957, "Об историческом романе, посвященном нашему революционному движению", 1956, возможно, сохранилась в архивах "Нового мира"), и делал доклады, и читал лекции (1955—57 — у себя дома в Ленинграде, 1958—60 — в Озерлаге за Тайшетом, в шестидесятые годы снова в Ленинграде). В середине семидесятых годов на этой базе возникла самиздатная книга "Происхождение современной власти", разошедшаяся под псевдонимом Сергей Спекторский. Этот псевдоним выбран не случайно. С тех нравственных позиций, на которых стоял персонаж поэмы Пастернака, я хочу разобраться и понять — **понять, а не осудить и не обругать** — события русской истории полутора веков. Были люди, жили, стремились, терпели, боролись, искали, приспособлялись, верили, любили — кто я такой, чтобы судить их? Но я живу в унаследованном от них мире и хочу разобраться: как и почему он стал таким, а не

¹ Авторский стиль в книге сохранен полностью. — *Прим. ред.*

иным? Куда может пойти при исторически сходной ситуации? Получился, как оказалось, по восприятию многих (в том числе по заключениям **конституционных органов**, изымавших эту книгу в **магистронисях**), учебник по истории политической эволюции нашей страны с середины XIX века по середину XX века. Сейчас, когда кардинально изменилась политическая ситуация в стране, я издаю ее с некоторыми изменениями, относящимися прежде всего к **доступности** для читателя очень многих фактов, которые прежде казались невероятными и нуждались в доказательствах.

Мне видятся следующие четкие периоды ("узлы", "этапы") в нашей политической истории. С 1855 начинается **борьба за конституцию**, прежде всего потому, что самодержавный способ управления воочию продемонстрировал свою неэффективность в так называемой крымской войне. Эта борьба в основном велась **земским самоуправлением**, начиналась **славянофилами**, осложнялась участием в этой борьбе **социалистов**, велась против **петербургской бюрократии**, велась на фоне **отсутствия политической культуры** у большинства населения. 17 октября 1905 года эта борьба увенчалась победой, и начался кратковременный (1906—1916) опыт **России конституционной**. Этот опыт осложнен **накалом страстей** как революционных, так и реакционных, **нежеланием** самодержавной власти смириться с переходом на парламентарный режим правления, неудачей в установлении **избирательных законов**; но полностью провалился этот опыт не по внутренним причинам, а из-за военно-дипломатических обстоятельств: над всем миром грянула **Мировая война**. В феврале 1917 рухнула **центральная власть** в России, и **низкая социально-политическая культура населения** совместно с уже с семидесятых годов XIX века возникшими почти наследственными "армиями" **профессиональных революционеров** привели к тому, что в 1917—1920 существовала **Россия без центральной власти**. В ходе Гражданской войны верх одержала одна, наименее численная, но наиболее сплоченная из армий революционеров; восторжествовала она прежде всего потому, что активные представители других сил главным образом **враж-**

довали друг с другом, нежели с этой силой. Другой причиной, как это ни парадоксально, было то, что идеология большевиков была **наиболее далекой от жизни**, от реальности и потому выглядела наиболее цельной в себе и поэтому прибегать к наиболее тотальным методам, полагая жизнь досадным и неправильным **отклонением** от теоретических догм. Осуществив **собрание России**, новые ее правители начали строительство новых форм власти, при которых население было полностью отстранено от участия во власти, а те, кто мог осмыслить происходящее (интеллигенты), были переведены на положение существ низшего сорта. Замкнутая в самой себе, правящая номенклатура быстро усвоила самодержавный стиль правления, но, в отличие от монархической России, он был **коллективно-самодержавным**. В отличие от прошлой России политические цели власти **подняли** под себя всю прочую жизнь страны: экономику, культуру, дух, национальность. Все это подстраивалось под примитивные закономерности **циклов власти**. Именно после смерти бесспорного вождя наступала фаза смены руководителей и поисков новых методов ("перестройка"). Эта фаза сменялась выделением группы новых вождей во главе с кем-либо, но при отсутствии у него еще всей полноты власти и при замирании публичных политических поисков. Наконец, в третьей фазе правление делалось единоличным и находилась формула для данного цикла власти (при Сталине — установка на террор, при Брежневе — установка на коррупцию). За смертью вождя все возвращалось к первой фазе. Конкретный исторический материал по всем фазам и циклам содержится в предлагаемом сочинении.

Соответственно оно распадается на четыре книги: Борьба За Конституцию, Россия Конституционная, Россия Без Центральной Власти и Циклы Власти. По типографским соображениям первые две книги издаются в одном переплете.

Историю делают люди. **Люди**, а не **абстракции** проде "движущих сил", "феодалная или капиталистическая формация". Люди же в своих поступках руководствуются и абстрактными соображениями, и эмоциональными откликами, и бытовыми потреб-

ностями. Все это объединяется термином "мотивы, движущие человеком".

Написать историю — значит **реконструировать мотивы**, те движущие людьми причины, по которым люди поступали так-то или не так-то. Но людей много: у разных людей, у разных групп, у разных вероисповеданий, у разных языков **различны** те умозрительные миры душевных и понятийных конструкций-фикций, в которых только и действительны "мотивы". Пишущий — а желательно, и читающий — должен все время отдавать себе отчет в этой разнообразии, должен "переноситься мысленно по древу" от одного персонажа к другому, из одного законченного в себе духовного мира в другой духовный мир, а те во внешнем событийном мире ни в чем не пересекаются, кроме разве лишь той фактической фабулы, что лицо с одним внутренним миром посылает на виселицу человека с другим внутренним миром. Написать историю — значит написать несколько десятков романов с приблизительно одной и той же фабулой, но с совершенно разными сюжетами (ибо "сюжеты" возникают во внутренних мирах разных персонажей); затем слить эти романы в один, выбросив множество подробностей.

Вообще я считаю художественную литературу более важной для постижения истории, нежели документы и протоколы. Прежде всего, романы и повести важны как **источник**. По самой природе того материала, который лежит в основе **политической истории** России, документальные источники либо партийно фальсифицированы, либо никогда не существовали по конспиративным причинам. Например, историографы не только не имеют в своем распоряжении протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за 1930—1950 годы, но даже не знают, велись ли таковые; известно лишь, что Сталин **запрещал** записывать говоримое на заседаниях Ставки Верховного Главнокомандования. И, конечно, нелепо ожидать обнаружить в архивах распоряжение Сталина убить Кирова. Едва ли когда будут обнаружены протоколы ЦОК ПСР за 1900—1903. И точно можно сказать, что протоколов БО ПСР или ИК Народной Воли не существовало. Поэтому многое приходится **реконструиро-**

вать. И в реконструкции помогает та фактура, та ткань бытовой жизни и бытовых мотивировок поведения, которая зафиксирована именно в художественной литературе, особенно натуралистически-реалистической школы. Затем литература, обращенная уже в прошлое, является прекрасным способом **подачи прошлого**, более доходчивым, нежели квазиакадемические монографии. Здесь прежде всего вспоминается написанный в жанре документированного романа цикл "Красное Колесо" А. И. Солженицына. Но и фантазмагорийная школа дает для понимания психологических движущих причин гораздо больше, нежели археография. Так, самым точным описанием Русской Революции в моих глазах является "Бледный Огонь" В. В. Набокова, даром что революция в этом романе происходит не в 1905—17, а в 1958, что вместо присутствия Распутина подле Царя изображается король-гомосексуалист, даром что ни одна фактографическая реальность не сохранена.

Завершая эту подтему, приведу строки, которые служили путеводной звездой мне при написании своей книги:

История! Не поступайся ширию!
Храни живую точность — точность тайн.
Не занимайся точками в пункте
И зерен в хлебной мере не считай!
Недоумением меди орудийной
Стесни дыханье и спроси чтеца...

Для знающих точный текст этого отрывка из поэмы сама манера цитирования явится еще одним указанием на избранный мною жанр произведения.

Каковы "источники" для этой книги? В первом приближении можно сказать так: работа Б. Б. Глинского "Революционный период русской истории" плюс комплект журнала "Былое" 1906—1926. Это — последние источники, которые еще не подверглись систематическому искажению. Перечень рекомендуемой для чтения (и потому **использованной** автором) литературы дается списком в конце. Проблемы использования как сочинений советских историографов, так и "документов" и "мемуаров", изданных в советское время, обсуждаются в кн. IV,

когда повествование доходит до темы формирования идеологического механизма в СССР. Конечно, как и во всяком объемистом произведении, а может быть, даже и больше, у меня будет много ляпов, грубейших промахов и недочетов. Одной из причин могу назвать то обстоятельство, что мои архивы и картотеки подвергались систематическому изъятию компетентными органами с периодичностью примерно раз в 12 лет. Но, конечно, это не единственная причина. Тем не менее скептическому читателю, что усомнится в том или ином определенном факте, о котором я пишу, я предлагаю провести следующий мысленный эксперимент: зачеркнуть сей "факт" в моей книге и на его место вписать "прямо противоположный факт" по своему разумению. И посмотреть, что **изменится в целом**. В конструкции книги, в ее аргументации, в ее глобальном рисунке, в ее ткани. Я льщу себя надеждой, что моя книга устойчива относительно **локальных** исправлений. А предлагаемое сочинение, повторяю, носит не академический (в наше время на эти темы реально могут существовать лишь псевдоакадемические труды) исторический характер, а **концептуальный**. Это исследование проблем политической власти, проблем соотносительности управления и управляемых, социально-политической культуры, средств социального диалога, превращения целей, доктрин и мечтаний в конкретные поступки людей (и обратно) — на базе фактического материала моей родной России, на базе жизней моих отцов, дедов и прадедов, воевавших и трудившихся в разных станах. И я предлагаю **всю совокупность первичных фактов**, без усечения и отфильтровки. Мне кажется, что без учета **всех** тех обстоятельств, которые упомянуты в моей книге, просто недопустимо и невозможно **ответственно рассуждать** ни о событиях, ни о закономерностях, ни о ходе истории.

Для любого историка, обращающегося к массовому читателю, а не к узкому кругу специалистов, главная трудность изложения восходит к разрыву между душевным миром читателя и душевными мирами деятелей прошлого. Из-за того, что изменились и стиль жизни, и духовные ценности, а потому изменились способы мотивации. Совершенно естественные в прошлом поступки вы-

глядят сегодня дикими, и наоборот. Особенно эта трудность предстает для пишущего о XIX веке. Вроде бы очень похожий мир, но по сути совершенно другой. Образ жизни людей 1855—1905, их духовный и душевный мир, степени свободы в поведении и многое другое **были совершенно иными, нежели у нас.** И питались их души традициями, привычками, образцами, поучениями **предшествовавших им веков.** Нам — бесконечно далекими, трудно усвояемыми, не воспроизводимыми в нашем поведении. И как сделать, чтобы читающий **перешагнул** вместе с автором эту **пропасть?!**

За последние триста лет в корне изменились социальные, культурные и экономические условия и ценности жизни. Триста лет назад единственной республикой в мире была Швейцария. Всюду в других местах царили монархи. И не просто значились вершинами власти, но почти все неограниченно распоряжались судьбами не только стран, но и буквально головами, руками, языками своих подданных. Вера в Божественное происхождение королевской крови теперь изгладилась в небытие. Теперь монархий не отыщешь, даже самые тиранические режимы исповедуют на словах демократию и власть народа, а в большинстве государств жители оказывают вполне реальное влияние на деятельность правительств. Женщина была исконно подчинена мужчине, а сейчас она не только "равноправна", но и в большинстве стран женщины даже пользуются известными преимуществами по законодательству. Трагедия гетевской Гретхен дика и бессмысленна при современных отношениях между полами. Сознание греховности полового общения ушло безвозвратно, сменившись гедонистским отношением к сексу. Но если по ходу истории мы сталкиваемся с тем, что инспектор народных училищ заболел сифилисом, то мы должны реконструировать душевные переживания его сыновей **не по современным** медицински расхожим воззрениям на сифилис, а по традиционным от Библии ("за грехи отцов и до седьмого колена") до трагедии Ибсена "Привидения" установкам. Если в начале царствования Романовых вполне естественным принимался факт, что царь Михаил повесил четырехлетнего сына Марины

Мнишек (подозреваемого в том, что он впуск Ивана IV), то сегодня даже у правопресмнников расстрелявших вызывает смущение признаться в том, что расстреляли четырнадцатилетнего сына Николая II. (Это изменение в оценках, в частности, заставляет меня принципиально **воздержаться от суда над историческими персонажами**. Конечно, я человек, иногда не удерживаюсь и проговариваюсь про свои симпатии и антипатии, но я считаю это **недостатком** сочинения по истории и стараюсь **не судить**. В этом, может быть, мое главное отличие от позиции А. И. Солженицына.) Если музыка была редчайшим элементом в жизни, если все зрелища сводились к церковным службам да раз-два в году "ряженым", и когда еще повезет наткнуться на шарманку, то сейчас неотрывно телевизор и транзистор переполняют нас музыкой и зрелищами и информацией. Освещение — лучины, факелы да свечи — сменилось после недолгого керосинового царствования бескопотным электричеством, вволю. Выходя на современную улицу ночью, мы бессильны пережить ужасы непроглядного мрака, освещаемого только звездами из-за туч. А ведь этот мрак **являлся** важным фактором жизни, почитайте романы-повести Ремизова хотя бы! Триста лет назад расстояние в тысячу верст виделось непреодолимой на всю жизнь преградой; мой прадед, перебравшийся из Тамбовской губернии на Хопер, совершал нерядовой поступок, шел на ломку семейной судьбы. Сейчас тысяча километров — это пара часов самолетом. Энергетическая вооруженность каждого рядового жителя сейчас равна примерно восьмидесяти рабам. При этом триста лет назад люди были **готовы** как естественно быть рабами, так и естественно владеть рабами. Нынче же чувство собственного достоинства таково, что не сыскать ни одного пригодного раба или рабыни, а страх перед другой личностью столь велик, что не найдется ни одного естественного повелителя. Прежде человек мог запросто уйти от государства, даже от общества, забравшись в свое имение, бежав на окраину и сложив себе мазанку из кизяка-самана. Он мог стать социально очень значимой персоной, всю жизнь игнорируя государственную службу, получая доходы, в формировании которых участие государства было равно нулю. Прежде практически

все потребное изготовлялось самим потребителем или в его ближайшем регионе. (Характерно, что матрица экономических порайонных связей в России была **диагональной** — исключая польские и прикавказские районы.) Сейчас практически потребляется только привозное, равно как и плоды труда развозятся во все стороны. Едва-едва приглушавшая острую боль медицина XVIII века сменилась профилактической всеохватывающей медициной, ликвидировавшей и детскую смертность, и оспу и реанимирующей чуть ли не обезглавленных. Нормой стали поголовные медосмотры, которые сто лет назад вызывали бунты ("свидетельствуют только проститутки!") и уж во всяком случае переживались как унижение. Времена, когда король мечтал, чтобы наступила пора, в которую у каждого его подданного по воскресеньям будет в горшке вариться курица, сменились временами, когда каждый может ежедневно приобрести курицу в магазине и не обеднеет от этого. Триста лет назад люди мерли от голода, как от эпидемий, сейчас умереть от голода невозможно (если правительством не создаются целенаправленные на умерщвление условия, как в СССР в 1933 и позже в Биафре и Эфиопии). Система социальных пособий — на роды, по безработице, по старости, по инвалидности — нечто новое, непредставимое ни триста, ни двести лет назад явление. Психика изменилась. Семья из реальной и многочисленной ячейки общества, имеющей свои средства труда, свое оружие, свою землю, свои традиции, превратилась в непродолжительный союз партнеров по постели, и эти партнеры не испытывают ощущения ущербности от такой семьи. Численность населения России — да и всей планеты — возросла в десятки раз (14 миллионов в 1724 и 300 миллионов сейчас). Жить стало в сотни раз теснее. Если прежде большинство жителей пребывало в сельской местности, питаясь плодами своего труда и зная всех соседей, то ныне большинство — горожане, живущие в обезличенных и анонимных условиях, работая не дома. Поэтому прежде дети наблюдали и втягивались в труд примером отцов-дедов, а сейчас видят своих родителей только на отдыхе, и воспитание стало чисто словесным. Неизмеримо возросла сила — реальная по средствам — правительства и разно-

го рода монополий сравнительно с возможностями индивидуума: первые при нынешних средствах информации практически мгновенно могут привлечь себе на помощь сотни исполнителей, привлечь просвечивающую насквозь и парализующую технику. Резко, катастрофически упала роль Церкви и религии в быту.

Для читателя, выросшего в Советском Союзе, трудности при чтении еще больше, ибо из-за систематического разрыва между прежними традициями и официально-пропагандными установками, между бытом наших дедов, с одной стороны, и бытованием в лоне "социалистического хозяйства" — с другой, разрыв в понимании и восприятии усугубляется. Наша духовная жизнь обеднена до предела, нам трудно ощутить, чем именно задевалась честь и достоинство лиц, живших в XIX веке, нам трудно осязать те возможности выбора, которые присутствовали в их жизни. Например, на переломе XIX и XX веков вышли две книги, обретшие неслыханную популярность и утверждавшие как главную добродетель — **добродетель служения долгу и истине**. В них утверждались разные "долг" и "истина". Одна из них — это "Овод" Войнич, а другая — "Камо грядеши" Сенкевича. Но императив — служить добровольно принятому Долгу и Истине, Делу — одинаков. Сегодня на фоне восторжествовавшей идеологии "самовыражения", потребительства, эгоизма, на фоне полностью дискредитировавшей себя фразеологии "служения делу партии" — такие императивы чужды и непонятны, словно свалились с Марса. Поэтому мы зачастую не в силах войти во внутренний мир активных деятелей прошлого века. Там, где перед ними было несколько широких ворот, мы видим засыпанные песком щели или гладко зацементированную стену. Отсюда рождается непонимание, **искаженное понимание**, лжепонимание всей мотивировочной стороны поступков исторических персонажей. Эту трудность я пытался преодолеть, а насколько мне удалось мои реконструкции, — пусть судят читатели. Как на блестящий пример реконструкции внутреннего мира укажу на солженицынскую реконструкцию В. И. Ульянова в книге "Ленин в Цюрихе", а вот Николая II ему воссоздать не удалось, слишком уж далеки они тем-

пераментами. Мне кажется, что при чтении предлагаемой книги читателю будет полезно время от времени возвращаться к этим страницам предисловия и перечитывать их, особенно когда текст покажется неправдоподобным.

Кроме того, наша Солнечная Система уносится со скоростью ста тысяч километров в час. За три миллиона часов, наполняющих истекшие три столетия, Земля пересекла множество различнейших полей и излучений, как-то воздействовавших и на физиологию, и на психику людскую, на животных и на бактерии. Солнечная активность достигала в 1789 и в 1917 величайших пиков, а в 1905 почти приблизилась к пикам. Говорят, в 1495 в мир явился Антихрист, который, стараясь уподобиться во всем Христу внешне, завладевал или завладел с той поры нашим миром. Много есть точек зрения, с которых можно было бы взглянуть на случившееся, и да простят мне читатели, что я не все их исследую. Относясь крайне скептически к фразеологии "классовая борьба", "масонский заговор", "движущие силы прогресса", "бесы и демоны ада", я умышленно избегаю некоторых аспектов. С иными я и рад бы был справиться, да мне не удастся. Недовольный читатель приглашается написать самостоятельное исследование, которое **охватило бы все те факты, что изложены здесь**, плюс, возможно, другие. Покопнейше прошу прислать мне такое исследование наложенным платежом. Но я настаиваю на принципе целостности: только имея в виду **все факты, которые упомянуты в моей книге**, можно разобратся в описываемых исторических периодах. Отсечение части было бы вивисекцией по живому целному телу Истории и вело бы к полужнанию, к полуправде, к мифам, к паранойе.

Я чувствую себя обязанным выразить признательность всем тем, с кем я обсуждал затрагиваемые в книге темы, но за бесконечностью списка ограничусь лишь немногими. Это они, их идеи, их возражения, их реплики создавали данную книгу, я лишь упорядочивал и располагал материал, да, может быть, иногда ухудшал недослышанные мною мысли, так что перечисляемые ниже лица не несут никакой ответственности за написанное мною. Но мне они помогли. Это А. Д. Александров, Валентин

Алексеев, Михаил Бернштам, Лариса Богораз, Борис Вайль, Татьяна Великанова, Владимир Воробьев, Н. В. Гессе, Сергей Дедюлин, Игорь Заславский, Анатолий Иванов, Борис Иванов, Ира Каплун, Маргарита Климова, Галина Кошурникова, Ира Кристи, О. А. Ладыженская, Наталья Лесниченко, Сергей Маслов, Нина Маслова, Вольт Митрейкин, Николай Нагорный, Виталий Никифоров, Эрнст Орловский, Владимир Осипов, Владимир Переверов, Арсений Рогинский, Сергей Соловьев, Анатолий Соскин, Александр Суслов, Валерий Сухов, Таисия Тушкина, Владимир Фролов, Карл Фрусин, Виктор Шейнис, И. Г. Щербаков, Юрий Этин, Яков Юдович. Жену свою я не благодарю — это все равно что благодарить самого себя, мы с ней вместе реконструировали внутренний мир персонажей. При этом мне как человеку, немало занимавшемуся конспирацией, собственные переживания помогали "вычислять" мотивы тех, кто профессионально жил в конспиративном мире.

Книга I

**РОССИЯ
В БОРЬБЕ
ЗА КОНСТИТУЦИЮ
(1855—1905)**

Резюме книги

История России за последние 300 лет — это история увеличения территории государства, управляемого из Москвы (Петербурга), вдесятеро или больше. От "Киргиз-кайсацкия орды" до Курильских островов, от Орла-Самары до Еревана и Батума, от Курска-Смоленска до Крыма, устья Дуная, Варшавы и Либавы. При этом существенно, что на западном и южном направлениях Москва сталкивалась с **многовековыми многонациональными империями**: Габсбургской монархией, простиравшейся от Испании до Венгрии, включая Италию и сотни немецких княжеств (позднее ставших Прусской Империей); с Блистательной Оттоманской Портой, раскинувшейся от Северной Таврии и Кубани до верховий Египта и Алжира-Туниса, включая все Балканы. Оба эти имперских образования были населены различными племенами и национальностями, жившими во взвешенном динамическом равновесии друг с другом. Присоединение территорий от этих империй привело ко включению в массу православно-го населения (до того в основном **мононационального**, с островками относительно автономно существовавших казанских и астраханских татар) **сопоставимой по численности и активности** массы "инородческого" населения со своими стереотипами поведения. "Переваривание" шло обоюдно: в Петербург хлынули и греки, и малороссы, и евреи, а русские вступали в брак с грузинами, румынами, татарами и черкесами. "Переваривание" шло болезненно. Не только чужость нравов, "неправильность" языков и поклонение не тем богам или не по тому чину. Новые народности приносили в Москву свои проблемы, навязывая их великороссам. Так, малороссы принесли совершенно отсутствовавший у великороссов антисемитизм. Стиль управления страной императором не умел **угнаться** за возрастающим хаосом проблем, связанных с ассимиляцией присоединяемых территорий; в силу большей исконной

свободы поведения среди уроженцев юга, юго-запада и запада обнаружилось больше недовольных. Линия, отмечающая наибольшее число участников революционного или оппозиционного движения XIX века, проходит где-то полосой примерно от Кракова до Саратова, т. е. грубо по стыку Московии XVII века с новыми (турецкими и восточнопольскими) землями.

Эти демографические проблемы совпали по времени с "Петербургским периодом российской истории", когда центральная власть учинила переориентацию, начав с Петра следовать вприглядку европейской жизни, начав внедрять в казенный и образовательный обиход европейские ценности. Вслед за императором заговорщики-верховники 1730 попробовали и политические формы переделать по шведскому образу и подобию. И декабристы, с которых началось Движение за права человека в России, вдохновлялись идеями и идеалами Запада (хотя, впрочем, вольностью Новогорода и законностью Древнего Рима — тоже). Наконец, решительная переориентация царского правительства на "освобождение Балкан" привела к глубочайшему конфликту с Австро-Венгрией (наследницей Габсбургской Империи) и союзной с ней Пруссией. Этим было разрушено дипломатическое равновесие в Восточной и Центральной Европе, последовала Мировая война, уничтожившая монархии и в России, и в обоих немецких государствах. Неизбежным следствием Первой добавилась Вторая мировая война.

И вот на фоне всего этого в России с 1855 заметным образом возобновляется движение за ограничение самодержца в правах, за расширение прав подданных, за право подданных на социальное участие, за право жителей определять и свою местную жизнь, и внутреннюю, и внешнюю политику правительства своей родной страны — словом, **борьба за конституцию**. Об этом и книга. Главнейшие участники такой борьбы — это **социальная культура населения страны**, принятые в этой стране **формы социального диалога**. Поэтому в книге так много места отводится азам политологии. Конечно, термин "конституция" в заголовке не точен. Кто боролся "за Земский Собор", кто "за свободу", кто "за представительный образ правления", кто "за всеобщее счастье", кто "против бюрократии". Но любой из этих терминов, подставленный в заголовок и замен "конституции", уводил бы еще дальше от пони-

мания сути дела. И что такое "конституция"?! В одних странах это некий свод фраз, который может быть изменен в любой момент даже не самим парламентом, а лишь президиумом парламента. В других — это совокупность незыблемых положений, которые изменены могут быть лишь после сложно-процедурных многолетних обсуждений квалифицированным большинством парламента и его палат порознь. В третьих странах — вроде Англии — и конституции-то писаной нет, но имеется все, чего добивались наши тверские, вятские и петербургские борцы за конституцию. В одних странах конституция "октроирована" — дарована монархами народу. В других — она плод воистину общественного договора. В каком смысле понималась "конституция" и к чему стремились "борцы за конституцию", сколько было направлений в борьбе этой, для чего России был нужен тот или иной вариант "конституции" — про все это читатель прочтет далее. Здесь нужно сказать лишь следующее. Идея "конституции" не была посторонней или навязанной российскому обществу. Она восходит к славянофильской формуле "Правительству — власть, народу — мнение" и поддерживалась большинством грамотных дворян и детей дворянских. Среди детей, которые всегда нетерпеливее отцов, возобладали революционные настроения, а основная масса "отцов" добивалась права быть выслушиваемой правительством более умеренными методами земского движения. Но правительство затыкало рот и тем и тем, бессмысленными репрессиями против умеренных множило ряды нетерпеливых. Не позволяя обсуждать в печати социалистические идеи, правительство придавало им вес "скрываемой истины" и привело к тому, что к концу XIX века самой распространенной среди читающей публики сделалась идеология социализма, а в стране возникла мощная партия социалистов-революционеров. Переплетение террористических действий этой партии с независимым (гапоновским) рабочим движением и с коренным земским освободительным движением при широкой, хотя и невнятной, социал-демократической фразеологии привело к революционному взрыву 1905 года. Каждый тянул "параллелограмм сил" в свою сторону, но равнодействующая этой антисамодержавной, антибюрократической борьбы сложилась так, что "конституция"

реализовалась Манифестом 17 октября 1905 года, вылилась в победу конституционных сил.

Про то, как это происходило, подробнее рассказывается далее.

Из стиля повествования выпадает § 11. Согласно методологии, услышанной мною от Л. Н. Гумилева, изложение следует вести в такой последовательной смене масштабов: сначала как бы взглянуть на происходившее с околоземной орбиты. Затем — с птичьего полета. Затем — глазами всадника, едущего по полям, лесам и холмам. Наконец — глазами мышки в своей норке, вырытой в этом холме. При избранной мною мере подробности в изложении, конечно, не следовало бы ничего рассказывать про встречу девяти человек, считавших себя социал-демократами, в Минске в марте 1898 — таких встреч было много, и на течение **тогдашних** событий эта встреча практически не повлияла никак. Но из этой встречи для нас, живущих сейчас, воспоследовало крайне многое, поэтому, забегаая вперед и придавая **этому** событию значение **по отдаленным, а не по тогдашним** последствиям, я счел нужным остановиться на ней гораздо подробнее, нежели рассказываю, например, о народовольцах или о заседаниях тверского земского собрания. Ведь РСДРП, провозглашенная в 1898, есть символический родоначальник КПСС, и в трактате, посвященном происхождению современной власти, необходимо занимает привилегированное положение, в данном случае по уделенному ей количеству страниц.

Суть упомянутого съезда — та суть, которая только и сказалась на последующем протекании исторических событий и дошла до нас, — в том, что сложилась замкнутая в себе группа невероятно активных лиц, оторванных от жизни, но поставивших своей задачей **изменить жизнь**. Замкнутость была двоякая: в кадровом, личностном отношении это все были люди, **профессионально занимавшиеся революцией**. Они не жили общепринятой жизнью своего общества, а либо укрывались в подполье, либо оборачивались между ссылками и неустroенностью на воле, либо закреплялись в эмиграции. И они все знали друг друга, для них мнения таких же, как они, были гораздо важнее мнений и крестьян, и купцов, и львов толстых, и министров. И семьи у них создавались в той же среде.

Во-вторых, у них всех складывалась одна и та же идеология. Не важно, что идеология эта была полностью оторвана от реальной жизни. Сравнительно небольшая система фраз со словами "капитал", "труд", "прибавочная стоимость", "эксплуатация", "экспроприация экспроприаторов", "прыжок из царства необходимости в царство свободы", а для нуждавшихся в поэзии еще несколько фраз насчет диалектического превращения в собственную противоположность или об обезьяне, превращающейся в Дарвина. И этот набор фраз позволял создать правдоподобную картину мира, такую картину, в которую искренне верил любой пропагандист. Эта картина мира не требовала проводить скрупулезных изысканий, как на деле устроено общество, русская деревня и российский город. Нет, великие ученые уже нашли непреложные закономерности, и нам остается лишь применить их результаты к делу **переустройства** плохой жизни. Совершенно неграмотный чернорабочий, наслушавшись этих фраз или осилив первую главу "Капитала", осознавал себя вполне образованным человеком, презирал многоглаголанье "буржуазных ученых", которые стремятся запутать и затемнить прозрачные и простые истины социал-демократического учения. Вот эта двойная и тем самоподдерживавшаяся оторванность названной группы от страны и от мировой мысли роковым образом сказала позже, когда подгруппа сей группы обрела неограниченную власть, но об этом — позже, в кн. III.

§ 1. Россия на дату смерти Николая I

*Чиновные кадры; ссора Николая I с литературой;
Россия — государство военное и патриотическое;
военное поражение.*

Со смерти Николая I началось все убыстряющееся преобразование социальной, политической и экономической структуры Российской империи. При этом притормаживается территориальное расширение — сравните приобретения России за 60 лет до Николая I и за 60 лет после него. В начале царствования Николая I имела место вооруженная демонстрация 14 декабря 1825. На управлении в николаевской России она сказывалась главным образом изменением типа лиц, функ-

ционирующих в этом управлении. Практически все мало-мальски честное и независимое ушло в ссылку или на каторгу, или в отставку, а всякая шушера, жадно толпой стоящая у трона, вылезла на поверхность, позанимала посты, приобрела влияние. Кровопускание, устраиваемое образованным слоям страны, страшно с государственной позиции не столько из нравственных соображений, сколько с точки зрения вопроса: кто придет взамен? Обычно приходят, в изобилии приходят ("люди у нас есть, люди у нас найдутся", — говаривал Сталин в 1937), но более подлые, менее умные, менее инициативные, более бездарные. И когда, как в 1826, речь идет о **массовой** замене кадров, то это оказывает на политику неустрашимо губительное влияние. Больше конфликтных ситуаций остается нерешенными, меньшими успехами может похвастаться страна.

В подборе кадров Николай I поссорился со значительной частью общества. Он передавал основные посты управления более честным и компетентным — сравнительно с массой русских чиновников — остзейским немцам. Такие фамилии, как Бенкендорф, Клейнмихель, Нессельроде, Фон-Фок звучали при дворе столь оглушительно, что Ермолов в ответ на доброжелательный вопрос царя, чем его наградить, вызываяще ответил: "Произведите меня в немцы, Ваше Величество!" Немцы появились в России заметным образом в чиновничьем аппарате уже в XVIII веке, но тогда они еще не так раздражали русских, как в XIX веке, когда доля немцев в аппарате упала, но зато подросло много русских чиновников, которым эти немцы мешали. Мешали, в частности, тем, что были честнее, добросовестнее, усидчивее. Достаточно назвать такие фамилии, как Шлоцер, открывший русские летописи, как Даль, составивший толковый словарь русского языка. Русские же чиновники хорошо описаны в "Дубровском" Пушкина. Например, для борьбы с пожарной опасностью — бичом деревянной России — царь повелел ставить на крыши домов бочку с водой, а при ее отсутствии штрафовать нещадно домовладельцев. Так как ставить бочку и следить, чтобы она не разохлась, мыши не прогрызли, а птицы не выклевали, — хлопотно, то домовладельцы предпочитали откупаться взятками от нечасто докучавших

урядников. Если же придет проверять немец-чиновник, то всех накажет... И подросло русское дворянство, которое могло бы вполне претендовать на эти чиновные места, а то, что командуют Нессельроде-Бенкендорфы, оскорбляло и Грибоедова, и Пушкина. Отсюда всплеск ненависти к немцам у славянофилов. **Ненависть** выступила как формирующая идея. Ненависть не к иностранцам, а к обитателям и подданным той же страны.

Но еще более катастрофическое значение имело то, что Николай I поссорился с литературой. Я имею в виду тех литераторов и ту литературу, которая читалась при дворе и, шире, в слоях, потенциально участвовавших в управлении. С раскольничьей-то литературой цари поссорились давно. Николай I вовсе не был злодеем. Он не ставил целью губить литературу. Он даже на свой лад любил поэзию, беллетристику, театр. Его жена и сестра были начитаннейшие читательницы; последняя позже стала главным двигателем освобождения крестьян. Император покровительствовал Карамзину и Жуковскому. Он простил Пушкину нескрываемые симпатии к злоумышленникам, вернул поэта из ссылки. Соглашался, стиснув зубы, прощать Лермонтова, когда в того влюблялась императрица, когда Лермонтов хамил царю и влюбленной царице, когда Лермонтов фанфаронил и возрождал варварский обычай дуэлей. Но тем не менее...

Почти всем самодержцам (большим и малым) свойственно ощущение, что они разбираются и понимают в литературе. "Я могу не понимать ничего в промышленности, в технике, в стратегии, в психологии, но чего не понять в романах и стихах? Все ясно, если, конечно, это не белиберда бессмысленная, и каждый разберется!" — такова точка зрения большинства средних людей, к которым не прикоснулся Аполлон. Самодержец — психологически средний человек, а его положение позволяет ему **руководить** искусством. И вот он начинает гнуть дуги. Он спускает директивы и ценные указания: "Переделать "Бориса Годунова" в стиле Вальтер Скотта", "Выпуклее оттенить положительный образ капитана Максим Максимыча сравнительно с отрицательным образом Печорина", "За развратную (в самом деле развратную!) поэму отдать в солдаты Полежаева", "За возмутительные и подрывные (в самом деле подрывные!) стихи запретить Шевченко пи-

сать", "Запретить танцевать польку как подрывающий основы нравственности танец", к тому же танец, идущий с растленного Запада и напоминающий болезненно чутким людям о сомнительной Польше, и т. д. и т. п. А ведь гении — всегда неприятные в общении люди. И всякий гений обуреваем также какой-нибудь абсолютной чушью, которая ему, может быть, дороже всего прочего, за что он мил людям. Если их обстригать, подкрашивать, то в них убивается гениальность. А пока она еще не убита — они начинают возмущаться, писать эпиграммы на того, кто их переделывает. Если у переделывающего наличествует душевная широта, дабы снести ядовитые, чаще всего справедливые, но безмерно преувеличенные насмешки над самим собою, то за много лет он имеет шансы приручить гения. Но для такой широты духа надо самому быть гением. Самодержцы ими обычно не бывают. Не был и Николай I. Началась ценная реакция. Писатели заметили свое бесправное положение.

Собственно, сравнивая с последующим, нельзя сказать, чтобы писателям в России жилось плохо. Конечно, большим уважением они не пользовались ("писать стихи — не значит проходить великое поприще"), влиянием тоже. Но каждый желающий мог завести собственную газету или журнал или выпустить альманах, были бы деньги или хотя бы кредит. Цензура руководствовалась либеральным правилом:

не делать привязки к словам и отдельным выражениям, принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону, —

как гласил Цензурный устав 1828. Никаких **необоснованных** репрессий не было. Однако людям свойственно сравнивать свое положение не с будущим, о котором они ничего не знают, в котором им не доведется жить, а со своими желаниями и с тем, что они видят (в направлении своих желаний) в смежных странах. В Англии, Франции, значительной части Германии положение литературы и искусства представлялось куда более свободным. И вот гении начинают проклинать свою родную страну: "Догадал меня чорт родиться с умом и талантом в России" (Пушкин), "Прощай, немытая Россия!" (Лермонтов), "Будьте прокляты, москаля!" (Шевченко); сюда же надо отнести Грибоедова и Ча-

адаева. Другие проклинали не огульно, а лишь последний столетилетний отрезок истории, т. е. все с Петра I до Николая I; о них будет подробнее.

Итак, литераторы высказали, частично в подцензурной прессе, частично в самиздатной форме, свое отрицательное, враждебное отношение к николаевскому режиму. Именно те литераторы, которые остались в душе России, стали ее путеводными звездами.

Наконец, все царствование Николая I — время военных фанфар. Прославление недавних побед над Наполеоном (1812—1815) при, естественно, замалчивании позорного Тильзитского мира и дружбы с Наполеоном; громохание будущими победами; постепенное схождение с ума генералов, которым за 40 лет довелось не воевать, а восславлять свою военную мощь прошлыми победами; полная заганность штатских ("штафинок") сравнительно с офицерами; "Россия — государство военное", — соизволил изречь Его Величество. А войны-то все малые: то подавить Польшу, то усмирить черкесов, то сразиться с турками. И чем меньше ошалевшим от безделья генералам приходится воевать, тем более они свирелеют в муштре, в причинении обид штатским, в патриотическом угаре.

Россия же — страна весьма патриотическая. За выигранную войну русские готовы простить правительству и бездарность, и жестокость, и бессмысленные тяжелые жертвы, и несправедливость. Кстати, в николаевское время бездарность была на высшем уровне умеренная, на среднем — значительная; жестокость была значительная, даже порой чудовищная; бессмысленных жертв было мало, не сравнить с сожжением Москвы при Александре I; несправедливости почти не было. Патриотизм в тогдашней России был не только и не столько территориальным или национальным явлением, он был тесно связан с православием. Сознание превосходства своей истинной веры перед всеми другими вероисповеданиями внушало любому мирянину чувство своего личного превосходства над всеми неправославными: "Наша вера православная лучше всех", "Пусть немец лучше меня одет, его меньше бьют, зато у меня вера лучше всех". Вот это "зато" давало русской душе самое главное чувство гордости. Боюсь, что люди

рационалистического, технарского склада ума не оценят, насколько психически важно это "зато", как сильно оно определяло поведение рядового и нерядового участника исторического процесса. Оно оправдывало смысл бытия, причем оправдание было тем ценнее, что не требовало особых усилий от себя лично: надобно жить **как все**, по традиции, не любить чужого уклада и не тянуться к нему. Отъединенный бездорожьем, морозами, пространством, разбоями и невежеством от многоликой пугающей Европы (из которой, впрочем, пришли и огнестрельное оружие, и огурцы, и паровозы), русский человек находил в православии возвеличивающее утешение: там они все живут **неправильно**, идут **не туда**, все они наши потенциальные **враги**, а вот нам, единственно сохранившим правильную веру, т. е. спасшим самое главное для дела души, **нам** суждено стать третьим Римом, т. е. объединить и спасти мир, весь мир под главенством Москвы.

Поэтому начатая Николаем I война против Турции за право главенствовать в Иерусалиме святом для православия граде — была воспринята страной как естественная, как правильная, как "оборонительная". Но когда Николай I — брат Александра I, сбросившего с Европы иго Наполеона I, проиграл войну Наполеону III, племяннику Наполеона I, тогда вся Россия дружно возроптала. Война, начинавшаяся на турецкой территории, закончилась на территории российской. Севастополь пал. Черное море закрылось для русских военных кораблей. Кошмар и ужас. Позор. Сверху донизу все выражали негодование. Впечатление позора толкнуло мысль общества на поиски новых путей. Николаевское время, его приемы, его идеология были преданы дружной анафеме.

Прежде чем читать дальше, мы рекомендуем читателю перечитать произведения следующих авторов (полные названия даны в списке литературы в конце): Герцен, Ключевский, Лесков, Манн, Мережковский, Окуджава, Полиектов, Шевченко, Чаадаев, а также полистать "Переписку Императорской Фамилии" и "Свод Законов".

§ 2. Славянофилы проводят освобождение крестьян

*Реакционная и антинемецкая поэзия славянофилов;
письмо Константина Аксакова к Александру II;
Лев и Алексей Толстые, Некрасов; "Колокол";
крепостное право; Л. Штейн и Ю. Самарин;
19 февраля 1861.*

Ко времени "крымской войны" весьма усилилась как численно, так и персонально и идейно партия славянофилов. Слово "партия", конечно, надлежит понимать не в смысле позднейших словоупотреблений, а как неопределенно расплывчатое сочетание смыслов "настроение" и "салон". Проявление свое эта партия имела как в устной форме, так и в форме стихов, реже — романов, и еще реже — одеваний в национальные костюмы. Основное местопребывание — в Москве, "порфиноносной вдове". Вот из стихотворения Константина Аксакова "Подлец":

Но только подлости призыв
До слуха чуткого коснется,
Подлец душою встрепетается,
Мгновенно силы ощутив...

Бежит он полон весь заботы,
От скучной для него Москвы
На плоские берега Невы,
На многогрязные болота.

... православную царицу
И мать русских городов
Сменять на пышную блудницу
На вавилонскую готов!

Нигде и ни в какое время
Тому руки я не подам,
Кто чтит тот град, народа бремя,
Всея России стыд и срам.

Кто, разорвав с народом связи,
Москве и Руси изменив,
Ползет червем в столицу грязи...

Славянофилы бранились в охотку:

... Ты надежно правде следуй,
Востоку пламенно служи,

Своенародность проповедуй
И низлагай успехи лжи!..

И будь всегда ты неизменен
И дорог общине своей,
И беспощадно дерзновенен
На немцев, сукиных детей!

(это Языков "Не нашим"). Но они не только бранились. Идеология славянофилов, грубо говоря, есть идеология революционеров-старообрядцев. Все зло, которое есть в России (а его славянофилы видят немало, см. ниже), является результатом петровской реформы, петровского насилия над обществом, над родиной. Славянофилами перечеркивалась вся 150-летняя история страны, с Петра до Николая (подчеркнуто подражавшего "великому прашуру"). Предлагалось начать наново, "вернуться" к тому, что было в стране до Петра. Конкретные формы "того, что было" за давностью времен и малой гласностью давно прошедших времен, конечно, были неопределенны, и ни один из славянофилов не предлагал, в частности, вернуться к допетровским территориальным границам. Зато все они антинемецки настроены, поскольку "немцев" привнес с собой Петр. Вот пишет Иван Аксаков ("Зимняя дорога"):

...Чем глядеть по сторонам,
В чужом пиру искать похмелья
И по проложенным тропам
Идти вослед чужим стопам,
Ковать ненужные изделия, —

Пусть пелену с себя сорвет,
Пусть ближе он допустит к сердцу,
Что отзыв в нем родной найдет... —
Что чужестранец не поймет,
Что будет дико иноверцу!

Вот Константин ("Петру"):

Во имя пользы и науки,
Добытой из страны чужой,
Не раз твои могучи руки
Багрились кровию родной.

...В час невзгоды утаясь,
Скрыв право вечное свое,
Народа дух живет, таясь,
Храня родное бытие.

Народный дух поднимет крылья,
Отступников обнимет страх,
Создания лжи, дела насилия
Падут, рассыплются во прах!

Уже здесь слышны революционные нотки призыва к народу, выступающему против наследников — продолжателей пагубного дела Петрова. Еще отчетливее они в стихах Ивана ("С преступной гордостью обидных..."):

А ты, страдающий под игом
Сих просвещенных обезьян, —
Пора упасть твоим веригам!
Пусть духом мести обуян

Восстанешь ты и, свергнув бремя,
Вещав державные слова,
Предашь мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя
И воцаришь свои права!

При этом славянофилы не были слепыми поклонниками всего, что существовало на Руси. Они сознавали, что и в поступках их предков заключалась вина за нестроения, за пагубу. Почти что призывом академика Д. С. Лихачева к покаянию звучат стихи Хомякова ("Не говорите: "То былое"):

За слезы страшной той години,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждые дружины
На гибель русской стороны...

За слепоту, за злодеянья,
За сон умов, за хлад сердец,
За гордость темного незнанья,
За плен народа ...

За все, за всякие страданья,
За всякий погранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,

За все беды родного края, —
Пред Богом благодати и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!

Он же:

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели! —

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

Именно славянофилы оказались, к концу царствования Николая I, главной общественной силой, на знамени которой было начертано: **"Преобразование"**! В одном направлении — избавлении от "ига рабства" — они стяжали решительный успех, в другом — "земско-соборном" — вызвали к жизни то движение, которому посвящена наша книга. Вот чего требовал Константин Аксаков у царя, восшедшего на престол:

В Россию веруя, на бой с лукавой ложью,
В честь правды и добра, без страха ты идешь;
Верь в истину и свет, люби свободу Божию;
Свет нужен истине, мрак — прикрывает ложь.
Любовь и истину дать Русь тебе готова;
Любовь и истина надежней всяких уз:
Ты возвратишь, о царь, земле свободу слова,
И Бог благословит с народом твой союз.

Ну, это — поэзия, а вот что писал прозой он же, в записке, поданной им на Высочайшее имя Александру II в 1855:

1. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и государствовать не хочет.
2. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную.
3. Именно того, русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа.
4. Государственная неограниченная власть, без вмешательства в нее народа, — может быть только неограниченная монархия.
5. На основании таких начал зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно может и должен предлагать безвластный народ полновластному правительству, — это мнение (следовательно, сила чисто нравственная), мнение, которое правительство вольно принять и не принять¹.

¹ Правоведом предлагается сопоставить этот принцип с принципом "демократического централизма". Вообще, это очень емкое

6. Эти истинные начала могут быть нарушены и с той и с другой стороны.
7. При нарушении их со стороны народа, при ограничении власти правительства, следовательно, при вмешательстве народа в правительство, народ прибегает к внешней принудительной силе, изменяет своему пути внутренней духовной свободы и силы — и непременно портится нравственно.
8. При нарушении этих начал со стороны правительства, при стеснении правительством в народе свободы нравственной, свободы жизни и духа, — неограниченная монархия обращается в деспотизм, в правительство безнравственное, гнетущее все нравственные силы и развращающее душу народа.
9. Начала русского гражданского устройства не были нарушены в России со стороны народа (ибо это его коренные народные начала), но были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмешалось в нравственную свободу народа, стеснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло таким образом в душевный деспотизм, гнетущий мир и человеческое достоинство народа и, наконец, обозначившийся упадком нравственных сил в России и общественным развращением. Впереди же этот деспотизм угрожает или совершенным расслаблением и падением России, на радость врагов ее, или же искажением русских начал в самом народе, который, не находя свободы нравственной, захочет, наконец, свободы политической, прибегнет к революции и оставит свой истинный путь. И тот и другой исход ужасны, ибо тот и другой гибельны, один в материальном и нравственном, другой в одном нравственном отношении¹.
10. Итак, нарушение со стороны правительства русского гражданского устройства, похищение у народа нравственной его свободы, одним словом: отступление правительства от истинных русских начал — вот источник всякого зла в России.
11. Поправление дела, очевидно, зависит от правительства.
12. Правительство наложило нравственный и правительственный гнет на Россию — оно должно снять этот гнет. Правительство отступило от истинных начал русского гражданского устройства, — оно должно воротиться к этим началам, а именно: **Правительству — неограниченная власть государственная, народу — полная свобода нравственная — свобода жизни и духа. Правительству — право действия и, следовательно, закона; народу — право мнения и, следовательно, слова.** Вот единственный, существенно-жизненный совет для России в настоящее время.
13. Но как же это привести в исполнение? Ответ на это находится в самом указании общих начал. Дух живет и выражается в слове. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.
14. Итак, свобода слова: вот что нужно России, вот прямое приложение общего начала к делу, до того с ним нераздельна, что свобода слова есть начало (принцип) и явление (факт)².

письмо заслуживает анализа на фоне полутора веков с даты его написания.

¹ Иными словами, Аксаков отвергает и революцию и консерватизм, настаивая на жгучей необходимости в реформе.

² Тут (и в других местах) чувствуется гегельянство Аксакова.

15. Но и не удовлетворяясь тем, что свобода слова, а потому и общественное мнение, существует, правительство чувствует иногда нужду само вызывать общественное мнение. Каким образом может правительство вызвать это мнение?

Древняя Русь указывает нам и на дело самое, и на способ. Цари наши вызывали в важных случаях общественное мнение всей России и созывали для этого **земские соборы**, на которых были выборные от всех сословий и со всех концов России. Такой земский собор имеет значение **только мнения**, которое государь может принять и не принять.

Итак, из всего сказанного (...) вытекает ясное, определенное, прилагаемое к делу и, в этом смысле, **практическое** указание: что нужно для внутреннего состояния России, от которого зависит внешнее ее состояние.

Именно:

Полная **свобода слова** устного, письменного и печатного — всегда и постоянно, и **земский собор**, в тех случаях, когда правительство захочет спросить мнение страны.

Внутренний общий союз жизни (...) до того ослабел в России¹, сословия в ней до того отделились друг от друга, вследствие полуторастолетней деспотической системы правительства, что земский собор в настоящую минуту не мог принести своей пользы. Я говорю: в **настоящую минуту**, т. е. немедленно. Земский собор непременно полезен для государства и земли, и нужно пройти некоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрым указанием древней Руси и созвать земский собор².

Открыто возвещаемое общественное мнение — вот чем в настоящую минуту может быть заменен для правительства земский собор; но для того необходима свобода слова, которая даст правительству возможность созвать вскоре с полною пользою для себя и народа земский собор.

Примечательно, что при всей революционности тона и исприличии обращения частного лица к императору Аксаков наказан не был. Безнаказанность его может объясняться и личными обстоятельствами, и растерянностью власти в 1855, но нужно также иметь в виду большую конкретность, точность и конструктивность высказываемых Аксаковым мнений.

Припомним несколько поступков того времени. Граф Лев Толстой в негодованием обманутого патриотизма навсегда уходит с военной службы и запирается

¹ Эта оценка состояния русского общества разворачивается в очерк Р. Фадеева (конец § 5), которое я считаю **ключом** к объяснению, почему Гражданская война 1917—20 протекала так, а не иначе.

² Виден реализм Аксакова и известная политичность: созывать собор или парламент в обществе, лишенном элементарной политической культуры, бессмысленно: выберут не деятелей, а лишь бы "посидеть" — заполнить места, вроде как в Комиссию по Уложению при Екатерине II, да отчасти и на выборах 1989.

воплощенной укоризной в своем имени. Поступок? Да, но чисто отрицательный, ничего не дающий власти для исправления непорядков. Граф Алексей Толстой публикует "Князя Серебряного", написанного еще в 1849, где проводятся недвусмысленные аналогии опричнины Грозного и безобразий николаевского царствования. Но опять же власти посредством истории не дают ничего, относящегося к ее собственному поведению. Поэт Некрасов пользуется случаем лягнуть недавно всесильного, а ныне смещенного графа Клейнмихеля в своей "Железной дороге". С точки зрения власти это просто неприличный поступок осла, лягающего мертвого льва, поступок вовсе недопустимый с государственной точки зрения (и эпиграф не был пропущен цензурой). Эмигрант Герцен-Искандер издает альманах "Полярная Звезда", где славит государственных преступников, осужденных по закону за преступление 14 декабря. С точки зрения правительства подобное прославление само по себе преступно (ибо амнистия, щедро дарованная Александром II, не означала реабилитации), а с позиций тогдашнего уровня осведомленности общества насчет декабристов герценовское прославление их — бессмысленно. Ведь практически никто про них не знал и не думал. Тридцать лет — срок достаточный, чтобы изгладить из памяти даже хорошо известных деятелей, а уж тех-то, о ком всего лишь циркулировали неопределенные слухи, и того легче! Даже кабы **программа** декабристов была единой и доступной для общества в 1855, все равно она была бы неприменимой к проблемам того дня, безнадежно устарелой. Так что и "Полярная Звезда" не вызывает отклика. А вот Аксаков касается самого животрепещущего. Ведь в России отсутствовала даже минимальная возможность обсуждения в прессе общероссийских проблем, мероприятий правительства. Поучительно в этом отношении сравнить Россию с Англией, которая в определенном отношении переживала в начале XIX века большие трудности, нежели Россия: Англия продиралась сквозь мучительно болезненную начальную стадию индустриализации. Зато в Англии была широкая свобода обсуждения трудностей и болезненных явлений в жизни родной страны, допускались даже публикации явно бредовых мыслей (вроде Коббета). И Англия — потерявшая половину амери-

канских колоний, возглавляемая душевнобольным королем — **справилась** с болезнями роста, не испытыв потрясений, хотя бы отдаленно сравнимых с российскими в последующие полвека. Ну, а в России:

От молдаванина до финна на всех языках все молвить, бо благоденствуе! —

никаких обсуждений не допускалось, так что не вырабатывалось и никакой культуры обсуждения. Аксаков прямо указывает в эту точку, давит в нее одну, причем вполне политично (при всей его нелюбви к слову "политика") предлагает отложить созыв земского собора (о котором, говоря серьезно-исторически, у него имеются лишь мифически-легендарные представления) до той поры, пока общество сумеет приучиться к свободе слова. Вот эта **истина**, содержащаяся в обращении Аксакова, могла воздействовать поверх всех иерархических барьеров. Тем более что от власти в **тот момент** ничего не просилось, кроме ослабления цензуры: чтобы она разрешала высказывать все мнения, которые по субъективному пониманию высказывающего делаются в интересах счастья России. Это понятный, не требующий больших усилий шаг. И власть его сделала.

При всем том **революционность** воззрений К. Аксакова очевидна. И только недоразумением (о некоторых причинах которого см. § 9) объясняется, почему тех славянофилов стали называть "реакционерами", "консерваторами" и почему нынешние мракобесы воображают себя славянофилами.

И начались годы освобожденной печати, "а-бличительной литературы", месяцы и годы обсуждения вопросов устройства жизни, устройства общества и, даже, государственного устройства (хотя последнее в приличном виде) в подцензурной прессе. На освобождение печати в России хорошо, в резонанс, наложился "Колокол", который Герцен стал издавать, когда в 1857 приехал Огарев со своими 15 тысячами рублей. "Колокол" звонил во все колокола о взяточничестве, коррупции, некомпетентности властей. Он стал актуальным — писал о задачах сегодняшнего дня, а не о декабристах и не о французских социалистах. Можно решительно сказать, что в годы 1857—1862 Герцен выступал в России не как западник, а как славянофил;

тою своею сутью, про которую он сам писал, называя Аксакова и Хомякова "нашими":

У нас была одна любовь (...) сердце билось одно.

И далее:

Nos ennemis les amis.

Или:

Если теперь славяне не видят, что мы представляем разное, но родственное к ним направление, а с западниками — разное и враждебное, не наша вина. (...) Нам очень бы надобно было повидаться — для того, чтобы взять общие меры — настоящую линию действий.

(31.01.60. — Ивану Аксакову)

Точно таким же "нашим" в те месяцы был и Катков. Этим Герцену был обеспечен широкий прием в обществе, "Колокол" распространялся по славянофильским каналам. Кроме того, правительство, заинтересованное в упорядочении чиновного аппарата, проигравшего войну, было озабочено знанием истинных фактов, а "Колокол" помещал хорошо проверенную информацию — его информантами были лица, близкие к дворцовым и правительственным кругам. Возникло нечто вроде соревнования: кто сильнее наразоблачит — Герцен или российская печать? Они взаимно стимулировали друг друга. Такое резонансное взаимодействие подцензурной и тамиздатной (эмигрантской) прессы — редкостное в истории России явление (ср. § 13). Оно очень способствовало оздоровлению общества и уяснению обществом, что же нужно делать в первую очередь.

Нужно было освобождать крестьян.

Конечно, ужасы крепостного права (радищевские описания, Салтычиха, Сеславин) преувеличены, да и не одобрялись законом. Но сам факт лишения свободы значительной части населения России — свободы перемещения, свободы местожительства, свободы выбора рода занятий, свободы распоряжения продуктами своего труда, даже свободы брака — был удручающим. Крепостные составляли 40% от общего числа жителей страны, хотя и тогда и теперь бытовало представление, якобы "крепостные рабы — это большинство, едва ли не все население". Это значит, что 40% населения находились вне сферы действия общих законов.

всеми полицейскими правами по отношению к ним обладал барин. Экономически они находились в сложной зависимости: коли барин отпускал крестьянина на оброк, тот в отхожем промысле или торговле мог заработать даже сотни тысяч рублей, и они являлись его собственностью. Но вложить их, скажем, в покупку дома, фабрики, баржи крестьянин-крепостной не имел юридических прав. В любую минуту помещик или наследник его мог отозвать этого крепостного с оброка на барщину, а заложниками держал семью — родственников оброчного. Свободная, выходявшая замуж из крепостного, попадала в крепость. Вздором и подлогом являются распространенные утверждения, будто бы крестьяне своими волнениями и восстаниями принудили правительство поставить вопрос об их освобождении. Волнений было немного, среди крепостного населения не больше, чем среди некрепостного, приблизительно — процент "хулиганских" преступлений. При этом требований отпустить на волю крепостные никогда не выдвигали.

Следует отдавать себе отчет в "собесной" роли крепостного права: оно давало определенную страховку крестьянину. В случае болезни, старости, увечья и т. п. крепостной имел право на бесплатный прокорм в барской кухне. Если крепостной умирал, то его нетрудоспособная семья бралась на содержание баринем. Если село сгорало пожаром, то барин обязан был обеспечить погорельцев лесом для постройки. Если голод — то семенами на будущий посев. Помещику надлежало обеспечивать некоторый прожиточный минимум, давать определенное воспитание своим крепостным, для чего, в частности, содержать в имении церкви и священников. Он должен был поддерживать порядок (функции полиции в городах) и судить бытовые преступления. При небрежении или злоупотреблении в части этих функций помещик нес ответственность перед законом. Известны случаи, когда по таким основаниям имение отбиралось в опеку. Вот в некотором смысле эталонное описание разумного помещика-крепостника:

Вступив в управление имением, он прежде всего обратил внимание на быт крестьян, на их житье, стараясь, по возможности, поддерживать его и исправить недостатки. Например, не было у крестьянина лошади, он покупал ему, изба была ветха и плоха — он обществом заставлял строить, и т. д. Лентяев и пьяниц ни

мало не жалел, отдавая без разбора целые семьи в солдаты. Заботясь о материальном положении их, быть может, даже с излишком, помещик обращал внимание и на религиозный быт прихода. Например, вотчинная контора иногда делала наряды, чтобы крестьяне шли к исповеди и причастию или молебствовать по случаю бездождия. Впрочем, иначе и быть не могло. Издельная господская работа, хотя и отбывалась в три дня недели, но бывали случаи, что на нее наряжали не в очередь, и крестьяне не могли отказаться. Поэтому-то время для говения и указывала вотчинная контора.

Тем не менее безнравственность владения человеком человека, единоплеменника и единоверца, превышала в глазах образованного общества все "выгоды" от крепостного права. Об экономической и государственной сторонах этого вопроса мы еще будем говорить. Одним из ревностных деятелей по отмене крепостного права стал Юрий Самарин. Он тоже был славянофил. Он дружил с Герценом, а с К. Аксаковым, Катковым и Сазоновым даже вместе учился. Под влиянием произведения Лоренца Штейна (1842, переиздание в 1848), обосновывавшего глубинную истинность требований, выдвигаемых коммунизмом, хотя и отметававшего как карикатурные те формы проявления этих требований, которые имели место исторически, Самарин обратился к проблеме социальной справедливости в России. К 1854 он изготовил записку по крепостному праву. Столь существенное для бюрократии "право выходить на такого-то" у Самарина было громадным: будучи крестником Александра I, он имел право выходить на его сестру Елену Павловну, тетку Александра II. Умеренность формулировок Самарина в этой записке способствовала хорошему приему ее на верхах, и уже в 1856 ее благосклонно прочли Александр II и его брат Константин. Надо отметить, что "политичность" у Самарина заходила гораздо дальше, чем у Аксакова, он не предпринимал никаких конкретных форм освобождения, добиваясь только того, чтобы власть **вступила на путь** освобождения крепостных с землею.

Правительство — т. е. царь и бюрократия — и здесь с готовностью отозвалось на призыв славянофила. Александр II еще раньше испытал потрясение от прочтения повести Григоровича "Антон-горемыка" и был психологически готов к уничтожению крепостного права. Его фаворит "лукавый царедворец" Я. Ростовцев уловил это настроение, сам вспомнил пламенные речи, слышанные в собраниях декабристов

в молодости, и укрепил настроение в душе императора; Самарин был приглашен в правительственную комиссию. Царь дал понять дворянам свою волю, из чего проистекли единообразные и "единодушные" адреса от дворянства с пожеланиями освободить крепостных.

Третья из называемых нами общественных сил (первая — славянофилы, вторая — бюрократия), поместное дворянство поначалу думало отмолчаться, пересидеть "веяния". Когда комиссия принялась работать ретиво, недовольные помещики попробовали саботировать ее деятельность, подбрасывая к рассмотрению всякие казусы. И если бы не категорическая воля императора, может быть, поместное дворянство дотянуло бы до смены веяний в 1863—66. Но сверху давили, и к 1859 среди дворянства в целом возобладала другая позиция: они готовы были "продать" крепостное право в обмен на "конституцию", которая давала бы им право участвовать в управлении государством. Хотя в принципе и Аксаков и Самарин сами были за Земский Собор, именно они выступили против таких притязаний дворян, политично убоявшись, что смещение **двух** крупных социальных тем повредит положительному решению одной — "улучшить быт крепостян, не разоряя помещиков".

Четвертая сила — крестьянство — безмолвствовала.

На шестом году своего царствования Александр II освободил крестьян от крепостной от их помещиков зависимости в собственно России. За четыре года до того "по своей инициативе" литовские помещики освободили своих крепостных. Остзейские помещики сделали это еще в царствование Александра I и действительно добровольно. На польские земли Манифест 1861 не распространялся; там крепостное право отменено 19 февраля 1864 по русским законам и 9 января 1863 по законодательству Rzada Narodowego — нелегального органа повстанцев. Освобождение совершалось постепенно: растянуто на два года, с оговорками и дальнейше. Землю крестьяне получили в основном в недостаточных количествах. Но следует помнить про неравномерность России: в польско-малороссийских землях распределение земли было проведено с гораздо большей несправедливостью, в ущерб крестьянам (см. § 9). Сказалась и вековая неграмотность крестьян: во многих случаях они могли бы задешево купить себе

землю по максимальной норме, но они предпочитали получать по минимальной норме землю даром — в страхе ли подписывать бумагу, в надежде ли в будущем получить и максимальную норму даром же (свидетельство Боборыкина, Тургенева и др., описания Короленки). Вотчинное (полицейское) право помещиков отменялось с 1863.

Реальное проведение в жизнь крестьянской реформы вынесли на своих плечах мировые посредники. Это добровольцы-дворяне, которые бесплатно шли на два года, пока проводилась реформа, посредничать между теми помещиками и теми крестьянами, которые сами не могли сговориться об условиях освобождения. Идея служения народу — вообще идея славянофильская и уходящая корнями в христианскую идеологию. Она была широко распространена в России и обуславливала многие и сугубо личные, и социально значимые явления. В частности, мировым посредником ушел блестящий паж царицы Петр Кропоткин, князь, род которого восходил к Рюрику.

Освобождение крепостных было связано с некоторыми "выкупными платежами" — дополнительным налогом на крестьян на 40 лет вперед, дабы компенсировать помещикам утрату части своей собственности.

Рекомендуем полистать сочинения всех упомянутых в тексте авторов.

§ 3. Прочие реформы Александра II и анализ форм государственности

Самодержавие = абсолютизм + бесструктурность общества; принцип разделения властей в России; власти исполнительная, законодательная, судебная, военная, духовная, экономическая, информационная, медицинская, образовательная, территориальная; власть представительная или власть назначенная; реформы финансовая, земская, судебная, цензурная, университетская, духовная, городская, военная.

Уже в процессе подготовки крестьянской реформы, а еще заметнее в ходе ее реализации обнаружилось, что аппарат и методы управления непригодны для успешного решения этой задачи, что перед правительством

встанут новые сложнейшие проблемы. Одни из них удавалось решать на добровольных началах — санкционировав институт мировых посредников. Другие проблемы побуждали к новым реформам: как теперь будет поддерживаться общественный порядок среди крестьян, как с них будут взиматься налоги? Продолжала действовать славянофильская направленность на созыв Земского Собора. Дабы во всем этом разобраться, необходимо дать очерк государственного устройства Российской Империи, сравнив его с родственными формами государственности.

Форма государственного устройства называлась **самодержавие**. Это означает монархию, т. е. наследственную единоличную верховную власть, но не исчерпывается такой расшифровкой. Наследственная власть монарха может быть ограничена законами ("конституцией"), вроде как давно установилось в Англии или как в XIX веке возобладало во Франции. Может быть **абсолютной**, как было, например, во Франции XVII—XVIII веков. Самодержавие предполагает неограниченность никакими законами. ("Я не могу позволить, чтобы между моей милостью и моими подданными стояла стена формальных законов".) В то же время самодержавие (в России, в Грузии) отличается от деспотизма тем, что хотя бы словесно оно не произвольничает, не идет вразрез со "мнением народным", т. е. оно связано с некоторыми ограничениями в нравственном и традиционном смысле; об этом и писал Аксаков. Конечно, попадаются самодержцы вроде Ивана IV и Петра I, не стесняющиеся отправить на тот свет родных сыновей. Но и они почитают нужным **оправдывать** себя: "А зачем она¹ не одетой ходит?" Или: "А зачем он² умыслил противу Государства Российского?!" Им все же неловко просто, на манер шаха Аббаса персидского, констатировать: такова моя воля! Всех детей перережу своих, чтобы не дожидались моей смерти! Самодержавие отличается от абсолютизма тем, что в абсолютной монархии такие неписанные ограничения шире: появляются экономические и нало-

¹ "Она" — жена царевича Ивана Ивановича, при защите которой он изнурялся Иваном Васильевичем и был убит (смертельно ранен) царевич.

² "Он" — царевич Алексей Петрович, убитый Петром, дабы помешали ему дети от новой жены, Екатерины.

говые, многочисленные нравственные и традиционные. Наконец, самодержавие отличается от абсолютизма **слиянием** различных "властей" и наложением этого слияния на **бесструктурность управляемого общества**.

Эти две характеристики заслуживают более подробного разбора. Монтескье в XVIII веке развил учение о трех "властях", от равновесия которых зависит процветание общества. Он усматривал власть **законодательную**, власть **исполнительную** и власть **судебную**. Законодательная власть издает законы, т. е. общие и безличные предписания о правилах поведения людей и людских ассоциаций. Исполнительная власть исполняет эти законы, применяя их к конкретным личностям: кого отправить на виселицу, кого обложить налогом. Поступает не произвольно (не по "усмотрению" или "по правосознанию"), но **руководствуясь законом**, который **не она** устанавливает. Судебная власть разрешает конфликты, возникающие между гражданами (я отравил твои хлеба), между гражданами и исполнительной властью (спору о нормах налогообложения), между гражданами-подданными и законодательной властью (я убил, хотя законом сказано "не убий!"), между исполнительной властью и законодательной (губернатор издал обязательное распоряжение, противоречащее закону). Судебная власть также полностью отделена от законодательной и исполнительной: судья не участвует в издании закона и не приводит приговор в исполнение. Исполнительная власть не имеет права сместить судью, судья не может сместить судебного исполнителя, законодательная власть не в силах прибавить или убавить жалование именно такому-то судье, и т. п. Эти три "власти" — или, как мы станем говорить далее, **институты** — разделены, но контролируют друг друга. Известно, что любая власть стремится к саморасширению, к подминанию под себя всего, что удастся. Это стремление сопровождается тенденцией подменить первоначальные задачи, стоявшие перед этим органом власти, задачами, которые рождаются из цели удобства функционирования этого органа власти (хотя бы такое удобство и противоречило первоначальной задаче). Согласно теоремам кибернетики и наблюдениям психологии — таково свойство всего живого. Монтескье полагал, что **равновесие** независимых, но взаимонадзирающих институций гарантирует их неиспорченность, не позволит им уклониться

от первоначальной цели, каковую для государства он видел в поддержании благосостояния общества, поддержании и усовершенствовании взаимоприемлемого общежития.

Монтескье не включил в свою "равновесную социологическую модель" многих других институций ("властей"), которые уже существовали в его время во Франции: духовная власть (католическая церковь), экономическая власть, информационная власть (пресса, позже из-за неудачного перевода получившая наименование "шестая держава"), военная власть. Некоторые из институций возникли позже: медицинская, образовательная. Соотношения между этими институциями бывали разными в разные времена: например, вплоть до 1830 информационная власть находилась во Франции в существенной зависимости от власти исполнительной, тогда как в США, напротив, исполнительная власть зависит от прессы. В среднем можно сказать, что в обществах с развитой внутренней структурой перечисленные 9 институций не зависят друг от друга в своих низших и средних звеньях. Абсолютная монархия на Западе означала, что до четырех из девяти этих институций возглавлялись одним лицом — монархом. При этом, за редчайшими исключениями, духовная власть **не возглавлялась** королем (кроме случаев "королей-тиранов"), а экономическая институция никогда не подпадала под владычество короля.

Самодержавие в России отличалось гораздо большим сращиванием различных институций на **среднем и низшем** уровнях. Невычлененность институций, неформальность различных властей, их функций и прерогатив заметно отличает самодержавие от абсолютизма. Это в первую очередь сопряжено с низкой структурированностью самого общества. Это связано с генезисом Московского государства: существовали независимые Тверское княжество, Рязанское княжество. Московский князь завоевал их — и они как общественная структура **исчезают**, не сохраняя даже автономии, хотя бы налогового самоуправления. Новгородское государство исчезло, не сохранив даже своего населения, которое было депортировано еще Иваном III. Отдельное самоуправление сохранили — как ни парадоксально — только мусульманские подданные в бывших Казанском и Астраханском царствах. Самоуправление весьма условное, огражденное иноязычием

и иноверием. То же относится к Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Зато одноязычные (почти) и единоверческие союзные государства — Донское казачество, Запорожское казачество (Украинское гетманство) и др. — напротив, исчезают с политико-дипломатической арены, не сохраняя никаких прав по самоуправлению, кроме бутафорских. Примечательно, что это разрушение внутренней структуры на Украине началось еще при Богдане Хмельницком, едва лишь он отделился от Польши: он сразу же отменил автономию городов — магдебургское право, которым самоуправлялись мещане (городские обыватели) под властью польских королей. Затем цари московские и петербургские ограничили власть гетманов, упразднили оных вместе с "парламентом" (круг сечевых казаков), а потом и вообще обратили в крепостных практически все сельское население Малороссии.

Кроме **территориальной** структуры общественная организация знает еще **профессиональную** организацию. Так возникали на Западе еще в XI—XII веках гильдии (сейчас бы сказали "профессиональные союзы") по ремеслам, профессиям. Торговые гильдии вырастали даже до территориальных объединений, как Ганзейский союз от Гамбурга до Пскова. Действовали рыцарские ордена, монашеские ордена. Жили университеты как самочинные объединения учащихся и учащихся, со своим уставом и судом, независимые от магистрата того города, где расположен университет; они возникли в XII веке. В России ничего подобного не было, кроме монастырей, которые в силу организации духовной власти в стране тоже подчинялись царевой воле. Низкая структурированность управляемого общества хорошо состыковалась с нерасчлененностью властей, они друг друга "поддерживали".

На организацию общественной власти можно посмотреть и под другим углом: задаться вопросом о том, носит ли та или иная власть **представительный** или **назначенный** характер? При короле может быть Государственный Совет — члены его назначаются ли королем? Или попадают в него уже в силу положения в обществе, при дворе? На время или пожизненно, т. е. могут оставаться даже против воли короля? Образцом сложного назначенно-представительного властного органа при короле служит палата лордов в Англии. Образцом исключительно представительного властно-

го органа — палата общин. Представительным органом, который даже избирал короля (но уже пожизненно), был Польский сейм (Сейм Ржечи Посполитой, т. е. республики, Rzecz Pospolita, Res Publica). Так обстояло дело с верховной властью. Но выборность — представительность как противопоставленные значенности возможны и на низовых или средних этапах управления. Так, штат полицейских чиновников сверху донизу назначается министром, в принципе — царем. А милиция в Соединенных Штатах возникла как выборный вооруженный орган народа, и шерифы выбирались и позже. Мэры, бургомистры, даже полковники в США в начале XIX века — выбирались. Губернаторы, сенаторы, судьи в России — назначались сверху. Выборы, конечно, тоже варьировались. Порой к участию в выборах допускалось ничтожное число жителей; например, в той же Польше практически только знатное католическое дворянство, т. е. шляхетство. В Северо-Американских Соединенных Штатах — почти все взрослое (после 21 года) мужское оседлое население. В Англии одно время не допускались к выборам лица, по найму работающие на другое лицо (ведь очевидно, что последнее может принудить первое голосовать в свою пользу). Процедура голосования тоже различалась: двухступенчатая, прямая. Принятым считалось решение, за которое подано простое большинство от присутствующих, простое большинство от всех имеющих право голоса, большинство $\frac{2}{3}$, большинство $\frac{3}{4}$. Американские правоведы уже в первой половине XIX задавались как актуальным вопросом **обеспечения прав меньшинства**. В России и в Польше господствовала славянская широта: решения принимались на сельских сходах и на заседаниях Сейма только **единогласно**.

Эти изложенные мною сведения играли определенную роль в общественно-политической мысли России тех лет: за развитием представительных ("республиканских") учреждений во Франции следили в России пристально все от царя до Герцена. Английскую систему знали от Каткова до шефа жандармов Шувалова. Из-за того, что в крымской войне С.-А. С. Ш. поддерживали Россию против Англии, в русском обществе проснулся горячий интерес к ним, и все аспекты их политического устройства излагались в прессе и обсуждались. Позже революционеры в тюрьмах выстав-

ляли в окна американский флаг. Славянофилы внимательно — хотя по очень недостоверным источникам — прослеживали историю земских соборов в России. Могли сказаться и отрицательные результаты чрезмерного расширения избирательного права в двух политических экспериментах: заговор верховников 1730 и плебисциты Наполеона III. В первом случае 200 дворян возмутились, что семеро "верховников" вырвали у Анны Ивановны конституцию в пользу "только себя". Шумное собрание сотен дворян возжелало прав и себе тоже, обличая в своекорыстии и других аморальных качествах горстку. В результате **никто** прав не получил, восстановилось самодержавие с последующей бироновщиной. Наполеон III, дабы победить своих соперников республиканцев, основные акты государственного строительства выносил не на обсуждение Палаты Депутатов (избранной довольно ограниченным избирательным правом), а на утверждение-неутверждение **всем народом Франции** посредством плебисцита-референдума. Неграмотный и не разбирающийся в правоведческих тонкостях народ, конечно, поддерживал державную простоту Луи-Бонапарта, и вместо республики утвердилась Империя. Б. Чичерин — работавший как раз в эти десятилетия крупнейший российский правовед — полагал, что все относящееся к сфере управления, общественной организации, социальных ценностей в России является не плодом трудов и развития **общества**, а продиктовано свыше, **властью**. Он полагал, поэтому, что в деле преобразований и на этот раз государство должно идти впереди, а общество и народ — за ним, не подталкивая и не сталкивая.

В самом деле, даже экономическая власть, т. е. обладание собственностью, в России носила характер не **неотъемлемых прав**, а дарованного свыше. Уже Иван IV считал себя вправе переселить ни в чем не провинившихся дворян-бояр из одного уезда в другой, дабы освободить "земские" земли для "опричного поселения". Он выступал верховным владельцем земельных угодий. И хотя Петр III формально закрепил землю за помещиками, Александр II счел себя вправе перераспорядиться этой землею и часть ее изъять у помещиков в пользу крестьян (бесплатно или по установленной **не владельцем** принудительной таксе). Петр I посягал на обличье людское: насильно брил бороды попавшимся на глаза бородачам, а Николай

— на одеяние: запрещал при дворе появляться в очках, в Петербурге — в лапсердаке.

Ясно, что сам император не мог, физически не мог управлять всем в стране. Но юридически правил именно он, причем в указанном невероятном объеме. Когда урядник на ярмарке запрещал торговать лошадьё, потому что у нее зубы не те, или хвост не так подвязан, или уздечка неправильная, урядник вмешивался не от своего имени, а на основе Высочайше утвержденных Правил организации ярмарок (1840). Легальных средств противодействовать Правилам не было ни у продавца, ни у покупателя, оставалось единственное — взятка уряднику. Ведь тот мог и конфисковать "неправильную" лошадь — по тем же правилам! Так самодержавное слияние властей влекло за собой коррупцию властей. И отношения населения с властью превращались в отношение отчужденности, переходящей в надувательство. Уже в письме К. Аксакова чувствуется этакое брезгливое отношение к "власти". Еще сильнее отражено это в известном выражении "казенные поставки", означающем быстрое обогащение посредством не вполне честного выполнения заказов казны. До чего простиралась такая нечестность, видно хотя бы из хрестоматийного примера: героическим защитникам Севастополя поставлялись сапоги на картонной подошве!

Эта система управления нуждалась в радикальной перестройке. И царь — отчасти под воздействием славянофилов, отчасти по инерции уже затеянной крестьянской реформы — начал кардинальную перестройку своей системы управления. Надо отметить, что Александр II в отличие от Александра I не получал специального образования в вопросах государственного устройства ("политологии"), ему республиканец Лагарп читал лекции на основе теории Монтескье. Поэтому психологически он не был готов к проведению реформ (скорее, он им сопротивлялся внутренне), тут он полагался больше на своих приближенных советчиков. Тем не менее в 1862 была проведена финансовая реформа. В 1863 — земская реформа. В 1864 проведена намеченная еще в 1862 судебная. В 1865 — цензурная. В 1870 — реформа городского самоуправления. В 1871 — военная. Были еще университетская и духовная.

В результате государственная и общественная, экономическая и духовная жизнь России заметно измени-

лась. Преобразования тех лет по праву именуются **Великой Реформой**. У общества появилось больше возможностей к самостоятельному развитию личностей, ассоциаций, сословий; к выявлению и уяснению взаимодействующих различных интересов. Сложность (структурированность) общества возросла. Тем не менее **самодержавный** характер власти не изменился: по-прежнему царь принимал решения на основе докладов ему министра (каждого порознь, никакого коллегиального предварительного обсуждения "всеподданнейшего доклада" не предусматривалось¹). Принимал решения, не ограниченные никаким писаным законом. В частности, юридически царь мог бы отобрать назад все права, данные Великой Реформой, — и такое едва не случилось в 1889—1890, см. § 5. Некоторые реформы мы будем подробно разбирать в других параграфах, либо же они стоят в стороне от нашего повествования. Здесь задержимся на двух: судебной и финансовой.

"В судах неправдою черна", Россия получила новые суды. В отличие от земской реформы, судебная проводилась при почти полном игнорировании национальных традиций, почти целиком система судопроизводства была скопирована с Запада. Суд присяжных, полная состязательность обвинения и защиты, обширные права адвокатского сословия, гласность, доходящая до смакования в газетах эпизодов судебного расследования, — все это, налагаясь на бескультурие и нечестность, весьма сильно компрометировало новые суды. Сплошь да рядом по неумелости вопросов, которые председательствующий суда ставил перед присяжными, те оправдывали заведомых преступников (как бытовых, так и политических). Адвокаты за бешеные гонорары брались защищать и изыскивали казуистические уловки, дабы вопреки совести защитить самых отъявленных мошенников. И в то же время возможность вмешательства и злоупотребления верховной власти сохранялась, так как целые категории дел (преимущественно политических) были изъяты из нормального ведения суда. Да и административно (без суда) налагаемые наказания ничем не отличались от

¹ Психологически очень достопримечательно, что Сталин тоже терпеть не мог, когда члены политбюро **согласовывали** свои мнения прежде, чем идти к нему с докладом; он предпочитал, чтобы они выходили на него **порознь**.

частую от судебных приговоров. Поэтому новые суды не пользовались популярностью ни у населения, ни у пишущей братии, ни у правительства.

В финансах у России был порядок, рубль стоял неколебимо, он не только свободно обменивался на золото, но иностранцы платили за рубль выше номинала. Зато грозно подступала налоговая проблема. До сих пор подати с крепостных крестьян собирались посредством помещика. Теперь надо было наладить налогообложение 40% населения страны, предусмотреть ставки, процедуру собирания, санкции за недоимки, хозяйственные последствия санкций. Попутно пересматривались прежние налоги. В частности, старообрядцам разрешили в некоторой мере легализоваться, обложив их за это **двойным налогом**. Это, в свою очередь, стимулировало превращение раскольников в класс купцов-промышленников. Налоговая политика очень зависит от экономики страны и от нравственности ее населения. Подати собираются деньгами. Деньги возникают только в результате **товарооборота**, а именно товарооборот в российском хозяйстве был мизерен. Урожайный год мог принести крестьянину разорение, потому что тогда падали цены на хлеб (преимущественно вывозимый за границу), а следовательно, за продажу урожая крестьянин не получал денег, достаточных для расплаты с казной. Историческое единобразие природных и климатических форм жизни в России привело к фактическому отсутствию внутреннего рынка; в терминах математической экономики матрица торговых связей между 10—15 основными районами страны имеет практически (при разумном округлении) диагональный вид, за исключением Юго-Западного (Польско-Малороссийского) и Кубанско-Черноморского регионов. Последний же имел более тесные связи со Средиземноморским регионом, нежели с остальной Россией. Поэтому очень трудно было изымать деньги, могущие быть изъятыми в виде налогов. С другой стороны, уже довольно основательно укоренившаяся в С.-А. С. Ш. и некоторых европейских странах практика **подоходного** налога, сторонником которой в России был министр внутренних дел Палуев, не могла быть введена в стране из-за высокой доли нечестности населения. Доходы систематически занижались. Налоги с **объявленных** торговых капиталов и компаний были бы несуразно малыми, заведомо

не отвечающими реальным доходам этих компаний. Проводить же гласное расследование подлинных доходов означало бы нарушение коммерческой тайны и было бы на руку конкурентам. По этим и по другим причинам подоходное обложение в России не было введено.

Рекомендуем почитать сб. "Великая Реформа", книги Монтескье, Московита, Черепнина, Янова.

§ 4. Революционность шестидесятых годов

Разночинцы вместо дворян; Чернышевский — личность, пропаганда, процесс; гнусная роль царя; о социальной культуре; моральное и идейное содержание социализма XIX века; социализм и Достоевский; социализм и Самарин; собственность в России; Лавров.

Прежде всего, были ли в России 1855—1865 какие-нибудь реальные признаки революционной или предреволюционной ситуации? Массы или толпы, или хотя бы боевые дружины, готовые выйти на улицу на демонстрации, баррикады, на штурм Петропавловской крепости? Развал в правительственном аппарате был? Кадры партизанских отрядов на манер гарибальдийцев имелись? Нет, ничего этого не было. "Революция" гнездилась тогда только в мозгах отдельных пишущих людей да в мозгах же раздраженной этими писаниями власти. Номинативный характер общественной психики¹ русской нации приводил к тому, что книжкам и высказываниям на эти темы и та и другая сторона придавали несоразмерно большое значение, не отвечающее месту этих высказываний в действительной жизни и общественных отношениях. Если сформулировать очень коротко, то можно сказать, что "революционеры" шестидесятых годов — это те начитанные и пишущие люди, которые по сословному положению были

¹ Номинативный противопоставляется достижительному признаку. Он отвечает пословице: "Хоть полы мой, да тряпкой не называй", тогда как "достижительный" — пословице: "Хоть горшком назови, да в печь не ставь". Номинативный характер психики придает первостепенное значение номинальным общественным ценностям, без учета их реального веса.

лишены возможностей Аксакова и Самарина, но жаждали принять социальное участие в вершащихся переменах и за это желание заметно пострадали от властей предрежущих. Еще короче — те, что суетились вокруг крестьянской реформы, не оказывая на ее продвижение никакого воздействия.

Кроме круга Аксаковых, Бакуниных, Боткиных, Герцена, Грановского, Кавелина, Каткова, Киреевских, Огарева, Николая Сазонова, Юрия Самарина, Станкевича, Хомякова существовал еще практически не пересскавшийся с ним круг лиц, недовольных режимом власти Николая I. Это разночинцы, семинаристы. Наиболее важен из них для истории — Иринарх Иванович Введенский, хотя по формальным критериям он в слюшари не попал. Сын священника, он рано пришел к убеждению, что **все говоримое попами** — ложь, и выработался убежденным атеистом. Быстро уволился из духовной академии и стал слушать лекции Грановского в университете. Получил образование, служил инспектором военно-учебных заведений, читал курсы по литературе во всех женских столичных заведениях. Был он красив и красноречив, в него повально влюблялись. Сам он рано ослеп, умер через два года — в 1855, не успев дожить до 50 лет. Так что он даже и не участвовал формально в революционном агитационном шестидесятих годов, но успел воспитать сотни индигиристически настроенных молодых людей и девиц. Он был безусловный поклонник Запада, веровал, что **вся правда приходит только с Запада**, начисто отрицал российскую действительность. Он вполне мог бы увлеченно декламировать стихи В. С. Печерина:

Запад! Запад величавый!
Запад золотом горит!
Там венки виются славы!
Доблесть, правда там блестит!

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всевышнего десницу возрожденья!

Примерно так же были настроены Благосветлов, Добролюбов, Елисеев, Лавров, Михайлов Михаил Илларионович, Некрасов, Писарев, Серно-Соловьевичи, Соболев, Чернышевский, Шелгунов Николай, баронесса Штигеншнейдер. Некоторым аналогом приличной

роли сестер Бакуниных в первом из списков являлась неприличная роль Шелгуновой (урожденной Михаэлис) применительно к Михайлову, А. Серно-Соловьевичу и Шелгунову. Всматриваясь в это различие, видишь первую ступеньку, по которой

Из строгого стройного храма
Ты вышла на визг площадей,
Свобода, Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Когда дочь Герцена в истории с Нечаевым обнаружила себя спустившейся на эту ступеньку, она навсегда порвала с революционерами и вычеркнула из памяти все годы близости с ними.

Как правило, все эти люди были людьми одаренными. Они требовали себе социального участия. И, как правило же, они не умели просто жить. Герцен — умел, Самарин — умел (при всем их диаметральной отношении к женщинам). Катков — умел. А Чернышевский, Лавров, Михайлов — не умели, каждый по-разному. Я не буду разбирать их всех, задержусь на Чернышевском, ибо его значение для последующего несопоставимо со значением кого бы то ни было другого.

Чернышевский был публицистом, т. е. политиком, сублимировавшимся в журналистику. Надо сказать, что у него не было устойчивой социальной или политической программы, что уже стали отмечать и советские историографы. Он порой писал почти прямо противоположное тому, что сам же публиковал несколько недель назад. Одно у него прослеживается отчетливо — **конфронтация с правительством**. Указания на нелепость, половинчатость, медлительность, обманность бюрократических мероприятий. Он предлагал — отталкиваясь от правительственных или дурных опубликованных в прессе проектов — свои радикальные меры. Шаги, нацеленные на благоденствие России, на повышение уровня жизни ее населения, на раскрытие культурно-научного ее потенциала. Порой — почти социалистические, иногда — глубоко несоциалистические по духу. Он добивался, чтобы его "призывали и выслушали", а его не призывали и не выслушивали. Напротив, выносили "Современнику" предостережения за переход границ дозволенного в журнале. Он и позволял себе совершенно хамские выходки. Так, опублико-

вал письмо к царю, к которому вообще нельзя обращаться без предварительного царского дозволения! К которому нельзя писать в прессе! Он же — именуя царя "милостивый государь", словно это был его партнер по Шахматному клубу, которого он просил подвинуть стул в сторону, — напечатал длинное обращение, в котором учил царя, как следует поступать в таких-то и таких-то случаях. Очевидно, что царь и читать не пожелал сего дерзостного сочинения, а "Современник" был закрыт на столько-то месяцев. И сами поучения Чернышевского в этом произведении вскоре утратили свою актуальность. Но с этих "Писем без адреса" можно датировать начало того жанра в российской политической словесности, когда публикуемое произведение пишется **ни для кого**: его формальный адресат не имеет значения, а читать его предназначены совсем другие, и с иным пониманием контекста, нежели формально написано.

Всякая власть держится людьми, и эффективность функционирования власти определяется в первую очередь тем, как и какие кадры подбираются этой властью для себя. Английский принцип подбора кадров: если человек нас ругает, надо дать ему возможность проявить себя. Чем активнее ругает — тем более важный пост следует ему давать, то-то будет ему сраму, если опозорится, не справится, и ему придется уйти! Этот принцип исходит из понимания власти **как ответственности** перед управляемыми. Русский принцип подбора кадров исходит из понимания власти **как кормушки** ("кормление", по формулировке Ключевского). Ругающий власть не имеет шансов попасть во власть. Только поддакивающий продвигается по службе. Активные, самостоятельные люди пугали администрацию. Лейтмотив писаний Чернышевского: призовите **нас** к управлению, и мы укрепим монархию! Это понимал А. К. Толстой, который язвительно советовал: мол, для пресечения смуты надо всех нигилистов наградить орденами, тогда они из врагов власти сделаются ее союзниками. Но власть не понимала, что для государства дешевле **купить врага**, нежели запустить или уничтожить его. Напротив, она создавала себе врагов; это российская бюрократия всегда умела делать крайне успешно.

Вот история с Михайловым. Средненький переводчик, ничем не замечательный в литературном мире

человек был арестован по подозрению в написании действительно безобразной и кроважной листовки; на деле ее писал муж его любовницы. Михайлов принял написанное на себя, был осужден к каторге, по дороге туда написал пронзительные стихи:

Смело, друзья, не теряйте
бодрость в неравном бою,
Родину-Мать вы спасайте,
честь и свободу свою! —

ставшие на много десятилетий словно бы гимном революционеров. На каторге быстро умер, став легендой. Кабы вместо сего уголовного преследования правительство опубликовало бы сам текст листовки и высмеяло ее содержание, общество отвернулось бы от автора и от распространителя, руки бы не подавали.

А так — репрессии никого не останавливают. Напротив, арестованный Заичневский в полицейском участке сочиняет еще более яростную листовку. Чернышевский также вносит свой вклад в призыв (**ни к кому не обращенный реально!**) отсечь 100 000 голов ради какого-то блага. Почему столь кроважны были эти, не пользовавшиеся никакой популярностью ни у кого (за исключением жандармов с царем во главе) листки? Да потому, что "страдание хочет причинять тот, кто сам страдает". Эти интеллигенты и полуинтеллигенты страдались от цензуры, и им хотелось матюкаться — как в ссоре, бранясь, пожелаешь и смерти, и чертей, и лихоманки противнику. Отсутствовали и условия социального диалога, и не было предварительной культуры социального диалога, а первое, что подворачивается раздраженному человеку на язык, — брань и угрозы. Резкие и порой бесчеловечно-кроважные **фразы** революционеров 60-х годов никоим образом не отражают их **поведения**. Чернышевский, Заичневский, Михайлов писали про террор **главным образом**, теоретизируя, сами никого в жизни не убивши, не пославши никого на убийство, не приступив ни на шаг к созданию заговорщически-террористических групп. Собственно, и дела у революционеров той поры не было никакого, что прекрасно высмеял Лесков в "Некуда": сидит эдакий эмиссар революции и строчит диспозиции, как поступать в намеченном на такое-то число всеобщем крестьянском восстании, а никто его диспозиций не читает, а контактов у него с крестьянством никаких.

В истории с Чернышевским поведение правительства еще возмутительнее. Хотя он бесспорно писал прокламацию, следственные органы, обладая крайне низкой квалификацией, не сумели юридически значимо доказать его авторство (или причастность). Поэтому пошли на подлог, дабы суд имел предлог осудить Чернышевского, хотя бы на основе подложного, но "документа". Приложил руку и Александр II, все время лично курировавший дознание по Чернышевскому и отягчивший приговор ему. В результате в коллективном сознании сохранилась светлая память о героине Михайлове, о великом публицисте и теоретике Чернышевском, которые, мол, что-то провидели, за что их несправедливо покарало правительство. Так ширилась, углублялась и каменела та ссора, что началась между Николаем I и российской литературой. Даже высмеивавший Чернышевского граф А. К. Толстой изрек Александру II: "Русская литература надела триур по Чернышевскому", — и больше не мог появиться при дворе. Этот отказ от сотрудничества интеллигенции с властью приведет к тому, что в 1916 власть окажется в **полной** духовной изоляции и справа и слева. Дело Чернышевского протекало на фоне одновременного дела "32 лиц, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами", из которых самым крупным был Н. Серно-Соловьевич, умерший на каторге.

И во всех этих суматошных переплетениях также происходила низкая социальная культура России. Одним из проявлений неразвитости форм социального общения служит **несклонность к компромиссу**. Русские люди не умеют договариваться между собой¹. Фактом является, что русские гораздо чаще и охотнее шли на мученическую гибель, на геройские страдания, на подлость и безграничное покорство, на истребление несогласных, нежели на открытое обсуждение разнонаправленных интересов и на приискание **взаимоприемлемого** решения. **Обличать** — гораздо более в духе русской истории, нежели **договариваться**. Среда, традиции, привычки, практика — все побуждает скорее поругать-

¹ Связано ли это с тем, что они не умеют представить себе чуждый мир другого **отличным** от своего собственного внутреннего мира; или с тем, что они ценят **свои** интересы существенно выше интересов партнера; или с тем, что им **неловко** называть вслух свои собственные интересы и открыто их домогаться, — не знаю, и не место здесь вводить в обсуждение этой интересной проблемы.

ся или притерпеться, нежели договариваться и "торговаться". При договоре всегда присутствует сложность ситуации, наличие нескольких равноправных устремлений¹, тогда как при обличении картина крайне простая: я, полностью правый человек, указываю на пороки со мной несогласных. Из-за неумения эффективно общаться "по горизонтали" — с равными, в России стремление к социальному участию зачастую выливается в общение "по вертикали", т. е. по начальству (жалобы, доносы, письма в газеты, приказы, распоряжения, указы); это тоже проявится в организационных замыслах совсем неграмотных деятелей среди революционеров. Но главное в том, что стремление обличать и преклоняться воплощалось в поведении авторов прокламаций и в возникновении культа героев-страдальцев. В силу фактического отсутствия коллегияльного правительства в стране и в силу политической необразованности Александра II правительство усугубляло эту беду, хотя отдельные лица, вроде Каткова и Чичерина, даже обсуждали проекты писем в правительство против репрессий, конкретно против ареста Михайлова. Не с заступничеством и не с солидарностью, а именно по поводу нецелесообразности репрессий.

В случае с Чернышевским исторические последствия всего сказанного вышли еще значимее, нежели в случае с Михайловым. В крепости он сочинил — полная оторванность от жизни способствовала социалистическим мечтаниям — роман "Что делать?", насыщенный идеями и пропагандой именно социализма. Ореол мученика, статус "посмертного голоса" у романа стимулировали укоренение именно социализма в качестве доктрины-идеологии описываемых в этом параграфе кругов, а позже — всех профессиональных революционеров России и широких слоев сочувствовавших их мечтаниям либералов.

¹ Поучительно в этом плане провести сравнительное исследование русского и английского юридических языков. На русский крайне трудно переводить сослагательные наклонения (английского, латинского, французского, немецкого), характерные для юридических документов. Нет возможности грамматически отразить отличие "se" от "ist", передать "alleged" и т. п. Передача же в переводе грамматических форм посредством лексем "де", "мол", "словно", "будто", "якобы", "дескать" делает текст нарочитым, несколько оскорбительным в адрес цитируемого контрагента.

Социализм — это вопль доиндустриализованного общества, переживающего первые шаги вхождения в общество индустриализованное: разорение мелких земельных собственников и ремесленников, крах всех социальных статусов перед лицом денежной эффективности, фабричная дисциплина труда, создание класса людей, не имеющих ничего кроме своей рабочей силы, создание резервной армии безработных. Социализм — это великая мечта чувствительных сердец. Социализм — это правомерная реакция на обнаженный эгоизм капитализма¹, который с конца XVIII века порождал одну за другой социальные несправедливости, плодил и множил класс неимущих, грозил все большими и большими социальными потрясениями. Социализм — это утопическая наука о том, как надо переустроить капиталистическое общество, поклоняющееся презренному идолу частной собственности. Анфантен, Блан, Бланки, Годвин, Кабе, Консидеран, Ламартин, Ламенне, Миркс, Оуэн, Прудон, Сен-Симон, Фурье — вот какие имена уже звучали к 1860 под знаменами социализма.

Обратим внимание — теоретиками социализма были европейцы: англичане, французы². Запад — с его свободой, отчужденностью, отсутствием патриархальности, с его эффективностью-достижительностью, уважением к собственности и безжалостностью к проигравшему, к разоренному, к неудачнику — заставлял задуматься наиболее чуткие или чувствительные умы: а как же быть с заповедью "возлюби ближнего"? А что случится, если обездоленные выйдут на улицу — на баррикады, как в Париже; на демонстрацию, как в Лондоне? Не ухнет ли тогда катастрофически совре-

¹ Следует проводить терминологическое различие между капитализмом и индустриализмом. Капитализм есть одна из форм индустриализма, а так как в начале XIX века это была единственная его форма, то у нечетко мыслящих авторов или у тех, кто по цензурным соображениям вынужден был изъясняться обиняком, в России тех десятилетий почти никогда не делалось между этими разными социально-экономическими явлениями разницы. Это станет особенно существенно к концу XIX века. В полемике, есть ли в России капитализм, явления индустриализма будут эсдеками выдаваться за наличие капиталистических отношений, а невнятность терминологии поможет утвердить бессмыслицу.

² Бакунин и Герцен, конечно, из России и склонные к социализму. Но они шли в числе учеников и поклонников, а не теоретиков или новаторов. Лишь позже Бакунин стал рассматриваться как основатель одной из линий социалистической модели — анархизма.

менное общество? Не убиваем ли мы в себе самих человеческую душу, терпя наличие голодных, безработных, по 14 часов работающих девятилетних детей? Как переустроить общество, чтобы этого — не было?!

Промышленность, бурно развивающаяся на Западе ("первая промышленная революция", изобретение и внедрение паровой машины) в условиях полной или относительной свободы (фритредерство — free trade, laissez faire) от исполнительной власти, вызвала некоторый перекося в соотношении властей — экономические аспекты сделались более значимыми, нежели юридические, нежели сама исполнительная власть. "Деньги правят миром", — звучало все чаще и все ближе к истине. Бессмертная заслуга социалистической мысли в том, что она выявила зависимость всех общественных институций от экономической силы.

При этом еще не сформировалось никакой институции, которая выражала бы интересы самих трудящихся по найму: профсоюзной власти в это время не существовало, а средневековые гильдии давно отмерли. Более того, поскольку законы и не предусматривали ее, а промышленникам она была бы враждебна, исполнительная власть **препятствовала** возникновению рабочих союзов. Это в Европе. В России же всякие "союзы" были запрещены. Фурье образно обрисовал место социализма так. В обществе действуют эн (n) эгоистических интересов, воюющих между собой. Должен возникнуть эн плюс первый (n + 1) интерес (сила, коллектив), который будет заботиться не о себе, а об обществе в целом, который будет стоять **над** этими интересами, будет их регулировать и уравнивать ради блага не какого-то одного из эн интересов, но ради блага всего общества, блага всех.

Говоря о современных терминах, речь шла о том, чтобы обеспечить некую минимальную страховку для каждого человека в обществе, чтобы право на здравоохранение и право на образование из "личного дела" каждого больного и неграмотного сделалось бы в той или иной мере обязанностью общества. При этом вопрос ставился в условиях, технологически не сравнимых с нынешними: люди жили практически в темноте, ибо единственный источник освещения — свечи, факелы, лучины, масло. Транспорт и связь ненадежны — лошади, парусники, кое-где железные дороги и колесные пароходы. Электричества ни в быту, ни в промышленности нет. Вычеркните-ка из своего быта то, что связа-

но с электроэнергией — от двигателей до магнитофонов, от кофемолки до стиральной машины, от радиомузыки до полицейских передатчиков? Поэтому ясно, что решение социальной проблемы — **обеспечить каждому достойное место в жизни** — искалось на путях: ликвидировать роскошь, отнять у богатых и праздных, разделить между обездоленными. А дабы сделать такой передел устойчивым, впредь отменить частную собственность навсегда. Жить коммуной. Раз уж отменять собственность, то отменить и собственность мужа на жену — английские и французские законы предусматривали, что жена **принадлежит** мужу. Следовательно, свободная любовь, что крайне импонирует пылкой и влюбчивой молодежи, из которой вербуются идеологи нового учения.

Это не карикатура. Это — почти буквальное резюме тогдашних социалистических взглядов, причем здесь опущено почти все, пугающее там. И более того, это почти однозначно неизбежный вывод из условий задачи. В те годы другого глобального решения и нельзя было видеть. Можно было лишь отстранять от себя проблему социальной несправедливости во всей ее целостности¹, но, **поставив ее**, нельзя было не сделаться социалистом. Не случайно и враги социализма Л. Штейн и Ю. Самарин признавали справедливость и важность социалистической критики и настаивали на том, что общество должно **загодя** устранять те индустриально-социальные пороки, из-за которых эта сказка антиутопии² может начать становиться былью. Социализм — означало ликвидировать отчужденность, перестать преследовать только свои интересы. Социализм был нужен Европе, как соль нужна супу, варимому на пресной воде.

Еще при Николае I в России появились адепты социализма — Герцен, Достоевский. Они приходили

¹ В значительной мере это и произошло в Англии, где глобальная проблема распалась на множество самостоятельных задач, каждая из которых решалась на общелиберальных путях.

² В широких кругах дилетантов бытует представление, будто "Утопия" Мора написана "за коммунизм", "как там хорошо". Спешим же допустить, что Мор писал ее "против", как насмешку. Истинности: да, в Англии, конечно, плохо. Но что вы предложите изменить? Вот это?! Возможно, что ложное понимание началось с типографской ошибки: один издатель напечатал заголовок вместо "Утопия" eu-topos в виде "Еу-Топия" eu-topos, т. е. вместо "Несуществующее место" — "Благое место". А это был перевод с латыни на итальянский.

к этой идее путем нравственных переживаний — от униженных и оскорбленных, от евангельских проповедей, а главное, от чтения захватывающих романов Жорж Санд. Таким хорошим возвышенным героям, как персонажи ее сентиментальных романов, конечно, не нужна была никакая власть, дабы поступать честно и порядочно; они становились чище, избавляясь от денежных забот. Живя в этом мире фикций, вполне можно было убедиться, что лишь **внешние** условия, **внешние** закономерности капиталистического общества заставляют людей поступать плохо. Коли не будет эксплуатации, денежных отношений, то, **так как сами по себе люди хорошие**, не надо будет никакого принуждения, никакой власти, никакого государства, никаких каторг, никаких богатств-капиталов. Само слово "буржуазия" такое противное (в переводе "мещанство") в глазах и ушах российского литератора, изо всех сил порывающегося уйти от мещанства, осмеять мещанство. Людям самим по себе будет хорошо, они будут хорошо относиться друг к другу без эксплуатации. Но когда Достоевский попал на каторгу и вгляделся в народ — в конкретных людей, с их действительными мотивами, поступками и судьбами, он увидел, что на самом деле человек **зол**, человек **плох**, человек **греховен**. Преступления свой человек совершает не потому, будто бы его принудила к ним эксплуатация, а из похоти, от скуки, оттого, что приятно мучить другого человека, оттого, что он не видит в другом человеке человеческого существа, инстинктивно, от тысяч конкретных причин, ни одна из которых не может быть устранена уничтожением частной собственности и государственной власти¹. После этого на всю жизнь Достоевский сделался страстным разоблачителем социализма-коммунизма как противочеловеческой доктрины, которая посягает обратить течение рек вспять, которая сравнивает, стирая с лица земли, горы и долины — в один уровень серости и безличия. Одновременно Достоевский сохранил значительную лю

¹ Это воззрение на натуру человека как на главное препятствие к реализации социализма высказал в связи с Достоевским в 1913 Комарович в СССР. Тогда же — в своих романах К. Бальмонт и И. Наживин в эмиграции. Позже оно нашло свое официальное продолжение в виде учения о "пережитках капитализма" и "родимых пятнах". В явном виде появилось у В. Дудинцева в "Белых одеждах" и в других многочисленных публикациях перестройки.

бовь к тем ищущим мальчикам, которые устремлялись в социалистические кружки, повинаясь долгу сердца, следуя Христову: "Раздай все, что имеешь, и следуй за Мною"¹.

Совсем иной природы социализм был проповедан Чернышевским из крепости в четвертом сне Веры Павловны. Он шел не от эмоций Жорж Санд, а скорее от фаланстеров. Он — пользуясь условиями одиночества в тюрьме — освободил себя от **проверки условий реализуемости** проповедуемых идей. Зато у Чернышевского присутствует новый очень важный компонент, который впоследствии на долгие десятилетия вошел в учение о социализме. Чернышевский незадолго до того побывал на Парижской выставке, где пропагандировались достижения техники, в частности здания из небывалого металла алюминия ("светящийся", в переводе, что при тогдашних средствах освещения было немаловажно). И поэтому у него в его социалистических снах описываются дворцы из алюминия — что там было бы несносно холодно, а летом поджаришься, как в итальянской свинцовой башне, он, конечно, не имел возможности подумать. Но вот сочетание и почти приравливание: **технический прогресс = социализм** осталось потом на добрую сотню лет ("коммунизм — это то-то плюс электрификация", "трактор — символ побеждающего в стране социализма", "спутник"). Письма релятивно относившийся к нравственности Чернышевский испытывал потребность дать социализму иное, не на нравственном императиве базирующееся обоснование. Он искал то общественное явление, которому самому по себе был бы обеспечен неременный успех и которое было бы неминуемо зацеплено за социализм. Таким в его глазах оказался научно-технический прогресс. В этом аспекте он, конечно, правильно именует в определенной историографии "предшественником научного коммунизма". Как и все социалисты, Чернышевский в своих прекрасных фаланстерах рисовал отсутствие какой бы то ни было принудительной власти (государства), все решалось автори-

¹ То обстоятельство, что на каторге Достоевский не замкнулся в собственные страдания, в ненависть к пославшим его на эшафот властям, в гордость своей неоцененною правотою, а жадно впитывал в окружающих людей и со свежим чувством усваивал их впечатления, — вообще исключительный факт для каторжан. Гениальный Достоевский и вел себя гениально.

тетом мнения, добровольным согласием здравого смысла. Патриотизм Чернышевского отразился добавочно тем обстоятельством, что согласно этим снам при социализме Иерусалим оказывается русским городом, а "истинной Новороссией" — Палестина, т. е. сбываются начальные цели войны, которую проиграл не послушавшийся его император.

Чернышевский — в отличие от петрашевцев, к которым относился Достоевский, — не ограничивался изучением и пропагандой социалистических идей, но и указывал путь, каким надо переходить к социализму. Он предлагал "метод прямого действия" (используя более позднюю, но точную терминологию): создавайте уже сейчас ассоциации, скажем, швейные мастерские, на коллективных началах. Подобия фаланстеров. Сорганизовавшись, они выпадут из сферы действия буржуазно-государственных закономерностей, станут ячейками, кои, разросшись и ссоединившись, вытеснят и устранят собою и капитализм и государственность.

Нужен ли был России в те годы социализм? Нет, так же не нужен, как не нужна соль супу, варимому на пересоленной изначально воде. В России еще не было безработных как социального явления ("безработный" не равен "праздношатающийся"; юридически "безработный" означает лицо, которое не может найти себе работу в месте своего проживания по своей квалификации по справедливой для этого места и квалификации оплате). Пережитки крепостного права обеспечивали достаточную страховку для 80% населения: всякий крестьянин, ушедший в город, оставался приписанным к своему сельскому обществу. Хотя это затрудняло уход (получение паспорта было сопряжено с выставлением выпивки "миру", который соглашался отпустить уходящего и брал на себя по круговой поруке выплату его доли налога), но если бы ушедший даже через 50 лет захотел бы вернуться в село (ну, разорившись в городе), он получал бы по возвращении участок земли. Каждый рабочий — "рабочих" в России официально не существовало, рабочие числились "крестьянами, проживающими в городе" — имел, таким образом, в виде страховки клочок земли (которым, конечно, во время его отсутствия распоряжались другие). Да кабы такая страховка существовала бы для английского или французского рабочего-пролетария, то никакой социализм на Западе не возник бы! Места не

осталось бы ни для программы чартистов, ни для громовержущих сочинений Прудона.

Попутно отметим различие между Чернышевским и Самариным в отношении к общине. Оба они защищали общину, выставляли ее на первый план в виде институции, на которую надо опираться в России. Но Чернышевский защищал общину как **хорошую** общественную институцию, как ячейку будущей социалистической коллективной организации, как способ существования без частной собственности, — т. е. по идеологическим мотивам и не всматриваясь в ее реальное происхождение-устройство-недостатки. Самарин же видел и отмечал огромные **недостатки** в общинном землеустройстве: подавление индивидуумов, небрежение улучшением почвы, пьянство и пр. Но, не видя никакого другого **реального** в настоящий момент механизма землепользования, он полагал, что реалистический политик должен использовать фактически существующие институции, а не возлагать надежды на нечто умозрительное, неопробованное. Напомним также, что Чичерин уже тогда доказал, что сельская община была создана государством исключительно в податных и полицейских целях, а не возникла как самостоятельный орган местного самоуправления.

Проблема утраты общественного статуса из-за индустриализации общества почти отсутствовала в России в 1860—1890. В самом деле, разоряющиеся и утрачивающие статус дворяне обладали внеэкономическими привилегиями, которые не допускали их пополнять собою ряды пролетариата; рабочая сила составлялась преимущественно крестьянами. Крестьяне же были больше чем наполовину из вчерашних крепостных, поэтому им не было о каком статусе думать — это не то что свободные и относительно зажиточные, но внезапно разорившиеся из-за проведения железной дороги французские фермеры!

В России люди еще не умели осознавать свои интересы, не умели бороться за них — поэтому преждевременна была проповедь отказа от личных интересов. Социалистический дух в русском обществе и без того был высок. Ведь "все под Богом ходим": и самый трудолюбивый так же пострадает от засухи или дождливого лета, как и не утруждающий себя пьянчуга. Даже единообразие климата в обозримой окрестности, и в богатей честным трудом не попадешь... Чтобы

стать богатым, надо заняться разбоем либо еще чем за версту попахивающим. В основной массе идея богатства ассоциировалась с нечестностью и презиралась. Это особенно заметно, когда читаешь жития святых или очерки по истории русской святости, — непрактичность русской святости сравнительно с житейским прагматизмом западной святости отмечается многими авторами. "От трудов праведных не наживешь палат каменных", — резко контрастировало с немецкими, французскими прописями, в коих повествуется о каком-нибудь Дике Уиттингтоне, "мальчике сироте и бедняке, который своим умом и трудом нажил огромное богатство и стал лорд-мэром Лондона" и т. п. Собственно, русский никогда и не доверял подобным прописям, а то, что остзейские немцы стали внушать их в российских школах, стимулировало отвращаться от немцев.

Не знаю, фактор ли климатического однообразия или разовое, но сильное влияние норманнского права породили то проявление "жажды справедливости", которое состоит в правиле: "Всем должно быть поровну". Если в Англии умирал владелец имения, то оно **целиком** доставалось старшему сыну, а остальные сыновья не получали ничего (сверх "права" из милости жить на кормах старшего). В России такой жестокости законов не было. Напротив, будь у покойного хоть десять сыновей, поместье делится поровну между всемидесятерыми. Это правило привело сначала к раздроблению Киевской Руси, а позже, перестав действовать в государственно-политической жизни, стало приводить к фантастически быстрому разорению сказочно богатых бояр. Несколько поколений — и на долю каждого при равной долежке достается едва-едва один двор. И все эти знатные и спесивые князья-бояре-дворяне становятся экономически зависимыми от подачек царя, **лишенными самостоятельной мощи**. Справедливость вместо майората подрывала хозяйственную силу, пре-емственность в хозяйствовании. Майорат служил экономической (и, следовательно, иной, опирающейся на экономическую) **независимости**, жажда социальной справедливости **устранила** эту независимость.

В России собственность всегда имела оттенок чего-то презираемого, нежелательного с общественной (и с душевной) точки зрения. С этим сочетается пера в идеальные формы жизни, по которым, собственно

только и следовало бы жить, кабы сил хватало. А так, как приходится жить реально, — это все ненастоящее, временное, несостоящее. Опять же с такой постановкой согласуется номинативный характер многих социальных ценностей. Наконец, в качестве высшего носителя справедливости, примирявшего противоположные интересы, то и дело вступала исполнительная власть. Поэтому в России была актуальна борьба за права личности, в отличие от Европы, где в основном права личности к середине XIX века были завоеваны и реализованы. А не борьба за социализм. Но из-за ореола Чернышевского случилось так, что даже борьба за права человека в России началась и долгое время велась под флагом социализма. Поначалу же вообще на первый план выплыл именно социализм. Кстати, карикатурность и химеричность его тогдашних формулировок сразу восстановила царя Александра II против всех социалистов, и в дальнейшем он пристрасно и даже недостойно для государственного деятеля преследовал и социалистов, и причастных к ним, и даже тех, кто померещился доносчику прикосновенным к социалистам. Оно, конечно, вранье социалистов, якобы освобождение крестьян было "ограблением крестьян", при котором "у крестьян была отнята земля", хотя кого могло бы вывести из равновесия. На самом деле ведь было прямо обратное. При освобождении крестьян самодержавное правительство не пошло по пути частнособственнической Европы, где крестьян освобождали **без земли**, не посягая на частную собственность владельца-помещика. Даже революционный, "красный" и радикальный Ржонд Народовый освободил холопов от панов **без земли**, и лишь когда карательные русские войска отвоевали Польшу, по царскому манифесту крестьяне получили землю. В духе русской справедливости было решено (напоминаем, что исполнительная власть в России первенствовала перед экономической и юридической), что помещики должны поделиться частью земли, отдать ее крестьянам. С точки зрения экономической решение это было спорным — Россия нуждалась в крепком хозяйстве, а крупные хозяйства успешнее производят хлеб на продажу и навозное обеспечивают внутренний рынок для промышленных товаров. С точки зрения юридической это было бесспорным нарушением прав помещика (т. е. тоже права человека). Но обездолить крестьян, лишить их

единственного источника существования правительства не решилось. В итоге крестьяне получили в среднем 80% той земли, которую они обрабатывали до реформы. Конечно, цифра эта средняя, статистическая дисперсия порой делала жизнь для крестьян невыносимой. Но шедшая от Чернышевского пропаганда делала "массовые выводы из единичных явлений".

Итак, поклонники и поклонницы Чернышевского кинулись создавать швейные, а при богатом воображении даже переплетные мастерские-коммуны. Кстати, о поклонницах. В шестидесятые годы на общественную арену выходит большое число женщин: Буланова-Трубникова, Корвин-Круковские (т. е. Жаклар и Ковалевская), Менжинская, Суслова, не говоря уже про тех, которые участвуют в общественной жизни традиционным способом (Михаэлис и Штакеншнейдер). Это не специфически российское явление. Во всем мире примерно тогда же проявилась воля части женщин участвовать в общественно-экономической жизни не через семью, а непосредственно. Это движение получило название "эмансипация", "суфражизм", "женское равноправие", "синий чулок". Само по себе оно было нейтральным к идеям социализма и политической борьбы, но рядом репрессивных мероприятий царское правительство едва ли не уравнило в глазах полиции, в глазах социалистов, в глазах самих эмансипированных и в глазах последующих историографов эти разные общественные проявления.

Главным деятелем по созданию коммун был Слепцов, близкий соратник Чернышевского по всяким прокламациям. Несколько лет мастерские просуществовали, постепенно превращаясь в гаремы, подвергаясь осмеянию в беллетристике и фельетонистике, неся материальные убытки, рождая споры и склоки среди членов коммун, а затем распались при практически малом давлении со стороны правительства. Сам Слепцов, поумнев, порвал с сей бесперспективной деятельностью и решил социально самоутвердиться через службу чиновников. Он дослужился до высокого чина.

Следующим за Чернышевским идеологом социализма был в России Лавров. Этот полковник артиллерии под псевдонимом Миртова дал подробные теоретические разработки основ социализма, заложенные Герценом и Чернышевским. В отличие от Чернышевского, он не игнорировал нравственный фактор. Конеч

но, и ход истории неумолимо влечет к торжеству социалистического общества, но и нравственное чувство толкает туда же, даже покамест борьба за социализм приносит лишь невзгоды и лишения. Вообще, Лаврову свойственен **плюрализм** теории: он не видит в истории **одного** решающего фактора, видит много равноправных, взаимодействующих между собою сил. Он вполне опирается на науку, верует в прогресс, но тем не менее не отрицает **волевого фактора**. Инициативное ("критически мыслящее") меньшинство силой своей воли, силой своих убеждений, своею решительностью **может** перевернуть консервативную жизнь. Оно **должно** самоотверженно помогать прогрессу. "Исторические письма" Миртова сделались чем-то вроде "Евангелия" для социалистически настроенной молодежи того времени. Это даже странно, потому что написаны они тяжеловесным, трудным для понимания языком, по своей неясности схожим с языком К. Аксакова и Ю. Самарина (хотя стилистически другим). Лавров не звал к непосредственным деяниям, к топорам. Он звал: "Учитесь! Постигайте исторические закономерности! А когда наступит час действия — идите до конца, боритесь и не бойтесь, что вас мало!"

Для судеб и революционных и социалистических настроений в России существенно — роковым образом — польское восстание 1863 года. Будучи по своей направленности резко антирусским (см. § 9), оно восстало против себя большую часть российского общества, в частности навсегда вывело Каткова из числа реформистов. Из-за личных отношений Герцен принужден был поддержать поляков, равно как и Бакунин, только что бежавший из сибирской ссылки (он пребывал в Шлиссельбурге с 1849 по 1857), и патристическое негодование российского общества отшвырнуло Герцена; после 1863 "Колокол" не пользовался никаким успехом и медленно умирал, с его смертью умер и Герцен, успев, впрочем, еще трагически сопережить с Нечаевым.

Для социалистических настроений не имело никакого значения, но в полицейском и кадровом смысле для революционеров имело важное значение дело Каракозова. Он, будучи психически неуравновешенной личностью и наслушавшись резких слов в кружке Минутина (есть основания думать, что этот кружок находился под влиянием анархистски настроенного

Ножина, вернувшегося в Россию после "учебы" у Бакунина), вопреки воле кружка заявился в Летний сад убивать Александра II. Конечно, не попал. Но полицейские розыски по этому делу были такими всеобъемлющими, такими придирчивыми, что "причастными" сделались сотни лиц, в том числе Лопатин, Николаев и многие другие будущие деятели. Сам Ножин в идейном плане был учителем будущего теоретика Михайловского, который вскоре стал как бы ведущим легальным представителем революционного подполья и подцензурным глашатаем революционно-народнических идей.

Рекомендуем прочитать следующих авторов: М. П. Алексеев, Гюго, Кампанелла, Катков, Кудрявцев, Лемке, Лесков, Лурье, Мор, Овсяннико-Куликовский, Пажитнов, Чернышевский, Щедрин, Эймонтова и хрестоматию "Утопический социализм..."

§ 5. Земское движение до смерти Александра III

*Что такое либерализм;
земство как совместная школа
общественной деятельности;
статистики и третий элемент;
борьба за Земский Собор;
студенчество; начало жизни Желябова;
контакты земства с революционерами;
перечень некоторых земских деятелей;
контрреформа 1890; голод 1891;
пророчество Р. Фадеева.*

Реформа вызвала к жизни не только этих деятелей из бумажки. Возник, прижился и пророс корнями целый слой новых для России деятелей. Практически в исполнении, но не лишенных идеализма и альтруизма в замыслах. Это — земские деятели.

Реформа предусматривала установление некоторого самоуправления в ряде губерний и крупных городов. Склонность правительства быстро провести земскую реформу отчасти обуславливалась желанием правительства возложить на кого-либо другого трудную и не поддающуюся бюрократическому решению проблему дорог и санитарии. Во Франции абсолютным

справился с решением дорожной проблемы, в чем, в частности, его историческое оправдание. В России же самодержавие не умело справиться с бездорожьем. Бездорожье победило. Теперь, в растерянности после восточной войны, правительство искало, кто бы решил задачу надежных дорог от Петербурга-Москвы до Одессы, Крыма и Кавказа. Далее, рост городских территорий порождал санитарные проблемы: поддержание гигиенического порядка на базарах, мусор на улицах, водопровод, канализация. Опять же, у правительства не было ни умения, ни кадров справиться с этими трудностями (кроме Петербурга, где во времена Николая I большинство населения было нерусским, а доля военных и чиновников несуразно высока). С другой стороны, объявились энтузиасты, которые добровольно рвались решать именно эти проблемы в своих родных местах, дай только им **право** их решать, да не требуй от них состояния на государственной службе. Так были санкционированы уездные и губернские земские собрания, уездные, губернские и городские управы, городские думы; оживились дворянские собрания. Думы и земские собрания состояли из "гласных", т. е. депутатов, избранных тайным голосованием и пользующихся правом решающего голоса на собраниях. Гласные избирали из своей среды членов и председателя управы. Самым существенным в законе о выборах был ценз оседлости: выборщиком мог быть только тот, кто уплачивал налог с недвижимой (земельной) собственности в той местности, где голосовал. Нет дома — нет голоса, будь у тебя хоть миллион в банке. По наличию ценза весь круг и выборщиков, и избираемых именовался иногда "цензовым элементом" или, по-социалистически, "цензовой буржуазией". Другое идеологическое название для этого рода деятельности — "либеральное движение" или "либеральная буржуазия". Ну, "буржуазия", конечно, вздорный довод. Слово же "либерал" (liberal в переводе "щедрый") означает власть щедрую, предоставляющую известные свободы зависящим от нее людям и людям, например, рабовладелец, который отпускает раба на свободу и делает его либертином-вольноотпущенником (libertin). Предоставление части горожан права самостоятельно решать свои городские вопросы было, безусловно, щедростью со стороны самодержавного правительства, так что укладывалось в рамки

понятия "либерализация". Но из-за разных привходящих обстоятельств традиционно в России называли либералами не правительственных деятелей, а тех из интеллигенции, которые веровали в возможный либерализм властей. Либеральное движение, конечно, шире собственно земского, самоуправленческого движения. Но не настолько, чтобы можно было их противопоставлять; в решающий момент они даже слились организационно (см. § 13, 16). Я буду пользоваться терминологией "земское движение" применительно к обоим вместе.

Земскому и городскому самоуправлению была предоставлена некоторая самостоятельность в деле налогового обложения на местные нужды. Границы этой самостоятельности были весьма узкими, местные деятели все время добивались их расширения, в основном безуспешно. Таким образом, подобно революционерам, органы самоуправления с самого начала стали в оппозицию правительству, хотя и не столь драматическую. Однако главным в их деятельности была все же не оппозиция, а конструктивная работа. Созидательная коллективная деятельность. Земские и городские управы явились средоточием науки самоуправления, самодеятельности, самообучения, самообложения, самолечения, самоизучения. Там постепенно вырабатывалась культура обсуждения, долженствовавшая сменить молчание, оды и брань. Например, каждое заседание уездного земского собрания протекало по определенному регламенту, люди приучались говорить не скопом, перекрикивая друг дружку, а по очереди, употребляя применительно к оппоненту лишь "парламентские выражения". Все сказанное тут же стенографировалось (на худой конец, протоколировалось, но чаще стенографировалось). Стенограмма после выступления каждым оратором своего выступления издавалась типографски в числе экземпляров, равном числу земских гласных плюс, кажется, что-то для губернатора и МВД. Это не было **полной публичностью** вроде заседаний парламента в европейских странах, но все-таки это было определенной гласностью и свободой слова, может быть, как раз той **переходной ступенькой** от рабьего молчания к свободе народного мнения, о которой мечтал Аксаков. И развивалась культура на слово устное смотреть критическим и по словом слова печатного. Появилась возможность сравни

вать доводы разных сторон. Такая культура была невозможна на Руси до 1860, да и сейчас она видится грезой.

Ценз оседлости имел то положительное значение, что все земские и городские гласные одной местности были знакомы друг с другом. У них имелся общий интерес: удобство существования в месте проживания. Они на деле были заинтересованы в благополучии своего уезда (города) как по части общественной безопасности, так и по части здравоохранения, как в развитии торговли, промышленности, так и в отсутствии масс голодающих и раздраженных безработных. Гласные близко и непосредственно знали трудности, опасности и препятствия в своей территориальной деятельности. Они сообща учились общепользующей деятельности. Важно, что в 1864—1890 земские собрания были общесословными, т. е. в них присутствовали на равных правах гласные и от дворян, и от крестьян, и от купцов, и от мещан. Конечно, гласные не были идеальными личностями, среди них встречались и вполне корыстные типы, и тупые, и продажные. Но в среднем идеалистически настроенные, альтруистически устроенные люди охотнее шли туда, нежели на чиновную государственную службу. Да и наличие общего посильного обозримого дела само по себе являлось определенным критерием отбора: оставались те, кто умел справляться. Конечно, и тут не все в их деятельности поддерживало спрос по высоким нравственным нормам: например, в число добродетелей земцев безусловно положительным входило умение обмануть губернатора или проверяющего министерского чиновника — обмануть в интересах справедливого местного дела. Сия ненормальность взаимоотношений земства и правительства присутствовала и возрастала с годами, как мы увидим. Так и революционеры в те же десятилетия учились искусству держаться на допросах, умению уходить от слежки, мастерству перехитрить полицию. Но доля "посторонних навыков" была у земцев значительно меньшей, нежели у революционеров. Не нужно также смешивать земцев со всем оседлым населением местности: среди выборщиков был довольно высок абсентизм, т. е. неучастие в выборах, а тем паче в работах собрания. Так что названная культура социального поведения вырабатывалась лишь среди инициативного меньшинства населения.

Но главное в земской деятельности, как с десятилетиями выяснилось, было не наличие общего обозримого положительного дела, а **люди**, привлеченные заниматься этим делом. Стенографы, нанимаемые систематически для записи прений. Учителя и сторожа школ, содержать которые вошло в обязанность земских органов. Врачи, пользующиеся в уездах или контролирующее санитарное состояние рынков в Одессе. Агрономы, ветеринарные врачи, дорожные инженеры. Все эти наемные служащие, находившиеся не на службе у правительства, не у частных лиц-предпринимателей, а у общественных организаций — земств-дум. Этот слой получил название "третий элемент". Поначалу он был малочислен и слаб, но с ходом времени разросся и в определенном смысле сделался главным в земстве: выборные земские гласные уже зависели от своего аппарата служащих почти так же неустранимо, как царь зависел от своих чиновников. Особенно значимыми среди третьего элемента были статистики.

Статистикой тогда называли не математическую статистику, а подворную статистику. Собирался и первоначально классифицировался самый непосредственный, живой материал: от земледелия до урожайности, дифференцированно по видам культур, по селам, по землям, по способам обработки. В массе своей это был сырой, не обработанный на корреляции-регрессии-факторы материал. Статистики оказались наиболее могучей силой земств — они знали всех, они проводили подворную опись, они были нужны всем, они предоставляли исходный неискаженный сельскохозяйственный материал, который порою бывал нужен и губернаторам. В статистике обычно уходили люди, проучившиеся в университетах, институтах, но не оставшиеся там ради устройства научной карьеры. Либо по зову сердца шли они отдать свои знания народу в глубинке, либо полицейские репрессии смешивали их с революционерами, и, не попав на государственную службу, устраивались они на земскую. Статистики нашли себе даже общерусскую "крышу" в виде Вольно-экономического общества, которое существовало еще с екатерининских времен в Петербурге. Собственно же земцы и такого общероссийского представительства-органа не имели. Главной политической целью органов самоуправления сделалась задача — добиться, чтобы реформа была завершена созданием всероссийского представительства, увенчивающего местные само-

управления. Чтобы правительство разрешило бы земцам выбирать своих людей в общероссийское собрание, где те собирались бы и обсуждали бы общероссийские интересы, давая советы правительству. Это стремление родственно аксаковскому "Земскому Собору", хотя, конечно, бытовало множество конкретных вариантов мечтаний о таком Собрании: славянофильские и западнические, узкосословные и максимально демократические, с правом ли только совещательного голоса или с правом увольнять-назначать министров, или вообще как Учредительное Собрание, которое наново, как на пустом месте, учредило бы государственные формы обновленной России. Ведь один из Земских Соборов — 1613 — даже **выбирал царя**, выбирал саму династию Романовых! Сознаться, очень это соблазнительный пример! Помимо таких примеров из прошлого, помимо теоретической начитанности или маниловских грез "как бы я лично все хорошо устроил" существовали и весьма важные народнохозяйственные соображения, заставлявшие даже купцов, активно зашибающих деньги, всерьез способствовать достижению таких конституционно-парламентарных целей. Ведь у отдаленных территориально губерний тоже могли существовать **общие** торговые интересы, и несуразным выглядело, что внутри каждой губернии купцы и промышленники могли собраться и разработать план законодательных в рамках самоуправления мероприятий для своей пользы, а вот **согласовать** планы по двум (или более) различным губерниям им было запрещено. Правительство резко и порой в непристойной форме обрывало любые попытки в этом направлении. Первые попытки добиться "увенчания здания" были предприняты славянофилами в 1862. В январе Московское дворянское собрание прислало:

всемилостивейше позволить дворянству избрать от своей среды уполномоченных от каждой губернии по два, с возложением на них обязанности исправлять новое положение о поместных крестьянах (...) позволить сим уполномоченным собраться в одной из столиц, в виде общего или Государственного Дворянского собрания

(принято 197 против 161).

4 февраля Тверское дворянское собрание приняло аналогичный, но более резкий адрес, предложив, на манер речей Мирабо в 1789, самопожертвованно **отказаться** льготы и привилегии дворянского сословия,

лишь бы только всему народу было даровано "Собрание выборных от всего народа без различия сословий". Из 112 подписавших адрес 13 дворян было предано суду, в том числе оба брата Михаила Бакунина: Алексей и Николай. Приговором (поразительно быстрым, уже в феврале 1862) они были лишены "некоторых по статье 54 Уложения особенных прав и преимуществ". Иван Аксаков и Кошелев тогда же призвали дворянство совершить акт уничтожения дворянства, просить о распространении своих прав на все остальные сословия и тем достигнуть нравственного единства и цельности русской земли. 11 января 1865 на земском собрании московское дворянство обратилось со всеподданнейшим адресом:

Всемилолюбивейший Государь! Московское дворянство в настоящем собрании своем не может не выказать Вашему Императорскому Величеству чувства глубокой преданности и благодарности за Ваши мудрые начинания, всегда клонящиеся ко благу нашего отечества. Мы готовы, Государь, содействовать словом и делом на трудном, но великом пути, Вами избранном. Мы убеждены, Государь, что Вы не остановитесь на этом пути и что Вы пойдете вперед, опираясь на Ваше верное дворянство, на весь русский народ. В дружном единстве и цельности — сила нашего отечества! Собрав Вашу разьединенную доселе Россию в одно целое, сплотив ее твердо и заменив права отдельных ее частей общими правами, Вы искорените навеки возможность мятежа и междоусобий. Призванному Вами, Государь, к новой жизни земству, при полном его развитии, суждено навеки упрочить основу и крепость России. Довершите же, Государь, основанное Вами государственное здание созванием общего собрания выбранных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему Вашему государству. Повелите Вашему верному дворянству с этою же целью избрать из среды себе русских людей. Дворянство было всегда твердою опорой русского престола. Не считаясь на государственной службе, не пользуясь сопряженными с нею наградами, безвозмездно исполняя свой долг для пользы отечества и порядка, эти люди, по самым условиям своего государственного положения, будут призваны сохранять драгоценные для народа и необходимые для истинного благоустройства нравственные и политические начала, на которых зиждется государственный строй. Этим путем, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества в истинном их свете, Вы восстановите доверие к исполнительным властям, Вы достигнете точного исполнения законов всеми и каждым и применимости их к нуждам страны. Правда будет доходить беспрепятственно до Вашего престола, и внешние и внутренние враги замолчат, когда народ, в лице своих представителей, с любовью окружая престол, будет постоянно следить, чтобы измена не могла нигде проникнуть. Всемилолюбивейший Государь! Московское дворянство выкасалось перед Вами, повинувшись священному долгу всеподданности, не имея ничего иного в виду, кроме государственной пользы.

Мы высказались, Государь, в полной уверенности, что слова наши соответствуют державной мысли и духу Ваших преобразований (270:36).

В ответ всемилостивейший монарх закрыл на 8 месяцев газету, напечатавшую этот адрес, объявил недействительными выборы в Московское губернское земское собрание (состоявшиеся до подачи адреса) и обратился с рескриптом на имя министра внутренних дел Валуева:

Петр Александрович! Происходившие в начале сего января месяца в Московской губернии очередные губернские выборы не состоялись. Вследствие признанной правительствующим сенатом неправильности постановлений собрания предводителей и депутатов, относительно прав участия некоторых дворян в делах губернского собрания, все постановления сего собрания, до закрытия оного им принятые, не имеют законной силы. Но Мне не безызвестно, что во время своих совещаний московское губернское дворянство вошло в обсуждение предметов, прямому ведению его не подлежащих, и коснулось вопросов, относящихся до изменения существующих начал государственных в России учреждений. Благополучно совершившиеся в десятилетнее Мое правление, ныне по Моим указаниям еще совершающиеся преобразования достаточно свидетельствуют о Моей постоянной заботливости улучшить и совершенствовать, по мере возможности и в predetermined Мною порядке, разные отрасли государственного устройства. Право вчинения, по главным частям этого постепенного совершенствования, принадлежит исключительно Мне и неразрывно сопряжено с самодержавной властью, Богом Мне вверенною. Происшедшее, в глазах всех Моих верноподданных, должно быть залогом будущего. Никому из них не предоставлено предупреждать Мои непрерывные о благе России попечения и предрешать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений. Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя, передо Мною, ходатайство об общих пользах и нуждах государства. Подобные уклонения от установленного действующими узаконениями порядка могут только затруднять Меня в исполнении Моих предначертаний, ни в коем случае не способствуя к достижению той цели, к которой они могут быть направляемы. Я твердо уверен, что не буду встречать впредь таких затруднений со стороны русского дворянства, вековые заслуги которого перед Престолом и Отечеством Мне всегда памяты и к которому Мое доверие всегда было и ныне пребывает непоколебимым. Поручаю вам поставить о сем в известность всех генерал-губернаторов тех губерний, где учреждены дворянские собрания, или имеют быть учреждены собрания земские...

Символическим жестом на эту царскую тупость в полночь был выстрел в царя дворянина Каракозова в апреле 1866. Они оба отражали социальное бескультурье российского общества, но царь своекорыстно,

самолюбиво и в страхе держался за свою власть, стремясь не уменьшить ее объем (объем, уже давно превысивший меру единоличного разума), а Каракозов бескорыстно жертвовал собой.

В 1870 уже и Самарин, не выдержав бесплодного политического ожидания, активно участвует в организации подписей под очередным адресом (Московской городской думы) с ходатайством о довершении реформ. За это думу распускают. В 1882 долго крепившийся Чичерин (в рамках своей историософской концепции он ждал всего существенного от государственной власти, а к революционерам относился по формуле "неистовое беснование") организовал такое же обращение от имени Московской городской управы; царь — уже Александр III — велел ему убраться в отставку. Чичерин был одним из тех участников конституционного движения, которые отвергали всякое сотрудничество с революционерами. Его можно понять: он встречался с Герценом в 1862, а Герцен был увлекающимся человеком. Он, например, в 1854 тrefпался одному из своих приятелей — швейцарских профессоров: "Когда из-за поражения в войне в России победит революция и я стану во главе государства, то я позову тебя в президенты Российской Академии Наук". Подобные шуточки воспринимались чужими ушами крайне плохо, и Чичерин слышал в них лишь беснование. Но были и такие земцы, которые видели, что революцию в России разжигает само правительство, толкая в объятия нигилизма и революционной идеологии массы студенчества. Студенты ведь в нормальных условиях всегда хулиганят. Для овладения знаниями нужна раскованность души, хотя бы временами, но полная. И немецкие бурши и французские студенты во все времена устраивали попойки и драки, задирая кого ни попадя. Вот, например, в 1869 парижские студенты заявили в Оперу, когда присутствовал император, и с галерки одновременно несколько десятков человек помочились на расположенную под ними императорскую ложу. Конечно, их вывели, намяли им бока, еще что-то сделали, но никого не изгнали из учебных заведений. В России же достаточно было обвинить плохого профессора на лекции, чтобы тебя изгнали с волчьим билетом. Мало того, еще высылали из университетского города по месту жительства с сообщением местной полиции о твоей неблагонадежности

ти. И на родине твоей тебе житья не становилось от придилок властей. Так искусственно создавался широкий круг молодых горячих людей, которые учились в правительственной власти видеть своего главного врага. Например, талантливый студент Одесского университета Желябов прекрасно учился, рано женился на дочке заместителя одесского городского головы Яхненко, перед ним открывались богатые возможности материально обеспеченных научных достижений (в частности, он был настолько культурен, что знал и умел применять технические возможности электричества). Но замеченный — по крупной своей фигуре и громкому голосу — в одной из таких студенческих сходов, он был изгнан из университета. Обиделся он, завернул круче. Ударили по нему сильнее. Вот он безработный бывший студент. Родители жены пилят ее — за неудачника вышла, брось его! Она слушается, уходит, забирая сына. Это уже удар по мужскому самолюбию — и Желябов вовсю погружается в революционную пропаганду. К 1878 так были репрессированы шесть тысяч студентов. И Черниговское губернское земское собрание обратилось к правительству с просьбой остановить губящие страну и молодые силы кретинские репрессии. Правительство дало земцам по рукам: за причастность к нелегальным элементам Петрункевича выслали из Черниговской губернии под гласный надзор в Тверскую. После этого черниговское земство единогласно выбрало Петрункевича на новых выборах в состав губернского земского собрания, а последнее — тоже единогласно — председателем управы. Обратилось с ходатайством разрешить вновь избранному председателю проживать в Черниговской губернии. Полиция не позволила (забота о своем престиже), выборы были объявлены незаконными (что тем считается с желаниями населения). Пропать между правительством и обществом уже становилась непреодолимой, уже не виден был противоположный ее край, его заменяли миражи и легенды. После этого Петрункевич активно действует в земстве тверском, в чем см. § 13, 15. Ибо кроме тащить и не пущать правительство не умело ничего.

Чем был занят царь Александр II? В том же самом году он самодержавно встрял в склоку между своей любовницей и любовницей своего брата. Его любовница, графиня Е. М. Долгорукова-Юрьевская

(с которой после смерти законной жены он тайно обвенчался), была возмущена тем, что актриса Числова, любовница великого князя Николая Николаевича старшего, осмелилась на какой-то бал одеться лучше, чем она. Поплакалась ему. И император распорядился полиции — и в 24 часа бедную Числову схватили, отвезли за 500 верст от Петербурга, а Николаю Николаевичу Высочайше было запрещено впредь с нею встречаться (у Числовой было пятеро детей от Николая Николаевича!). И — таков был уровень нравственности у великих князей — тот проглотил и покорился. Ясно, что подобная верховная власть не могла вызывать уважения ни у кого, кто знал ее ближе. А последующий царь, Александр III, так тот почти всегда бывал в стельку пьян, и его любимым развлечением было, лежа на полу во дворце, хватать за ноги проходящих придворных.

Ничего удивительного, что и отдельные земцы порой подумывали об объединении с революционерами. В 1860 либералы и революционеры были недифференцированы, перемешаны. К 1870 они сепарировались. Но политика власти, упорно не видевшей различия между либералами и революционерами, сама собой ставила вопрос об объединении или хотя бы о координации. Так в 1878 в Киеве состоялся тайный съезд земских представителей нескольких губерний совместно с представителями социально-революционной партии "Земля и Воля". От последней присутствовали Фигнер, Гольденберг, Дебагорий-Мокриевич, от земцев — Н. В. Ковалевский, Петрункевич Иван. Они обсуждали возможность совместных антиправительственных действий. Протоколов этого первого в истории земского съезда не сохранилось, воспоминания участников явно окрашены позднейшими переживаниями, поэтому точно сказать, как же он происходил, — нельзя. Одно бесспорно: договориться ни до чего не удалось, хотя такие съезды происходили в те же годы и в Москве и в Харькове, так что ясно, что надежда на договоренность не исчезала.

И не удивительно, что не договорились. Ведь деление между земскими деятелями и революционерами в ту пору пролегалo главным образом по линии **темперамента**. Морозов, например, с восторгом полнил попластунски (готовясь к деятельности будущих широтизанских отрядов). Чичерин бы отверг пластунское

ползание с порога, даже если бы теоретически обсуждал уместность партизанских действий. Зато Чичерину важно было быть ежедневно прилично одетым, выбритым и ощущать дистанцию между собой — профессором — и студентами. Морозов же легко запанибрата сходиллся со всеми, был безразличен и к бритью и к одежде. Подобно Андрею Кожухову из романа Кравчинского-Степняка, Морозов мог свободно, придя по явке в дом к незнакомой революционерке и увидев, что в комнате нет стульев, а сама она еще в постели, — тут же присесть на край постели и вести с ней деловую беседу безо всяких легкомысленных поползновений. Чичерин бы и в дом к даме, не вылезшей из-под одеяла, не вошел, не то что сесть на ее кровать! Но сами они объясняли несогласия, конечно, не темпераментом¹.

В 1880 в короткий период "диктатура сердца" Лорис-Меликов затеял было пригласить в Петербург по своему выбору так называемых "сведущих людей", дабы имитировать созыв "Земского Собора". Может быть, 20 лет назад общество благодарно откликнулось бы и на такой шаг, но сейчас тринадцать губернских земских собраний (Бессарабское, Владимирское, Казанское, Калужское, Костромское, Петербургское, Полтавское, Псковское, Смоленское, Харьковское, Херсонское) сочли это надувательством и протестовали, требуя, чтобы "сведущие люди" выбирались в губерниях самими губерниями. Они получили по выговору, но Лорис-Меликов столь быстро слетел, что не успел ничего созвать, ни фиктивного, ни настоящего. Надо сказать — забегая лет на 40 вперед, — что эта русская идея "назначенного парламента" привилась в политической практике. Муссолини, например, в открытую пользовался термином "назначенные депутаты" применительно к членам своего фашистского парламента Италии. Но тогда российское земство не приняло этой идеи. Спор шел не о том, будет ли совещательным или

¹ Историография — так случилось — восходит к номинальным виновникам тогдашних революционеров. Поэтому (и по другим причинам) в оценке "либералов" преобладают тогдашние горделивые собой и нетерпеливые оценки их революционерами — трусы, шкурники! Или даже "предатели". Это неверно, как видно из приведенных фактов. Другой лагерь, переставляющий плюс на минус, столь же не в духе исторической истины клеймит либералов как "пособников" революционерам.

решающим голос призванных в Петербург делегатов; заранее было ясно, что только совещательным. Да и в совещательности не полногласным: депутаты должны будут лишь отвечать на вопросы властей, а не ставить перед властями проблемы по своей инициативе. Спорили о том, будут ли местные органы (опять же не непосредственно "весь народ", а только уже существующие органы самоуправления, а они, напомним, не в каждой губернии и существовали-то) избирать делегатов, или же центральная власть поверх самоуправления вызовет, кого захочет, в качестве представителей этих мест. Напомним, что "диктатура сердца" была провозглашена под давлением народолюбцев, после серии красочных покушений на царя.

В 1865—95 земское движение так или иначе знавало такие фамилии. Братья Астровы Александр, Владимир и Павел. Анненков Павел Семенович. Баженов. Братья Бакунины и мужья их сестер. Белоконский. Белорусов. Березин. Блеклов. Пятеро последних пришли в земское движение через предварительный арест по революционным делам. Затем Васильев Афанасий. Вернадский В. И. Братья Б. Б., К. Б. и С. Б. Веселовские. Винберг. Волконский Николай (не родственник декабриста). Граф Гейден. Врач Герценштейн. Профессор Герье. Князь Голицын. Головин Федор. Гольцев, начинавший как революционер. Горбунов Василий. Гучков, окончивший Петербургский и шесть западноевропейских университетов. Подпоручик фон Дервиз. Братья князя Долгоруковы Павел и Петр. Дьяков. Ефимов Иван. Жуковский Иван. Ротмистр Загорский Эразм. Ланде, более известный под псевдонимом Игров. Крестьянин, потом земский врач Караваев. Профессор Карышев. Килевейн Георгий. Братья Кистяковские. Врач Кишкин. Ковалевский Виктор (не путать с палеонтологом). Профессор Ковалевский Максим. Доцент Кокошкин. Колобов Михаил. Агроном Василий Колокольцев. Гвардии поручик Колюбакин. Поднадзорный писатель Короленко. Поручик Костромин Георгий. Профессор Котляревский Сергей. Копелев А. И. Кудрявый Виктор. Генерал-майор Кузьмин-Караваев Владимир. Кутлер Николай. Лавинский Владимир. Линтварев Павел. Князь Львов Георгий. Князь Львов Николай. Адвокат Маклаков Василий. Профессор Мануйлов Александр. Маркович В. В. Масленников М. М., дворянин. Масленников

Н. Я., купец. Маслов Сергей. Метальников Николай. Милюковы, отец и сын. Профессор Муромцев, отец жены Бунина. Профессор Набоков, отец писателя. Инженер Некрасов Николай Виссарионович. Офицер Новосильцев. Академик Ольденбург С. Ф. Графиня Панина, приемная дочь Петрункевича. Начинаявший вместе с революционером Лопатиным. Перелешин Дмитрий. Поднадзорный, бывший и будущий революционер, статистик Пешехонов, которому в 1901 было официально воспрещено находиться и на земской службе. Надворный советник Писарев Рафаил. Племянников Василий. Деятель "Комитета грамотности" Протопопов Дмитрий. Раевский Николай. Статский советник Рихтер Николай. Толстяк Родзянко Михаил. Статский советник Родичев Федор, позже в эмиграции сблизившийся с дочерью Герцена Натальей и удержавший ее от передачи архива Герцена советской власти. Профессор Русов. Титулярный советник фон Рутцен Александр. Агроном Савельев Александр. Семья Стаховичей. Татаринов Федор. Философ Трубецкой Евгений. Сестра первомайовца Тыркова Ариадна, позже Борман, потом Вильямс, она же писательница А. Вергежский. Унковский. Хижняков Василий Михайлович, 1842 года рождения, и Хижняков В. М., врач, 1871 года рождения. Хомяков Николай Алексеевич, сын цитированного выше славянофила. Педагог Чарнолусский Владимир. Купец Челноков Михаил. Шаховской Дмитрий, внук декабриста. Врач Шингарев Андрей. Камергер Шипов Дмитрий. Действительный статский советник Энгельгардт Вадим. Пушкиновед Якушкин Вячеслав. И другие, часть из коих упомянута в тексте в разных местах. Мне думается, что пока не будут изданы биографические словари, в которых осветят эти фамилии, ни о какой серьезной историографии России речи идти не может.

В 1890 была проведена контрреформа земских учреждений по инициативе умершего в 1889 министра внутренних дел Д. Толстого и на основе правоведческих идей, развитых Грановским. По ней земские учреждения были признаны столь важными, что им неприличен был статус **общественных** учреждений, им присваивался титул **государственных** учреждений. При этом отбиралась почти всякая самостоятельность. Уменьшались функции — в частности, изъято ведение школ. Уничтожалась сословность, а первенству-

ющее место отводилось дворянству. Возможно, земство было бы отменено полностью, да помешала смерть Д. Толстого. Возможно, после этой "реформы" земство отмерло бы постепенно само собой, кабы не стряслось несчастье — голод в Поволжье и в ряде других губерний.

Уже годы 1889—90 были плохими, но в 1891 случился полный неурожай: хлеб погиб. Земская статистика оказалась на высоте и первая забила тревогу. Земские деятели обратились за помощью к общественным силам других губерний и столиц. Когда, после колебаний, правительство дозволило оказывать общественную помощь голодающим, была проведена подписка и собраны средства. Средства собирались не государственными органами, а общественными силами. При этом пресса приобрела право агитации в пользу подписки. Самодеятельно возникали организации, которые брали на себя работу распределения помощи: закупка хлеба по умеренным ценам, доставка его в голодающие районы, покамест не началась распутица (именно тогда выше всего смертность: от голода), преодоление противодействия местных властей или тех, кто убежден, будто всякая благотворительность лишь разлагает народ, будто народ — сплошь лодыри и пьяницы и т. п. Попутно вскрывались запущенные болезни в волостях (сифилис, тиф). Сказалась вся предшествовавшая выучка земств и других общественных организаций, т. е. всего либерального движения, чтобы суметь справиться с массой конкретных трудностей и предотвратить повальное вымирание населения России по некоторым волостям-уездам. Движение справилось и самоутвердилось. Эти трудности — не какие-то воображаемые, а реально встававшие. Вот, например, при любом распределении помощи возникают проблемы так называемой социальной справедливости. Вот село на тыщу человек. Я могу там организовать помощь максимум на сорок человек. Как распределять? Кому давать? Это сразу вызывает уйму споров. Может быть, лучше подкормить не столь голодных, но зато работоспособных, потому что тогда они своей работой смогут помочь другим и себе? Может быть, наоборот, нужно кормить в первую очередь увечных и больных сифилисом, которые и в хорошие-то годы нуждаются? И никому не нужны, живут на отшибе? Неясно. Другая проблема. Иные полагают, что всякая даровая по-

мощь вредна, нужна только заработанная помощь. Пусть лучше крестьяне идут на работу, нарочито организованную для них. А из-за благотворительной помощи они не идут, потому что они бездельники по натуре. И это реально высказывается в каждом селе, любым, кто имеет власть или авторитет. Всякий раз с подобными аргументами приходится считаться, каждый раз по-новому их обходить. Вот человек, приехавший туда со стороны, созывает общий сход, чтобы сход распределил эту помощь. А сход принимает его за чиновника, который пытается утаить от населения царскую помощь, предназначенную всему селу, всей тысяче душ, стремится 960 пашек зажать себе. Едва не убили. Ведь предпочтительная форма социального диалога у мужика — убийство или угроза убийством. А что уж говорить про бесконечную путаницу между **даровой помощью**, которая обращена к беднейшим, лишь бы спасти их от смерти, и не подлежит возврату в будущем, и **пособиями** крепким хозяевам, дабы те могли в эту весну засеять и тем обеспечить урожай на будущий год; эти пособия-ссуды идут не от общественных организаций, а от министерства финансов или внутренних дел (департамент земледелия тогда входил в МВД) и подлежат возврату через какой-то срок...

С лета 1892 начинается постепенное укрепление земства, восхождение его. Конечно, восхождение было отнюдь не прямолинейным. Некоторые правительственные акты, казалось бы, напротив, добивали земства. Например, в 1893 земским учреждениям было запрещено заниматься вопросами продовольствования. Но глупость и противоестественность подобных запретов теперь выглядели настолько очевидными, что они как бы придавали земству дополнительную силу всеобщего сочувствия. Даже отдельные губернаторы прибегали теперь к помощи земств. Уже в 1894 земцы устроили первый всероссийский земский съезд в Москве. Конечно, не под таким названием. Съезд прошел под прикрытием IX съезда русских естествоиспытателей и врачей, в секции географии которого профессор А. И. Чупров создал подсекцию статистики, куда и съехались все земские статистики и ряд земских гласных. Пример такого съезда иллюстрирует недостаточность терминологии "легальный—нелегальный", ибо этими институтами не покрывается земский съезд 1894, да и все последующие по 1904. На съезде же завязались устой-

чивые личные отношения, которым суждено было сыграть решающую роль в наступающем десятилетии.

Но напомним, что вся социальная культура, культура диалога и позитивного деяния, накопленная и накапливаемая земским движением, — это культура **малой части населения**. Простонародье, широкие слои крестьянского населения **не приобщались** к этой культуре. Драматическим примером тому служил тот же 1892, когда вслед голоду объявилась холера и население кинулось зверски убивать врачей, самоотверженно приехавших лечить от холеры; убивать как якобы умышленных заразителю. Правительство же со своей стороны словно умышленно препятствовало приобщать широкие слои населения к культуре: по контрреформе 1890 земское собрание перестало быть **всесо-словным**, крестьянский элемент **был удален из собрания**. Для десятков миллионов крестьянского и мещанского населения страны средствами социального диалога оставались — мордобой, калечение, убийство, поджог, обман. И те реакционеры, которые настаивали не отказываться от телесных наказаний, поскольку народ глух де к иным мерам, невосприимчив к "словам", — не так уж были и далеки от истины. Это социальное бескультурье точно резюмировал Р. А. Фадеев — человек, мнение которого хотя бы потому заслуживает внимания, что оно повлияло на таких людей, как С. Ю. Витте, Ф. М. Достоевский и Ю. Ф. Самарин, — таким "мысленным экспериментом":

Представим себе сон: нам снится, что все частные русские люди, 79 с половиною миллионов из осьмидесяти (полмиллиона — чиновники, т. е. не партикулярные лица), перенесены мгновенно на другую планету, и им приходится устраивать свой общественный быт без помощи готовой правительственной склейки, которую у нас все держится (мы помним, что такова концепция Чичерина), этим частным людям надо сложиться в общество и государство одною силою своей исторической закваски и современных убеждений. Может ли даже присниться, чтобы, при такой крайности, в нынешнем русском обществе нашлось достаточное большинство, правильное сказать — достаточная нравственная сила для твердого и скорого установления не только соответствующих форм, — мы о них уже не говорим, — но даже самых коренных основ?.. Существует ли в русском современном обществе какое-либо мнение с таким единомысленных людей, которая в предположении нами сие могла бы обратить свою волю в обязательный закон, без чего новой планете пришлось бы быть свидетельницей сумятицы и даже полного разложения, еще не видавших на

нашем свете. Вопрос сводится этот на следующий: оказываются ли в обновленном русском обществе хотя бы только завязки самостоятельной и сознательной народной жизни, без которой мы можем быть расой, можем быть государством, но не можем стать живою развивающейся нацией, идущей вперед по своему пути. (...) Время требует (...) объединения русского исторического слоя, выросшего и вырастающего из слоев стихийных, способного осуществить в себе самостоятельную умственную жизнь России и стать сознательным, ответственным во всем своем объеме, орудием верховной власти для развития нашего будущего. (...) Под покровом сильного правительства, обеспеченные в сохранении наружного порядка, мы можем долго прожить в состоянии беспорядка внутри его, так долго, что, наконец, по привычке утратим веру во все на свете, кроме одной полиции; тогда уже будет поздно исправляться¹.

Что случилось с Россией через 40—50 лет после того, как были написаны эти строки, в те времена, когда прежняя, казавшаяся сильною власть была в Феврале в одночасье отстранена и народу в 1917—1921 довелось "устроить свой общественный быт" хоть и не на другой планете, но "без помощи готовой правительственной склейки", и как тогда обстояло дело с "группой единомышленных людей, которые наяву обращали бы свою волю в обязательный закон", — мы поговорим позже. Сам Фадеев требовал конституции для дворян. Другие дворяне готовы были и от сословных прав отречься ради конституции. Земство учило "объединению русского исторического слоя". А правительство из всех сил препятствовало и объединению и самообучению. Разумеется, люди пылкого темперамента... но о них мы поговорим в отдельном параграфе!

Рекомендуем почитать книги: Белоконский, Веселовский, Корелин, Нардова, Короленко, Пирумова, Чернуха.

¹ Мы видим, что по части констатирующей Фадеев близок К. Аксакову (см. § 2 выше), писавшему: "Внутренний общий союз жизни до того ослабел в России, сословия в ней до того отделились друг от друга". Но Фадеев не повторяет мотивировки Аксакова: "несуществование полуторастолетней деспотической системы правительства". Сложные мысли высказывали и персонажи Достоевского ("Подпольный").

§ 6. Революционное движение до смерти Александра III

*Перечень революционных деятелей;
дело Нечаева и нравственная реакция
кружка Чайковского;
сословный состав народников;
теория Кропоткина трех сил;
террор — его эффективность и нравственность;
полицейское поражение народолюбцев;
мнение жандармского генерала;
меняются ли революционеры;
партия Народного права;
финансы революции и ее идеология.*

Те, кто мыслил масштабами не уезда-волости-губернии, а сразу всей страны, кто хотел **как можно скорее** все переменить к лучшему, кто готов был на первоначальные лишения и страдания в большей степени, нежели земцы, — те примыкали к революционерам. За годы после Каракозова и до 1895 так или иначе среди революционеров побывали такие лица. Акимов (он же Махновец) Владимир, который после недолгого пребывания в кружках поздних народолюбцев ушел в социал-демократию. Аксельрод Павел, примерно с той же биографией. Аксельрод Павел, начинавший еще в 1870 бакунистом, потом тоже ставший социал-демократом. Ананьина Мария, беспризорница, окончившая акушерские курсы. Анненков Павел Семенович, тоже медик, дворянин, позже с.-д. Анисимский, уже названный среди земцев. Алякритский Николай, сын священника, социалист-революционер. Аптекман Осип, сын купца. Аргуновы Андрей и Павел, позже вожди с.-р. Баженов Николай, сын генерала, психиатр, потом с.-д. Бакунин Михаил. Бах Алексей (Абрам), вечно маятником качавшийся между химией и социал-революцией. Белоконский и Белоруссов, названные среди земцев. Биллит Борис, сын купца, с.-р. Благовоев, болгарин, с.-д. Блек Александр, из немцев Поволжья, с.-р. Блеклов Степан, земский статистик, потом с.-р. Богданович Ангел, с.-д. Богораз Владимир (он же Тан), потом этнограф. Богучарский Василий (он же Базилевский и Яковлев), потом историк. Бонч-Осмоловский Анатолий, помещик, потом с.-р. Брешко-

Брешковская Екатерина, то же. Брусков, с.-д. Бурцев Владимир, потом историк. Братья Ванновские. Веймар Орест, врач. Ветрова Мария, студентка. Гедеоновский, с.-р. Геккер Нахман, сын купца, с.-р. Гессен Иосиф, отчество которого пишут то Самуилович, то Савельевич, то Владимирович, сын купца, потом к.-д. Глинский Борис, арестован по делу 1 марта 1887, потом историк, потом арестован по делу генерала Корнилова. Говорухин Орест, избежал ареста 1 марта 1887, потом с.-д. Гольденберг Григорий, по одним сведениям повесившийся в 1879, а по другим — живой даже в 1915. Гоц Михаил (Рафаил), позже лидер с.-р. Долгушин. Желябов Андрей. Зданович Георгий, потом лидер социал-федералистов Грузии. Лавров Петр. Лопатин Герман, потом с.-р., и его кузен Николай, подавший прошение о помиловании в 1888 и сошедший с политической арены. Кравчинский (он же Степняк) Сергей, много популяризовавший русское революционное движение своими романами, но начинавший с кинжала. Кропоткин Петр, рюрикович, князь, географ и анархист. Натансон Марк, умерший в 1919 шестидесяти девяти лет от роду левым с.-р. Михайлов Александр, которым держалась конспирация. Михайловский Николай, главный теоретик в России. Морозов Николай, потом к.-д. и плодовитый автор. Нечаев Сергей. Николаев Петр, который и с Чернышевским на каторге был прикован к одной тачке, и в журнале "Былое" с Бурцевым сотрудничал. Ольминский (он же Александров) Михаил, потом большевик. Ошанина Мария, покончившая с собой в 1898. Перовская Софья. Поливанов Петр, тоже покончивший с собой в 1902. Братья Рогачевы. Несчастный Рысаков, показания которого могли бы вдохновить и психологов, и романистов. Сабунаев, прогремевший в 1890. Скворцов (он же Степанов) Иван, потом большевик. Стефанович Яков, сын священника, по коварству на много голов превосходящий мальчишку Нечаева. Тихомиров Лев, тоже неслуженно лишенный романов о нем. Ткачев Петр, один из которых для своей библиотеки жадно выписывал Ленин в эмиграции. Ульянов Александр. Фигнер Вера, которая сидела в Шлиссельбурге, пока ее брат был в опере "Жизнь за царя" для самого царя. Чайковский Николай, биография которого — это вся история России 1850—1924, включая религиозные искания. Чарушин Николай. Братья Черновы, Виктор и Владимир,

и сестра их Надежда. Шанцер Виргилий, потом с.-д. Шелгунов Николай, который в 1860 умолчал, что это он автор прокламации, за которую осудили Михайлова, а в 1887 вынужден был пережить, как позорно каялся его сын, тоже дабы избежать наказания по политическому делу.

Эти персонажи также ждут своего места в добротных биографических словарях. Я испытываю глубокую вину перед называемыми мной именами, перед российской историей. Большинство из них — каждый богатейшая личность, целый мир, судьба и трагедия, достойная Эсхила и Шекспира. Я же упоминаю о них бегло, да и не про всех перечисленных стану писать. Это были люди небудничного закала. Они **знали**, что им под силу переделать мир, легко и уверенно взялись за его переустройство. И сейчас, сто лет спустя, мы можем восхищаться ими или проклинать их, но не можем отрицать, всматриваясь в наше прошлое, что они — творцы, что им удалось-таки оставить свой отпечаток на твердой глине веков. Они были детьми своего века, детьми своей страны, в них образовался тот редкостный неповторимый сплав человеческих качеств, который возможен только при адски высокой температуре и под убийственным давлением самодержавия. И было в них нечто еще, чего не было в детях самодержавной России в иные времена. Да простят меня их тени за то, что я ограничусь лишь скудными, лишь самыми необходимейшими для понимания фактами.

Сергей Нечаев был мальчишкой 22 лет, когда навсегда вошел в историю, велел убить невинного ради высокой цели. С кого спрашивать: с него самого или с общества, вырастившего такого парнишку? Он веровал в социализм так же глубоко, как апостол Павел — во Христа. Почти у всех русских социалистов социализм в сознании и подсознании заполнял то место, которое у русских обычно отводилось православию. Он превращался в веру. Веру, отъединявшую верующего от всего человечества, за исключением небольшого числа лиц, так же правильно славящих новое, справедливое общество, грядущий рай. На Западе социализм очень быстро из **чувства** становился **наукой** или **приматикой** рабочего движения; в России же он становился **верой**. Нечаев веровал в социализм по-русски, причем по натуре своей — фанатически, безоглядно. А социа-

лизм в России, как видел сам Нечаев уже в 1868, не побеждал. Полузаговор Герцена—Чернышевского провалился, отчаянный рывок Каракозова провалился. Нечаев решил, что надо создать единую армию людей, которые подчинялись бы только одному-единственному вождю, центру. (Уже в самой **вере**, будто бы такую можно **создать** по чьей-то воле, виден весь примитивизм и бескультурие его мышления.) Лишь такая армия, действующая как один человек, может свергнуть царя, установить социализм. Однако, чтобы создать эту армию, нужен **первоначальный авторитет**. Чернышевский и Каракозов, по мнению Нечаева, терпели крах из-за того, что вербовали себе сторонников **от своего имени**. ("Нет пророка в своем отечестве", "Мы его знаем, с детских лет видели, какой же он пророк!") Поэтому Нечаев порешил вербовать себе партию-армию от имени всемирной организации "Интернационал", пользующейся грозной славой. Неважно, что организация эта никогда его ни на что не уполномочивала: Нечаев подделал мандат, подделал подпись Бакунина, подделал печать (те же чувства, наверное, двигали монахами, подделывавшими "Константинов дар" — ведь речь шла о **разовом** обмане во имя вечного спасения всего мира! Ведь для себя лично Нечаев не выгадывал ничего, никогда!).

С этим мандатом Нечаев прибывает в Россию и вербует сторонников: у меня, мол, имеется огромная армия людей, которые возьмут власть не позже лета будущего года. Если ты тоже желаешь присоединиться к этой армии, то даем тебе пять минут на размышление. Спешите. Да, ты должен поклясться в верности. Впрочем, я уже открыл тебе слишком много секретов, так что если ты не захочешь вступать в нашу армию, то тебя все равно к вечеру прирежут.

В Москве и Петербурге Нечаев набирал себе несколько десятков человек. И тут он столкнулся с проблемой, которая всегда возникает перед недолгим организатором, желающим вызвать к жизни еще не вызревшее движение или реанимировать умершее: надо дать созданной им организации какое-то дело, занять членов организации деятельностью. Ведь организация — особенно нелегальная — существует постольку, поскольку она функционирует. А бездействие, переливание из пустого в порожнее приводят к развалу. Реального устойчивого дела во второй по-

ловине шестидесятых годов революционная идеология предложить не могла. "Иди и гибни... дело прочно, когда под ним струится кровь" — эта жертвенная позиция была единственной формулой, и наполнялась она содержанием, когда приходила полиция и за книжку-рукопись сажала человека в тюрьму. Нечаев **вывернул эту формулу** — кровь стала чужая. Дело должно было стать кровавым. Повторяю, это перевертыш революционной формулы:

От ликующих, праздно болтающих,
обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
за великое дело любви.

Кровавое дело, по Нечаеву, должно укрепить, связать, сплотить ячейки. С присущей ему гениальностью (ибо гениальность бывает не только на добрые дела, но и на злые) Нечаев находит **дело**, приказывая своей ячейке убить студента Ивана Ивановича Иванова (словно шутила судьба, подбросив имя как бы "никого"). Он знает, что студент не виновен, но объявляет ячейке, что тот предатель. Те повинуются, убивают. Все сделано столь грубо, неумело, как только и следует ожидать от непрофессиональных убийц, от по сути неиспорченных людей. Сам Нечаев — единственный профессионал — скрывается, прочих арестовывают. И судят открыто, с публикацией процесса в газетах, с правдивым следствием, с человеческим изумлением судей, с потрясением самих обвиняемых, половина которых добровольно сдалась властям.

Было такое в истории революции? Да. И не раз. Поэтому неверно рядить революционеров в белые рыцарские идеальные личности, рыцарей без страха и упрека. Как противопоставление тем представлениям о Революции, согласно которым все революционеры — безупречные герои, **нужно** напоминать про нечаевых. Но характерно ли это только для революции? Чаше ли это встречается среди революционеров, нежели среди аполитичных обывателей? Среди властителей, среди контрреволюционных сил? Лицо ли это, душа ли это, паспорт ли это революции? Нет. И лучше всего мои слова доказываются реакцией самих революционеров на дело Нечаева.

Революционеры — социалисты, нигилисты, не причастные к заговору, — следили за процессом с ужасом

и изумлением. Они, которые всегда хотели только хорошего всему человечеству, вдруг узрели, в какую можно рухнуть пропасть. Ведь они вовсе не намеревались резать неповинных. Да и несмотря на призывы Чернышевского срубить сто тысяч голов, до сих пор революционеры в России еще не убили ни одного человека! А их уже расстреливали, вешали, губили на каторгах. И тут такой кошмар... В кружках Долгушина, Чайковского обсуждают и обсуждают ужас свершившегося. Ни одного слова в защиту методов Нечаева не звучит. И, наконец, приходят к решению:

Нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации, независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. (...) Принятие в тайное общество у Чайковского не сопровождалось никакими клятвами и обрядами. (...) У кружка даже не было устава. В члены принимались только хорошо известные лица, испытанные много раз, так что им можно было безусловно доверять. Прежде чем принять нового члена, характер его обсуждался со всей откровенностью, присущей нигилистам. Малейший признак неискренности или самомнения — и его не принимали¹.

Эта нравственная реакция на безнравственность приемов Нечаева предопределила весь характер движения на ближайшие десять лет, а поскольку кадры и традиции, усвоенные в эти годы, играли роль и позже, то повлияла на всю судьбу партии социалистов-революционеров.

Не прибегать к насилию. Не заниматься политикой. Только мирная пропаганда идей социализма. Только хождение в народ — народ в душе социалист, надо лишь ему объяснить, научить его, и он сам устроит социализм. Бескорыстие, энтузиазм: дети самого высшего слоя в России, которым открыта любая дорога, любое положение, любой пост, — они бросают свои семьи, отказываются от "нечестного дохода", сами содержат себя трудом, да еще из заработанных денег большую часть отдают в общий фонд на устройство предприятий по пропаганде. Вот статистика. В рево-

¹ Заметьте, что при таких строгих критериях отбора, при таком "фильтре" их было очень много. Это лишний раз свидетельствует, что людей с такими революционно-социалистическими установками была масса, что "все хлынули". Чайковцы же лишь отбирали из "всех" немногих. Эти немногие тысячами заселили потом каторги и ссылки.

люционный движении 70—80 годов дворяне встречались в 150 раз чаще, нежели в числе всех жителей России. Каждый седьмой дворянин был причастен к революционному движению. Так что воистину было оно дворянским альтруистическим движением, исполнявшим славянофильский завет Хомякова: "За всякий погранный закон, за темные отцов деянья, за темный грех своих времен, за все беды родного края", искало (как умело) **искупления**. К слову, крестьяне встречались в этом же движении в 16 раз реже, нежели в среднем составе населения.

Хотя революционеры из всех сил стремились тогда ограничиться только **пропагандой** социализма, самодержавное правительство неотступно напоминало им: помните, в какой стране живете! Никаких прав у вас нет, не было и не будет! Самое паспортная система препятствовала: интеллигентная молодежь рвалась жить с народом, работать для народа, с народом, одеваясь и питаясь, как простонародье. По своим студенческим билетам или дворянским свидетельствам они не имели права этого делать: они не имели права на жительство в селах, не будучи приписанными ни к одной крестьянской общине. Тогда они отправлялись либо с подложными документами, либо без документов, словесно выдавая себя за крестьян-мещан. Конечно, их повадка мгновенно выдавала их, и за проживание по подложным видам на жительство их арестовывали. Нормально за такое преступление полагалось бегловое наказание с высылкой, но царские власти не удовлетворялись этим. При задержании обнаруживался "криминал" — книжки, брошюры, рукописи. И вот за слова в этих книгах их держали под следствием по нескольку лет (из арестованных по одному делу 210 человек до суда дожило 193 — прочие умерли), а потом по "делу о революционной пропаганде в империи" их в большинстве ссылали на каторгу и в дальние ссылки. Неудивительно, что Тургенев написал "Порог", восхваляя революционерку, и крупными денежными взносами регулярно помогал революционерам даже тогда, когда они перешли к оборонительно-наступательной тактике террора.

Отчетливее стало ясно, что нужны права личности, человеческие права, что всему мешает самодержавный, бесконтрольный характер власти. Насколько действия правительства оттачивали от него порядочных лю-

дей, насколько само правительство эффективно создавало армию революционеров, видно на примере композитора Антона Рубинштейна. В 1866 он написал увертюру по случаю избавления Александра II от пули Каракозова; был душевно весь за монархию. А в 1878 он написал романс на крамольные стихи Я. Полонского "Узница". В 1882 отказался принять заказ царского двора на торжественную кантату в честь коронации Александра III. В это же время он стал желать "полной перемены нынешней формы правления". Сама система управления создавала недовольство и возмущение. Своими репрессиями правительство добилось того, что движение, которое поначалу вовсе не было направлено против правительства, которое принципиально не желало заниматься политикой (влияние анархизма Бакунина—Ножина—Михайловского), которое было направлено против части населения (помещиков) и ставило целью изменение социальных форм сельской жизни, — это движение в итоге обратилось именно против верховной власти. У части нигилистов родилась даже идея мести, возмездия: правительство мешает и обрекает на мучительную гибель людей, которые никого не убили, не ограбили, не совершили никакого уголовного преступления, следовательно, надо убивать жандармов, прокуроров, министров и — поскольку высшую ответственность за все происходящее брало на себя самодержавие — постольку надо думать о царубийстве.

С другой стороны, среди революционеров было сильное разочарование деятельностью в народе. Народ не откликался на их "хождение в народ" (кроме как доносами о том, что чужие появились). Тому было много причин. В итоге в движении принимал участие только один крестьянин из 16 тысяч крестьян: в две тысячи раз чувствительнее было дворянство к народнической идеологии, нежели народ!¹ Революционеры разочаровывались в избранном пути. Кабы их не преследовало правительство, то движение умерло бы само собой за отсутствием конкретных плодов. Правитель-

¹ Статистика позволяет понять всю условность термина "народничество" и по достоинству оценить такие, например, фразы: "Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России" как бред, с которым даже и спорить не следует. Увы, над этот бред подгонялись многие и многие факты нашей истории.

ство же подставило себя под удар, начав бороться против движения, представ в виде **причины неудачи**. Так слова тех, кто восклицал, что надо мстить, стали находить отклик. Пока казалось, будто можно думать о работе в народе, такие призывы отвергались. После же процессов 193-х, 50-ти, после самодурства градоначальника Трепова прозвучали и выстрел Веры Засулич в Петербурге, и перестрелка вооруженного сопротивления "группы бунтарей" Ковальского в Киеве, когда явились с арестом жандармы; и то и то в 1878. В апреле 1879 Александр Соловьев стрелял в Александра II на Дворцовой площади. Это покушение совсем иного типа, нежели Каракозова 13 лет назад. Тот был одиночкой, за которым вдогонку кинулись члены его организации остановить, вырвать пистолет из рук. Акция же 1979 обсуждалась несколько раз в петербургской организации "Земля и Воля", за право стрелять спорили между собой Соловьев и Гольденберг, уже учитывался опыт убийства жандармского полковника в Харькове, шпиона-provокатора в Киеве и пр.

Сначала эта организация не называлась никак; ее участники шутливо именовались "троглодитами". Почему? Потому что они укрывались в труднодоступных местах, за эту трудность прозванных "пещерами". Кабы они жили в мире христианских образов, они называли бы "пещеры" "катакомбами" по реминисценциям первых христианских мучеников. Но пребывали они в мире "научных" дарвиновских образов, вот и появились "троглодиты". К слову, это сочетание христиански-славянофильской жертвенности с атеистическим дарвинизмом-материализмом многих исследователей ставило в тупик. "Их убеждения: человек произошел от обезьяны, поэтому надо положить душу свою за други своя", — издевательски молвил Катков. Снять это противоречие удалось Кропоткину (много позднее), который, будучи убежденным атеистом, был высоко нравственным человеком и полагал, что нравственность человека вырастает не из религиозного императива, но из взаимопомощи, являющейся основной формой существования животного мира, его биологическим законом. Напротив, дарвиновскую идею борьбы за существование Кропоткин отрицал. Он отрицал и классовую борьбу. Согласно учению Кропоткина для человеческого общества действительно характерна **борьба**, но не двух сил, не антагонистических "классов"

сов", да еще определяемых "своим отношением к средствам производства", но борьба трех сил. Извечная модель борьбы в обществе — за **изменение** существующих форм жизни общества борются те, кто бескорыстно, альтруистически стремится улучшить жизнь общества; за **изменение** существующих форм жизни общества борются те, кто эгоистически, свкорыстно стремится улучшить жизнь себе, поскольку эти формы ограничивают эгоизм; наконец, за **сохранение** уже существующих форм жизни общества борются те, кто просто не желает ничего менять ни альтруистически, ни эгоистически.

Но вернемся к чайковцам (участником кружка коих был Кропоткин). Потом появилось название всей сети кружков: "Социально-революционная партия", и все провинциальные кружки стали рассматривать себя как принадлежащие к этой партии. Партия провозгласила лозунг: "Земля и Воля", он публиковался как заголовок неперидически выходившей с 1878 газеты, поэтому сама организация все чаще называлась "Земля и Воля". Позже, уже в сталинские времена, во избежание ассоциации "Социально-революционная партия" и "Партия социалистов-революционеров" (= эсеров) историографы могли пользоваться только термином "Земля и Воля", "землевольцы". В 1879 организация раскололась на "Народную Волю" и "Черный Передел". Вторые по-прежнему отрицали любую политическую деятельность (и тем самым — террор), но роли внутри страны почти не сыграли, ибо головка чернопердельцев (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч, Стефанович) эмигрировала, а их сторонники в России либо примкнули против собственных теоретических убеждений к народовольцам (Перовская), либо не разбиравшимися в таких тонкостях полицейскими мерами были репрессированы как народовольцы.

"Народная Воля" на первое место выдвинула **политические** требования **гражданских свобод** (одновременно сохраняя социалистическую доктрину) и провозгласила, что начинает противоправительственный центральный террор с целью **завоевания** этих свобод. Порой завоевывание сие мыслилось как свержение правительства и созыв Учредительного Собрания (земского Собора), порой оно мыслилось как уступка со стороны правительства, которое де предоставит свободу слова и печати для пропаганды социализма.

Не эти подробности превалировали, все объединялись общим делом — **террор**. Террор, а правильное — центральный индивидуальный террор (ибо нацелен на индивидуумов, стоящих в центре управления; отличается от периферийного индивидуального террора, где нацеленность против мелких сошек вроде шпионов да рядовых жандармов; отличается от безадресного массового террора, где безразлично, какие именно индивидуумы падут жертвой, лишь бы их было побольше) в истории человечества имеет долгую историю. Брут, Вильгельм Телль, Равайяк, Шарлотта Кордэ, Орсини — вот наиболее яркие представители. Насчет Телля можно спорить, представляет ли он центральный террор или периферийный, поскольку убил он наместника, а не самого императора. К слову, Пушкин вполне одобрял деяния Брута, Телля и Кордэ. Имеет хождение "теория" неэффективности, мол, индивидуального террора: одного убьешь, другой во весь свой пыл... Вздор. Убийство Цезаря Брутом и другими было действительно неэффективным. Зато убийство Теллем наместника вызвало всенародное восстание, и Швейцария освободилась, став первой в Европе республикой. Убийство Равайяком Генриха IV оказалось чудовищно эффективным, полностью сменив весь курс французской монархии, лишив гугенотов фактического равноправия, установив во Франции "христианнейший" католический режим (хотя самого Равайяка мучительно казнили). Убийство Марата Шарлоттой Кордэ было вполне неэффективным, ничего не дало в политическом смысле. Неудачное же покушение Орсини на Наполеона III в 1858 оказалось плодотворным и эффективным, вызвав полное изменение политики императора¹.

Католическая церковь всегда учила: "Тиранов надо убивать". Иезуиты направили Равайяка с кинжалом против Генриха IV. Православная церковь, будучи в полном подчинении у мирской исполнительной власти (см. § 8), никогда не одобряла убийства царя, разве что в завуалированных чтениях соответствующих мес

¹ Советские переводчики "Истории XIX века" Лависса и Рамбо конечно, сделали примечание к месту об Орсини, что, мол, покушение было неэффективно. А что им, бедным, оставалось писать! Спасибо, что хоть вообще этого места не вымарали при переводе! дали и французским авторам слово. В скольких переводах — не давали!

из Библии. Не из любви к террору взялись русские революционеры конца семидесятых годов за кинжалы, револьверы и бомбы:

Террор — это ужасная вещь. Есть только одна вещь хуже террора — это безропотно сносить насилия, —

говорил Кравчинский, по свидетельству Кропоткина. Никогда народовольческие (и позже с-р-овские) террористические акты не были безадресными, вроде как современные западные "террористы" берут заложников, относительно которых заведомо знают, что именно данные лица ни против них, ни против справедливости ничего не сделали; берут лишь для того, чтобы, манипулируя ими, добиться каких-то целей. Народовольцы воевали именно с императором, и жертвами могли быть только сам царь и те, кто рядом с ним. Это важное нравственное различие между двумя внешне похожими "формами социального диалога". Это твердая нравственная позиция, восходящая к нравственным раздумьям революционеров после дела Нечаева, которая сохранилась в деятельности социально-революционной партии и проявилась, например, в 1906 году в виде такого диалога двух лиц, бегущих из тюрьмы и получивших с воли для побега оружие:

Он передал мне револьвер. Я спросил его:

— Что вы думаете делать, если нас остановят солдаты?

— Солдаты?

— Да, если меня караул узнает?

— В солдат не стрелять.

— Значит, назад к себе в камеру?

Он улыбнулся опять:

— Нет, зачем в камеру?

— А что же?

— Если встретится офицер — в офицера стрелять, если задержит солдат, тогда, ну, тогда, вы понимаете, надо стрелять в себя. Я согласился с ним. Мы помолчали.

Можно насчитать много примеров, когда именно так поступали российские революционеры и террористы. Но это — трудный путь. Позже появятся и такие, которые облегчали себе жизнь, но они выходят за рамки хронологии книги I. И уж вовсе ничего подобного западному, неразборчивому, безадресному террору в России XIX века не было, заложников и вовсе не знавали. И это не случайно: в революционный террор приходили не пресытившиеся жизнью, ищущие острых

ощущений в сытом и свободном обществе люди, а те, кто после мучительных колебаний, **не желая того**, при-
нуждаем был отстаивать неотъемлемые права человека оружием. Исполнительный Комитет Народной Во-
ли писал по поводу убийства американского президен-
та Гарфилда неким анархистом, что этого и подобных
убийств он не одобряет. "Там, где люди имеют юри-
дическую и реальную возможность публично высказы-
вать свои убеждения, цели, программы, там неоправ-
данно прибегать к насилию из-за того лишь, что не все
сразу послушались и исправились, как учит та или
иная теория, секта, группа; насилие может быть об-
ращено только против насилия; в свободных же стра-
нах должны применяться другие средства для торжес-
тва идей социализма", — писал ИК.

Вершиной деятельности Народной Воли был 1880,
когда после ряда взрывов царских поездов был взор-
ван зал в Зимнем Дворце. Когда испуганный царь
повелел Лорис-Меликову проводить "диктатуру серд-
ца" с рядом либеральных мер и когда он дозволил
тому же министру внутренних дел то, чего не позволял
в 1865 министру Валуеву: обсуждать проект консти-
туции и земского собора. Но в феврале 1881 практиче-
ски все крупнейшие деятели (Желябов, Клеточников,
Михайлов Александр, Морозов, Тригони) были арес-
тованы, так что, хотя 1 марта Перовская все-таки
организовала удачное царевубийство, полиция еще уда-
чнее провела полную ликвидацию (опираясь на показан-
ия Гольденберга, предательства Меркулова, Оклад-
ского, Рысакова и мастерскую работу Судейкина под
руководством Плеве) как Исполнительного Комитета,
так и военной организации народовольцев. Последо-
вавшая за тем провокационная деятельность сначала
Стефановича, потом Дегаева обескровила и обездуши-
ла партию, а попытки возродить партию сначала Ло-
патиным, потом Бахом хотя и избавили революци-
онеров от полковника Судейкина, но ценой потери
Фигнер и практически всех крупных сил. Уцелевшие
Тихомиров и Ошанина эмигрировали, стали выпускать
"Календарь Народной Воли", но не более. Среди кру-
жков царил разброд. В поисках новых методов и идей
некоторые малороссийские народовольцы предлагали
заняться еврейскими погромами (см. § 9), другие
— экспроприировать почту. Центр осудил эти укло-
ны, подхвачены они не были.

К 1885 практически социально-революционной партии в России не осталось. Эмигрировавший Черный Передел¹ вскоре превратился в Группу Освобождения Труда, которая варилась в собственном соку, доказывая главным образом вредоносность индивидуального террора (трус Плеханов все-таки мучился угрызениями совести), а единственный храбрый мужчина в этой группе, Дейч, был схвачен на границе с партией литературы и загреблен на каторгу. Стефанович еще раньше отправился в Россию с коварной целью уничтожить Народную Волку как главную помеху единственно истинной программе Черного Передела; попав в тюрьму, он подробными показаниями очень помог Судейкину. Кружки Когана-Бернштейна, Гоца, Бурцева в восьмидесятые годы гибли в зародыше. Партии не было. Оставалось лишь **знамя**, т. е. легенды о героях, которые так-то боролись с самодержавием за то-то.

Пользуясь этим знаменем, Шевырев в 1886 предпринял попытку если не возродить партию, то хотя бы осуществить цареубийство. Он сумел объединить разнородные силы: от донских станичников до мещан из Вильны. Из заговора ничего не вышло — слишком уж дилетанты были мальчишки, взявшиеся за такое трудное дело. Но заговор Шевырева и аресты 1 марта 1887 имели три важных последствия. Во-первых, возникала иллюзия **непрерывной** деятельности революционно-террористической партии: с нею **не покончено!** Во-вторых, трусливые выдачи арестованными Горкуном и Канчером всех своих знакомых и незнакомых привели к повальной чистке Вильны (родом они оттуда). При этой чистке была арестована и Любовь Аксельрод, будущий главный философ марксизма, "Ортодокс". Был арестован и Бронислав Пилсудский, который потом на Сахалине превратился в выдающегося языковеда. И его младший брат Юзеф Пилсудский, будущий вождь ППС², будущий начальник Польского Государства. Был — уже не в Вильне, а в Москве — арестован Виктор Ванновский, будущий глава Московского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса. В-третьих, по делу 1 марта 1887 был повешен

¹ Написание наименований кружков, партий и организаций совершенно авторское. Отчасти варьирование объясняется отсутствием единообразия написаний в документах того времени. — *Примеч. ред.*

² ППС — Польская Партия Социалистична. — *Примеч. ред.*

Александр Ульянов, довольно случайно затесавшийся в это дело. Он всего-навсего за 10 дней до покушения вошел в состав центрального кружка. До того он увлекался единственно наукой. Но смерть его отца, действительного статского советника (= генерала) И. Н. Ульянова от "постыдной" болезни сифилиса потрясла его. Да и вся семья Ульяновых после этого вынуждена была перебраться в другой город. Сам же Александр, зная по тогдашней медицинской литературе, что сифилис неизлечим, зная из пьесы Ибсена "Привидения", поставленной в Германии как раз в 1886 году, какие роковые последствия ждут "до седьмого колена" детей того, кто умер от сифилиса, искал себе быстрой и красивой смерти. Поэтому он на суде шепчет подельникам: "Если вам что-нибудь будет нужно, — говорите на меня". Выступает с геройскими заявлениями, звучащими тем контрастнее, что сам Шевырев "по соображениям революционной целесообразности сохранения кадров" на суде выступает с покаянными заявлениями (правда, не выдавая). Отказывается написать прошение о помиловании, а царь ведь помиловал всех (кроме Шевырева), обратившихся к нему с таким прошением. Этим вокруг Владимира создавался ореол **брата повешенного**.

Попытка Сабунаева в 1890 возродить партию уже с центром не в Петербурге, а в Поволжье завершилась провалом с цепью последовательных арестов. В 1891 в Париже при испытании бомб за городом погибает русский революционер. Проводя дознание, полиция обнаруживает его записные книжки и передает их русской охранке — прокатывается серия опустошающих арестов по стране. Казалось, революционное движение задавлено полностью, а вместе с предпринятыми против земского движения мерами получалось, что всякое оппозиционное движение в России уничтожено. Жан-дармский генерал Шебеко, заместитель министра внутренних дел Д. Толстого писал:

... быть может, засияет день, когда из всех государств и народов Европы одна Россия в состоянии будет бросить громовое "Цыц!" разрушительным принципам социализма и революции. (...) Во всяком случае русский народ может видеть в своем будущем ясные, спокойные и счастливые горизонты, без боязни социальных кризисов и переворотов.

Не для втирающей очки пропаганды писал, а в секретном отчете узкому кругу правительства. Эти упования лишний раз иллюстрируют бездарность правивших.

При общем оживлении общественных сил после голода активизируются и социалисты-революционеры. Вернувшиеся из ссылки Анненский Н. Ф., Аптекман, Натансон, Николаев совместно с молодыми Блеком, Пешехоновым, Тютчевым, братьями и сестрой Черновыми начали в 1893 деятельность в районе между Орлом, Самарой и Петербургом по созданию революционной партии. Эта партия "Народного Права" важна для истории тремя моментами. Во-первых, при ее создании объединились молодые и пожилые. Прежде, в основном, в революционном движении участвовали студенты — до тех пор, пока их не изымали жандармские силы. Здесь же из 112 привлеченных к дознанию лиц лишь 18 были студентами или недавно изгнанными из учебных заведений. Сейчас возвращаются опытные старые борцы около пятидесяти лет от роду. Они вкладывают в движение весь свой организационный опыт. Молодежь обычно повторяет все ошибки дилетантов, "первая мысль" бывает одинакова почти у всех. Поэтому стихийно возникающие кружки редко бывают долговечными. Старики же привнесли знание психики своего брата заговорщика, знания встречающихся в жизни помех и препятствий, тот опыт организатора, о котором ни в какой книге не написано, который познается организатором на своей собственной шкуре, когда он создает и руководит подпольной организацией и видит, как извращаются в человеческих отношениях его благие намерения.

Во-вторых, дело "Народного Права" выявляет для историков весомость секретной агентуры ("провокаторов", как принято их именовать в революционных кругах). К этому времени в рядах революционеров уже активно трудились такие герои невидимого фронта жандармерии, как Евно Азеф (будучи студентом в Карлсруэ, сам предложил свои услуги ростовскому охранному отделению), Гурович (будучи арестован, завербовался), врач Михайлов, Окладский, Бакай, Зубатов, Статковский (последние трое, очень скоро разоблаченные как секретные сотрудники, перешли на открытую работу чинами жандармерии). Такой же была и Анна Серебрякова, которая держала "салон" — открытый дом для всех революционеров в Петербурге.

Там радушно принимали революционеров, укрывали их, если это нелегальные, устраивали встречи видных деятелей между собой, дарили их человеческим теплом и вниманием, организовывали сбор средств в "Красный Крест". Через салон мадам Серебряковой прошли едва ли не все революционеры, либералы и оппозиционеры 90-х годов. Лишь к концу десятилетия, когда поток революционеров сделался массовым, салон не смог вместить всех. Из салона же революционеры выходили уже с хвостом наружного наблюдения, прибывали по уже выданным ею явкам, все время подвергаясь внутреннему освещению. Так случилось со всеми организаторами "Народного Права", и едва они только изготовили бесспорный криминал — Манифест Социально-Революционной Партии Народное Право, как их ликвидировали. Правда, в паре случаев революционеры оказались ловчее полиции и ушли от слежки и ареста (Аптекман, Николаев).

В-третьих, Манифест свидетельствует о существенном развитии социально-политической мысли у революционеров. В сфере социального диалога имеются два разных способа действий: идеологический и политический (перечень не исчерпывающий, граждане критики!). При первом опираются на какую-то идеологию, доктрину, догму, учение. Извлекают из нее логические или паралогические выводы относительно того, что именно надлежит предпринять сегодня. Какие шаги согласуются с доктриной, какие акции необходимы в свете идеологии. И этим руководствуются в практических поступках кружков, партий, государства. Другой путь — политический. Деятель взвешивает различные общественные (государственные) силы, которые добиваются тех или иных целей, и сосчитывает, с кем заблокироваться, против кого выступить, дабы в конечном счете добиться своей цели. При этом мотивы союзников и противников малосущественны, важны позитивные действия, на которые те идут или пойдут, или кажется, будто пойдут. Временное объединение одних сил, потом столь же временное объединение нескольких других сил, но лишь бы в итоге своя цель оказывалась ближе, достижимее. В принципе идеологическая, доктринальная установка ближе к идее "бого вдохновенности", а политическая — к демократическому признанию "равноправия" всех доктрин и вдохновений. Признание того, что другие группы

населения, общества, политиков имеют равноправные со мною цели, а мне для реализации моих целей надобно заинтересовать чем-то, склонить к союзу со мной, — это бо́льшая социальная культура, нежели упорное выведение методов и поступков из одной идеи или круга взаимосвязанных идей. Но, конечно, если на доктринном пути деятеля как опасность подстерегает фанатизм, то на политическом пути деятеля подстерегают беспринципность и грязные сделки. Из-за этого почти все российские (неправительственные) деятели презирали политику, не без основания считая ее нечистым делом. Они и не умели бы поступать политически, кроме, разве, Герцена, Самарина да Чернышевского, но последнему не удалось испробовать своих способностей.

Революционеры обычно мало меняются за время тюрем-каторг-ссылок. Побывав на каторге, люди приучаются, иногда — притворяются, чаще — совершенствуют навыки, устанавливают связи, умирают, но не "перевоспитываются", не приходят к выводу: "Значит, наши враги были правы". Напротив, изменяли свое мировоззрение гораздо чаще те, кто оставался на воле, а не те, кто сохранялся законсервированным в каторжно-тюремных условиях. Вот пример: почти одновременно начинали свою революционную деятельность в кружке Чайковского Марк Натансон и Лев Тихомиров. Натансон был арестован рано: в 1872 сослан в район Северной Двины, а в 1877 за продолжение — восточнее Иркутска, потом еще севернее. И жены его — одна умерла в ссылке, а другая то вместе с ним, то порознь мыкалась по этапам и ссылкам. Когда же в 1891 Натансон получил возможность вернуться в Европейскую Россию (Саратов), он немедленно начал создавать партию. И за три года успел-таки многого достичь. Потом его снова забрали, он снова вернулся в 1904 — так до конца, все тот же внутренне и вечно деятельный. Тихомиров, бежав из первой ссылки, потом не попадался, в 1879—1881 входил в состав "Исполнительного Комитета героического созыва", был главным редактором газеты "Народная Воля". Он уцелел при разгроме весны 1881. И тогда, уходя от полиции, он испытал то одиночество, которого не знают узники тюрем, — одиночество на воле, ощущение, что ты противопоставлен самому ходу жизни. Весь народ, ликуя, встречает Пасху, а ему не с кем похристосовать-

ся, он обложенный волк. В тюрьме-то узник **точно** знает, что весь народ на его стороне, одна лишь подлая и злобная стража механически препятствует. Эмигрировав, Тихомиров по инерции продолжал деятельность, к которой привык: выпускал народо-вольческие журналы, заседал в Исполнительном Комитете, вершил судьбу Дегаева-Судейкина, направлял новых деятелей в Россию, но **думал, думал** — и передумал. В 1888 он вернулся в Россию, объявив о своем раскаянии. Он остался порядочным человеком: никого не выдал. К чести правительства, от него и не потребовали выдач — тогда самооплевывание еще не было превращено в неперемненное условие сотрудничества с правительством. Ему разрешили проживание сначала в провинции, затем в столицах. Публикации — сначала под псевдонимом, затем под своей фамилией. Ему принадлежат наиболее меткие и точные разоблачения революционной и социалистической идеологий. С его мнением считался премьер Столыпин: посылал ему произведения и проекты документов на отзыв. Позже он вообще постригся в монахи. Пребывание на воле, среди жизни, **может** менять идеологию, противоречащую жизни. Пребывание за решеткой — нет. Милосердие и великодушие правительства могут изменить настроение гордых, благородных и озлобленных революционеров, а насилие и жестокость — нет.

Так обстоит дело с **принципами, с идеологией**. Но по части прагматической развитие возможно и в тюрьме и на воле. И некоторая часть революционеров доразвилась до **политической тактики**, а скорее даже **стратегии**. Они придумали новые, неиспробованные пути достижения своих идеалов. Натансон, навестив в 1891 Шелгунова, Михайловского, Короленко, усвоил воззрения и проблемы, волновавшие этих **легальных** деятелей, которые по взглядам были для него безусловно **своими**, социалистами. Они поделились с ним, в частности, опытом земского движения. И Натансон стал излагать примерно такие мысли: лобовая атака за социализм в условиях самодержавия не дала никакого положительного результата, а лишь привела революционеров к полному разгрому. Общество в целом не принимает социалистических лозунгов и не намерено бороться за социализм. Общество в целом

не поддерживает и революционных требований о свержении монархии с установлением республики. Но для общества в лице его либеральной, земской, интеллигентной части весьма симпатично само то обстоятельство, что революционеры борются **против** правительства, ибо общество в целом не любит чиновного петербургского правительства. Все общество в целом считает, что правительство поступает неправильно, что оно не видит дальше собственного носа, что оно отвергает талантливых деловых людей, подбирает себе кадры из подхалимов, взяточников и дураков. Лозунг **общего увеличения свободы** обществу в целом был бы весьма привлекательным. Свобода слова, свобода собраний, свобода союзов — эти лозунги были бы привлекательны даже для дворян, не говоря уж о фабрикантах (давно безуспешно добывающихся свободы промышленных объединений) и интеллигенции. Поэтому Манифест новой партии гласил:

По мнению партии, народное право заключает в себе как понятие о праве народа на политическую свободу, так и понятие о его праве на удовлетворение материальных нужд на основании народного производства. Гарантими этого права партия считает: Представительное правление на основании всеобщей подачи голосов.

Свободу вероисповедания.

Независимость суда.

Свободу печати.

Свободу сходок и обществ (ассоциаций).

Неприкосновенность личности и ее человеческих прав.

Принимая во внимание, что Россия не есть однородное целое, но весьма сложное политическое целое, признание права политического самоопределения за всеми национальностями, входящими в ее состав, есть необходимое условие политической свободы. (...)

Будучи убеждена, что ее стремления отвечают требованиям исторического момента, партия надеется, что ее зов найдет горячий отголосок в умах тех, кто еще не потерял чувство человеческого достоинства, в ком самодержавие еще не вытравило сознания их гражданских прав, кому стало непереносимо ярмо насилия и произвола и кому дороги общественное благо и высокие идеалы истины и справедливости.

Преимущество с Социально-революционной партией "Народная Воля" отчетливо видна. Но все же здесь знамена социализма **спрятаны**. Социалисты и революционеры сами, они решили разворачивать **эти** знамена позже, когда уже будут достигнуты общедемократические требования. Это был первый случай в истории России, когда революционерами были явно

осознаны и четко сформулированы идеи борьбы за гражданские, общечеловеческие права без примеси какой бы то ни было идеологии, без претензии "построить справедливое общество". Символично и трогательно соседство записей в одном дневнике, изъятом царской полицией на одном из обысков. Сначала идет пересказ обращения студенчества к Александру III в начале 90-х годов:

Допустите, Государь, прямо и непосредственно к престолу Вашему избранных представителей народа, дайте возможность, как выражается знаменитый общественный деятель Иван Сергеевич Аксаков, быть честным и русскому печатному слову. Мы, воспитанники старейшего русского рассадника просвещения, молим Вас об этом, Государь.

А затем в тетради следует переписанный "Манифест социально-революционной партии "Народного Права" от 19 февраля 1894 "об объединении всех сил в борьбе за свободу". В душе этого современника событий традиционная революционность русских славянофилов сливалась с революционностью бывших народолюбцев.

Манифест этот подвергся уничтожающей критике со стороны главного идеолога народнического движения в эмиграции П. Л. Лаврова. Он утверждал, что социалисты "пошли на бесполезный компромисс". Они-де предали социалистические идеалы, но буржуазия не пойдет за ними все равно, поскольку имена вождей этой партии — имена социалистов, которым буржуазия не верит и не поверит. Неизвестно, сбылось ли бы пророчество Лаврова, ибо "Народное Право" погибло по другим причинам, но "Союз Освобождения", созданный П. Б. Струве семь лет спустя, объединил и "буржуазию" (по терминологии Лаврова), несмотря на то что у Струве была репутация социалиста и завзятого марксиста.

В целом все-таки к дате смерти Александра III социалисты были сокрушены и повыбиты. Ничего устойчивого революционеры создать не могли. Главное их достояние, которое оставалось с давно прошедших времен, было: **знамя, идеология и профессионализм.**

Знамя Народной Воли пользовалось безусловным почтением, и даже противники террора среди револю-

ционеров кадили ему публичные почести. Каждая следующая революционная группа ориентировалась по этому знамени, вплоть до I съезда РСДРП в 1898. Все хотели присвоить его себе, укутаться в него.

Профессионализм революционеров — это специфически российское явление. Ни в истории Английской революции XVII века, ни во Французскую революцию — даже если ее рассматривать как растянувшуюся во времени с 1789 по 1870, — ни в Американскую, ни в иные до XX века революции (кроме, разве, итальянского движения за независимость) не было такого профессионализма среди революционеров. В России вырабатывались устойчивые кадры лиц, которые ничем, кроме революции, не занимались. Которые жили одною ею. Для которых нелегальное положение было **нормой** повседневной жизни. У которых дети рождались на этапе в тюрьму и сами становились потомственными революционерами. Класс профессиональных революционеров — это куда большая историческая реалья для России, нежели проблематичный класс "капиталистов" или "кулаков". И по отношению к "средствам производства", и по отношению к общественным ценностям, и по собственному самосознанию класс профессиональных революционеров был гораздо монолитнее, действеннее, единообразнее.

Кстати, на что жили революционеры тогда? В семидесятые годы они жили главным образом за счет собственных средств. То родители подкидывали им денег (не забывая, что большинство их было из дворян), то сами они где-нибудь приработают какими-нибудь переводами, то богатые единомышленники помогут (помещик Лизогуб перевел на революцию сотни тысяч рублей, за что в конечном счете был повешен царем); в имении Бонч-Осмоловского всегда могли отсидеться и откормиться несколько нелегальных или беглых. С течением времени таких естественных средств стало недоставать. Ведь, например, такая акция, как подкоп на Малой Садовой в зиму 1880/81, требовала покупки дома. Не просто дома, а сырной лавки, т. е. **торгового предприятия**. Тут надо было и перешибить конкурентов, и давать взятки полиции и санитарным инспекторам, не говоря уже про собственное прожитие. К слову, на прожитие революционерам требовалось крайне мало. Они были непритя-

зательны, аскетичны и не нуждались в мягком ложе. Но вот для конспирации приходилось зачастую переодеваться, и нередко в дорогую одежду, не вызывающую подозрения. И уже в 1879 народовольцы совершают первую экспроприацию ("отчуждение собственности", позже фамильярно "экс", а по-человечески "грабеж") Херсонского казначейства. В 1882 были попытки (Сергей Иванов и Василий Панкратов) ограбления почты, но от этих методов партия отказалась, поскольку тут задеваются интересы частных лиц, а не одного только правительства. Много средств поступало революционерам по сборам в легальном обществе, как на "Красный Крест", так и на прямое продолжение антиправительственной деятельности; например, на последнее отдавал деньги Тургенев, очень нервничавший, когда Достоевский его в этом упрекал, потому что после Лизогуба такое финансирование являлось криминальным.

Идеология, которая сложилась к 1890 у революционеров, была в основном той же, что в шестидесятые годы, и, собственно, она оставалась господствующей в России до 1937—1964, когда ежовщина нанесла сокрушительный удар одному из ее столпов, а послехрущевское уютное устраивание жизни смыло ее начисто. Главное в этой идеологии было **самоотречение**. Личность, индивидуум, собственное я — отменялись как предметы недостойные. Коллективизм, коллективное мнение, воля коллектива, интересы общества — вот первенствующая ценность. Все должно быть подчинено коллективу, обществу. Отсюда уже вытекает социализм, отсюда проистекают все средства, этим оправдывается любая безжалостность к отдельным лицам. Наука как **правильный** подход к решению проблем, религия — как **неправильный**. Идея прогресса, с обязательством для революционера быть на правильной, научной стороне прогресса, всегда пользительного для общества. Наконец, очень важное для поведения и души: ни в коем случае нельзя сотрудничать с карательными органами (при социализме их не будет, конечно), ни в коем случае нельзя обращаться к этим органам с доносами на товарищей по партии. В рамках этой общей идеологии возможны были варианты, и у большинства социал-революционеров не имелось монолитных воззрений, но уже сама эта пер-

вичная установка по отношению к миру выделяла революционеров из числа прочих людей. Приведем две цитаты. Одна, 1906 года, принадлежит социалистуреволюционеру-максималисту. Другая, 1907, — конституционному демократу.

"Мы лично думаем, что отправной идеей социалистической нравственности, идеей, способной устранить из нее все внутренние противоречия и недостатки предшествовавших систем морали, — должна быть не единичная личность, не отдельный конкретный индивид, даже не большая или меньшая сумма механически связанных между собой конкретных индивидов, а другая, **сверхиндивидуальная** реальность, с ее особыми, самостоятельными законами статистики и динамики, а именно — человеческое общество. Общество есть **великое подразумеваемое** всякого индивидуального существования, самородное, а не договорное явление, элемент первичный, обуславливающий, по отношению ко всякому отдельному, конкретному индивиду — элементу вторичному, обусловленному. В таком взгляде на общество лежит главная демаркационная линия между индивидуалистическим и социалистическим мирозерцанием, и в этом взгляде скрывается целый ряд основных, решающих моментов, отличающих мораль будущего от морали отживающего (буржуазного) общества".

"Изучение общественных движений всех стран и народов дает, нам думается, возможность сделать тот вывод, что формы этих движений всегда находятся в соответствии с режимом страны или, вернее, — с правительством, находящимся у власти в момент пробуждения народа и стремления его перейти к новым условиям жизни. Чем упорнее и дольше правительство стремится сохранить старый строй, чем больше проявляет оно жестокости по отношению к новым всяньям, тем, в конце концов, ужаснее проявляется революция как противовес правительственному упорству. Доведенное до отчаяния репрессиями население выделяет из своей среды уже не носителей светлых идеалов, которыми всегда являются лучшие и умнейшие люди страны, а фанатиков, не менее жестоких и упорных, чем само правительство, так как, из чувства простого самосохранения, является необходимость против грубой силы старого режима выставить не менее грубую силу оппозиции. Вследствие такого рода условий, освободительное движение, в конечных фазах своего развития, нередко сопровождается весьма тяжелыми явлениями, совершенно противоречащими, по-видимому, тем благим целям, какие имеются в виду достигнуть".

Рекомендуем прочитать к этой главе следующие произведения: Аптекман, Бакунин, Богучарский, Гладилин, Глинский, Гросул, Давыдов, Достоевский, Ибсен, Кропоткин, Морозов, "Обзор важнейших...", "Очерки истории...", Прыжов, Сутырин, Тихомиров, Трифонов, Троицкий, Тун, Тургенев, Фигнер, Широкова, Щетинина.

§ 7. Промышленность, хозяйство и классы к концу XIX века

*Развитие промышленности и дорог;
социальные аспекты развития;
индустриализация за счет разорения;
промышленники, рабочие, дворяне,
крестьяне, бюрократия,
интеллигенция*

За 40 лет, протекших с кончины Николая I, кардинально изменилось место промышленности в России. Отмена мелочных регламентаций развязала руки торговцам и промышленникам. Оскорбленный патриотизм стимулировал создание такого народного хозяйства, при котором Россия была бы конкурентоспособной с передовыми западными державами на военном поприще. Нетронутость, целинность России по части индустрии позволяли достигать баснословных результатов простейшим путем при ничтожных капиталовложениях. В частности, за 40 предреволюционных лет темпы роста тяжелой промышленности были выше, чем за 40 послереволюционных. Главной задачей, фактически стоявшей перед страной на путях обеспечения конкурентоспособности, было решение двудеиной задачи: переход от экстенсивной к интенсивной культуре труда и решение проблемы рынков, внутреннего и внешнего. По части внешнего рынка, не будучи в состоянии конкурировать с западными товарами, Россия преимущественно осваивала восточные рынки: среднеазиатский, монгольский, маньчжурский, персидский. На Запад же продавалось по-прежнему только сырье: хлеб, пушнина, золото. Доходило до того, что Россия продавала Германии (Пруссии) пшеницу-рожь, там ее мололи, а затем Россия покупала у немцев эту муку! По-прежнему перед страной стояла проблема **научиться торговать трудом, а не природными богатствами**. По части внутреннего рынка одной из предварительных задач была ликвидация бездорожья для свободного перетекания товаров из региона в регион. Эта задача была в основном решена энергичным, умевшим масштабно мыслить министром Витте. Существующая сейчас в СССР сеть железных дорог в основном построена или заложена была еще к концу XIX

века, включая БАМ — под названием "Кругобайкальская дорога" (начата около 1906). Разумеется, как всегда, первой поднималась "пена", осмеянная Щедриным. Но и после того как банкротства и судебные процессы "смахивали пену", оставалась жизнеспособная промышленность, энергично расширявшая сферу своего влияния и свои капиталы. Крупным недостатком этой индустриализации была малая преемственность: дети редко шли капиталистической тропой своих отцов. Так, дети миллионера Сабашникова основали убыточное издательство для шикарного выпуска в свет шедевров. Сын богатейшего купца Гучкова спустил все на общественную деятельность. Из четырех сыновей Рябушинского лишь один продолжал торгово-промышленную деятельность, а другие стали кто авиатором (дорогое и рискованное тогда занятие), кто меценатом (дорогое удовольствие). Сыновья Шмита, Гоца и др. и вовсе занялись прямой революцией, расходуя нажитые отцами капиталы. Про "класс" капиталистов говорить было еще преждевременно: ему недоставало самосознания. Порой в благотворительность ударялись и сами отцы-капиталисты. Поэтому на расширение и порой даже на самовоспроизводство капитал возвращался недостаточно. Но простое прожигание капитала гульбой и похвальбой, как изображено в пьесах Островского, или как жгут кредитки у Достоевского, в этот период уже являлось исключением, оно относится к 60-м годам или даже ранее.

Промышленность развивалась и за счет своих капиталов, и за счет французских и иных капиталовложений, например Донбасс. Но неверно говорить, якобы "Россия превратилась в полуколонию иностранного капитала". Происходило нормальное проникновение иностранного капитала, никак не задевавшее основ хозяйствования. Развитие шло быстро, росла и концентрация производства и численность рабочих на предприятиях. Рубль стоял высоко, никаких признаков инфляции не было.

Но эти показатели сами по себе мало что говорят. Сама по себе экономика — нейтральная вещь. Мало кого трогает, каким именно образом отливают чугун и потом из него выделывают швейные или пишущие машинки, кто посредничает в торговле ими. Экономика перестает быть нейтральной, когда зацепляется за

те или иные **социальные** отношения: за наличие-отсутствие рабочей силы, за способы привлечения рабочей силы, за сбыт и способы сбыта чугуна, за гарантии надежности и долговечности изделий из этого чугуна, за дым из труб, выжигающий окрестную растительность, за профессиональные заболевания рабочих кварталов. В пору усиленной индустриализации экономика не может быть нейтральной, ибо процесс этот приводит к быстрому изменению социального статуса **многими людьми**. Происходя в стране, где само понятие **собственности** не слишком-то было священным, само возникло сравнительно недавно, — индустриализация катастрофически умножает ряды социальных последствий-потрясений. Именно поэтому и только тогда экономика из экономической истории перемещается в общую историю. Дополнительно во времени процесс индустриализации в России совпал с перманентной научно-технической революцией в промышленных средствах: распространились паровые двигатели, им приходили на смену электрические и дизельные. Телеграфист выдвигался на первое место по значимости.

Рассмотрим на двух примерах взаимоотношения индустриализации с крестьянством. Крестьяне жили плохо. У них была низкая техника, низкая аграрная культура. Урожайность была чудовищно низкой — нормальным урожаем считалось "сам-три", т. е. собирается втрое больше посеянного. Удобрения в почву не вносились, в иных местах население и не ведало, что навоз улучшает почву (Астраханская губерния). Вот из речи одного земского деятеля:

При нашей несомненной бедности мы располагаем не меньшими, чем наши счастливые соседи, естественными источниками для извлечения богатств, но не умеем ими воспользоваться. Крестьяне Харьковской губернии владеют 2.846.749 десятинами одной надельной земли, что равно 31.000 кв. километров, т. е. у них в полтора с лишним раза больше земли, чем во всем Вюртембергском королевстве; число же крестьянского населения Харьковской губернии почти равно числу жителей Вюртемберга, а между тем в Вюртемберге население благоденствует, а у нас, имея в полтора раза больше земли, — притом великолепного чернозема, а не немецкого суглинка, — население наше жалуется на тесноту, стремится выселиться в Сибирь. И, действительно, население живет у нас крайне бедно, — так бедно, что первый же неурожай разоряет хозяйство; земство должно заботиться об обсеменении полей и часто о продовольствии населения, чтобы спасти его от голодной смерти. (...) Чем ниже степень культурности человека, тем больше простора требует он для безбедного существования. (...)

Это означает, что население не умело приспособиться к демографическому взрыву (за XVIII—XIX столетия численность населения в Европейской России возросла впятеро). Население сохраняло отчасти хищническое, отчасти инфантильное отношение к хозяйствованию. Хищническое — по отношению к земле, к ее качеству, сохраняя традиционный экстенсивный способ хозяйствования. Инфантильное — в той мере, что сохранялась традиция полагаться на барина: барин (земство), мол, накормит в неурожай. Сохранялся традиционный пищевой ассортимент. Короленко описывает, что, когда не было ржи, крестьяне, голодая, ели лебеду, и лишь когда не было и лебеды — ели картошку. Душевные и социальные стереотипы оставались те же, что во времена, когда земли было сколько угодно, а теперь в нечерноземной зоне ее было уже явно мало.

А ведь перенаселенность — это лавинный процесс, как подметил еще Чаянов. Он писал: имеется перенаселенная сельская область. Так как она перенаселена, то хлеба не хватает, прокормить себя область не может. Для закупки прокорма население нуждается в деньгах, а для этого изобретает разные **трудоемкие** промыслы. Например, вместо посева ржи выращивается лен. Раз культура трудоемкая — она дорогая. Значит, в целом валовый доход у этой области **повышается**. А раз так, то в погоне за прибылью и за возможностью вложить труд туда **прибывает** **извне** население, да и имеющееся не отъезжает. Таким образом, перенаселенность **возрастает**. Такого рода цепочки с обратной связью выглядят парадоксами, они обнаруживаются пристальным статистическим анализом и лишь потом, после многих лет изучения, допускают такое короткое описание, как сделано выше. Общее настроение мыслей, искавшее социальной справедливости в те десятилетия, не замечало подобных цепочек, оно кидалось на первое пришедшее в голову: "Отобрать землю у помещиков", — и дискуссия разгоралась по поводу этого вздорного тезиса (ибо помещики владели уже меньше чем половиной пахотной земли, и передел мало бы что дал): надо ли — не надо ли, как отбирать, насильственно ли, с выкупом ли, всю или часть земли, отдать ли государству отобранное или земству, или самим возделывателям земли... В этой падкости общества на обсуждение фикций тоже проявлялась низкая социальная его культура. Равно как и в том, что и правительство

(Победоносцев) и социалисты одинаково рьяно защищали устаревшую общину, были против индивидуального крестьянского хозяйствования.

Итак, крестьяне разорялись, шли в рабочие. Собственно, согласно закону, "рабочих" не существовало, имелись "крестьяне на заработках". Этот термин до какой-то степени отражал характер рабочих того времени. Они воспринимали себя на фабриках-заводах людьми **временными**, им интересы производства, его устойчивость и выгодность были посторонни. Сорвать за несколько месяцев-лет много денег ("длинный рубль"), которых не заработать в деревне, — вот направленность их помыслов. А там хоть трава не расти. Зарботки у рабочих были действительно очень высокими. Например, сельская учительница зарабатывала 15 руб./мес, а квалифицированный рабочий Шелгунов — от 30 до 100 руб./мес. Но условия жизни рабочих были необеспеченными. Прежде всего, потому что предприятия были **частными** и подверженными действию конкуренции; они могли прогореть, а рабочие остаться без места. Во-вторых, в те времена всюду в Европе, включая Германию и Англию, жилище не входило в объем "уровня жизни" для рабочих; спали преимущественно вповалку в казармах. В-третьих, даже согласно принятым тогда критериям, уровень жизни российских рабочих был примерно втрое ниже уровня жизни английских и немецких рабочих. В-четвертых, пьянство было нормальным явлением, поэтому редко кто накапливал зарплаты на то, чтобы к 40 годам уйти с фабрики, купить домик-лавку и зажить спокойно. Но бывали. Итак, крестьяне порождают рабочих, неорганизованных, не имеющих гарантий, т. е. относительно дешевых. Промышленность получает тем самым относительно дешевую и незащищенную рабочую силу, т. е. **стимул к развитию**. Индустриализация, таким образом, растет и ширится за счет **разорения крестьян**.

Возьмем отношения капиталистов и дворянства. Дворяне в массе своей были наследниками тех избалованных крепостным правом бар, которые ничего не умели. Сидят они себе в вишневом саду да стреляются за псевдофилофскими разговорами. А поместье постепенно, по частям или враз, переходит в руки делового коммерсанта. На стадии разорения, значит, относительно дешево. Опять же промышленность обретает

стимул к развитию, на этот раз за счет разорения помещиков.

Итак, мы видим, что индустриализация крепчает за счет разорения и крестьян и помещиков. Конечно, в полном уничтожении этих классов (тут допустимо говорить о "классах", ибо эти группы более или менее сознавали себя как нечто особенное, да и были законодательно выделены как "сословия") капиталисты (тут еще преждевременно говорить про "класс", ибо самосознания еще не было, торговцы и промышленники еще не различали себя друг от друга) не были заинтересованы, ибо внутренний рынок обеспечивался именно этим сельским большинством населения. Но своим развитием индустриальный капитал **разорял** этот потенциальный свой рынок и тем самым ставил под угрозу собственное свое развитие на длительный период.

Заметим, что рабочие не находились в антагонистических отношениях с предпринимателями. Объективно (но не субъективно, как отмечалось выше) они были заинтересованы в процветании капитала, ибо только тогда у них были бы высокие заработки. Субъективно же они хотели, чтобы заработок **не зависел** бы от коммерческого неуспеха их хозяина. Совсем нельзя говорить про классовое самосознание "рабочего класса" — слишком короткий исторический срок существовали эти "крестьяне на заработках". Парадокс российской истории заключался в том, что этот **еще не класс** получил преждевременное классовое самосознание из рук революционной интеллигенции (см. § 10 и § 14).

Были еще два класса: бюрократия и интеллигенция. Бюрократия противостояла всем классам или "классам": дворянам и крестьянам, промышленникам, рабочим и торговцам, а также духовенству (о нем см. §8). Бюрократию ненавидели все, хоть и по-разному. Чиновник и подать собирал с крестьян, не имеющих денег. И рабочим препятствовал стачкой вырвать у фабриканта лишнюю копейку расценок. И фабриканту мешал строить новый завод без предварительной взятки. И торговле не покровительствовал достаточно, не защищал отечественный товар от иностранной конкуренции. Дворянству, правда, Александр III старался покровительствовать. В частности, изволил поощрять службу дворян в правительственном чиновном аппарате, чем частично снималось противостояние "бюро-

кратия — дворяне”, столь болезненное при Александре II. При общем долеом уменьшении дворянства в стране доля его в чиновничестве страны возросла (а при Николае II еще сильнее). Но не пошедшее на службу дворянство по-прежнему поносило бюрократию и не видело в ней проку; это верно и применительно к оппозиционно настроенным революционерам и земцам, и применительно к реакционному помещицкому дворянству, брюзжащему по уездам. Дворянство при Александре III приобрело еще ряд экономических льгот, например получение денег в банке в ссуду на льготных условиях. Ряд правовых льгот, например преимущественное право на покупку и удержание земельных угодий сравнительно с торгово-промышленниками. Или такая своеобразная льгота: мать Александра и Владимира Ульяновых, будучи вдовой статского генерала, пожизненно сохраняла право на беспощинное и бесцензурное получение из-за границы бандеролей и посылок; невзирая, что ее один сын повешен по политическому делу, а другой за политику в ссылке, она получает кипы нелегальной литературы — законно!

Правительство порой предоставляло льготы и другим группам населения. Так, например, были отменены выкупные платежи, даже недоимочные, шедшие с 1861, — льгота крестьянству. Так, предоставлялись разного рода субсидии или же льготы российской промышленности, развиваемой в Средней Азии (“господа ташкентцы” Салтыкова-Щедрина). Но последние льготы предоставлялись не за счет коренного населения страны, не за счет тех или иных российских групп-классов. Льготы же, шедшие дворянскому сословию, прямо и недвусмысленно предоставлялись в ущерб торговцам и фабрикантам. Этим рождалось противостояние, недовольство капиталистов. Особенно в Москве и Поволжье, поскольку в Петербурге капиталисты сумели подкупить чиновников и научились “брать свое”. Противостояние торгово-промышленного элемента правительству связано еще с тем, что в капиталистах преобладали старообрядцы, т. е. те православные, которые были гонимы правительственными чиновниками. Бюрократия представляла собою законченный класс, самосознание которого выработалось раньше, нежели у иных социальных групп. Чиновники всегда были “один за всех, все за одного”. Чинов-

ники были объединены "самосознанием мундира". И если чиновника в Тамбове осмеют, то весь Петербург встает на его защиту.

Этот класс сохранил огромную, неслыханную для европейски-американского взгляда власть над всеми сторонами обычно свободной (в том смысле, в каком свободно хождение по улицам нормально живущего города) человеческой деятельности. Вот изумление американского промышленника Джекобсона, датированное 1904 годом:

Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны. Оно владеет и управляет $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети и $\frac{7}{8}$ телеграфов; почти $\frac{1}{3}$ всей земли и $\frac{2}{3}$ лесов находится в его непосредственном заведовании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки, потребляемые свыше чем 120-миллионным населением, скупает весь спирт, необходимый для народного потребления.

Какие высококвалифицированные, честные, инициативные чиновники должны были быть в распоряжении правительства, располагающего такими средствами! И сколь глубоко преданными делу народнохозяйственного блага! Ведь при решении задачи перехода России с крепостного, принудительного труда и обмена на торгово-промышленный режим, нужно было пересматривать **всю систему** государственного хозяйства, т. е. систему кредита, денежного обращения, государственных финансов, податного дела, таможенной политики и др. Однако за редкими исключениями — Витте — правительственная бюрократия находилась не на высоте стоящих перед ней исторических задач и оказывалась недостойной тех средств, которыми наследственно располагала. Для бюрократии важнее всего был ведомственный престиж и ведомственное удобство функционирования. Поэтому все классы русского общества стонали от нее и с каждым годом становились все более решительными ее врагами. И одновременно все классы стонали от все большего и большего **усложнения** социальной жизни, от крушения патриархальной простоты. И даже сам гениальный и властительный Витте стонал от твердолобости По-

бедоносцева, а потом от тупости и лицемерия Николая II. Спасая, например, свою "идейную чистоту" от подзревавшего его Победоносцева, Витте приносил в жертву умеренных земцев и их вполне разумные интересы — лишь бы Победоносцев не мешал ему осуществлять грандиозные железнодорожные и финансовые замыслы. Так даже либеральный Витте в глазах России становился неотличимым от реакционной камарильи.

Интеллигенция — сей термин ввел в русский язык писатель Боборыкин — также обладала высоким классовым самосознанием, хотя и раздиралась множеством идейных разногласий, а также различалась основами темперамента. Класс этот был активно антиправительственным, питался выходцами из всех других классов, становился частично наследственным. Сознывая себя как самостоятельный класс, он, однако, не выдвигал свои классовые интересы в первую очередь. Он отдавал свои силы служению интересам всей страны или отдельных ее "угнетенных классов" вроде крестьянства. В этом специфика российской интеллигенции тех десятилетий: разногласия в том, как служить Делу, преобладали в ней перед сознанием общности своих собственных интересов как класса интеллигентных людей.

Рекомендуем почитать авторов: Погребинский, Щепелев, Яковлев.

§ 8. Духовенство и религиозная жизнь

*Православный железный занавес;
приниженное положение церкви;
опоздание с переводом Библии;
духовная цензура и безмолвие
в религиозной сфере;
нищее положение поповства;
Соловьев о церкви*

Главенствующей религией в России было православие, хотя имелись крупные массивы подданных с другими религиями: мусульманство в Казани и недавно присоединенных территориях (см. § 9), протестантство в Прибалтике, католицизм и униатство, грузинское

и армянское патриаршества. Православие как неугнетенная религия сохранилось после падения Византии только в России (и отчасти Литве, но это стародавние дела). Это обстоятельство совместно с засильем в Москве в XV—XVI вв. болгаро-греческих эмигрантов, принесших с собой истеричную веру, что, мол, "Тырново — это Третий Рим", способствовало тому, что православие начало выполнять роль **железного занавеса**, отгораживающего идеологически, организационно, культурно Россию от прочего европейского мира. Католичество же в западных странах, напротив, пробивало брешь в национально-государственном эгоцентризме, сближало разные страны и уклады. Существенно при этом, что в целом ход истории **России был связан** с общеевропейским ходом истории, разворачивался на фоне христианско-европейской жизни. В таких условиях наличие "занавеса" еще значимее, чем если бы Россия и Европа вовсе не были связаны, вроде Японии и России. Во-первых, в этих условиях всякий, кто покушался заимствовать что-либо с Запада, попадал под подозрение в национальном предательстве и в религиозной ереси. Во-вторых, даже самим своим названием "**право-славие**" оно вызывающе подчеркивало свою правильность, праведность, правоту сравнительно с другими способами славить Бога. Оно внушало любому мирянину чувство своего превосходства над всеми неправославными. Так православие смыкалось с патриотизмом (см. § 1).

Такая отъединяющая функция православия — не включение в набор приемлемых укладов неправославных — способствовала (как и климатический фактор) развитию **нетерпимости** как значимой формы социального общения. Нетерпимость действительно была свойственна и славянофилам, и революционерам-социалистам, и погромщикам, и министрам. До какой степени распространенным было это **отгалкивание** от враждебного Запада, видно на вовсе не политическом примере: когда Лобачевский издавал свою книгу с новой геометрией, он в предисловии писал, что сия новая (и правильная) геометрия послужит делу опровержения философских лжеучений, идущих с растленного Запада!

Как социальная организация, как общественный институт (я не затрагиваю вопроса Церкви как Тела Божия), русская православная церковь "пребывала

в параличе со времен Петра Великого”, — по мнению Достоевского, а по суждениям иных историков церкви — даже и того прежде. Например, Г. П. Федотов полагает:

От духовного кровопускания, которое русская Церковь претерпела в княжение Василия III, она никогда не могла оправиться совершенно.

(Василий III — отец Ивана IV). По афоризму Лескова, на Руси еще не было проповедано слово Христово”. При праздновании Тысячелетия Крещения Руси иерархи советской православной церкви фактически подкрепили точку зрения Достоевского, хотя не в столь резких выражениях.

Организационно русская церковь почти все время, а XVIII—XIX века без “почти”, пребывала под безусловной властью царя, т. е. не была самостоятельной “властью”, “институцией” (см. § 3). С 1709 священникам вменено в обязанность нарушать тайну исповеди и доносить о важных (=государственных) преступлениях по полиции. Петром же отменены патриархи, т. е. нарушен канон церкви, т. е. сделано то, до чего не доходили в Грузии-Армении турецкие и персидские захватчики. Церковные соборы, как и земские, не созывались свыше двух веков, и духовные иерархи осмелились заговорить о созыве Собора только после ряда успешных террористических актов социалистов-революционеров в 1905 (см. § 15). Сам Петр I был лютым врагом православия, а может быть и христианства вообще. Он заставлял своих подданных поклоняться голым венерам в Летнем саду. Он регулярно проводил “всепянейшие соборы”, пародировавшие церковные службы, где, в частности, воздвигался громадный православный крест из кала, который предписывалось лобызать. И православная церковь против этого не перечила, не посылая никаких равайяков в свою защиту¹. В ней невозможна была та независимость католической церкви, которая учила: “Убей тирана!” Ясно, что такая церковь не могла пользоваться большим

¹ Известно, что православные священники встречали Пугачева колокольным звоном и благодарственными молебнами. Но плохо изучено, что стояло за этим, и если даже это и было проявлением оппозиционности, то едва ли после 1773—74 заметным образом повторялось в стране.

уважением, и значительные массы населения отворачивались от нее: сначала старообрядцы (раскольники), а с наступлением более либеральных времен широко распространялся атеизм. Еще в десятки и двадцатые годы XIX века за "кощунственные высказывания" обыватели иногда пожизненно ссылались на покаяние в монастырь, что опять же не придавало уважения к институту, так себя защищающему. В селах священники ("попы") не были уважаемыми сочленами общества, да и не имели к тому материальных средств, порой нуждаясь, как самый бедный крестьянин. Одно обстоятельство сильно способствовало развитию пьянства среди священников. Перед Пасхой и т. п. готовится освященное вино (Кровь Господня), по глотку которого дается прихожанам. Должно на всех хватить — поэтому изготавливается с запасом. Но остаток нельзя вылить, выбросить — ведь сие Святыня! Нельзя неуважительно поступить! Поэтому в избытке почитания священник вынужден сам выпивать оставшееся вино вкуса кагора, а отсюда при систематическом повторении до алкоголизма один шаг. А чрезмерное почитание Святыни хорошо стыкуется с номинальным характером социальных ценностей. Во вторую половину XIX века заботами Победоносцева было замечено бедственное положение православного священства, но меры по улучшению носили поверхностный, паллиативный характер.

Христианская религия во всех странах Европы всегда была важным, даже важнейшим компонентом, собственно **фундаментом** духовной и культурной жизни всякого общества. Из религии исходили, ею пропитывались, ею восхищались, с нею спорили (в свободных условиях) разные мыслители и писатели. В России же почти не было самих предпосылок к тому: Библия целиком была переведена на русский язык только в 1876 — за пять лет до убийства Александра II! Попытка перевода 1818—1825 была пресечена, издание было **сожжено**. Неудивительно, что Пушкин заимствовал свои идеи и образы из французской литературы, а не из православной Библии:

А где мы первые познания,
где мысли первые нашли?
Где поверяем испытанья,
где узнаем судьбу земли?

Не в переводах запоздалых,
не в сочиненьях одичалых,
где русский ум да русский дух
зады твердит да лжет за двух.

Напомню, что и с переводом Библии на церковно-славянский язык было такое же многовековое запоздание (1751), а до того хождение на Руси имела главным образом Библия, созданная в Польше попечениями эмигранта Курбского и деятеля Унии князя Острожского. Мне кажется, что опять-таки такое опоздание связано с чрезмерным почитанием. С желанием сделать **самый точный** перевод. Действительно, когда читаешь русский перевод и сравниваешь его с немецким Лютера или с еврейским оригиналом, то обнаруживаешь, как мастерски, как великолепно, с каким знанием различий и чувством языка выполнен российский перевод. Преклоняешься перед безвестными монахами-переводчиками. Но дата 1876 свидетельствует о безнадежном опоздании этого непревзойденного труда. В результате же в России XVIII века пользуется, например, громадной популярностью роман о царе Соломоне, который на корабле **плывет из Иерусалима** в Царьград, приветствуемый **громом пушек...** И библейский сюжет и исторические реалии — все безнадежно прервано, и сам дух этого романа скабрёзный.

Обратимся ли мы к культуре проповеди, и тут мы видим такое сильное почтение к святыне, которым святыня исключается из жизни. В самом деле, в католическом храме верующие выслушивают проповедь **сидя**. В православном — **стоя**. Внешне более уважения к святому слову. Но попробуйте представить себе студентов, обреченных слушать профессора стоя?! Будь он даже распрегениальный — много ли упадет им в ум и в душу, в поведение? Поэтому практические правила социального поведения, проповедуемые церковью, усваивались православными хуже. От проповедей оставалось смутное сознание наличия чего-то значительного, до чего я не дорос, пред чем можно только преклонять колени, но что неудобоприменимо в быту. В частности, совершенно не справилась православная церковь с заповедью "не лги", из-за чего, как уже писалось (§ 3), стал невозможен подходящий налог в России.

Церковная цензура пресекала обсуждение религиозных вопросов в России. Самарин написал диссертацию

о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче — но по цензурным условиям был издан только III том, а первые два пришлось публиковать славянофилу Самарину на проклятом Западе, за границей. Книги славянофилов Хомякова и Ивана Аксакова по богословским вопросам тоже видели свет только за границей. Персонажи Достоевского вовсю могут поносить Папу Римского, но ни одного православного епископа, не говоря уж митрополита, задеть персонажам не полагается! Этот цензурный гнет несколько ослабел к 1900 году. Увидел свет в России такой яркий роман на религиозные темы, как "Христос и Антихрист" Мережковского, было опубликовано фрагментарно учение Вл. Соловьева об Антихристе — вещи непредставимые в первой половине века. Но попытки наладить духовную жизнь были запоздалыми, непоследовательными и робкими. Они не могли никак соперничать с валившим с Запада, укреплявшимся в тогдашней науке и выползавшим из православных семинарий атеизмом.

Как социальная группа, как сословие, как класс духовенство давно и хорошо осознавало себя единым организмом. Но выявлять это единство какими-нибудь соборами, "съездами" ему — как и земству — не было положено. Правительство из всех сил жаждало превратить до конца духовенство в чиновников, послушно исполняющих волю обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, и в то же время ждало от священников, чтобы они стали духовными пастырями своих прихожан. Желания явно несовместимые: чиновник пастырем быть не может. В целом духовенство страдало, но не роптало.

Примерно в эти годы часть православных активистов скомпрометировала себя приемами борьбы против униатов в Царстве Польском. В Холмском соборе (Холм — сейчас Хельм, в Польше) произвели разорение:

Органы, которые население не разрешало выносить из церкви, разбирались на части, а затем продавались с аукциона. Ослупленных священников консистория удаляла, т. е. высылала. ... широкое пламя волнений было подавлено внешней, т. е. военной силой. Население перестало посещать церкви, отказывалось хоронить и крестить по новому обряду (т. е. по-православному). В ответ на это губернатор разработал целую систему штрафов. За некрещение родившегося ребенка в течение недели каждый из родителей подвергался штрафу от 1 до 7 рублей. Каждую следующую неделю штраф повторялся в том же размере... Деньги для

штрафов изыскивались путем продажи крестьянского имущества с публичных торгов. Продавался преимущественно скот. Оставшаяся за вычетом сумма на руки владельцу не выдавалась, а оставалась у администрации для погашения будущих штрафов. ...Спустя только год после "воссоединения" 120 000 человек, т. е. четверть всех воссоединенных, отказались признать себя православными и стали называться "упорствующими".

Ясно, что совестливым людям нечего было делать рядом с такими ревнителями "православия". Да и прагматически беспцельными оказались эти репрессии — через 30 лет, после указа 17 апреля 1905 о веротерпимости, из православия в католичество (уже не в униатскую церковь, а дальше, в самое католичество!) ушло 170 000 верующих.

Из среды духовенства вышли: Введенский, Гапон, Джугашвили, Елисеев, Микоян, Подвойский, Попко, Стефанович, Чернышевский. В конце XIX века гремел своими проповедями покаяния и очищения священник Иоанн Кронштадтский. Несколько позже — монах Илиодор (в Поволжье). Вызвала широкое и скандальное обсуждение канонизация Серафима Саровского.

Вот как писал — в подцензурной прессе — крупнейший из русских философов, задумывавшихся над церковным вопросом в XIX веке, В. С. Соловьев. Писал в связи с упоминавшейся нами ранее (§ 2) запиской К. С. Аксакова (1855) и по поводу последнего (1881) пастырского воззвания Святейшего Синода, проδικтованного убийством Александра II:

В воззвании оплакивается пагубное нравственное состояние России и подробно перечисляются все грехи и беззакония, которым мы подпали: безверие, нерадение, своекорыстие, необузданное вольномыслие, гордость, любостяжание, жажда удовольствий, невоздержание и зависть. Упреки справедливые и никто не вправе отклонить их от себя. Но поистине прискорбное недоумение вызывается тем, что Святейший Синод, оплакивая бедственное положение России и пространно говоря по этому поводу о нравственных болезнях, присущих всему естеству человеческому со времени грехопадения (т. е. со времен Адама и Евы), ни единым словом не касается того особенного великого недуга, который удручает ныне русский народ в его целостности и составляет истинную причину тягостного его положения. Странно и прискорбно такое умолчание и потому, что этот великий народный недуг ближе всего касается иерархии Русской церкви, находится в области ее прямого ведения. (...)

Русский народ в своей совокупности духовно парализован; нравственное единство его нарушено, не видно в нем действий единого духовного начала, которое бы, как душа в теле, внутренние управляло всю жизнь. (...)

Вот уже более двух столетий, как церковь Русская, вместо того, чтобы служить основой истинного единения для всей России, сама служит предметом разделения и вражды. Значительная часть русского народа, разделившись на множество сект, враждебно спорит между собою о вере и сходится лишь в общем отрицании "господствующей" церкви. И иерархия Русской церкви, вместо того, чтобы и вне церкви действовать великою силою любви, отрешилась от нее внутри себя: стремясь принуждением возвратить к единству отпавших, произвела еще большее разделение; пытаясь насилем утвердить свой верховный авторитет, подвергается опасности совсем его лишиться. (...)

Патриарх Никон первый решительно обособил духовную власть в России, поставил ее как что-то отдельное, вне народа и государства, и этим неизбежно вызвал чуждые и враждебные отношения между ними. С тех пор распалось нравственное единение России и возникло то духовное безначалие, в котором мы и доселе находимся. (...)

Когда Петр Великий по соображениям государственной выгоды (...), затем Петр III, Екатерина II, Александр I и Александр II по личным побуждениям человеколюбия и веротерпимости все более и более ослабляли религиозные преследования, иерархия не только не руководила ими в этом, но и задерживала их добрые начинания, ревниво охраняя начало принуждения в делах веры и совести. Этим духовная власть решительно признала, что она опирается не на внутреннюю нравственную силу, а на силу внешнюю, вещественную. Но иерархия, отделившись от всенародного тела, сама по себе не имеет и вещественной силы. Она должна искать ее у того же светского правительства, обладающего материальным могуществом, но для этого ей нужно отказаться от своей независимости, пойти в услужение к светской власти. И русская иерархия не замедлила совершить этот третий грех против своего великого призвания. (...) Сначала она тянулась за государственным короною, потом крепко схватилась за меч государственный и наконец принуждена была надеть государственный мундир. (...)

Явное бессилие духовной власти, отсутствие у нее общепризнанного нравственного авторитета и общественного значения, безмолвное подчинение ее светским властям, отчуждение духовенства от остального народа и в самом духовенстве раздвоение между черным, начальствующим, и белым, подчиненным, деспотизм высшего над низшим, вызывающий в этом последнем скрытое недоброжелательство и глухой протест, религиозное невежество и беспомощность православного народа, дающие простор бесчисленным сектантам, равнодушные или же враждебные христианству в образованном обществе — вот всем известное современное положение Русской церкви.

Как шаг к выходу Соловьев указывает на необходимость созыва Собора Православной церкви. Но очень осторожно, ибо прямо писать о таком Соборе стало допустимо только в 1905 году, да и то царь так и не позволил его созвать; лишь летом 1917 такой Собор стал юридически возможен. А описанное состояние Русской Православной церкви было долговремен-

ным фактором, обусловившим психику **многих поколений**. Это одна из причин, почему Русская церковь не смогла в 1917 сделаться силой, объединившей бы народ, тогда как католическая церковь в Польше стала такой силой и в конце концов **отвергла** все иноземные и социалистические учения. Аксаков констатировал (см. § 2), что "внутренний общий союз жизни до того ослабел в России", Фадеев предвидел (см. § 5) в этом ослаблении предвестие "сумятицы и даже полного разложения, еще не виданных на нашем свете". И едва ли можно возразить против мысли, что нарисованное Соловьевым положение церкви, долженствовавшей бы "служить основой истинного единения для всей России", было могучим фактором, влекшим Россию к внутреннему ослаблению и распаду, пугавшим Аксакова и Фадеева.

Рекомендуем почитать: Болотов, Мережковский, Соловьев.

§ 9. Территориальные и демографические факторы

Раздел Польши

и присоединение части Османской империи;

польские революции и революционеры;

польские евреи; евреи-ассимилянты;

"мост" в Центральную Европу для революционеров;

кавказцы; тупик славянофильства;

"историкографические ошибки школы Покровского".

За сто лет, протекших со славных дней царствования матушки Екатерины, в состав России были инкорпорированы обширные территории и народы. Хороших карт нет, но примерное представление можно получить, вспомнив, что Польша — громадное самостоятельное государство — граничила с Россией по Днепру. Что весь северный берег Черного моря принадлежал самостоятельному, под верховной властью Оттоманской Порты государству — Крымскому ханству. Что поэт славил царицу за присоединение к России "киргиз-кайсацкия орды", сиречь Башкирии. Что Габсбургская империя — которая вовсе не то, что "Австрия", — в целях поддержания территориального

равновесия между Российской империей и Османской Портой (это и Турция, и Балканы, и Алжир, и Палестина), в целях приостановления экспансии России в сторону Турции — договорилась о поселении в Северной Таврии, на Кубани и на Волге нейтральных поселенцев-протестантов, выходцев из Голландии и германских княжеств, вассальных тогда к Австрии. Они, трудолюбивые земледельцы, широкой полосой усевшись на степных землях, должны были бы обрамлять Россию, не смешиваться (в отличие от казаков) с ее православными жителями и служить гарантами целостности Турции, включая Предкавказье. Екатерина охотно согласилась на этот план и освободила навечно этих поселенцев от налогов и службы в армии; последнюю льготу нарушил Александр II в 1871, а первую — только советская власть. Грубо говоря, линия стыковки "новых" земель и "старых" проходит по прямой, соединяющей Вену и Саратов-Самару. Примечательно, что анализ мест рождения нескольких тысяч революционеров ложится гуще всего как раз на ту же самую полосу стыковки. Именно тут, на стыке разных этносов, сильнее всего вспыхнула пассионарность¹. Перейдем к разбору новых земель и принесенных ими с собою проблем.

Польша. Население — поляки, литва, малороссы, евреи. Религии — католики, православные, униаты, иудеи. Весь этот конгломерат жил сравнительно мирно, хотя далеко не идеально, в условиях относительного самоуправления религиозных общин и городов и таких поселений, как Сечь. Но в 1773 с Польшей стряслась катастрофа, последствий которой до сих пор не расхлебала Европа: она утратила свое государственное существование, будучи поделена на три части, вошедшие в Российскую, Австрийскую и Прусскую империи. Для нас важно, что в состав России вошли представители всех этнических и религиозных групп. Вошли католические Варшава и Лодзь, вошел в основном православный Киев (но с польским католическим университетом и иудейским Подолом), вошли многочисленные "местечки" (от польского "място" — город)

¹ Может быть, и в других случаях внезапного возбуждения пассионарности, по Гумилеву, не нужно искать (вопреки Гумилеву) лишнего излучения из ионосферы, а достаточно поискать линий стыковки предшествовавших этносов?

с иудейским населением¹. Известная автономия Польши (конституция, Сейм) была закреплена **международными** договорами, которые, правда, Николай I односторонне нарушил. До 1865 российские дипломаты, как кошки, помнили, чье мясо съели, и всерьез опасались, что западные дипломаты им это припомнят и потребуют интернационального рассмотрения польской проблемы; поляки же всерьез надеялись на такую дипломатическую честность Запада. Поляки издавна были настроены против русских: те лишили их Родины. Когда-то их Родина была — в польском восприятии — великолепная Rzecz Pospolita. Лелевель вещал, что Польша — это Мессия Свободы для всего человечества, который пришел слишком рано и был распят, как и Мессия Христос. Еще Стефан Баторий про свою войну с Иваном IV заявлял, что это не обычная локальная война по тем или иным национальным причинам, но война за **свободу**, против угрожающего **всему миру деспотизма**. И вот эти варвары, москвиты-татары обманным образом лишили поляков государственности, самостоятельности и свободы, жесточайше русифицировали их, запрещали польский язык, закрыли польский университет в Киеве, возникший задолго до того, как в Московии слово "университет" услышали... Ясно, что поляки были в массе своей против русских вообще. Они были не только против царя, но против русских. Из-за разных схваток ("восстаний", как выражаются российские историографы, и "войн", как выражаются историографы польские) на каторгах и ссылках оказалось множество поляков, которые потом в ссылках женились на русских, чаще всего воспитывая в детях ненависть к царизму. Поляки находились в тесной связи с Герценом и Бакуниным. Официальная царская пресса, ее глашатай Катков, а за ним Победоносцев и Достоевский во всяком революционном движении усматривали польскую интригу — поляки мутят, мол. На самом деле российское революционное движение с середины шестидесятых годов было чисто от польского воздействия. Конечно, какие-то единичные поляки встречались. (И в мемуарах Веры Фигнер вспоминается, какое впечатление произвел на них, се-стер, случай с поляком, причастным к восстанию 1863.)

¹ Я не уверен, будто тамошние иудеи этнически суть евреи, но для изложения **российской** истории это не важно.

Но встречались эпизодически и нечасто. Не чаще, чем поляки попадались среди крупных сановников Российской империи, а это тоже бывало.

Ибо поляки не желали участвовать в **русском** революционном движении. Они не хотели участвовать в государственном строительстве новой России. Они желали, чтобы Польша получила самостоятельность, с возвращением прежних ее границ, а там гори Россия синим пламенем, провались в тартарары — им неинтересно.

Еще в 1830, когда Чарторыйский стал начальником Государства Польского, у поляков уже был прочный тыл в Европе, особенно во Франции. Немало поляков с тех пор рассеялось по итальянским революционным вентам. Австрия служила им в этом отношении мостом, а Наполеон III — легендой. К концу XIX века поляки создали две основные политические партии: Polska Partia Socjalistyczna (Польша Партия Социалистична или ППС) и Narodowa Demokracja (Народове Демокрация — аналог КДП в России), которые и занимались своими польскими антирусскими и анти-немецкими проблемами. Как раз в 1892 Юзеф Пилсудский в Вильне создавал свою подпольную типографию для общепольской газеты. Вильна, разумеется, в те времена воспринималась всеми поляками и многими неполяками как **польский** город. ППС на первый план ставила **независимость** и возрождение Польши. Социализм для нее был средством из-за большой его модности. Позже Пилсудский заметно эволюционировал от идей социализма.

Следующий крупный этнический массив, доставшийся России в Польше, были евреи. Для понимания дальнейшего существенно, что они, **сохраняя** родственные и деловые связи, оказались расселенными между **тремя** государствами. В силу того что границы в те времена были не на замке, а являлись скорее правоведческими фикциями, евреи сохраняли свое единство — как поляки. Но на этом сходство с поляками кончается: в отличие от поляков евреи не стремились к государственной независимости, они готовы были принять и принимали участие в жизни России¹. Поэтому их

¹ Те из евреев, кто, подобно большинству поляков, думал о независимости евреев и поэтому был безразличен к улучшению политического и социального строя России, обычно примыкали к си-

межгосударственное единство оказалось **мостом** между жизнью России и жизнью Германии (Австрии и Пруссии).

При Екатерине II евреи остались жить там же, где прежде; так же, как прежде. Только что стали **числиться** подданными Российской империи. Жили они отделившись, изолированно, ни с кем не соприкасаясь, кроме как по торговым делам. Как прежде польская, так теперь российская власть уважала их внутренние законы, и евреи не выходили за пределы своей внутренней автономии. Социальная жизнь еврейства основывалась на раввinate¹, на религиозном и обрядовом единстве, на языке или даже языках, непонятных для окружающих. Николай I уже стал заботиться о спасении душ евреев, для чего повелел отбирать сирот-иудеев в военные кантонисты. Армия — 25 лет жизни. Личность за это время совершенно менялась. Большинство евреев крестились в армии:

Отец (...) прошедший горькую долю кантониста (...) рассказывал, как его побоями, истязаниями и даже пыткой заставляли перейти в православие. Загоняли даже в реку и грозили утопить, если не окрестится. Многие его сверстники стали православными (...) он показывал мне на базаре стариков-лавочников с истинно русскими фамилиями, но с истинно еврейскими носами и бородами, и пояснял, что это были кантонисты, розгами и кулаками приведенные к пониманию истинности православной веры.

На крещеных евреев никакие ограничения не налагались, в отношении армии Николай I был весьма демократичен — выслуживайся хоть в генералы. Из рода кантонистов начальник штаба у Деникина Романовский, адмирал Нахимов и мн. др. В русификаторских поползновениях Николаю значительно помогла ссора между раввинами — сторонниками и противниками ассимиляции, когда одни раввины оспаривали перед царскими властями правомочность назначения

онистскому движению, возникшему в 1870 и звавшему прочь отсюда, из страны гоев, в Палестину. Сионисты практически не приняли никакого участия в российском (революционном, оппозиционном или консервативном) движении. Из принявших можно назвать имена Мехлиса и Рутенберга.

¹Я не стану задерживаться на не признававших раввината "трокских евреях" (караимах) и т. п. тонкостях, не имеющих значения для российской истории. Но примечательно, что караимы отделились от своей еврейской крови (сохранив иудейскую религию) и тем самым обрели себе определенные налоговые льготы.

на официальные религиозные посты других раввинов, и тем самым приглашали самодержавие вмешаться в свои внутренние религиозные дела.

Приходилось Николаю рассуживать евреев и с малороссами-белорусами. Здесь напряженность была давней и вкоренившейся. Рядом жившие и исповедовавшие разные религии люди не могли не обсуждать (хвастаться и осуждать) соседских религий. Христианская церковь учила, что иудеи продали и распяли Христа, сами согласившись, чтобы кровь его пала на весь иудейский народ; отсюда — иудеи проклятый христианством народ, каковое проклятие отменено Папой Римским только во второй половине XX века. Значит, **христианин должен мстить евреям за Христа**. Далее, христианский закон запрещал ростовщичество христианам; поэтому дозволенным ростовщичеством занимались иудеи от Шейлока до Ротшильда. Ростовщик же, который "ничего не делаю" гребет деньги-проценты, требует их от меня, когда у меня их нет, — паразит, которого пожечь и пограбить не грех. Специфическое для Польши противостояние православных — иудеям связано с расчетливостью иезуитов. Те умыслили посорить иноверцев (по отношению к единственно истинной католической римской церкви) и с этой целью отдали православные храмы **на откуп** иудеям. Те за деньги пускали туда православных служить службы. Платить деньги жиду за православную молитву было таким унижением, что запомнилось на века. Малороссы охотно устраивали еврейские погромы, один из которых смачно описан Гоголем в "Тарасе Бульбе": убивать беззащитного — это глубинное наслаждение мужской психики. Правда, преимущественно погромы причиняли вред **имуществу**, не вырождаясь в резню, и уж вовсе не бывало **повальных** истреблений. В малороссийских селах циркулировали упорные слухи, будто бы евреи для ритуальных целей убивают малолетних детей православных и используют их кровь. Николай I назначил специальное расследование по делу одной такой девочки, синагога стояла много лет опечатанной, но в итоге суд не установил виновности евреев.

В 1881—1883 по Малороссии прокатилась волна еврейских погромов. В отдельных местах для охранения общественного порядка были вызваны войска, и кое-где им пришлось стрелять в православных по-

громщиков. Возникла непереносимая для православного коллизия: православные солдаты стреляют в православных обывателей ради защиты христопродавцев-жидов. В безуспешных попытках снять этот трагизм, предупредить его расползание по империи, Александр III ввел "черту оседлости". Фактически она совпадала с прежней границей Польши. Внутри этой черты евреям разрешалось селиться, а вне — только в порядке исключения (наличие высшего образования, заслуг перед государством или т. п.). Одновременно некоторые народовольцы предлагали стратегию: надо возглавить народ против эксплуататоров-жидов, а когда царская армия станет защищать евреев, тогда обличить царя и повернуть народ против царя. Исполнительный Комитет запретил такие бредни, но в 1900—1904 на их основе Винниченко и Петлюра (писатель и учитель) создали первую в мире социалистическую антисемитскую партию Революционная Украинская Партия (потом переименованная в Украинскую Социал-Демократическую Партию — УСДП). Антисемитизм в Малороссии носил **народный** характер.

В собственно России (Петербург, Москва, Нижний) еврейских погромов не бывало. Не было и заметного антисемитизма. Все проблемы, связанные с ним, привнесены вместе с бывшей польской территорией. Те евреи, которые попали сюда из Курляндии вместе с Анной Ивановной в 1730—1742, растворились в многонациональном Петербурге, не став социальным явлением. Теперь же, особенно с облегчением торговых связей, евреи приходили в соприкосновение-конкуренцию с русскими купцами. При этом российские купцы в основном проигрывали: ведь у евреев были традиции **европейской и всемирной** торговли! За ними стоял "мост" в Германию! И, более общо, все это иудейское население входило составной частью в так называемую "Рейнскую культуру". Да и с Турцией-Средиземноморьем контакты у жителей тех мест были традиционно налаженными. Напряжение росло и ширилось.

Оно тем более росло, что в среде еврейства была сильна и даже преобладала тенденция к ассимиляции. Евреи хотели стать русскими по культуре. Массами покидали они веру отцов своих, местечки свои и устремлялись, изыскавшись на ломаном русском языке с характерной жестикуляцией, туда, где им дозволено было селиться. Проползали туда, где им жить вос-

преждалось. На это решались наиболее активные лица, так что с самого начала ассимиляции в ней принимали участие лица с активностью выше средней. А и вообще мужчины-евреи были хорошо образованы: они непременно умели читать и писать на двух языках (древнееврейский иврит и жаргон немецкого языка идиш). Уже в 1871 русское общество обратило внимание на эту повышенную активность-грамотность евреев. По новому закону о воинской повинности производился первый набор. Русские губернии отнеслись к нему как к привычному явлению. Крымские татары, абхазцы, которых до тех пор воинская повинность обходила, в панике бросали свои виноградники, отплывали в Турцию, а пересидев там время набора, возвращались домой. Евреи же прибегали ко всевозможным уловкам, подтасовкам, подкупам, хитростям, дабы избежать набора **на законном основании**. Тут и выяснилось, что из всех национальностей, населяющих Россию, лучше всего законы знали евреи, порой даже лучше, нежели чиновники, производившие набор. Для чиновников закон был номинативной ценностью, для евреев — достижительной. Активность сия сочеталась со своеобразным воспитанием. Ведь иудейская религия еще в большей мере, нежели православие, отгораживала евреев железным занавесом от всего мира. Талмуд, Пятикнижие (Тора) были известны молодым людям наизуток. Они ведали, что сказал ребе такой-то. Имена Аарона, Гиллиля, Рава, Маймонида и Спинозы для них были живыми, родными, как нынче имена и лица популярных киноактеров и хоккеистов. Зато о географии они могли и понятия не иметь. Русской истории слыхом не слыхивали. Мир для них оставался таким, каким был описан в Пятикнижии. И, выходя из своих местечек в города России, они по духу были в чем-то близки американским пионерам, продвигавшимся в том же веке "на далекий запад" по землям диких индейцев — мир чужих, неверных, ненужных русских был для них таким же "открытым миром". Русские в их подсознательном представлении мало чем отличались от диких ханаанских племен, испокон граничивших с Израилем. (Напомним, что евреи в своей массе — **горожане**, а русские на 80% — **крестьяне**).

Одновременно евреи насквозь были пропитаны ветхозаветным духом, а это дух социалистический, антицарский. В Пятикнижии слова доброго не отыщешь

о царях. И пророки библейские поносят царей, проповедуя социальную справедливость, равенство, заботу о бедных ("и урожай с поля своего не собирай до последнего колоса — оставь и бедному и сироте"). В этом идеальном (=фиктивном) мире пророков и законоведов росли те еврейские дети, которым предстояло выйти в неустойчивое равновесие русского общества, пытавшегося приспособиться к требованиям индустриального века. Неудивительно, что в революционном движении замаскировались еврейские фамилии или еврейские физиономии с псевдонимами.

Напомним, что российское революционное движение скорее восходило к русским дворянам или православным семинаристам и что до семидесятых годов евреи в нем заметным образом не участвовали. Их участие сделалось весомым после того, как их ограничили в правах: евреи несли все обязанности, которые налагались на подданных России, и в то же время не обладали всеми правами, имевшимися у подданных Российской короны. Такое неравноправие всегда чревато социальными конфликтами. С конца девяностых годов XIX века невозможно перечислить десятков революционеров, не назвав одного-трех евреев. Это, конечно, налагало свой отпечаток и на само революционное движение, в программах которого появилась национальная автономия или национальное равноправие (о чем как-то не думалось во времена Чернышевского или Желябова). С другой стороны, реакционно-консервативной части общества это давало основание твердить, якобы все революционное движение **затеяно** евреями, держится только еврейскими деньгами и т. п. Ячейка ксенофобии в социальной психике перезаполнялась: вместо немцев замещалась евреями. Из-за этого непонимание между сторонами — реальными сторонами в конфликте, т. е. между правительственной бюрократией и общественными силами, — росло, исчезали последние шансы на взаимопонимание и компромисс, оставалось только кровавое решение целиком в пользу одной стороны. Но нам следует все же помнить, что **не все** евреи шли в революцию. Иные шли на правительственную службу. Один — Грингмут — крестившись, стал даже председателем Московского отделения Союза Русского Народа, т. е. вождем крайне реакционной, антиреволюционной, "патриотической" силы. А вот такие активные молодые люди, как

Азеф и Житомирский, просто добровольно предложили свои платные услуги правительству в борьбе с революцией.

Наконец, вместе с Польшей достались России малороссы. Это православные или униаты. Под Польшей они были угнетаемы, но, попав под власть царей, не раз бунтовали, а также выказали себя в XVII—XVIII веках источником образованности и просвещения для москалей. Возводить к ним современную Украину неправильно и этнически, и территориально: юг нынешней Украины не принадлежал Малороссии. Он завоеван в XVIII веке силой российского оружия (под начальством преимущественно немцев), и в XVIII—XIX веках именовался "Новороссия". Заселены эти территории тогда же насильно переселенными из центральных российских губерний крепостными. Однако сильнее всяких этнических и географических факторов в национальном вопросе действует самосознание и стереотип жизни. Тут севернорусский уклад жизни легко сменился местным, южным. Немалую роль в создании самосознания "Украины" сыграл Шевченко. Великий и несчастный поэт придал этому самосознанию резко антимоскальскую направленность. Не пощадил он и ляхов, и жидов, но главная его ненависть выплеснулась на русских. Именно Россия ввела крепостное право в Малороссии к концу XVIII века — достаточное основание и для личной ненависти закрепощенного народа, и для широкой общественной базы для ненависти. Как филологическое явление украинский язык создавался от Шевченки до Драгоманова, и примеры Гоголя и Квитко-Основьяненко чудесно иллюстрируют, на какой тонкой ниточке балансировало его создание! В Малороссии, где отношение панов-католиков к холопам-православным окрашивалось презрением истинно верующих к еретикам-схизматикам, никогда не бывало патриархальных отношений бар и крепостных, а господствовала взаимная ненависть. Наличие у бар громадных поместий (крестьянам тут принадлежала значительно меньшая часть земли, нежели панам, — в отличие от собственно России) плюс эта ненависть часто приводили к таким формам социального диалога, как плети и поджоги. Присутствие турецкой ли крови, татарских ли стереотипов поведения делало жестокость в этих краях более распространенной, более привычной, более зверской.

Кавказ при Екатерине не принадлежал России. Только в 1864 было официально провозглашено присоединение Кавказа к России. В конце XIX века это было близким событием, не умерли еще дети Шамиля. Война на Кавказе длилась долго. Толстой четко знает, что горцы бывают мирные, а бывают — немирные, и в таких надо стрелять первому. Ермолов вел на Кавказе экологическую войну: он не умел справиться с "немирными горцами" — партизанами, которые нападут на штаб и растворятся в лесах. Посему приказал вырубать леса. Вырубили, истребили десятки малых (но с очень древней историей) народностей, по горам пошли оползни. Зато обеспечили безопасный проезд из Владикавказа в Тифлис. Грузины и армяне были прежде всего благодарны России, потому что она спасла их от турок и персов. Ибо турки и персы — это несопоставимо ни с какими самодурствами Павла, ни с какими жестокостями Николая I. Вот, например, в 1797 на короткое время персы взяли Тбилиси. И каждой грузинке в городе они перерезали жилу на ноге: хромая всю жизнь, гяурка, пусть и внуки твои увидят, к чему приводит непокорство Исламу. В таких условиях наличие сравнительно небольшой армии не досаждало туземцам, а защищало их. Налоги, которые пришлось платить, были разумнее поборов в пользу персов и турок, да и частично возвращались Тифлису в виде, например, шикарного Воронцовского дворца. Но лишение Грузии¹ **всякого** самоуправления (у грузин бытовая жизнь не так жестко регламентировалась религией, как у иудеев) воспринималось болезненно, и уже около 1830 состоялся первый заговор с целью восстановления грузинского царевича на престоле предков. С появлением большего числа русских на Кавказе отношения обострились:

...наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью империи и что к христианскому населению Кавказа, в особенности, надо относиться так же, как к русским. В этом смысле они не делали никакой разницы между русскими и туземцами. Вообще при тех наместниках (до Голицына, т. е. до Алек-

¹ Точнее, грузинский царь, отдавший Грузию России, обладал лишь Картвелией и Кахетией. Такие области, как Имеретия, Мингрелия, Гурия, Абхазия, Сванетия, Самицхе, Хевсурия, а позже Аджария, были присоединены не этим актом, а каждая по-своему. Там тоже живут столетние обиды.

сандра III) был недопустим принцип узкого национализма, при котором все нерусские должны почитаться не настоящими сынами России и верноподданными государя. (...) Я отлично помню то время, когда в каждом полку большая половина офицеров или пачальников были местные туземцы, и эти туземцы — грузины, армяне, татары, — в русских офицерских формах вели русского солдата на те бои, которые так прославили кавказскую армию.

Ну, допустим, сами "туземцы" не столь тепло воспоминали про те идиллические времена, о которых вздыхает Витте, но нам важно, что даже Витте свидетельствует о переломе в сторону бессмысленного русификаторства в семидесятые-восемидесятые годы.

С армянами дело обстояло примерно так же, как с грузинами. Правда, царь и с ними умудрился основательно поссориться, затеяв в 1904 реквизицию драгоценностей армянской Церкви. Сложнее было с мусульманами-тюрьками, т. е. жителями нынешнего Азербайджана и Северного Кавказа. Но тюрки предпочтительнее устраивали резню армян, проводили время в междоусобицах суннитов и шиитов, так что по принципу "разделяй и властвуй" русские сумели привести все племена к покорству. Не без того, чтобы майоры российской армии вырезали подряд порой целиком от мала до велика семейства, например карабахского хана, притом вероломно заманив, как в 1804. Если среди этих племен и попадались после 1864 индивидуумы, которые жили ради "освобождения от русского ига" или ради "переустройства российского общества", то они были одиночками, социально-демографического значения не имели. Картвелы же, став главенствующим грузинским племенем и обеспечив себе проживание без угрозы ежеминутного нападения врагов как в Казбеге, так и в Сухуми-Батуми, очень активно участвовали в выборе форм государственности в России.

Крым (включая Северную Таврию) до 1850—1870 жил практически автономно, ибо мусульманская религия контролирует быт столь же всеобъемлюще, как иудейская, а с иноверческой автономией российская власть считалась. Там тоже были разные группы, но преобладало восприятие Турции как духовной родины; в деле переустройства России крымские татары не принимали участия. Некоторое участие в этом переустройстве принимали караимы. Еще больше — греки, населявшие не только Крым, но и все черноморское побережье. Уже в народническом движении фигуриру-

ют гречанки из Таганрога. Есть структуралистское сходство между евреями, грузинами, караимами и греками — у всех названных этносов территориально не было другой родины, и, попав на российскую землю с расширением последней, они принимали ее как **свою** родину, но норовили изменить условия существования на ней. Протестанты-меннониты из потомков голландцев в Северной Таврии в массе эмигрировали после введения принудительной воинской повинности.

Этот факт экспансии заботливо затушеван-ретуширован советскими историками. Люди, рассуждающие об отечественной истории в неведении этого факта, искренне впадают в роковые ошибки, вроде следующей. Вот в 1989 в журнале "Москва" № 8, стр. 172 летчик Г. Калюжный пишет:

Обратимся к книге Е. Ф. Зябловского "Российская статистика", изданной в 1832 году. В ней говорится, что в начале XIX века в России проживало 42 миллиона 500 тысяч русских, тюрко-татарское население составляло 2 миллиона 500 тысяч, еврейское — 700 тысяч и т. д. В книге "Военная география России" А. Е. Снесарев сообщает, что согласно переписи 1897 года русских было около 84 миллионов человек, тюрко-татар — около 14 миллионов, евреев — свыше 5 миллионов, что составляло половину еврейского населения всего земного шара. То есть за столетие русское население увеличилось вдвое, тюрко-татарское — более чем в пять, а еврейское более чем в семь раз. Как видим, даже в смысле своего прироста русский народ находился в состоянии благожелательного равновесия по отношению к другим народам, населяющим Россию. То, что с ним произошло, заслуживает специального исследования.

Впечатляющие цифры — и совершенно неверные по сути. Ибо на начало XIX века география и статистика в объем "Россия" не включали ни Польши, ни Кавказа, не говоря уже про Ташкент. А "Польша" тогда исчислялась по правый берег Днепра. В 1863 усилиями Муравьева все жители бывшей Польши стали рассматриваться как подданные России, в том числе евреи Киевской губернии, евреи Привислинского края, евреи Виленской губернии. В 1864 было провозглашено присоединение Кавказа, после чего тюрко-татары Дагестана и Азербайджана стали числиться подданными России. Вот отчего прыгают их цифры, а вовсе не в результате роста населения, "прироста". Не "прирост", а "приобретение". Точнее даже, "статистическое оформление ранее сделанных приобретений" — применительно к "половине еврейского населения всего земного шара". И, конечно, эта "половина" усматривала

в таком приобретении и оформлении не только и не столько "благожелательное равновесие".

Факт экспансии в исторически беспрецедентно быстрых темпах ставил перед Россией как перед государством непростой вопрос, болезненную проблему: как инкорпорировать население присоединенных территорий? Кабы это были пустые сравнительно территории, вроде сибирских или индейских в Америке, где не было оседлого населения, то проблема решалась бы просто: выходцы из Вологды и Суздаля приносят с собой вологодско-суздальский лад, может, слегка видоизменив его по климату. Но территории были довольно густо заселены оседлым, крестьянским и ремесленным, торговым и промышленным населением. Витте, например, выражался, что раз нельзя утопить всех евреев в Черном море, то им следует предоставить те же самые права, что имеются у православного населения России. Но его смелость мышления не находила отклика ни в правительстве, ни в господствовавшей идеологии.

Хотя официально не существовало "господствовавшей идеологии" (ибо православие не идеология) в то время, по сути, такая имелась. Ею было трансформированное славянофильство. Оно с самого своего возникновения таило в себе внутреннее противоречие. Хотели вернуться к допетровским порядкам и быту, но при этом не думали отказываться от послепетровских территориальных (и демографических) приобретений. Покамест речь шла о крепостных крестьянах, о свободе слова, т. е. во времена Герцена-Киреевского, — противоречие это было спрятано, невидимо, незначимо. Поэтому в крестьянскую реформу славянофилы были по сути революционерами. Они же породили бескорыстное земское движение за Земский Собор. Они оплодотворили идеей жертвенности и служения народу миссионерское начало в революционном движении. Но проглоченные племена и этносы начинают шевелиться во чреве китовом. А славянофилы уходят от поисков того, что так нужно взвеси наций, этносов, поведенческих стереотипов. От поисков чего-то, что **равно приемлемо всем племенам**, населявшим тогдашнюю территорию России. Итак, когда инородцы¹ выступили на

¹ Примечательно, что "инородцами" называли мусульман с Кавказа, но таких же мусульман из Казани — не называли. Язык очень точно диагностировал социально-территориальную проблему.

арену общественной жизни России, славянофилы оказались неподготовленными, беспомощными и умственно, и душевно. Я уж не толкую о том, что в паровозный век было затруднительно звать к обычаям допетровской Руси, а новая технология не была надуманным заимствованием с Запада, но являлась неизбежным ответом на быстрый рост населения и на требование военной конкурентоспособности. Конечно, инородцы не были **решающей** силой в общественно-политических течениях того времени, в тогдашних событиях. Но они были **новой силой**, и следовало выработать **отношение** к этой "новой фигуре на доске", хотя бы и не очень значимой. И тут в славянофильской мысли случается поворот, который довольно точно описывается эпитетом "реакционный".

Во-первых, инородцы начинают трактоваться как чужие, чуждые и враждебные силы. В естественных поступках начинают усматривать "подкуп", "заговор", иностранное влияние. Такое неадекватное мышление снижает возможности социального диалога, препятствует взаимопониманию. Поэтому оно раздражает всех более культурно мыслящих, шире образованных людей. И те писатели, которые не принимали бы сторону евреев, не будь те мишенью несправедливых нападок, теперь вынуждены силою вещей становиться их заступниками. Еврейский вопрос приобретает несуразный размер, не отвечающий ни задачам, стоящим перед Россией, ни доле евреев в ее населении.

Но это внутри страны. Катастрофичнее другой поворот мысли славянофилов — внешнеполитический. Не находя удовлетворительного ответа на **реальную** проблему, славянофилы обращаются к проблеме **выдуманной** — проблеме единства всех славян в Европе. Мысль эта (как и термин "славянофильство") принадлежала полякам, которые мыслили объединение всех славян от Адриатики до Балтийского моря **против Москвы**. Московские славянофилы повернули ее как единство всех славян под главенством Москвы. Достаточно назвать имена Достоевского и Победоносцева, чтобы понять, каким путем эта идея могла достичь престола и стать составной частью российской внешней политики (турецкая война 1878 и позже). А такая внешняя политика опрокидывала традиционное равновесие держав в Европе. Ведь отсутствие длительных войн в Европе после низвержения Наполеона обуслов-

ливалось союзом России-Австрии-Пруссии, чем-то вроде ООН. Теперь, когда славянофильские взоры и российские штыки устремились к Балканам, к "братьям славянам, черногорцам и сербам", Австрия и Пруссия забеспокоились. Традиционно это их сфера влияния. После утраты Италии для Австрии важны порты Адриатики, дабы разместить свой военно-морской флот. Немецкий капитал основательно вложен и в хорватские и в болгарские предприятия. Балканы соединяют Германию с ее потенциальным союзником Турцией. Из-за поворота царской дипломатии к "забалканскому курсу" рвется союз Германии и России, возникает союз России с Францией. Доходит до таких курьезов, что при okazji в Кронштадте исполняют французский гимн — революционную Марсельезу, за которую в России принято сажать, а теперь вот приходится отдавать ей честь! В конечном счете, как известно, этот новый расклад союзов привел к Мировой войне, а тем самым и к нашему милитаризованному состоянию.

И у революционеров начинает укореняться иное видение собственной страны. Когда-то Михайлов призывал: "Родину-мать вы спасайте". А "История Гражданской Войны" 1935 года издания начинается (после обязательных портретов) карикатурой В. Росса, где изображен громадный спрут с головою в Петербурге, заполнивший туловищем всю Россию, протянувший щупальца за ее пределы: в Скандинавию, на Балканы, в Персию, удушивший уже жертву в Варшаве. А ведущие европейские державы стыдливо отворачиваются, словно не видят. Это восприятие российской территориальной экспансии было когда-то аксиомой для марксизма. Вот Энгельс:

Россия — безусловно страна, стремящаяся к завоеваниям, и она была ею в продолжение целого столетия (после Петра I), пока великое движение 1789 г. не породило ее грозного противника, полного могучих жизненных сил. (...) Начиная с этого времени на континенте существуют фактически только две силы: с одной стороны Россия и абсолютизм, с другой — революция и демократия.

В том же томе 9 можно найти рассуждения Маркса на тему, что "русские не знают слова честь", "честь, мол, по русской поговорке, — всего-навсего французская химера". Можно встретить призывы к армянам воздвигать баррикады (да, да, в Армении — бар-

рикады) против русских, за турок! Можно встретить яростные подсчеты, на сколько сот километров за каждые полвека расширялась Россия. Трудно думать, чтобы российские революционеры — даже марксисты — читали бы эти опаленные ненавистью к русским статьи из английских газет. Но естественно допустить, что часть этой ненависти все-таки проникала или, скорее, смыкалась с первичной ненавистью уроженцев "Царства Польского", а тем самым становилась **компонентой** российского революционного движения. Разрушить Российскую Империю — "эту тюрьму народов", да, и это присутствовало. Карикатурный образ Парвуса-Гельфанда у Солженицына, возможно, недалек от истины в этом аспекте. Но глубокой ошибкой было бы настаивать, будто бы **все** или **значительная часть** революционеров были одержимы подобными идеями-чувствами. Можно ручаться, что Бурцев, Карпович, Савинков, да почти вся ПСР (и, конечно, Народная Воля) стояли на патриотической почве **преобразования собственного отечества**. Вспомните только, как в заметке "Памяти Прошьяна" Ленин гневно клеймит патриотизм социал-революционера Прошьяна и подчеркивает, что по части **социализма** у большевиков и таких с.-р., как Прошьян, расхождений нет, но вот **патриотизм** социалистов-революционеров стоит непреодолимой преградой, отделяющей их от стоящих на правильном интернациональном пути большевиков! В советском марксизме подобные завихрения мысли клеймены после смерти М. Покровского в 1932 как "историографические ошибки школы Покровского"; до того "школа Покровского" главенствовала в российской марксистской историографии.

Рекомендуемая для прочтения к этой главе литература: Гусейнов, Данилевский, "Из истории дореволюционного Дагестана", Киплинг, Ленин, Леонтьев, Липкин, Маркс и Энгельс, "Первый призыв...", Ремизов, Розанов.

§ 10. Распространение социал-демократических идей в России

*Влияние германской с.-д. партии;
преимущества марксизма;
наука вместо нравственности,
пролетариат вместо крестьянства,
простота единства мысли взамен эмпирической
сложности; на фоне бескультурья;
перечень российских с.-д.*

Имя Маркса и отдельные его идеи были известны в России уже в первое десятилетие революционного движения. Бакунин, Лопатин и Даниэльсон переводили "Капитал". Группа Плеханова на второй же год эмиграции утвердилась в марксизме как единственно приемлемом мировоззрении. Но между узкой известностью и популярностью — огромная дистанция. Отрицательное отношение Герцена и Бакунина к Марксу как личности сказывалось сильнее, нежели уважительное отношение того же Бакунина к головной, теоретической стороне Марксовой деятельности. Но в конце восьмидесятых — начале девяностых годов в Германии очень успешно ширилось социал-демократическое движение; с.-д. партия завоевывала мандат за мандатом в рейхстаге. Энгельс в 1895 уже прикидывал, "что мы будем делать, когда придем к власти". Так как основной идеологией этой партии был некоторый набор воззрений Маркса и так как между Германией и Россией существовал живой мост (см. § 9), то в активную часть населения, недовольного существующим порядком, западали с.-д. идеи. Они тут же сделались популярны и широко распространились в той или иной форме.

Эта экспансия с.-д. взглядов в Россию совпала по времени с полным угасанием прежней народовольческой деятельности и потому с известным разочарованием в надеждах и в идеологии. Крестьянство осталось глухим к народнической пропаганде — билась мысль: к кому же обратиться? Моральный императив толкнул к бескорыстной самоотверженной деятельности — и только гибель, разрушение, бесплодность; неужели дело социализма обречено? Все пути, которыми пыгались действовать как революционеры, так и ле-

гальные оппозиционеры, не привели ни к какому успеху — нужно вырабатывать новую стратегию?

Отчасти ответом на последний вопрос было создание партии Народного Права (см. § 6), но такой ответ мало кого удовлетворил. Марксизм — точнее, те идеи, которые нес социал-демократизм под именем марксизма в Россию в девяностые годы, — давал куда более оптимистические ответы.

Во-первых, он **устранял** нравственный фундамент, приданный делу социализма Лавровым, вполне заменял его **научным** фундаментом. Марксизм притязал на то, что он — наука, а наука эта **ручалась**, что в истории существуют "железные" закономерности и непреложный ход истории приведет к неотвратимой победе социализма. Во избежание недоразумений уточню, что виделась сия победа довольно скоро, при живущем тогда поколении. Вот из "Истории ВКП(б)" 1926 года:

В программе "Группы Освобождение Труда" устанавливается, что современное (т. е. 1883) развитие техники делает необходимым переход к новому общественному строю, главным признаком которого является коллективная собственность на средства и продукты производства. Классы будут уничтожены, отомрет государство, охраняющее интересы господствующей части общества. Самая революция, благодаря развитию международного обмена продуктов, будет международной. "Группа Освобождения Труда" также признает великие принципы Первого Интернационала и тождество интересов трудящихся всего мира.

Слова: "развитие техники", "необходимым", "не будет государства", "мировая революция", "тождество интересов" — они достаточно точно обрисовывают круг идей этого направления. В отличие от Герцена-Чернышевского-Чайковского тут уже не пахнет никаким славянофильством, а очевидно прямое заимствование с Запада, безусловная ориентация на Запад. Если Михайлов звал: "Родину-мать вы спасайте", то у Плеханова речь идет о международной революции. Как и у Чернышевского, на первый план выдвигается **техника**, а то, что техника будет обновляться быстрее, чем поколения, эти мыслители предвидеть не умеют. Таков был ответ на вопрос: победит ли дело социализма? Да, победит, ибо опирается не на надстройку-нравственность, но на науку и технику.

Крестьянство не стало армией революционеров? Да и не могло ею стать! Социализм должен опираться на рабочий класс. На пролетариат. Не страшно, что в России еще почти нет его. Во-первых, он есть, только

народнические статистики не умеют его видеть. Во-вторых, техника неизбежно приводит к развитию капитализма, а с ним и пролетариата, его могильщика; так будет и в России. Маркс открыл двигатель мировой истории — классовую борьбу, на данном этапе решающей является борьба капиталистического и рабочего классов, победа будет неизбежно на стороне рабочего — пролетарии всех стран, объединяйтесь! Заслуга социализма состоит как раз в том, что он создаст новое, справедливое общество, в котором классовой борьбы уже не будет, будет гармоническая личность. Как бы ни фыркать на эти тезисы сегодня, надо уметь видеть главное, что давали с.-д. тогда, в конце XIX века. Смахивая напрочь многофакторную модель Лаврова, отбрасывая учение Кропоткина о трехполюсной борьбе во всяком обществе, марксизм упрощал видение мира, сводя его к простому противостоянию "Труда" и "Капитала", Белого и Черного, Добра и Зла. Простота, ясность, чеканность, отсутствие всяких "с одной стороны, а с другой стороны", категоричность и беспощадность прекрасно накладывались на низкую культуру социального общения. Вот цитата о несколько более позднем периоде, но все еще о том, тогдашнем, марксизме:

Здесь, в Красном Баку, в 1918 г. в борьбе с меньшевиками сформировался революционер нашей эпохи — крепкий, неуступчивый и видящий жизнь простою, ясною, такой, как ее видит каждый ученик Маркса.

А вот более длинная цитата из О. Мандельштама:

Эрфуртская программа, марксистские пропилеи, рано, слишком рано приучили вы дух к стройности, но мне и многим другим дали ощущение жизни в предысторические годы, когда жизнь жаждет единства и стройности, когда выпрямляется позвоночник века, когда сердцу нужнее всего красная кровь аорты! Разве Каутский

Тютчев? Разве дано ему вызывать космические ощущения ("и паутины тонкий волос дрожит на праздной борозде")? А представьте, что для известного возраста и мгновения Каутский (я называю его, конечно, к примеру, не он, так Маркс, Плеханов, с гораздо большим правом) тот же Тютчев, т. е. источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущения, мыслящий тростник и покров, накинутый над бездной.

В тот год стояла ясная осень с паутиной на ячменных полях. (...) И вот, в Зегевольде, с эрфуртской программой в руках, я был ближе по духу Коневскому¹, чем если бы я поэтизировал на

¹ Иван Коневский (Ореус), 1877—1902, поэт, необычайной своею тонкостью слова и ранней трагической смертью потрясший Мандельштама в то лето, о котором он пишет.

манер Жуковского и романтиков, потому что зримый мир с ячменями, проселочными дорогами, замками и солнечной паутиной я сумел населить, социализировать, рассекая схемами, подставляя под голубую твердь далеко не библейские лестницы, по которым всходили и опускались не ангелы Иакова, а мелкие и крупные собственники, проходя через стадии капиталистического хозяйства.

Что может быть сильнее, что может быть органичнее: я весь мир почувствовал хозяйством, человеческим хозяйством — и умолкнувшие сто лет назад веретена английской домашней промышленности еще звучали в звонком осеннем воздухе! Да, слышал я с живостью настороженного далекой молотилкой в поле слуха, как набухает и тяжелеет ячмень в колосьях, не северное яблоко, а мир, капиталистический мир набухает, чтобы упасть!

Не случайно самая популярная книга Плеханова называлась "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" — монизм, выведение **всей** жизни из **одного** источника, из **одной** идеи! О, это и было то, к чему тянулись, в чем нуждались отроки и неграмотные люди!

В то же время неграмотным поклонникам социал-демократии, порой не знавшим даже географии и орфографии, приходилось много потрудиться, пробираясь сквозь тяжеловесный, кокетничающий гегельянством язык "Капитала" или заумно-абстрактный язык "Эрфуртской программы". Поэтому те, кто так или иначе приобщился к такому изучению (чаще всего прерываемому арестом и освобождением), на всю жизнь сохраняли воспоминание о трепетном постижении единства мира; он гордился своей научной и политической грамотностью. Он уже не нуждался ни в какой другой науке — презренной буржуазной науке. Это создавало слой своеобразных личностей, дремуче невежественных при взгляде на них со стороны, но блестящих умов, мыслью обнимающих весь мир во всем его развитии — в своем собственном восприятии, а также в восприятии других людей того же слоя (Бухарин, Луначарский, Лядов — если назвать более поздних деятелей). В этом мире идей были созданы устойчивые фикции, овладение которыми воспринималось как овладение вершинами знания. Создание этого самодовлеющего мира фикций не затруднялось, а, напротив, облегчалось тем обстоятельством, что в России не было ничего похожего на западноевропейский мир капитала и индустриализма, ответом на многовековой опыт которого отчасти и явился марксизм. Нет, факты не затемняли сознания;

научнообразные термины жили своей жизнью, избавленные от трудной задачи быть соотнесенными с явлениями повседневной жизни; вместо единичных выводов из массовых явлений по-дремучему оперировали массовыми выводами из единичных явлений.

С таким "самозамыканием" не нужно смешивать временное увлечение экономической теорией марксизма ряда молодых людей (Бердяев, Булгаков Сергей, Струве, Туган-Барановский), подобно О. Мандельштаму прошедших фазу восторга перед **значимостью** экономического фактора, который игнорировался в школьных учебниках. Значимость и кратковременная вера в исключительное и преобладающее его воздействие у самого Мандельштама сменились полным безразличием к этой теории, у Булгакова путем отрицания привели к интенсификации мыслей о нравственности, у Струве вылились в энергичные поиски среди рабочего класса союзника по борьбе против самодержавия, и т. п. Хотя названные лица много сделали для популяризации марксизма, связывать его распространение с ними не стоит. Но особо надлежит отметить роль Калмыковой (приемной матери Струве), которая согрела человеческим теплом пребывание Ульянова в Петербурге и, можно сказать, "вручила" ему жену (Крупская — ближайшая подруга Нины Герд, жены Петра Струве).

Настоящее распространение марксизма в России в те годы — это полурелигиозное его восприятие. Такое восприятие, при котором словосочетание "марксизм ошибается" **немыслимо** в своих устах или устах друга. Для иллюстрации разберем защиту одной идеи Маркса Н. С. Русановым. В своей работе "Влияние западноевропейского социализма на русский" (1908) он рассматривает разные социалистические теории, безусловное предпочтение отдает Марксовой, хотя не скрывает, что последняя критиковалась так-то и так-то такими-то мыслителями (так что он еще не "полный марксист"). Вот типичный пример, как он разделяется с критикой. Начинается с тезиса:

Прежде всего вопрос о прибавочной стоимости. Еще при жизни Маркса Энгельс писал: "Решение этого вопроса составляет величайшую, делающую целую эпоху заслугу марксовского гения. Оно проливает яркий свет на экономические области, где раньше социалисты блуждали в глубокой тьме не менее, чем буржуазные экономисты. С этого момента ведет свое начало, вокруг него

группируется научный социализм". И дальше: "Доказав, таким образом, как возникает прибавочная стоимость и как лишь прибавочная стоимость может возникнуть при господстве регулирующих товарный обмен законов, Маркс вскрыл механизм современного способа производства и покоящегося на нем способа присвоения, обнаружил то кристаллическое ядро, вокруг которого отложился весь современный общественный порядок.

Заявка четкая — на **начало научного социализма**. Затем Русанов перечисляет ряд экономистов, которые ставили под сомнение приоритет Маркса. В частности, Русанову приходится признать, что еще в 1824 (а Маркс родился в 1818) некий Вильям Томпсон действительно предвосхитил все вышеизложенное — и не смутными неопубликованными набросками, а ясной публикацией, бесспорно известной Марксу, когда он в 1845 писал о прибавочной стоимости впервые (но без ссылок на Томпсона). Но — о, благоговейная вера во святых отцов! — отсюда Русанов делает не тот логический вывод, что Энгельс ошибался и что нельзя этого ставить в заслугу Марксу, но

...сравним результат анализа обоих мыслителей. Какое впечатление выносит из сравнения непредубежденный читатель? Мы не ошибемся, кажется, если скажем, что самые существенные элементы марксовской теории стоимости, — и притом такие, которые придают ей своеобразный отпечаток среди теорий других выдающихся экономистов, — находятся уже налицо у Томпсона. (...) Следует ли, однако, из этого, что Маркс просто заимствовал свое учение о стоимости у Томпсона? Отнюдь нет. Все, что можно сказать, если вчитываешься в соответственные места у обоих авторов, это то, что Томпсон доставил для построения этой теории некоторые материалы в наиболее отделанном, почти окончательном виде, но что Марксу несомненно принадлежит архитектура самого здания доктрины и тот оригинальный стиль, который отличает ее от целой массы аналогичных построений.

Таким образом, Русанов делает вид, будто Энгельс прав и до Маркса в этом вопросе все экономисты "блуждали в глубокой тьме", хотя логически его вывод об "архитектуре" (приходится прибегать к сравнениям и образам, ибо логика не помогает) и "стиле" (словно бы Энгельс выдвигал тезис о своеобразии **стиля** у Маркса!) говорит совершенно о другом. Именно подобные трюки тех, кто пытается всерьез, по-научному разбирать учение марксизма и оставаться на позициях этого учения, побудили Юрия Живаго ругнуться: "В марксизме нет ничего от науки. Он слишком пристрастен, чтобы быть наукою". Более цельные, нежели Русанов (склонявшийся к народникам), марксистские

натуры справлялись с такими трудностями, просто умалчивая про томпсонов: им был чужд буржуазный объективизм. Марксизм в социальном мышлении этого слоя занимал опустевшую ячейку религиозности со всей истовостью или неистовостью неофитов.

Итак, в феномене распространения социал-демократических идей в России сомкнулись два явления: упрощение картины мира, присущее теории, состыковывалось с примитивностью социальной культуры воспринимających. Вот одна типичная картинка. В Кисе намечается стачка булочников. Предварительно организуется сходка всех булочников в лесу, в 11 часов утра.

Они указали мне первый патруль в лесу и сообщили, что многие уже прошли (...) дальше уже никакого патруля не оказалось — исчез. Тут я понял, какая великая разница между воспринимавшимися на конспирации и дисциплине еврейскими рабочими и нашими русскими нетронутыми, широкими натурами. После я множество раз убеждался, что главный враг собственно-русского рабочего движения — непонимание первоистинного значения товарищеской дисциплины. Еврейские "патрули", стоявшие в том же лесу всего лишь за несколько дней перед тем, не двигались с места целый день, не решаясь даже сбежать напиться воды, шагов за 300, когда пересохло горло. Лишь получив смену от распорядителей, они приходили браниться с последними за то, что остались забыты на своем посту.

Такую же педантичную пунктуальность я потом встретил в "рабочих обществах" Финляндии. Нечего удивляться, что в последней стране социал-демократия пожинает богатые урожаи умелых посевов.

Считая, что с патрулем вышло случайно недоразумение, которое исправят распорядители, я поспешил дальше, к знакомому месту собрания. Патрулей — ни души. До назначенной полянки было версты три. Пришедши туда, я должен был лишь констатировать полное отсутствие народа. Значит, разбрелись кто куда, по всему огромному лесу... Положение было из самых глупых. Идти назад, поправить дело, расставить наново патрули? Не стоило потому что было уже около 11, и главная масса уже прошла. Идти по лесу собирать народ? — предприятие бесполезное: поодиночке всех не соберешь, а посылать других — места не знают. (—) Я сел и стал ждать. Ни души. (...) Я не могу вам рассказать, какие басы гнева и отчаяния раздирали мою грудь в течение долгих часов, пока я сидел на этой полянке! Все было так напряжено, готовилось так издавна, и вот должно рушиться из-за пустяка, из-за российской халатности! Скверно я себя чувствовал. Впрочем, моя недолгая революционная практика успела уже воспитать во мне совершенно необходимую в России добродетель — воловье терпение. Я решил сидеть тут хоть до завтрашнего дня, а дожидаться хоть части булочников. И вот часов около 2-х стали они, наконец, появляться усталые и не-

довольные — словом, в настроении, мало подходящем к случаю. Появились Матвей и Алексей, которые сейчас же отправились скликать остальных. Стали подваливать новые и новые толпы. Скоро набралось больше 100 человек, но многие, очевидно, так и заблудились неведомо где. Как результат неудачного начала поднялась, по русскому обычаю, русская ругань. Непечатные выражения так и висели в воздухе. Деморализация развивалась дальше. Любители вина объявили, что пойдут искать "казенки". Они ее действительно нашли на железнодорожной станции версты за две, и принялись выпивать. Время шло, пора было начинать, а никто и не думал. Другие побрели в соседнюю деревню за молоком; сыскали молоко, но вместе с кувшинами явились и посланные бабами ребята; ребята донесли о необычайном собрании матерям, которые поспешили в лес на даровое зрелище, — за ними мужики... Я уж ожидал, что вот-вот пожалует и урядник. Я ничего не мог предпринять, ибо совершенно не был знаком рабочим, укрывшимся под псевдонимом "петербургского булочника".

Но урядник не пожаловал. Вместо него явилось подкрепление в виде одного "комитетчика" — шапочника Гриши, прекрасно говорившего по-русски, и двух барышень-портных (обе звались Розами). Появление изящно одетых барышень в красных кофточках (по случаю близкого 1-го мая) произвело неожиданно-благоприятное действие. Во-первых, прекратилось поминание родителей, а вместе с ним исчезло влияние "истинно-русских" выпивающих и бранящихся элементов. Цивилизация вступала в свои права. Во-вторых, нашлись немедленно галантные кавалеры, которые набрали тут же в изобилии растущих прекрасных огромных весенних цветов "сна" и, сделав букеты из их лиловых колокольчиков, поднесли барышням, а себе воткнули по цветку в петлицу. Немедленно началось повальное подражание.

Надо вам сказать, что это были за экземпляры рода человеческого! Редкий был одет более или менее прилично, по-городски — в пиджаке, штиблетах и шляпе. Большинство являло вид каких-то дикарей нашего времени. Изорванные, измазанные, в опорках, грубых рубахах, многие без шапок! Громадное большинство были просто курские, орловские, калужские мужики, лишь несколько месяцев пришедшие в город и не выдавшие за тяжкой работой света. Были здесь и три делегата босой команды из пропойц-булочников, приглашенные для переговоров, на случай возможного с их стороны штрейкбрехерства. И все они подтянулись в присутствии дам. Я видел, как один неподдельный сын "Калуцкой губернии", на котором пиджак сидел, как на корове седло, выломав порядочную сосновую ветку, заткнул ее себе в грудной карман, вместе с пучком цветов.

Было часов 5, когда стало, наконец, возможно приступить к действиям. Сначала были сказаны "агитационные речи" — об общих условиях работы, о необходимых требованиях (...) крайняя темнота в мозгах многих булочников. Один юноша, например, долго слушал повесть об их 17—18-часовом труде и возможности добиться лишь 12 часов работы, потом обратился ко мне с недоумением: "Как же вот ты говоришь все — 17 часов работы, а я работаю всего-навсего 7 часов в день". Я был сразу поставлен в тупик и призвал на помощь Алексея. Алексей рассмеялся: "Ах ты, дурак! Как же ты 7 часов работаешь? А те-то часы, что просиживаешь у печки, дожидаясь, пока хлеб взойдет, потом

испечется, — ты и не считаешь?” — и тут же по пальцам рассчитал ему, что он тоже работает все 17 часов. Малый был удивлен и убежден.

...Оратор говорил о 1-ом мая, приглашая булочников и на будущее время не забывать этого рабочего праздника. Булочники, уже заряженные достаточной дозой электричества, в готовности к завтрашней забастовке, отвечали громкими криками “Ура!”. Вдруг я слышу за их голосами тонкие бабьи голоса, тоже кричащие “Ура!”. Гляжу: бабы весело машут пустыми кувшинами и заявляют свою солидарность! Вряд ли поняли они, о чем речь, но заразились настроением.

...Наконец, все и всем было разжевано и разъяснено. С босяками-булочниками, поторговавшись, заключили договор: 10 рублей в сутки на пропой — и они не пойдут к хозяевам. Договор заключался с комичной торжественностью, Алексею потом пришлось идти к босяцкому “полицеймейстеру”, для его утверждения, и надо сказать, что договор потом честно соблюдался, даже когда руководители стачки попали в тюрьму и некому было вносить условленную контрибуцию. (...)

Ясно, что на такую массу действовал не марксизм, не социал-демократические установки, а вера в уверенность ораторов, что они, мол, знают, что говорят. Да умение организаторов приспособливаться к моменту, талант импровизации.

Вот очень неполный перечень лиц, принимавших участие в социал-демократическом движении России до конца XIX века.

Абрамович (настоящая фамилия Рейн Р. А., а псевдоним взят по отчеству, как “Ильич”, “Александрович”; порой его звали еще сокращеннее — “Мович”) Рафаил родился в 1879, сумел окончить политехнический институт в Риге. Акимов В. (Махновец). Бердяев Николай, дворянин, 1874, исключен из Киевского университета и сослан. Благоев Димитр, болгарин, выслан в 1885 из России. Богданов Александр (настоящая фамилия Малиновский), 1873, сын учителя, окончил физико-математическое отделение Московского университета. Бонч-Бруевич Владимир, 1873, сын чиновника, исключен из Межевого института, сослан. Брусен Михаил, 1864, в кружке которого в 1890—92 действовали и Афанасьев Ф., и Карелин, и Климанов, и оба Красиных, и Полетаев, и Радченко, и Святловский, и Шелгунов. Булгаков Сергей, сын священника, 1871, сам преподавал в Императорском Техническом училище. Ванновские Александр (1877) и Виктор (1867). Веселовский Борис, 1880, исключенный из того же училища, где преподавал Булгаков и учился А. Ванновский. Вигдорчик Натан, 1874, тоже побывавший

в студентах. Винниченко Владимир, 1880, писатель. Владимиров (=Шейнфинкель) Мирон, 1879. Войтинский Владимир, 1885. Вольский Владимир, 1877. Вольский Станислав, 1880. Воровский Вацлав, 1871. Ганецкий Яков (=Фюрстенберг), 1879. Гарви Н. (=Бронштейн Петр), 1881, окончил только гимназию экстерном. Гегечкори Евгений, 1879, окончил Московский университет. Голощекин Филипп, 1876. Гольденберг Иосиф (он же Вишневский и Мешковский), 1873, в с.-д. с 1892. Горький Максим, 1868. Гуковский Исидор, 1871. Гусев Сергей (=Драбкин Яков), 1874, исключен из Технологического института в 1897. Дан (=Гурвич) Федор, 1871. Дейч Лев, 1855. Джугашвили Иосиф, 1879. Дмитриев К. (Колокольников Н. И.). Дубровинский Иосиф, 1877, кончивший реальное училище, статистик калужской земской управы, и его брат Яков, 1881, уже выгнанный из реального училища. Ежов В. (=Цедербаум С. О.), 1879. Елизарова Анна (=Ульянова), 1864. Енукидзе Авель, 1877, со средним техническим образованием, в 1898 уже ставит с.-д. типографию. Ерманский (=Коган) Осип, 1866, в с.-д. движении с 80-х годов. Жордания Ной (грузины предпочитают писать Жордания Ноэ), 1870, уже в 1894 судимый за принадлежность к "Лиге свободы Грузии", с 1895 редактирует легальный с.-д. журнал "Квали" ("Борозда") в Тифлисе. Засулич Вера, 1849. Землячка (=Залкинд) Розалия, 1876, в 1896 вернулась из Лиона в Россию и вскоре была арестована. Иваньшин В. Исув И. А., 1878. Камо (=Тер-Петросян), 1882, исключен из училища в 1898. Катин-Ярцев, 1875, арестован в 1897, врач. Кац, бундовец — основатель РСДРП. Кедров Михаил, 1878, исключен из Московского университета. Кецовели Владимир, 1876, говорят, первый, кого убил Джугашвили (1903). Кобозев Петр, 1878, из рабочих, но кончил Политехнический институт в Риге. Козловский Мечислав, сын учителя, в Московском университете доучиться не дали. Красиков Петр, 1870, сын юриста, исключен из Петербургского университета, вступил в "Группу освобождения труда" в 1892. Красины Герман и Леонид. Кремер Александр (Арон), бундовец — основатель РСДРП. Кржижановский Глеб, 1872, незаконный сын поляка от немки, вышел из партии в 1903, заново вступил в 1920. Кричевский Борис, 1866, крупнейший вождь с.-д. в 1895—1900. Крупская Надежда, 1869. Кускова Е. Д., 1869, частная записка

которой любовнику, выкраденная Анной Елизаровой и пересланная в Шушенское, изображена как целое идейное течение в известном "протесте 17-ти". Лазуркин М. С., 1883. Ларин Юрий (= Лурье Михаил), 1882, из Симферополя. Левицкий В. (= Цедербаум В. О.), 1883. Лейтензен (= Линдов) Гавриил, 1874, уже в 1891 создавал социал-демократический кружок в Екатеринославле. Либер (= Гольман) Михаил, 1880, из Вильны. Лилина (в браке Радомысльская) Зинаида, 1882, жена Зиновьева, не надо путать с Марией Лилиной, женой Станиславского. Литвинов Максим (Мордухай), 1876. Лозовский Соломон (= Дридзо), 1878, сын учителя, но работает в 1889 в мясной лавке. Луначарский Анатолий, 1875. Любимов А. И., 1879, организовал с В. Ванновским московский "Союз". Маевский Е. (= Гутовский В. А.), 1865. Малянтович Павел, 1870, адвокат, и его брат В. Н. Мартов Л. (= Цедербаум Ю. О.), 1873. Мартынов (Пикер) Александр, 1865, начинал народовольцем, но вернулся из ссылки с.-д. Маслов Петр, 1867, сын казака, окончил ветеринарный институт, арестован уже в 1889, в 1896 редактировал "Самарский вестник". Мельников Ювеналий. Мицкевич С. И., начинавший народовольцем, потом с.-д., потом большевистский историограф, имевший свою концепцию, отвергнутую институтом Ленина. Муралов Николай, гигант из-под Таганрога, потом телохранитель Троцкого, и его брат Александр, 1886, который назначен председателем ВАСХНИЛ между Вавиловым и Лысенко. Мутник Абрам, бундовец — основатель РСДРП. Невский В. И., 1876, трудолюбивый создатель культа Ленина в философии и историографии. Никитин А. М., 1876 или 1867, адвокат. Носков Владимир, 1878, сын купца. Окулов Алексей, 1880, писал пьесы под псевдонимом Александр Тамарин. Парвус (= Гельфанд А. Л.), 1869, начинавший в рядах германской с.-д. партии, где издавал газету и т. п. Петрусевиц Владимир, основатель РСДРП. Плеханов Георгий, 1856. Подвойский Николай, 1880, сын священника, исключен из семинарии в Чернигове. Покровский Михаил, 1868, пишет с 1892. Полетаев Николай, 1872, сын крестьянина, сам токарь. Поссе Владимир, 1864, начинал в одном кружке с участниками 1 марта 1887. Потресов Александр, 1869. Прокопович Сергей, 1871, муж Кусковой. Радек Карл, 1885, работал в Польше, потом в Германии, всюду-то на него наговаривали, что он

ворует деньги из партийной казны. Радченко Степан, 1869. Раковский Христиан, 1873, начинал в с.-д. Болгарии, но родился в Румынии. Рафес М. Г., 1883, в революционном движении с 1899. Распопин, переводчик. Рожков Николай, 1868, окончил историко-филологический в Москве, приват-доцент. Рубин Исаак, 1885, бундовец. Румянцев Петр, 1870, статистик. Рязанов (= Гольдендах), 1870, одессит. Самойлов Федор, 1882, рабочий. Семашко Николай, 1874, сын учителя, с.-д. с 1893. Семковский С. Ю., 1882, специалист по национальному вопросу. Сильвин Михаил, 1874, с.-д. с 1891. Смидович Софья, 1872, дворянка. Смирнов Иван, 1881, с.-д. с 1899. Соколов Николай, 1870, адвокат. Стеклов (= Нахамкис), 1873, одессит, с.-д. с 1893. Струве Петр, 1870, отец его — губернатор, а мать — баронесса Розен, он ушел из дому, и его приемной матерью стала Калмыкова. Таратута Виктор, 1881, из мещан Елизаветграда, с.-д. с 1898. Теодорович Иван. Теплов П. (он же Сибиряк). Точиский П. В., самостоятельно додумавшийся до марксизма. Троцкий Лев (= Бронштейн), 1879. Туган-Барановский Михаил, 1865, окончил два факультета Харьковского университета в 1888, в 1898 защитил докторскую диссертацию, а в 1899 уволен за неблагонадежность. Тучапский (= Лукашевич) Павел, 1869, в революционном движении с 1893. Тышка Ян (= Иогихес Лев) из Вильно. Ульянов Владимир, дворянин, 1870. Федосеев Н. В., изучая деятельность которого даже советские историографы осознали, что его многочисленные любящие женщины имеют важное значение для истории. Финн-Енотаевский А. Ю., 1872, с.-д. с 1891. Фогиева Лидия, 1881. Фрумкин Моисей, 1878, сын торговца из Гомеля. Хрусталеv Петр (= Носарь Георгий), 1877, адвокат. Цейтлин Борис, 1879, из Витебска. Церетели Ираклий, 1882. Череванин Н. (= Липкин Ф. А.), 1868, в 1900 выслан из Москвы в Вятку. Чиркин В. Г., 1883, независимец. Чичерин Николай, 1864. Чхенкели Акакий, 1874. Эйдельман Борис, 1867, в 1890 поступил на медфак Киевского университета, который закончил в 1910, в промежутке создал РСДРП. Янович, переводчик.

Рекомендуем по этой главе почитать книги Дейча, Конюшева, Филиппова (хотя по-настоящему эти книги воспринимаются лишь на фоне 1920—1930 годов), а также журнал "Былое", "Источниковедение отечественной истории", "Первая марксистская..."

§ 11. Создание РСДРП

*Смерть Александра III; плехановцы; брусневцы;
Петербургский Союз Борьбы; Бунд;
обзор социал-демократических организаций на 1898;
кто влиятелен в мире социал-демократии;
нравственные проблемы съезда;
сохранение разброда после съезда;
судьбы учредителей РСДРП; газета "Искра".*

Со смертью в октябре 1894 года Александра III во всех слоях российского общества повеяли перемены, потянуло новым, возникли ожидания, родились надежды. Повод иногда бывал анекдотическим, а последствия — всероссийской значимости. Например, земцы, incessantly ища возможностей законно собраться в общероссийском масштабе, воспользовались предстоящей коронацией и обратились с таковой просьбой к министру внутренних дел. Они жаждут, мол, сделать подарок получше новой императрице Александре Федоровне (Алисе Гессенской). На средства от каждого земства порознь приличного подарка не купишь. Так дозволяете же, Ваше Высочайшее, на сей раз собраться представителям земств всех губерний, дабы вскладчину и наилучше обсудив купить что надо! Ну что ж, просьба благонамеренная, удовлетворил ее министр. И земства впервые в истории России получили возможность законно несколько дней общаться на уровне всероссийского земского съезда, где, конечно, не только обсуждался подарок царице. А затем практически ежегодно до 1900 земцы собирались под тем или иным предлогом, опять же в общероссийском масштабе, а порой и по два раза в год. Новое начало легче обмануть.

Некий объективный показатель оживления общества содержится в следующей цитате из доклада Департамента полиции за 1900 год:

1890, 1891, 1892, 1893, 1894 — типографий обнаружено не было. 1895 — одна, в Варшаве, обвинено 44 человека. 1897 — одна, в Новгородѣ, обвинено 19 человек, 1898 — четыре: в Екатеринославѣ, Минске, Белостоке, Петербургѣ, всего 332 обвиняемых. В 1899 — одна, в Златоустѣ. 1900 — восемь: в Лодзи, Вильне, Минске, Тамбове, Екатеринославѣ, Кременчугѣ, опять в Минске и Вильне. В момент подачи доклада число обвиняемых еще не установлено.

Как видно даже из этого доклада, с оживлением общества правительство боролось. В частности, в 1896 году на коронации Николай II посоветовал земцам "не предаваться бессмысленным мечтаниям" насчет Земского Собора. Через десять лет ему придется присутствовать на церемонии открытия Государственной Думы, в которую войдут депутатами едва ли не все те земцы, которых он отталкивал при коронации...

В стране фосфоресцировали сотни различных союзов, групп, организаций, кружков. Возникали, распадалась, соединялись, гибли, успевали "остановить на себе зрачок цивилизованного мира", не успевали. Мы — да и никакой историк за отсутствием материалов — не в состоянии рассматривать этот процесс **линейно во времени**, прослеживая день за днем состояние нелегальной и полулегальной жизни тогдашнего общества. "Календарь Освободительного Движения" еще не создан. А без такого хронологического обзора описание функционирования того или иного кружка или группы кружков приводит к искажению перспективы, к обрыву реальных взаимосвязей. Но из-за того, что эта работа по воссозданию **фона нелегалщины** не выполнена профессиональными историками, я перехожу к рассказу о создании социал-демократической партии с риском утраты пропорций.

Партия эта возникала очень сложно, и ее зарождение не похоже на появление кружка чайковцев, на оформление социально-революционной партии "Земля и Воля". Сначала распространялись отдельные идеи или группы идей социал-демократизма под наименованием "марксизма". Преимущественно они циркулировали среди уже революционно настроенных лиц, следовательно, среди тех, кто пережил увлечение народолюбством. Поэтому среди адептов марксизма в России всегда в той или иной пропорции смешаны идеи народничества, террора, самобытности России, социал-демократизма, научного социализма и подражания Западу. Окончательная позиция определялась долей, весом того или другого в сей смеси.

Самыми чистыми в этом смысле — а потому никому не нужными — являлись плехановцы. Плеханов писал, группа издавала его писания, в Россию они практически не попадали, группа из России ни информации, ни притока свежих сил не получала. Зато Плеханов был настолько настойчив, что в таких условиях

ездил на международные социалистические конгрессы в звании "представителя России". А из-за последнего связь с Плехановым для каждой внутрироссийской организации превращалась в вопрос престижа, в завоевание выхода на мировую социалистическую арену. Плеханов же был очень обидчив, по-генеральски вздорен, он терпеть не мог возражений и вообще не им высказанных перлов. С ним было трудно иметь дело, и обычно после одной-двух попыток инициаторы установления контактов с Группой Освобождения Труда шлились и обрывали контакты. Только Ульянов с его умением далеко просчитывать последствия поступков и подчинять самолюбие политическим потребностям сумел выдержать несколько лет общения с Георгием Валентиновичем и порвал с ним лишь тогда, когда германское социалистическое мнение уже считало их двоих примерно равными величинами. Оторванность Группы Освобождения Труда от реальных запросов агитационно-пропагандистски-забастовочной жизни в стране вела, например, к тому, что Плеханов много внимания уделял совершенно ненужным философским темам. Так, именно он ввел в марксистскую идеологию неперменной составной частью гегельянскую философию, "диалектику", над которой так безудержно потешались большевики в 1903—1905. Конечно, жеманничанье модной в годы молодости Маркса гегелевской развязностью и отрицанием отрицания не имеет никакого содержательного отношения к экономическому учению о классовой борьбе, о прибавочной стоимости и т. п. Но для того чтобы социал-демократическая доктрина действительно стала бы всеобъемлющей, дабы она могла претендовать на независимое ото всех других ("буржуазных") доктрин, на **замкнутое в себе** описание-объяснение мира, она **должна** была изобрести и собственную "логику", каковой и стала "диалектическая логика", взамен общечеловеческой, объявленной "формальной". Нарушение формальных пунктов устава, перетолкование белого черным в писанных договоренностях Плеханов во время борьбы с большевиками провозглашал "диалектическим подходом" — это очень удобный прием!

К созданию РСДРП плехановцы отношения не имели. Известную преемственность в создании социал-демократической партии можно проследить внутри страны начиная с Бруснева. Его школу прошли те, кто

позже создавал в Петербурге и в Москве организации, принявшие наименование "Союзов Борьбы за освобождение рабочего класса", а деятели этих союзов имели к созданию РСДРП прямое отношение.

История создания и функционирования до 1896 петербургского СБОРК много раз освещалась в литературе, не стану входить в подробности. Созданный еще брусневцами Германом Красиным, Степаном Радченко, Сильвиным и др. кружок при Технологическом институте вел активную пропаганду среди рабочих окраин (тогда — Обводный канал). С приездом в ореоле "брата повешенного" Владимира Ульянова Красин из-за стычки с ним на первых же заседаниях отошел от кружка и затем вообще от социал-демократической деятельности. С присоединением Юлия Цедербаума, который имел богатый семейный опыт общественной деятельности (еще его дед начал первым в России выпускать еврейскую газету, а отец отдал дань и журналистике), кружок принял название "Союза Борьбы...". Листовки писались от руки, на пишущей машинке ремингтон, редко — на mimeографе. Для одного-двух изданий типографскую базу предоставили народовольцы (лахтинская типография). В декабре 1895 Союз был ликвидирован полицией — и тут-то произошло то, из-за чего имя его навсегда вошло в историю революционного движения. Обычная из-за конспирации история — о существовании того-иного кружка узнают в обществе лишь **после** его ареста. Смертию своею он извещает, что **был**. Здесь же, после того как общество узнало об аресте кружка и о его предбывшем существовании, внезапно общество (и полиция) узнают, что Союз **продолжает** функционировать — были выпущены новые листовки от имени Союза. Для возрождающегося после времен реакции Александра III движения это неслыханный успех. Жили и живем, значит, будем жить! Действительно, имя и знамя этого Союза участвовали в пропагандистско-идейно-полицейской жизни до 1902, с переменным составом участников; эта сторона деятельности СБОРК плохо освещена в историографии. Точно так же плохо освещена роль женщин (Калмыкова, Герд, Крупская, Лидия и Надежда Цедербаумы, Кускова и др.). Радченко уцелел при аресте, и несколько лет петербургский Союз функционировал в двух непримиримых составах: "старики" во главе с Радченко и "молодые" во главе

с Якубовой, Б. Гольдманом. Они конспирировали друг против дружки, утаивали явки, перехватывали посланцев от других организаций.

Народовольцы лахтинской типографии (Е. А. Прейс, А. С. Белевский) настаивали на объединении всех революционных сил. В этих целях они представили свою типографию с.-д. для публикации программных материалов. Ими воспринималось: объединение той части революционеров, которые базируются на социал-демократических позициях, есть первый шаг к сознательному объединению **всех** социалистов. Такой платформой стал так называемый "Четвертый листок". Хотя осенью 1896 типография была арестована, во исполнение этого плана многие кружки в других городах приняли название "Союз борьбы за освобождение рабочего класса" в видах унификации наименования. В том же году в Вильне состоялся съезд, объединивший всех рабочих-евреев во Всеобщий Еврейский Рабочий Союз. По последнему слову эту организацию принято называть "Бунд". Платформа его была убежденно социал-демократическая, без примесей. Бунд по тем временам был крупнейшей социал-демократической организацией в России (после ППС, пожалуй, но ту называть "с.-д." неуместно). Его съезд и провозглашение названия партии были **завершением** многолетней фактической деятельности: уже с 1895 издавалась газета "Йидишер Арбейтер" с редакцией в Вильне.

Следующей по величине и размаху деятельности была группа "Рабочего знамени". Возникши в Петербурге как "группа рабочих революционеров" вне сферы праждающих фракций Союза борьбы в 1896, она приняла в 1897 название "Рабочее знамя", выпускала газету того же названия. В разное время в нее входили Луковский, Маевский, Савинков, Сергей Цедербаум (псевдоним В. Ежов). Ее филиалы распространялись до 20 городов, из коих самым крупным была организация в Белостоке. В январе 1898 она приняла наименование Русской Социал-Демократической партии. Но не от нее пошла РСДРП.

Крупные организации были в Екатеринославе, Иваново-Вознесенске, в Москве (московская организация поглотила иваново-вознесенскую), Харькове, Литве (она самостоятельная, противопоставляющая себя польско-литовским объединенным социалистам), в Киеве.

Но поучительно отметить, что в Киеве в тот год действовали минимум две **польские социалистические организации**, такова была тогда география. Инициатива тех встреч и труд переговоров, которые привели к провозглашению РСДРП, принадлежала виленцу-бундовцу Александру Кремеру. Его активно поддерживал Борис Эйдельман из Киева. Хотя они пробовали привлечь "молодых" из Петербургского Союза борьбы, Радченко перехватил связи и оттеснил Якубову и других от участия сначала в коллоквиуме, а затем и в съезде. Харьковчане отказались принять участие в этом объединительном предприятии, считая инициаторов недостаточно авторитетными. Русская же с.-д. партия, напротив, была обойдена Кремером-Эйдельманом-Радченко по понятным причинам: коль скоро эта партия уже имеется, то к ней можно присоединяться, но **создавать** ее уже невозможно. Так что она не была приглашена на съезд (Эйдельман пишет, будто "по недоразумению", а Акимов полагает, что по соображениям идейной чистоты). Кроме этих организаций было крупное объединение "Союз русских социал-демократов" за границей. Как раз к 1898 в нем назревал бунт против генеральства Плеханова. Ни он, ни Группа Освобождения Труда участия в съезде не приняли. Видимо, просто-напросто побоялись ехать в Россию, ибо их приглашали и они были готовы возглавить то, что получится. Всех, вместе взятых, превосходила по мощи, численности, долговременности и издательским возможностям ППС. Ее приглашали, но она выставила такие ультимативные условия, гарантирующие ее *niepodleglosc*, что приглашение было снято. Да поляки и не желали сотрудничества с русскими.

В марте 1898 в Минск съехались девять делегатов, провозгласивших съезд социал-демократической партии и принявших название "Российская Социал-Демократическая партия". Это, конечно, вдвое-втрое меньше, чем было даже на Липецком съезде народолюбцев в 1879, вдесятеро меньше, чем собиралось на полугальных земских съездах, но заряд уверенности у этих деятелей, что именно они правильно выражают интересы времени, потребности пролетариата и т. п., был такой силы, что ничто не помешало им конституироваться как **съезд**, причем всероссийский. Присутствовали: Кремер, А. Мутник, Ш. Кац от Бунда, Вигдорчик и Эйдельман от "Рабочей газеты" из Киева, Тучапский из Киева, Петрусевич от Екатеринославля, Радченко и

Петербурга и Александр Ванновский, прибывший взамен своего старшего брата Виктора, от Москвы. Тот, будучи арестован еще по делу 1 марта 1887, удачно симулировал сумасшествие и после двух лет тюрьмы был выпущен, возобновив, конечно, революционную деятельность. Но за ним следили, и он обоснованно остерегался, что, поехав на съезд в Минск, провалит всех присутствующих. Так что он по-семейному поручил брату: сиди, слушай, молчи, голосуй со всеми.

Специально обсуждалось, не назвать ли партию "рабочей", т. е. Российской Социал-Демократической Рабочей Партией (что именно **российской**, а не **русской**, было специально подчеркнуто при обсуждении всеми), но большинством пяти против четырех было решено, что название "рабочая" не отвечало бы фактическому положению, ибо, за исключением Бунда, членом которого согласно Уставу мог быть только рабочий, во всех прочих организациях ведущее место занимали интеллигенты. Был выбран ЦК из трех человек, куда попали Кремер и Радченко. Центральному комитету было поручено написать Манифест РСДРП. Почти всех участников съезда и ЦК арестовали в мае—октябре того же года. Примечательно, что охранка была заранее осведомлена и о месте съезда, и о его участниках, и о времени, и о программе заседаний, но история до сих пор не знает, кто же был провокатором в данном деле.

Из двух практически одновременно возникших партий (Русская и Российская СДП) в историю как родоначальница вошла минская, а не петербургская партия. Почему? На этом примере хорошо видна роль евреев, особенно Бунда, для российского с.-д. движения. Бунд признавал — естественно — только ту партию, в создании которой он участвовал, — это банально. Но почему же именно эту партию признало большинство прочих социал-демократов? А деятели "Рабочего знамени" через год-два в большинстве своем отошли от Бунд-партии, влившись в с.-р.? Тем загадочнее, что минская партия была полицейски ликвидирована почти сразу, а петербургско-белостокская — только в 1901. Тут же раскрывается следующей цитатой из "Истории РКП(б)" 1926 года издания:

В "Очерках по истории РКП" тов. Невский пишет о "Бунде":
это была самая прочная организация социал-демократов того

периода в России, (...) отметить (...) огромное организационное влияние, какое имело еврейское рабочее движение на развитие социал-демократии в России, необходимо. В предыдущем изложении мы именно с этой целью наполняли изложение именами и указанием тех связей — имен и городов, — откуда являлись социал-демократы в русские города, и видели, что именно социал-демократы евреи — из Гомеля, Витебска, Вильны, Минска разъезжались по русским городам. Они попадали особенно часто в Киев, Одессу, Харьков, Екатеринослав, Кременчуг, Елисаветград, Ростов-на-Дону и т. п., они, особенно во второй половине девяностых годов, приносили туда и уставы своих касс, и свой опыт участия в этих кассах, а затем и свой стачечный азарт, и свой конспиративный и вообще организационный опыт и вносили в мирный пропагандистский темп русской работы определенную живую струю, "агитацию" (слово "агитация" родственно "ажитажу"), и постепенно содействовали скорейшему переходу к массовой работе и в русских городах. Они, эти социал-демократы, вообще очень много дали общероссийскому движению. Их опыт, их навыки работать, их выучка очень сильно подняли и организационные приемы русской работы. (...) Будучи самой значительной организацией, "Бунд" был сам заинтересован в объединении русских товарищей. (...) Ему приходилось доставлять литературу русским организациям, ему приходилось переправлять беглецов за границу, ему приходилось постоянно сталкиваться с русскими рабочими и на юге, и на западе России, у него, наконец, в общем была одна и та же цель и задача, что и у русских социал-демократов, и для того, чтобы все это разрешать и скорей и лучше, удобнее было иметь дело с единой общерусской организацией, а не с разрозненными группами. Вот почему "Бунд" так энергично работал и по созданию общероссийского объединения.

При такой влиятельности¹ естественно, что мелкие российские социал-демократические организации смотрели в рот Бунду и принимали его точку зрения за свою собственную.

Поучителен нравственный инцидент при создании и первичном функционировании Российской с.-д. партии. Прежде — фон. В 1894, тесно общаясь с Радченко, Ульянов писал:

Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта, что "в самом марксизме от начала до конца нет ни грани этики": в отношении теоретическом "этическую точку зрения" он подчиняет "принципу причинности"; в отношении практическом — он сводит ее к классовой борьбе.

¹ О степени влиятельности Бунда среди евреев уже в 1900 свидетельствует полковник Зубатов: "Бунд удивительно глубоко пустил уже корни среди простонародного еврейского населения и достиг того, что по нелегальным изданиям простачки стали обучать своих детей грамоте".

Марксизм, мол, не нуждается в такой хилой опоре, как "нравственность". Итак, Александр Ванновский, студент, практически еще не участвовавший в социал-демократическом движении, сидит, слушает, впитывает опыт старших. Однажды в перерыве между заседаниями он разговорился со Степаном Радченко, имевшим уже почти десятилетний стаж и с ним мастерство уходить от арестов, когда проваливаются все, кроме него (он и от ареста по делу минского съезда сумеет уйти). И Радченко поведал ему, к каким средствам надо прибегать. Вот, была в Минске стачка. Рабочие, видя, как неуспешно она идет и как затянулась, хотели было бросить забастовку. Но тогда были присланы деньги им в помощь, а к деньгам приложено подложное письмо якобы от московских рабочих, что, мол, это они посылают деньги в помощь своим братьям по бизнесу. Письмо столь воодушевило минчан, что они продолжили стачку и выиграли ее. Вот так, дескать, и следует поступать в трудных случаях. Ванновский, приведший в революцию от чистоты душевной, взорвался, схватил Радченко за грудки и поволок на заседание съезда, вынудив того прилюдно все это повторить и требуя осудить-покаяться. Но в итоге прочие делегаты осудили не Радченко, а "молодого неопытного Ванновского", а Радченко, напротив, выбрали в ЦК.

Надо возразить, что "молодость" Ванновского тут ни при чем. Тогда-то ему был 21 год, верно. Но и в 80 лет он поступал так же. Вот он эмигрировал из России в 1919 в Японию. В 1957 ему предлагают возвратиться. Он очень хочет вернуться на родину. Но:

Гость из Москвы вдруг сказал, что было бы неплохо, если б Ванновский написал статью о русской эмиграции, разоблачил бы ее антисоветизм, прислужничество японскому империализму. И Ванновский возмутился:

Мы, эмигранты, — дети страшных лет. Это о нас строки Блока, горько и горько говорил мне Ванновский. — Страшные годы пережитому повлияли на эмиграцию. Одни до сих пор ненавидят русских, большевиков, других охватило безразличие к тому, что происходит дома, третьи рассказывают, что покинули Родину, но уже не имеют сил исправить ошибку. Но долгие годы мы жили здесь, в Японии, вместе. А это были нелегкие годы, особенно когда к власти пришли милитаристы и началась Вторая мировая война. Мы помогали друг другу чисто по-человечески, как соплеменники, которых занесло на чужбину. Мог ли я плохо написать о них, и без того обиженных судьбой? Нет, конечно! Хотя есть люди, кто мне неприятен, кого я ненавижу. И я сказал гостю из Москвы: ценю подлости советский паспорт мне не нужен.

Эпизод же с выбором Радченко в ЦК имел продолжение. Сразу. Именно ему было поручено найти человека, который написал бы Манифест РСДП. Естественно, что в Петербурге он обратился к профессору Струве, с которым был знаком чуть ли не с брусневских времен, который был для него авторитетен и как крупнейший марксист, и как революционер, решительно разорвавший с отчим домом ради дела борьбы. И как профессор из наших, и как профессор, не гнушающийся недоучившимися собратями. А Петр Струве прежде всего вливается в **название** партии. Ведь марксизм — это **рабочая** идеология, это идеология **пролетариата**. Социал-демократия во всех странах — это **рабочее** движение. Даже Бунд называет себя **рабочим**. А вы вот свою партию не назвали рабочей! Надобно в название **вставить** слово "рабочая"! (Тут словно бы предвосхищен принцип соцреализма: изображать не то, что есть в действительности, а то, какую эта действительность должна директивно быть. С другой стороны, тут сказывается вековая традиция номинативности российских социальных ценностей.) Авторитет Струве для Радченки столь велик, что:

на съезде голоса по вопросу о названии разделились почти поровну. Было бы излишним формализмом соблюдать решение съезда. Я дал согласие на изменение названия, —

пояснил Радченко. Так партия из СДП сделалась РСДРП. Тогда Струве написал Манифест РСДРП, и по иронии судьбы этот документ по сей день числится "документом партийного съезда". Облегченная нравственность, отказ от соблюдения форм, когда они "нам" обременительны, мистификация (покамест, еще, правда, не по-нечаевски кровавая), — полный букет. Ясно, что так провозглашенная партия не смогла стать организационным и нравственным центром движения. Она осталась исключительно **знаменем**, **именем**, выполняя лишь номинативную функцию. Местные организации по-прежнему грызлись, дробились, боролись сами по себе. Только Бунд не знал фракционных раздоров, претерпев урон лишь от не зависимцев (см. § 14).

Задержимся на судьбах провозглашателей РСДРП. Ванновский в 1905 метался между с.-д. и с.-р., "беками и меками", ища **боевых действий**. В 1914 он добровольно по чужим документам ушел на фронт, т. е. стал

"социал-шовинистом" и "пособником империалистской бойни" (вспоминая термины "историографической школы Покровского" и сочинений Ленина, Троцкого). В 1919 эмигрировал в Японию, находясь на службе на Дальнем Востоке. Видгорчик с 1906 не занимался политикой, жил в России рядовым врачом и пережил даже Сталина. Степан Радченко ушел от политики в 1905, умер в 1911. Его брат Иван был большевиком и арестован в 1937. Тучапский в 1903—07 примыкал к большевикам, с 1908 — меньшевик, особенно непримиримый в гражданскую войну. Умер в большевистской тюрьме в Одессе в 1921. Эйдельман в почете жил в СССР, но в партстаже у него перерыв 1905—1918. Через два года после съезда Струве разорвал все контакты с с.-д. движением. Он был из тех редких умов, которые умеют едва ли не каждый год по-новому, свежо взглядывать на все, что сделал, чего достиг, до чего додумался. И отречься от прежнего, если оно уже не устраивало его самого. В политике это крайне невыигрышная позиция, так как позволяет всякому оппоненту объявить тебя беспринципным. В свое время Струве был пронзен **важностью** экономического фактора в понимании закономерностей общественной жизни. Когда он осознал, что этот важный фактор, будучи **не единственным, не самое главное для России** сейчас, он круто сменил позицию и если и возвращался позже к марксизму, то только для критики его. Ибо Россия была для него важнее. Еще в те годы были известны имена Кричевского, крупнейшего организатора с.-д. в девяностые годы. И Акимова-Махновца, принадлежавшего к с.-д. от народовольчества. Первый был полностью растоптан к 1903 (посмел взбунтоваться против самого Плеханова!), умер в 1919. Второй даже попал на II съезд РСДРП в 1903, поскольку народовольческие оттенки в его воззрениях высвечивали иногда сходством с ленинскими идеями, но подчиняться никому не хотел, с 1907 порвал с РСДРП и погрузился в дела всероссийской кооперации. Умер в 1921.

Конечно, будучи людьми, склонными к теоретическим объяснениям, они-то самим себе и другим объясняли, будто бы причины их распрей — в различном понимании теории, в проникновении идеологии чуждых классов и тому подобных сочетаниях звуков. Выдумывали уклоны и идейные направления и жили в мире этих фикций. Большинство историографов подда-

лось этой мистификации, и поэтому реальные причины разногласия и дезорганизации тех лет еще не выявлены и не описаны. И они не могут быть описаны, пока не будут составлены биографические словари, где все упомянутые мною лица (и многие другие) не будут обрисованы подробнее по всем намеченным мною параметрам ("толстяк", "словоохотлив", "самолюбив", "одинокий меланхолик", "отец многих семейств", "горбун", "теоретик", "двоюродный родственник такого-то", "красавец-импотент", "одессит", "вятский").

Для реальных судеб с.-д. движения огромное значение имела многолетняя совместная деятельность в рамках "Искры" (Плеханов, Аксельрод Павел, Засулич, Ленин, Мартов, Потресов, Троцкий). Эта газета возникла в 1901, присвоив себе общепартийную роль, хотя, конечно, ни о какой легальной передаче ей полномочий от ЦК 1898 не могло быть и речи. Имя **общепартийной газеты** помогало и, по обратной связи, рос ее авторитет. Создана она была на деньги Кранихфельда, близкого друга Мартова, которому отец завещал 10 тысяч рублей. Энергия Ульянова, Мартова позволила и организовать газету и поддержать ее. К тому времени как деньги были растрчены (каждый номер "Искры" стоил 3000 немецких марок, т. е. 1300—1500 руб.), Мартов с Ульяновым рассорились. Умение Ульянова выдерживать контакты с Плехановым придавало газете шарм признанного Европою социализма. Но об "Искре" написано довольно много, не хочу повторяться. Для судеб с.-д. существенно, что функционирование "Искры" **не преодолевало** имеющегося раскола, разброда. Оно лишь укрепляло фракцию сторонников "Искры". А до объединения **всех** революционеров, как грезились народовольцам "Четвертого листка", — о! Лишь в 1952 эмигранты с.-д. меньшевики и с.-р. сумеют договориться об объединении, прежде чем отправиться на кладбища. Но и они не сумеют найти общего языка с эмигрантами "большевиками-ленинцами" (и переводе на обычный язык — троцкистами).

Рекомендуем по этой главе почитать: "История ВКП(б)..." Ярославского, Акимов-Махновец, Ленин "Экономическое содержание...", где в конце гл. 2 сказано о нравственности, Лохвицкий, "Любящий тебя...", "Обзор важнейших...", "Первый съезд...", а также тот номер "Огонька" за 1988, где о Ванновском.

§ 12. Возрождение Партии социалистов-революционеров

*Некоторые юридические фикции;
общероссийская с.-р. газета;
книги по истории революции, изданные с.-р.;
деятельность с.-р. в крестьянстве;
центральный террор; дело Балмашева;
провокаатор Азеф; мода на с.-р.; финансы с.-р.*

Прямые наследники Социально-революционной партии 70-х гг. не искали себе ни новых названий, ни новых идеологий, ни кардинально новых стратегий и тактик. Они были социалистами и революционерами — поэтому они создавали союзы, которые так и назывались: "Союз (территориальное указание) социалистов-революционеров". Все, что выработала российская или мировая социалистическая мысль, все они в той или иной мере готовы были принять, переработать, усвоить, не выпячивая одного какого-либо теоретического ингредиента, не отменяя ничего. Годились и Бакунины, и Жорес, и Лавров, и Маркс, и Михайловский, и Лиссаль. Пожалуй, это главная характеристика тогдашних с.-р., и ярчайшими выразителями ее были личности двух тогдашних вождей партии — Михаила Гоца и Григория Гершуни. Гоц изумительно умел находить мостки к собеседнику, он всегда искал и находил то, что объединяет его и собеседника, даже если тот приехал настроенным резко против Гоца. Его объединяющий дар — то, что отмечают все мемуаристы, — стал исчезать из ПСР после его смерти в 1906. Гершуни — тоже рано умерший, в 1908, не достиг до сорока лет — также на первый план выдвигал объединение, а не взаимную борьбу. Он даже настаивал на втором съезде ПСР в 1907, на том, что в Государственной Думе с.-р. не должны вести фракционной борьбы против с.-д., к.-д. и других левых фракций. Он даже считал, что с.-р. должны отказаться от такой разоблачительной борьбы в одностороннем порядке, не дожидаясь, пока другие партии "заключат с ней договор-перемирие". Критерий был: ведут ли борьбу против самодержавия? Если да, то мы против врагов самодержавия не боремся. Нам с ними на одних торжественных парах спать придется...

Союзы (северный, южно-русский, уральский и др.) с.-р. оформились уже в 1896—97, но проводить съезд с.-р. не спешили. Здесь тоже проявлялись их нравственные предрассудки. В системе тех юридических понятий, в ряду коих стоят слова "съезд", "конференция", присутствуют в качестве доминирующих еще понятия "выборы", "представительство", "полномочия". Съезд мыслится как верховный, суверенный, ничем не ограниченный орган. В этом — отличие его от конференции, решения которой носят лишь рекомендательный характер. Конференция рекомендует исполнительному органу (обычно — центральному комитету), местным территориальным органам, всем членам партии. Но уже избрать (назначить) новый состав ЦК конференции обычно не правомочна. Съезд же может и полностью сменить ЦК, может принять программу, властен даже партию распустить. Но для того чтобы решения съезда не выглядели самодурством, самовластием, необоснованными притязаниями, чтобы они "выражали волю партии", необходимо, чтобы представительство партии (членов партии) на съезде было настоящим. Настоящим во всех смыслах. Во-первых, мыслится, что партия с.-р. как совокупность рассеянных (по стране и в эмиграции) с.-р. **существует как реальность.** (На примере — как реально существуют дальтоники, и встает вопрос, чтобы на съезде дальтоников представлены были именно они, а не лица с нормальным зрением, не слепорожденные, не безногие.) Задача в том, чтобы правильно отразить этих социал-революционеров, всех и пропорционально, в составе делегатов съезда. Во-вторых, при выборах этих делегатов избиратели должны быть знакомы со всеми идейно-организационными и даже личностными факторами, которые будут значимы для работы съезда. Так сказать, предвыборная агитация и пропаганда должны быть широкими и всеохватывающими. И, в-третьих, отчет о работе съезда должен быть полным, доступным избирателям, доступным обсуждению, как, скажем, протоколы земских собраний доступны всем гласным через неделю после завершения заседаний. Без соблюдения перечисленных условий — учит юридическая наука — любое совещание, именуемое ссбй съездом, не отразит правильно волю того коллектива, который оно призвано выражать или претендует выражать. А его решения будут юридически неправомочны.

И вполне законным будет отказ отдельных организаций, филиалов и индивидуумов от выполнения этих "решений". Совершенно очевидно, что в условиях конспирации, псевдонимов, кличек, кратковременных паролей, минимального общения между собою соблюсти эти требования демократического регламента абсолютно невозможно. Это во времена "Народной Воли", когда активных участников было не так уж много, они могли съехаться почти все в числе нескольких десятков человек в Липецке да в Воронеже. Когда же счет идет на тысячи очень активных деятелей, тут тайный представительный съезд не обеспечишь. (Заметим, что этих проблем для земцев не существовало: хотя их съезды и полицейском отношении являлись незаконными, по регламенту их проведения они все были открытыми, тезисы публиковали изложения речей и корреспонденции о ходе заседаний, делегаты избирались на земских собраниях и там же отчитывались под стенограмму.) Поэтому с.-р. отказались устраивать фикцию съезда. Провели свой I съезд только в декабре 1905 после завоевания свободы печати. Даже ЦК у них до съезда именовался Центральным организационный комитет.

Этой позицией не отменялись те или иные совещания между ними, чаще всего "по профессиям". В 1901 начала выходить общерусская газета "Революционная Россия", налаженная главным образом А. А. Аргуновым на базе выходившего прежде нерегулярно "Вестника русской революции" (Гоц, Тарасов, Чернов). Ее типография помещалась в Томске. Для дела консолидации партии газета выполняла те же функции, что и газета Пилсудского "Работник" в Вильне 1892—95 для ППС, и "Искра" в 1901—03 для дела РСДРП. Сам Андрей Аргунов имел за плечами учебу в Московском университете, ссылку в середине 80-х гг. в Томск, знакомства с Д. Клеменцем и Л. Шишко. В 1894 он вместе с Сопками основал в Саратове (там позже осел в рядах земского третьего элемента его брат Павел) "Северный союз социал-революционеров", распространившийся вскоре и на Москву. В 1898 как проект программы ПСР опубликовал брошюру "Наши задачи". Одновременно за границей возобновилась приостановленная было из-за гибели Кравчинского деятельность "Фонда вольной русской печати". Стали массовыми тиражами печатать и переправлять в Россию все, до революции или социализма касающееся.

В частности, продолжилась традиция Герцена — интерес к истории освободительного движения. Богучарский в России составил сборник "Государственные преступления в России" — исключительно по официальным материалам процессов, которые до Александра III все-таки публиковались, хотя бы в виде приговоров суда, а чаще даже с большими подробностями. Бежавший из ссылки в Англию и отсидевший уже в Англии год тюрьмы за призыв к царевубийству Владимир Бурцев занялся историей. В 1900 он выпустил сборник "За сто лет", с 1902 начал издавать журнал "Былое" (все — за границей). И там и там главное внимание уделялось революционной борьбе и незаконности — жестокости репрессий против освободительного движения. Но и такие смачные эпизоды, как убийство императора Павла собственным сыном Александром Богдановичем, не обходились.

В области практических действий в 1900 возникла "Аграрно-социалистическая лига", созданная Ф. Волховским, С. Слетовым, В. Черновым, Л. Шипко. Она ставила прямой задачей вызывать волнения крестьян, развязать аграрный террор против помещиков. Конечная цель виделась в форме "социализации земли", а как первый неотложный шаг — аграрная реформа, передел земли. Трудно сказать, в какой мере крупные крестьянские волнения в Полтавской губернии в 1902 явились плодом пропаганды этой организации, а в какой имели место локальные или стихийные причины; это так же трудно сказать, как оценить, была ли знаменитая стачка 1902 во многих городах черноморского побережья результатом активности социал-демократов или же следствием экспортно-импортного дисбаланса пароходства. Но впечатление, произведенное и тем и другим на правительство, на общество и, главное, на самих себя, было оглушительное. Движение оказалось, смотрите-ка, массовым!

Конечно, с.-р. вернулись к идее систематического антиправительственного террора, и им удалось эту идею претворить в успешную практику. Здесь главная роль принадлежала Гершуни. Он хотел возродить народовольческий центральный террор. Но он понимал, что сразу едва ли стоит начинать с покушения на самого царя. Поэтому он набирал опыт, создавая кадры, на актах против второстепенных и даже местных представителей власти. Получив от Гершуни револю-

вер, студент Петр Карпович стрелял в министра просвещения Боголепова. За что?

Испокон веков студенты отмечали свой университетский праздник — Татьянин день в январе — разнузданным пьянством, лихачеством, бесчинствами. Как правило, ущерб, который они причиняли обывателям в своем разгуле, позже ими возмещался. Сейчас психологи уже поняли, что такая разнузданность, когда, например, шведские студенты в 1965 ни с того ни с сего опрокидывают трамвай, взбираются на него, произносят речи, а потом расходятся по домам, — является возрастным явлением, некоей реакцией организма на "исотработанный рефлекс" и т. п. Во всяком случае, ничего политического в этих дебошах на Татьянин день не содержалось, хотя отдельные лица (студенты разных взглядов неистовствовали одинаково) могли и политические фразы швырять. Однако в 1899 правительство решило "пресечь безобразия" и, так как правительству ничего, кроме грубого принуждения, не было известно, то оно прибегло к казакам, разогнавшим сборище студентов и ворвавшимся на территорию университета (тогда университеты еще пользовались автономией и их территория по закону была неприкосновенна для полиции). Студенты, естественно, восприняли это как покушение на свои вольности. Пошли сходки, митинги — уже с политическим содержанием. Тогда министр Боголепов распорядился всех участвующих в сходках исключить из университета и отдать в солдаты. Дескать, в армии вас научат дисциплине, дурь повыбьют. Несколько сот было исключено. Представить только — студентов, отчисленных из вуза, призывают на срочную действительную службу в армии! На что тут обижаться?! Но по тем временам было на что. Иные были критерии свободы и достоинства. Это потрясло всех студентов России, не только студентов, но и людей постарше. Выразителем недовольства оказался тоже студент, тоже исключенный и назначенный в армию Карпович.

В эти же годы Брешко-Брешковская (урожденная Веригина), "бабушка русской революции", дворянка, осужденная в 1876 по процессу 193-х к пяти годам каторги, увеличенным за побег, отбывшая каторгу и, когда ей было уже за пятьдесят, бежавшая с поселения, переехавшая нелегально Европейскую Россию, ведя агитацию своей личностью за террор. То, как измыва-

лись царские палачи над светлыми бескорыстными энтузиастами служения народу, — вопияло и требовало отмщения. Не словесного. И бороться звала она не теориями, но с оружием в руках. Тот нравственный императив, что в "Исторических письмах" Лаврова был обращен к инициативному меньшинству, звучал сейчас проникновенно от лица, имевшего все моральные права обратиться с таким призывом. Женщина, которая призывает мужчину к храброму поступку. "Каторжанка в вождях". Откликнулись многие. Гершуни организует смертную казнь уфимскому губернатору Богдановичу (убил его Егор Дулебов). Под руководством Гершуни рабочий Фома Кочура стреляет и ранит харьковского губернатора Оболенского. Боевая организация ПСР начинает свою деятельность не с написания Устава, а с боевых актов. Крупнейшим стало убийство министра внутренних дел егермейстера Сипягина. Он с 1894 был товарищем (= первым заместителем) министра ВД, а с 1900 — министром.

Как человек Сипягин был жестоком, как функционер — скверным, так что его казнь выглядела закономерной. То, что она удалась, было неслыханным успехом. Это уже террор центральный. Застрелил его Степан Балмашев. Как и Карпович, в свои 18 лет Балмашев был из студентов сдан в солдаты, уволен по здоровью, пытался поступить в Харьковский университет, но новый министр просвещения генерал Ванновский не допустил, а когда Киевский университет принял — и там добрались, учиться не дали. Тогда, в сентябре 1901 Балмашев вступает в БО ПСР. За Степаном тянулась устойчивая революционная традиция. В 1873 его отец Валериан Александрович Балмашев, дворянин, сын чиновника из Саратова, в свои 20 лет уходит из Московского университета в народ, пытаясь создать сапожную мастерскую. Арестованный за сапожную мастерскую в 1876 и проведенный три года под следствием, он высылается в 1879 в Архангельскую губернию. Там в 1882 у него родился сын. Получивши незадолго перед тем известие, что его друг Степан Ширяев, который в отмщение за такое следствие по сапожным мастерским соучаствует с Желябовым в неудачной попытке взрыва царского поезда (той, где сторож-обходчик нечаянно перерезал лопатой провод, долженствовавший замкнуть дистанционное управление взрывом), приговорен к смертной казни и вскоре

умер в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, — Валериан дает сыну имя Степан и взращивает в духе преданности памяти погибшего друга. "Отомсти!" Конфликта поколений не возникает. Второго апреля 1902 Балмашев, надев офицерский мундир, явился в Мариинский дворец в заседание Совета министров и наповал сразил Сипягина. Так ему сгодилась солдатская выучка. Примерно так же, методом прямого нахрапа, потрясая пакетом со срочным донесением, 9 лет спустя Богров убьет Столыпина, а 16 лет спустя Канегиссер — Урицкого. При всей кажущейся партизанской лихости одиночки Балмашева действовал он по плану, разработанному Гершуни, при помощи разведавших ситуацию и страховавших в мелочах Крафта и Меньникова. Новым министром внутренних дел был назначен Плеве. Балмашева повесили 3 мая 1902. Гершуни был арестован в мае 1903. Боевая организация ПСР продолжала действовать.

Одним из важных последствий деятельности Гершуни было резкое возвышение Азефа в партийной иерархии. Азеф, в 1893 добровольно предложивший¹ свои услуги из Карлсруэ российской жандармерии, был поначалу мелким стукачом среди заграничных студентов. С оживлением революционных настроений и с годами он приобретал все больше знакомств, связей, сим "оказывал услуги". Департамент полиции направил его на наиболее опасный для империи участок — на невидимый фронт против "бомбистов", наследников народовольческой тактики. Поэтому Азеф искал и научился находить контакты в среде с.-р. и террористов. В 1899 он кончает институт в Карлсруэ и вступает в Заграничный союз с.-р. Так он подружился с Гершуни, который незадолго до того был арестован по делу Бунда, но выпущен. Про эту дружбу Гершуни рассказывал Гоцу, и когда арестовали Гершуни, готовившего акты против Плеве, Победоносцева и Зубатова, когда арестовали Серафиму Клитчогло, готовившую цареубийство, тогда Гоц обратился к Азефу с партийным поручением возродить БО ПСР. Не сумев отказаться, не вызывая подозрения (как раз в это время впервые прозвучало высказанное в ту пору подозрение в провокаторстве Азефа; оно было

¹ Возможно, он и раньше сотрудничал с ростовской (откуда он был) парижкой.

отвергнуто ЦК ПСР, но зачем, спрашивается, Азефу рисковать?¹ Азеф принял поручение. Вполне в стиле провокатора, он начал с того, что создал Устав БО. В это время полицейский оклад Азефа был 500 руб./мес. плюс 4000 руб./год на расходы, плюс премий. Но эти события не были видны никому. И функционирование ЦОК ПСР протекало в тайне, тем более в двойной тайне обретался провокатор в кругах, близких ЦК (членом ЦК Азефа кооптируют немного спустя). А на глазах у всего общества убивали министров и губернаторов, подымали крестьянские восстания по губерниям, наводняли революционной литературой страну.

Если в начале девяностых годов в освободительном движении увлекались марксизмом, то теперь, напротив, от марксизма отхлынули. Прежде всего, была главная причина — неудовлетворенность марксизмом по части аграрного вопроса. Россия — страна крестьянская. Поэтому перенесение в нее западноевропейских социал-демократических рецептов било в глаза своей нелепостью. Собственно, в это время среди с.-д. и не имелось никаких серьезных мнений насчет судеб крестьянства, поскольку в самой теории такой класс игнорировался; в теории присутствовали только "труд" да "капитал", т. е. пролетариат да буржуазия. Народная Воля и с.-р. ориентировались не исключительно на "пролетариат", а на все "трудовое население". Конечно, они тоже игнорировали и роль техники, и сферу услуг, и роль торгового посредничества, и многое что еще. И они с пафосом выступали "против паразитов". Но если для с.-д. "паразитами" оказывались все непролетарии (да и из числа последних тоже клеймились те, что "продались" за высокие заработки), то у с.-р. "паразитов" было помене. По некоторым толкованиям марксистской теории — например, по Троцкому, — крестьянство, "ежечасно, ежесекундно порождающее из себя буржуазные отношения и капитализм", подпадало под "паразитов". Ясно, что для большинства населения страны — а революционеры были выходцами из большинства, а не горсткой каких-то уникумов — такая постановка неприемлема.

¹ Рабочий, ставший сотрудничать с охранкой, сообщил про "инженера Азова" студенту с.-р. Суд чести из Анненского, Гуковского. Пешехонова отверг обвинения и извинился перед Азефом.

Затем действовала апелляция к храбрости. Смелее и достойнее сражаться с оружием в руках, нежели с бумажкой на письменном столе. Огромное отталкивающее впечатление произвел разброд в стане с.-д.¹ Конечно, из-за конспиративности о нем знали не так уж много, но и того, что знали, хватало до тошноты. Сначала "Искра" и "Рабочее дело" вели неутомимую полемику, на уровне помощников присяжных поверенных в провинциальном судоговорении рождая перлы, "уничтожающие" другую сторону. В 1903 началась грызня в стане бывших искровцев, разделившихся сперва на "большевистов" и "меньшевистов". Потом первые распались на "большевиков" (сторонники Леонида Красина) и "ленинцев", а наиболее пенетильные из них, вроде Кржижановского, так и вовсе ушли из партии до самого 1920 года, не желая склонничать. Среди "меньшинского течения" тоже возникло не менее трех струй. А зачинатели с.-д. совсем ушли из с.-д., в основном в "Союз Освобождения", о чем в следующем параграфе. Массы рабочих перестали слушаться партийных пропагандистов, занявшись своим собственным "независимым рабочим движением" (§ 14). И руководители взаимно ненавидели друг дружку. Все это пахло столь неприятно, что, например, Каляев отзывался о втором съезде ЦДРП (1903) так: "Танцы над собственной могилой". А начинал ведь Каляев как с.-д.

Вот один эпизод. Естественно, что о казни министра Сипягина социалистом-революционером Балмашевым Боевая Организация известила "всех, кого это касается" посредством прокламации. И что пишет "Искра":

Приглашаем читателя припомнить некоторые общеизвестные факты. В № 20 "Искры" от 1 мая 1902 г. мы оцениваем акт Балмашева, понятия не имея ни о какой боевой организации. Эта организация известна нам письмом, требуя, чтобы мотивов решения Балмашева мы искали в ее официальных заявлениях. Мы молча принимаем это письмо неведомой организации в корзину для ненужной бумаги.

¹ Сменилась и смена моды в легальной литературе, беллетристике и философии. Взметнулась мода на Ницше, столь поэтично воспевавшего отвергнувшего детерминизм и утвердившего волюнтаризм, детерминиста столь многое в глубинах человека, о чем лишь интуиция догадываются физики и психологи.

Такая терминология применительно к конспиративной организации и в связи с повешенным 3 мая Балмашевым оттолкнет кого хошь. В день казни Степана Балмашева в его родном Саратове состоялась многотысячная панихида по рабу Божию убиенному Степану. Старообрядцы, с петровских времен ненавидевшие царей-тиранов, не погнушались прийти в испоганенную, никонианскую церковь, дабы отслужить молитву в честь "своего". От нищих и до миллионщиков воротил-купцов. Имя Балмашева прогремело так, что даже не причастный ни к какой революции Федин в 1922 с трепетом вспоминал, как гимназистом катался в одной лодке со Степаном Балмашевым. А тут "Искра" "выбрасывает письмо в корзину для ненужной бумаги"! И ведь сие не один автор с заскоком так изгилялся. "Тартюфами" Балмашева и его соратников не он один обзывал. 1 мая 1902 была статья Плеханова. 1 августа — он же. 15 сентября — Потресов. 15 мая 1903 — Мартов. 1 июня 1903 — Троцкий. 15 июля — заявление всей редакции "Искры". 15 сентября — Ульянов. Были еще статьи Веры Засулич. Для Плеханова, затеявшего этот унижительный вздор, самым главным побудительным мотивом, конечно, было подсознательное давление стыда за собственную трусость, за бегство из опасной России в 1880. Ему надо было — дабы не рухнуть душевно — заслониться авторитетом всей редакции, авторитетом храброй Веры, лично стрелявшей в Третьякова, что он, мол, прав, что индивидуальный террор беспечен, вреден, неприемлем, пагубен, глуп, ошибочен, ослепляющ, враждебен. Не в том дело, будто бы Плеханов был добреньким и не позволял себе пролития крови. На одном собрании в Цюрихе или в Женеве он в 1902 со всей решительностью настаивал, что "...когда мы придем к власти, мы поставим гильотину на Казанской площади (Петербурга, где Плеханов разворачивал красное знамя в 1876, подставив под арест другого) и будем рубить головы нашим врагам". Нет, он искал безопасного для себя террора. И, будучи теоретиком, изобретал модификации теорий, ископавшие "индивидуальный" — а на деле центральный систематический — террор из вооружения революционеров. К слову, эта фразочка о гильотине в будущем оттолкнула от с.-д. такого прежде активного деятеля, как Владимир Поссе. Тот тоже ушел из с.-д. Да, авторитет с.-д. падал. Даже рабочий-бундовец Гирш Лев

керт стрелял в виленского губернатора, который высек рабочих, кидавших листовки. Не подчинился директиве Бунда, запрещавшей террор, стрелял, ранил, был повешен.

Так что с.-р. не испытывали недостатка в кадрах. Мода была на них. А на какие деньги существовала эта партия? Были и сборы "с миру по нитке, голому рубаха" на разного рода благотворительных вечерах-концертах. Но главный источник — иной. До второй половины прошлого века чай в Россию доставлялся из Индии и Китая только через Кяхту, поскольку не умели бороться с отсыреванием чая при транспортировке морем. Кяхтинские купцы были монополистами, диктовали свою цену, никого не подпускали. Но одесские купцы Высоцкий и Гоц рискнули и сумели наладить перевозку чая морем. Оказалось гораздо дешевле, удобнее караванного пути по Монголии и Сибири, через суровые перевалы. Фирма Гоц и Высоцкий моментально завоевала российский рынок (и по сей день фирма чая Высоцкого действует в Японии и в Израиле) и сказочно разбогатела. И когда у папы Гоца царские жандармы забрали любимого сына Мойшу и из солнечной Одессы сослали в Якутск (где он так тяжело заболел, что уже в 1903—06 лежал пластом с парализованным позвоночником, от чего и умер, не спасли берлинские профессора), то папа даже обиделся. И отвалил своему сыну Михаилу, а позже, когда подрос и тоже ушел в революцию второй сын Абрам, — и ему — такие суммы, что деньги Кранихфельда были жалкой дробью в сравнении.

Рекомендуем почитать: Аргунов, Лучинская, Савиной, и о склоке в РСДРП хорошо свидетельствует прощупора Орловского-Воровского.

§ 13. Формирование Союза "Освобождение"

*Земство как главная опасность;
полтавский съезд; Струве; "Освобождение";
сравнение с "Колоколом" и с "Народным Правом";
расхождение земцев; взятие прав явочным порядком;
отсутствие реакционных партий.*

Как мы знаем, кроме социалистов оппозиционной силой было земство. Тонкого различия между с.-р. и Бундом почти никто, кроме них самих, не проводил и не

ведал. Различие же между революционерами и земцами лежало главным образом не в идеях социализма (иные из земских деятелей были убежденными социалистами), а в **формах деятельности по свержению самодержавия**. Революционеры с самого начала **рвали с легальностью**, делая основной упор на подпольных формах борьбы. Земцы — как собственно земские гласные, так и третий элемент — стремились **соблюдать фикцию легальности**. И они нарушали закон, и они обменивались нелегально изданной литературой. Но они делали это так, чтобы внешне выглядело все в "рамках законности". Их стратегия заключалась в том, чтобы победить самодержавие, не будучи до победы принужденными потерять свободу, местожительство, привычные легальные формы существования-бытования. В частности, они жертвовали крупные суммы на террор, на издание "Искры" или "Революционной России", но исключительно анонимно, не высказывая публичного одобрения.

В глазах правительства именно поэтому земское движение представлялось главной опасностью. С подпольными революционерами может известными методами справляться полиция. А что делать с массой заметных общественных деятелей, которые не совершают недвусмысленно криминальных поступков, но всей системой своих не запрещаемых законами действий методично нарушают главный закон Империи — добиваются изменения существующего государственного строя? В тех странах, где правительство считается с мнением народным, ответ был бы простой: царь и правительство должны прислушаться к обществу и изменить свое поведение. Российское же правительство, наоборот, жаждало переделать общество. Особенно неистовствовал Победоносцев, оберпрокурор Святейшего Синода, т. е. главный идеолог строя. По иронии судьбы, как мы писали в § 7, установку Победоносцева "с земством нужно кончать" пришлось проводить в жизнь либеральному и склонному к конституции министру Витте. Царица же считала главным врагом в стране Ивана Петрункевича, которого, мол, довольно повесить — и в стране наступит успокоение. И Витте по кусочкам скармливал земство Победоносцеву. Так, "Вольно-экономическое общество", существовавшее с екатерининских времен, было закрыто, един лишь оно примерилось выпускать газету, которая бы

стала всероссийским земско-статистическим органом. "Взамен" правительство надумало создать официоз "Вестник земского и городского хозяйства", но тут земцы уперлись и отказались сотрудничать в "ненашей газете".

Практически ежегодно земцы проводили "слеты". На один день съедутся в какой-нибудь город, быстро произнесут речи, обменяются новостями и разъедутся, пока полиция не засекала, словно бы ничего и не было. Мало ли, мол, где случайно могли люди в гостинице пересечься? Более длительным и значимым был Полтавский съезд:

В сентябре 1901 года в Полтаве состоялся любопытнейший областной съезд деятелей по кустарным промыслам из губерний: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской и Киевской. Созвав его был разрешен Полтавскому сельскохозяйственному обществу, но земские сферы прекрасно использовали его в своих целях. Хозяином съезда сделалось полтавское губернское земство уже потому, что съезд происходил в помещении губернской земской управы. Роль "кустарей" играли главным образом земцы, преимущественно "третий элемент" и вообще интеллигенция. Земские собрания Полтавской, Черниговской и Курской губерний комбинировали на съезд своих представителей, но, кроме того, некоторые земцы явились самостоятельно в качестве "кустарей", как, например, князь П. Д. Долгоруков, П. М. Линтварев и др. Полтавская губерния представлена была, конечно, более всего, и полтавская губернская управа участвовала чуть ли не in corpore со всем своим "третьим элементом", причем наибольшее число статистиков с А. А. Русовым во главе и агрономов. Затем участники и такие лица, как пишущий эти строки (И. П. Белоконовский — Р. П.), как В. Г. Короленко и другие подобные "кустари". Всего съехалось около 200 человек, но настоящих кустарей среди них было очень мало. Председательствовал на съезде представитель Полтавского сельскохозяйственного общества г. Квитка. Он, нужно думать, немало удивлялся, когда "кустари" делали постановления — об отмене телесного наказания, о разрешении женщинам поступать во все высшие учебные заведения, о расширении земского самоуправления, о необходимости земских съездов и т. п.

Понутно — к сведению тех историографов, кои считают, якобы земское движение преследовало де идеологические сословные цели, — цитирую:

В Вологодской губернии, в заседании, на которое были призваны все земские гласные, единогласно принято предложение, внесенное председателем: 1) изменение правопорядка в смысле предоставления населению большей самостоятельности; 2) уравнивание условий с другими сословиями...

В Менглинском уезде Уфимской губернии землевладелец Татишин доказывал необходимость национализации земли, т. е. пере-

хода всех частных земель в руки государства, которое тогда в состоянии было бы наделить необходимым количеством земли возделывателей ее...

Подобных примеров бескорыстия можно было бы набрать сотни. В начале 1902 власти, как бы в ответ на Полтавский съезд, еще ограничили земство в правах: был фиксирован уровень земского самообложения уровнем 1901. Так что если в 1901 не строили больницы, не было такого расхода, то и впредь не смей собирать средства на строительство больницы! Неустрашимые земцы в марте 1902 съехались в Петербург на Всероссийскую кустарно-промышленную выставку. Такие же "кустари", как в Полтаве. Только в больших масштабах. В мае в Москву съехались представители 25 губерний, обсуждали положение, которое создано правительственным совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности вследствие устранения от этого дела земских учреждений. В 1902 сам царь высочайше выразил неудовольствие земцами, особенно их практикой проведения всероссийских съездов; разумеется, земцы усмотрели в таком неодобрении и "объективную похвалу" себе. Впечатление самих земцев от своих съездов было:

Я никогда в жизни не видел такой массы людей уже не первой молодости, с большим и у многих славным прошлым и в области общественной работы и в области науки, таких прямых, честных, как мне казалось подчас, и увлекающихся, но во всяком случае очень живых и очень юных духом.

В это время на земском движении оставляет свой отпечаток личность Петра Струве. Он претерпел такую эволюцию. Ему где-то в 1892 померещилось, будто марксизм — хорошая теория, будто социал-демократия — хорошая тактика, посредством которых можно вырвать конституцию и направить развитие России по здоровому пути всех культурных государств. Поэтому он активно работал в с.-д. движении, много писал, издавал, действовал. Но даже по его Манифесту I съезда РСДРП видно, что главная роль, которую он отводит пролетариату, — борьба с самодержавием и политическое освобождение:

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний, — что

вом, всех тех орудий и средств, которыми западноевропейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма — за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только **сам**.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата...

Будучи душевно открыт критике собственных убеждений, он постепенно приходил к выводам, что в своих дилеммах и комплиментах, возможно, он поспешил и переборщил. После встречи в апреле ведущих теоретиков "пролетариата" во Пскове (присутствовали: сын коммерсанта Мартов, дворянин Потресов, дворянка Любовь Радченко (урожденная Баранская, жена Степана), дворянин Струве, дворянин Туган-Барановский, дворянин Ульянов) Струве убедился, что надежды на с.-д. необоснованны. Нет, он не проклял их. Он, отказавшись участвовать в "Искре", согласился денежно финансировать ее. Но он стал искать и быстро нашел другую силу. Силу организованную, хотя и не признанную в марксистских книгах-руководствах. Силу, на которую **можно** опереться в борьбе против самодержавия. Ибо эта главная цель у Струве осталась. Он разуверился лишь в способности с.-д. сделать что-либо реальное. Он разуверился в марксистской теории, потому что увидел, как она обедняет жизнь, сводит все богатство общественных явлений к одному экономическому фактору. И он стал ориентироваться на земское движение, как на действительно массовое движение, без минских подтасовок. Собственно, Струве перенял политические идеи Партии Народного Права (см. § 6). Убрать знамя социализма. Сначала решить задачу, общую для **всей** страны, достичь политических решений для решений социальных задач.

В качестве "кустаря" он принял участие в земском движении по поводу Всероссийской выставки в Санкт-Петербурге в 1902. Там он совместно с земцами набросал черновой проект программы. Затем 17 человек собрались в Москве (на тайный съезд, а не на тот, что был в мае!) и окончательно отредактировали програм-

му и разработали план ближайших действий. С июня 1902 в Штуттгарте стала выходить общерусская газета "Освобождение", а группировавшиеся около нее деятели приняли название Союз "Освобождение".

Мы приступаем к изданию вне пределов действия русской полиции и цензуры — органа, исключительно посвященного великому делу борьбы за всестороннее освобождение нашей родины от полицейского гнета, за свободу русской личности и русского общества. Осуществление такого издания настоятельно требуется всем ходом вещей в России, всем развитием ее общественно-политической жизни, эта задача повелительно диктуется и положением нашей печати в самой России, и новейшим развитием ее за границей. (...) Наш орган не будет "революционным", но он будет всем своим содержанием требовать великого **переворота** (профессоры знали, что по-латыни "революцио" означает "переворот"). — Р. П.) русской жизни, замены произвола самодержавной бюрократии правами личности и общества. (...) Мы будем проповедовать не приспособление к существующему политическому строю, подтачивающему лучшие силы нашего народа, а, наоборот, борьбу с ним; мы не будем дипломатически замалчивать всех выводов, вытекающих из требования политической свободы. Но мы не будем также выдумывать, создавать и разжигать искусственно розни между направленными, с большей или меньшей сознательностью, на одну великую цель стремлениями разных общественных и личных сил, разных умов и индивидуальностей. Не разъединять, а объединять наша задача. Культурное и политическое освобождение России не может быть ни исключительно, ни преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения. Оно должно стать делом национальным или общенародным. (...) Великое благо сама по себе, свобода есть в то же время важнейшее условие совершенствования всей народной жизни. С этой точки зрения мы будем в нашем органе освещать все явления и стороны русской жизни. Тяжелое существование угнетенных нуждой и бесправием крестьян и рабочих, их борьба за лучшую долю, безусловно требующая свободных юридических форм, непрерывная, поистине героическая, борьба с правительством интеллигенции и, в частности, учащейся молодежи, плодотворная, но постоянно затрудняемая и урезанная борьба органов общественного самоуправления и, прежде всего, гонимого земства, судьбы окончательно приниженной печати, развитие религиозного сознания и борьба за его свободу, — всему этому будет вестись летопись на наших страницах, все эти стороны народной жизни найдут в нашем органе усиленное освещение своих наболевших вопросов, тесно связанных с основной задачей нашего времени — национальным освобождением (...) Пусть национальное освобождение будет открыто провозглашено общим делом детей и отцов, революционеров и умеренных. Пусть насилью, унижающему наш народ и извращающему всю нашу жизнь, будет брошен в лицо соединенный вызов, будет противопоставлена единая борьба. Такого вызова оно (правительство) испугается, перед такой борьбой оно не устоит.

В Союзе "Освобождение" лидерами были: Белоконский, Будберг, Гейден, Павел и Петр Долгорукие.

Кузьмин-Караваев, Милюков, Муромцев, Панина, Петрункевич, Родичев, Стахович, Струве, Шаховской, Шингарев. Один провал транспорта с тиражом "Освобождения" прогремел на всю Россию символической пресмысленностью имени: везла этот транспорт Ариадна Тыркова (в замужестве Борман, потом Вильямс), сестра Аркадия Тыркова, арестованного 1 марта 1881 как сигнальщика, давшего знак Перовской. Сама Ариадна бежала из тюрьмы. Позже Анна Ахматова вспоминала, что ее нравственный облик формировала именно Ариадна Тыркова.

"Освобождение" функционально-структуралистски аналогично "Колоколу". Совпадают три важнейших параметра: широкое **распространение** и распространение в **легальной** среде. Далее, это "тамиздат", который активно **воздействует** на общество и события в стране. Мгновенная обратная связь, работающая в **резонансе**. По этим трем параметрам "Освобождение" равно "Колоколу". Но имелось и существенное отличие. Если Александр II внимательно и сам читал "Колокол" и его министры читали и в основном верили Герцену, то Николай II не читал "Освобождения", а его министры если и взглядывали на эту газету, то только полицейски-враждебными очами. "Освобождение" не имело того созвучия в верхах, что "Колокол". Во времена Герцена его газета была для придворных "фигурантское общее дело", нельзя же не считаться с мнением человека, который вел переговоры с Бонапартом! А тут что — считаться с вырожденком Петрункевичем, что ли?!

Конечно, призывы "Освобождения" к объединению не были услышаны революционерами. И "Искра" и "Революционная Россия" клеймили и разоблачали либералов, предающих дело освобождения пролетариата (крестьянства, соответственно). И характерно, что хотя программа "Освобождения" по сути лишь повторяла и развивала программу "Народного Права", первоначально никто из народоуправцев не принял участия в "Освобождении". Большинство их в то время примыкало к с.-д., лишь Лежава стал с.-д., позже большевиком. Это последний раз подтверждает, что люди объединения и партии не по критерию отношения к программам-теориям, а по привычкам и укладам жизни, по темпераментам: ведь народоуправцы по укладу жизни были все подпольщики-нелегалы, что им делать

в партии, предполагавшей активное публичное легальное существование!

Как всякое гласное обсуждение, "Освобождение" способствовало выявлению расхождений и разногласий в рядах и самого земского движения, которое расслаивалось на земцев-конституционалистов, ориентирующихся в основном на Запад, и на земцев-славянофилов. Последние затеяли свой собственный орган "Беседа", настолько умеренный, что его можно было издавать в стране. Как публицистическое издание "Беседа" была малозаметна. К тому же по глупости министра фон Плеве в 1903 вождь славянофилов-земцев Дмитрий Шипов сильно утратил свой авторитет. Он поверил министру, что тот проведет некоторые полезные для земства меры, и в ожидании оных попридержал притких, более ретивых земских гласных. Вместо этого Плеве добился, используя пассивность выжидания Шипова, чтобы царь уволил того в отставку с поста председателя Московской губернской земской управы. Естественно, что Шипову как тактику, как практическому вождю, переставали верить, а более радикальных ораторов слушали внимательно. Тезис Шипова был в том, что государство должно быть основано не на правовом начале, а на начале любви Государя к подданным и наоборот. Смотрите же, о какой "любви" идет речь! Смотрите все! Подкреплялись позиция Ивана Петрункевича:

Иван Ильич дал исторический очерк того, чем был в жизни основной принцип славянофильства — устройство государства не на основе права, а на основе, как он выразился, социального этического принципа, на основе взаимной любви народа к Царю и наоборот; самое тщательное изучение русской истории привело его к выводу, что начиная с 1600 годов до половины прошлого столетия результатом этого начала было рабство, а с половиной прошлого столетия — та бюрократия, неограниченное своеволие чиновничества, с которым мы теперь боремся. Весь этот период истории отличается стремлением к полному уничтожению свободной мысли, свободной личности; любовь к отечеству, раз она не совпадает со взглядами правительства, — карается самым тяжким преступлением.

Назовем еще съезды. Тверской, в феврале 1903. Тут земство пригласило к себе представителей других земств, причем заручилось устным согласием губернатора. Но письменного — не было. Плеве запретил съезд, но покамест бумага пропутешествовала по ним

целяриям, уже все съехались и выговорились. Плеве не мог покарать за "съезд", ибо тогда пришлось бы наказать и губернатора, поэтому в отместку он "не за это" вообще закрыл Тверское губернское земство, арестовал нескольких человек из него "за хранение нелегальной литературы". Потом Ярославль, где в августе 1903 прошел областной сельскохозяйственный съезд. Затем харьковский съезд в сентябре 1903, по поводу Всероссийской выставки животноводства, куда прямо из-за границы прибыли основатели Союза "Освобождение". Затем в начале 1904 в Петербурге III съезд деятелей по техническому образованию, где участвовало три тысячи лиц. Начало-то проводить съезд правительство, оно назначило председателей секций. Но пришли участники, которые не стали считаться с назначенными председателями. Председатели, обидевшись, уходят, а тогда присутствующие сами избирают себе председателей. Это называется **брать права явочным порядком**, а так явочно российское общество приучалось их себе брать. Поначалу это может быть бесплодная демонстрация, но затем демонстрации порождают мысль "они сильнее правительства". Порой и полицейский начинает прозревать "они сильнее нас". Вот инцидент. Полицеймейстер является на квартиру закрывать съезд предписанием об этом. Ему отвечают: "Мы не признаем этого предписания министра, но если вы примените силу, то мы покоримся силе". Полицеймейстер отвечает, что у него нет предписания применять силу. Тогда присутствующие продолжают заседать уже в присутствии полицмейстера и, лишь исчерпав повестку, расходятся. Правда, им выписываются штрафы, но на такие издержки пойдешь, дабы завоевать свободу слова. За Съездом по техническому образованию в том же Петербурге открывается IX Пироговский съезд. Участники продумывают программу работы своего съезда так, чтобы сочетать ее с работой братьев-земцев. Но все интеллигентные силы помогают друг другу.

Таким образом, Союз "Освобождение" явился третьей политической партией, очень своеобразно легальной и нелегальной, но резко антиправительственной, как и старые две (с.-д. и с.-р.). Надо отметить, что оппозиционные, антиправительственные силы в России существовали раньше, лучше, сильнее, четче, нежели охранительные, проправительственные, реакционные силы. Собственно, как уже писалось (§ 7), бюро-

кратию ненавидели все силы страны, поэтому и создать общественное движение в защиту правительства было бы почти невозможно. Идейно же отстаивать принцип монархии, унаследованный от предков и истории, могли бы разве что земцы-славянофилы, кабы правительство удовлетворило бы их минимальные пожелания. Возникали в 1900—1901 затеи вроде "Русского Собрания" и т. п., но это были малочисленные сборища своеобразных интеллигентов (хотя и антиреволюционных — и такие попадались). Парадоксом русского государственного устройства было то, что любая группа лиц, которая устроила бы союз с целью активно общественными средствами помогать правительству, — немедленно вступила бы в конфликт с законом, с полицейскими нравами и не имела бы легальных средств к деятельности¹. По тем ли, по иным ли причинам, но "правых" партий или организаций не было в наличии, хотя настроения такие присутствовали — достаточно упомянуть Победоносцева, князя Мещерского, бывшего народовольца Тихомирова, публициста Шарапова (продолжателя К. Леонтьева).

Рекомендуем полистать книги таких авторов: Белоконовский, Веселовский, Давидович, Пирумова, Яковлев А. Л.

§ 14. Независимое рабочее движение

*Отличие профсоюзного движения
от социалистического;*

*два подхода к социализму; Василий Шелгунов;
Маня Вильбушевич; Сергей Зубатов; дуче Муссолини
форма проведения стачек; одесский крах
Шаевича-Зубатова;*

Гапон; супруги Карелины;

*Союз русских фабрично-заводских рабочих
Санкт-Петербурга.*

"Независимым" было принято называть то общественно рабочее движение на переломе XIX и XX веков, которое сторонилось "политики". Хотело быть

¹ Несколько позже в такой конфликт вступил монах Ипполит в Царицыне. А в 1916 — Пуришкевич.

"вне политики". В России редко кому удается удержаться вне политики, этим "независимцам" не только не удалось остаться вне политики, их втянуло в самую грязную и кровавую политику. Но намерения их были совсем иные. Правильнее было бы именовать это движение "профсоюзным", но этот термин распространился по России только после 1907. Во всяком случае, это движение рабочих не было партийным и ни в какую партию не сложилось.

Напомним трехполюсную модель общественной борьбы по Кропоткину: одна сила защищает старый строй, каким бы он ни был, а две силы борются за изменение этого строя — одна по мотивам альтруизма и теоретического "лучше", а другая по мотивам эгоистическим, дабы "мне хорошо стало". В Европе, где издавна признан законным эгоизм и личный и классовый, где никому не стыдно в открытую защищать собственные интересы, рабочие, едва лишь в них забрежало классовое самосознание единства (это не так быстро, как в сказках-теориях сказывается, делалось: например, в США машинисты паровозов долгое время не желали признавать своего единства с кочегарами паровозов), принялись бороться за соблюдение своих интересов посредством профессионального, т. е. тред-юнионистского, движения. Они продавали свою рабочую силу и как торговцы ею объединялись в союзы ради наиболее удачливой ее продажи. На первых порах правительства всех стран препятствовали рабочим объединениям, но когда (исторически — довольно быстро) выяснилось, что без права на сговор рабочих между собой они делаются совершенно бесправными перед работодателями — владельцами средств производства, общество, а за ним правительства повернулись в сторону рабочих. Это движение по всей Европе к концу XIX века уже приобрело черты установившегося, законного. Кое-где, например в Германии, оно еще не рвало никаких связей с социализмом, но социализм этот был уже совсем иной природы, нежели в начале XIX века. Один социализм исходил из нравственного императива: у тебя лишняя вторая (десятая) рубашка, а у моего рабочего нет ни одной. Значит, **я должен** отдать свою рубашку нищему. Новый шел от экономического рассуждения: у тебя имеется лишняя рубашка, а у меня нет ни одной. Значит, **ты должен** отдать мне свою рубашку. Это различие позже в религиозных терминах

выразит С. Булгаков в книге "Два Града". Это только внешне сходные учения, а по сути своей они не имеют ничего общего — ни по нравственной направленности, ни по движениям души, ни по темпераментам людей-социалистов, ни по месту в духовной жизни общества. Конечно, это не был все же оголтелый мещанский эгоизм, поскольку "рубашку" требовали не себе лично, а всем товарищам по классу. Это был эгоизм классовый, подобно тому как хождение дворян в народ было проявлением альтруизма классового.

Так как в России создание союзов-обществ затрагивало прерогативы государства-полиции, то для создающих такие же союзы представала альтернатива — либо сотрудничать с полицией, либо противоборствовать с ней. Независимцы шли первым путем, либо искренне (Вильбушевич), либо обманывая полицию (Гапон).

Первым надо назвать Егора Климанова (= Афанасьева), который в 1885 основал "Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального положения рабочего класса в России". В этом обществе проходил свою "профсоюзную школу" Василий Шелгунов. Он родился в крестьянской семье в 1867. Работал переплетчиком типографии в Петербурге, где и получил умственное развитие и завязал знакомства. Но дабы больше зарабатывать, перешел чернорабочим на судостроительный завод, где и познакомился с Климановым. Хотя общество Климанова и не было связано ни с "Народной Волей", ни с с.д. генералы от полиции ликвидировали его года через три. Личная драма Шелгунова началась с того, что его не арестовали при аресте Климанова и др., почему ему стало мерещиться, якобы все считают его провокатором. Эти страдания длились лет 20, покамест не был раскрыт провокатор (и убит в Крыму в 1905) зубной врач Михайлов, но к тому времени Шелгунов ослеп. Около 1890—91 Шелгунов примыкает к кружку Брусилова, там знакомится с Карелиным. Студент Брусинов толкал Шелгунова к политическому осмыслению рабочей проблемы, рабочий Климанов и другой студент позже профессор, Святловский, напротив, приглашал решать рабочий вопрос независимо от политики. Святловский действовал посредством общеобразовательных книжек с картинками. В день 1 Мая устраивались пикники. Присматривался Шелгунов и к деятельности

Германа Красина, Кржижановского, Радченко и по делу "Союза Борьбы" в 1895 был арестован и сослан в Архангельск. Он, кстати, и в ссылке неплохо зарабатывал, но, повторяю, двигал им не личный эгоизм. К "Искре" Шелгунов не примыкает, хотя, конечно, читает и ее. Он держится ближе к кружку путиловских рабочих супругов Карелиных.

Следует упомянуть "Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых", руководимое П. В. Точисским. Его участники самостоятельно думали в социал-демократическом направлении, но читали мало, враждебно относились к интеллигенции. "Товарищество" существовало в начале 80-х гг. и оставило заметный след в психике и легендах как с.-д., так и независимого рабочего движения. Но Точисский был выслан в Казань. "Товарищество" распалось.

В 1901 в Москве образуется "Общество взаимного содействия рабочих в механическом производстве", о котором я мало знаю.

В 1902 начинает действовать Мария В. Вильбушевич — дочь минского купца, экзальтированная девица. Она получила свое начальное политическое образование в рамках Бунда под руководством убежденной с.-д. Евгении Гурвич. Как с.-д. и была арестована. Но попав на допрос к Зубатову, который с 1898, с ареста Гераера, очень заинтересовался еврейским движением. Уместившееся развитие случалось не только у революционеров, но и у отдельных правительственных чиновников. Зубатов развивался. Был он полковником, начальником охранного отделения в Москве, потом в Петербурге. И по должности обязан был понижаться, с кем — с каким противником — имеет дело. Такое развитие сопряжено с потребностями сыска. Дабы поймать — надо внедрить агента. Дабы внедрить — надо уметь ориентировать его и самому ориентироваться. В терминологии, в идеях, в личностях. И тогда же, выслушав доклад о социал-революционерах и социал-демократах, резюмировать распоряжением: "Решить вопрос о революционер-демократах!" Хотя в такие тинажи ведали царской охранкой, но все же в более высоких чинах, например генерал Новицкий. Чиновникам надо было еще уметь вертеться. Будучи начальником московского охранного отделения и одновременно московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, Зубатов привык к не-

зависимости, стал самоуверенным и позволял себе политические дерзания. Ведь Сергей Александрович и на царя-то, своего племянника, смотрел свысока, он все мог. И вот Зубатов предвосхитил идею, с которой 20 лет спустя выступил Бенито Муссолини. Вот она.

Рабочие добиваются своих прав у капиталистов. Революционеры, начитавшиеся книг с Запада, желающие подорвать Бога, Царя и Отечество, опираются на рабочих как на армию в целях свержения существующего строя. Рабочие же сами по себе не враги царя, но враги капиталистов. Это революционеры науськивают их против царя, облыжно утверждая, якобы царь защищает капиталистов от рабочих, тогда как на самом деле царь нисколько не защищает капиталистов. Государство имеет надклассовую общенациональную природу, и царь ее выражает. Он — верховный арбитр в тяжбе между рабочими и капиталистами (в этом и состояла суть учения дуче, только вместо "царь" фигурировал "Большой Фашистский Совет"). Царь ведь, когда проходят какие-то обоснованные стачки, издает закон о фабричной инспекции, о сокращении рабочего дня. А революционеры скрывают эту царскую милость, подстрекают рабочих, которые обоснованно раздражены против капиталистов, выступать против царя. Надо вырвать рабочих из-под влияния революционеров, приводить их какое-то время за ручку, показать, что царь за них. Пусть рабочие грызутся с капиталистами, все равно же капиталисты враги престолу, думающие лишь о наживе и желающие все перестроить на западный промышленный лад. Вот и ослабнут враги престолу! Нужно научить рабочих заниматься исключительно рабочим делом, не слушать политических агитаторов, легально добиваться своих интересов, а полиция должна в этом помогать рабочим.

Этот замысел Зубатова совпал по времени с настраиванием значительной части рабочих, которые жаждали своевременного, а не когда-то в неопределенном будущем, улучшения своей жизни. На черта нужна нам эта абракадабра из непонятных слов:

"...великие принципы Первого Интернационала и тождество интересов трудящихся всего мира".

"Пятьдесят лет назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года. (...) Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!"

"В борьбе обрешь ты право свое!"

Какое это имеет к нам отношение?! Вот хозяин у меня булочник, вот он заставляет меня работать по 20 часов (ведь покупатели-то требуют от хозяина, чтобы булочки были свежими-горячими в любой час! Иначе к другому обратятся!), а при чем здесь "самодержавие"?!

И Зубатов принялся экспериментировать. Поначалу он нагрелся на Григории Гершуни, который его попросту обманул, будучи убежден, что врагу можно давать любые обещания, не связывая себя этим. Нагрелся на Александре Кремере, который, поняв, чего домогается Зубатов, развернул яростную кампанию против "зубатовщины" (ему и принадлежит этот термин). Но с Марией Вильбушевич Зубатову повезло. Она целиком прониклась его идеями, агитаторша она была умелая, и в одном только Минске из 800 своих членов меньше чем за год Бунд потерял 600 человек — они ушли к независимцам. "Еврейская независимая рабочая партия" действовала всюду уже начиная с осени 1902 года. Она

...поставила себе целью легализацию (узаконение) рабочего движения; стоя на той точке зрения, что законом признается (легализуется) факт — нечто уже выдвинутое жизнью, а не жизнь подгоняется к нарочито придуманным законам, партия принялась за создание рабочих союзов для развития классового сознания у массы и для содействия духовному развитию ее; все вышеуказанные задачи партия предполагает возможными к осуществлению независимо от той или иной формы правления — будь то самодержавие, конституционное правление или республика.

Вильбушевич нашла себе энергичного помощника из Одессы — доктора философии берлинского университета Хуню (Генриха Исаевича) Шаевича, затем Шлиому Чемерисского, Юделя Волина; примыкал и Григорий Шахнович. Главные организации были в Минске, Вильне, Одессе, Киеве. Массы рабочих хлынули к независимцам, и Бунд и РСДРП ощутили заметный отлив. Вильбушевич в своей борьбе против революционеров не стеснялась особенно в средствах: не раз она упрасивала Зубатова арестовать таких-то, каждый раз с мотивировкой, что это, мол, будет полезно для дела. Раздражается, что промедлили с арестом такого-то. Но делает она это не по заданию Зубатова, не в целях полицейских, а в порядке соперничества с с.-д., по идейным причинам. Как особо вредную и ради ее перевоспитания упростила арестовать Женю Гурвич. И,

разумеется, ни о какой плате речь не идет, она не Азеф! Ее нравственный мир рисуется ее словами к Зубатову:

Быть предателем честный человек может только тогда, если он предает в руки честного человека, а потому мне ваша душа дороже всего в мире.

Болезненное всего был вопрос о стачках. Ведь от того, что рабочие ушли из с.-д., переметнулись к независимцам, их культура социального диалога не изменилась. Как и прежде, штрейкбрехеров они избивали, порой наваливаясь так — пятьсот против сорока, что те потом месяц отлеживались в больницах (платных). Угрожали облить серной кислотой. В лучших редких случаях перекупали, перехватывая, скажем, направляющихся наниматься на завод, отводили их в харчевню и, накормив, давали 20 копеек на отъезд из города. А как протекала обычная российская забастовка, выпукло рисует А. Г. Шляпников:

Я принял активное, по своему возрасту, участие в стачке, группируя мальчиков всех мастерских, корабельных, столярных для выгона тех рабочих, которые не хотели участвовать в стачке. Мы набирали в карманы гайки, обрезки и всякого рода куски железа и направлялись в доки и мастерские; не подчинившихся общему решению о стачке осыпали градом железных осколков, гаек, болтов и этим заставляли их примкнуть к общему движению. (...) Конные и пешие полицейские награждали нас нагайками за такую работу, но это только подбадривало нашу молодую босвую готовность.

Именно предупреждением таких бесчинств, рукоприкладств, оскорблений действием и иных нарушений общественного порядка в первую очередь была озабочена полиция. Поэтому на финальной одесской забастовке 13 июля 1903

...исполняющий должность полицмейстера в тот же день пригласил к себе несколько участников стачки и давал советы, как должны себя держать забастовщики, чтобы избежать вмешательства полиции.

Эта забастовка и решила судьбу Шаевича и Зубатова, а с ними — и судьбу будущего гапоновского движения.

Ведь мгновенный успех независимцев-зубатовцев столь же мгновенно создал ему трех могущественных врагов. Его одинаково люто возненавидели и социали-

сты, у которых он успешно отбивал потенциальные, да и реальные кадры. Возненавидели капиталисты, на которых он давил уступать и уступать требованиям рабочих. Возненавидели братья-жандармы, обходимые им по служебным успехам, и даже сам министр фон Плеве, которому показалось, будто бы Зубатов за его спиной сговаривается с его соперником Витте.

Одесская стачка проводилась Шаевичем с целью добиться у хозяев существенных изменений тарифов и условий труда в пользу рабочих; момент был выбран расчетливо, ибо прекращение работ в порту сорвало бы срочнейший рейс крупного парохода, что угрожало многим торговопромышленникам большими неустойками по международным контрактам. Но с.-д. кипели желанием порушить "зубатовщину". Они прорвались на митинги независимцев. Успеха на митингах они не получили:

Второй оратор говорил исключительно о "политике" и очень недолго. После его речи сознательные рабочие сделали неловкий шаг, запев революционные песни. Это произвело неприятное впечатление на бессознательных. Рабочие "независимцы" начали кричать: "Не надо нам политики! Мы пришли не песни петь, а выработать наши требования!"

Оратор соц.-дем. начал свою речь прямо с "политики". Крики "Долой социал-демократов" заглушили его слова, и он соскочил с дерева, с которого говорил. Под предводительством шпионов толпа "независимых" бросилась на оратора и с криками "тащи его в участок" схватила его. (...) Шпионы, бия себя в грудь, кричали: "Мы — рабочие, хотим 8 часов, а политики нам не надо".

Зато они покидали листовки с таким же текстом, как разбрасывали люди Шаевича, но с припиской "долой самодержавие!", в том числе и в губернаторский сад забросили. Капиталисты обрадовались: это же призыв к государственному преступлению! Не будь жандармы настроены против Зубатова, они легко разобрались бы, что Шаевич тут ни при чем. Но вместо разбирательства министр самолично вызвал Зубатова и, не дав оправдаться, повелел в 24 часа сдать должность и убраться из Петербурга. Шаевича арестовали, сослали в Усть-Сысольск до суда, а после суда в Восточную Сибирь. Вильбушевич уехала в Америку, а затем в Палестину. Все движение распалось, но большинство независимцев не вернулось в Бунд или РСДРП, а вступило в тогда же основанную партию

"Поалей-Цион", т. е. "Социалистическая сионистская партия". К слову, Зубатов и с сионистами заигрывал, он разрешил впервые в России провести в 1903 съезд сионистов. Сионисты находились в резко враждебных (обоюдосторонне) отношениях с Бундом и с РСДРП, потому что их платформа была: не нужна нам Россия, гори она синим пламенем, нам надо уехать отсюда и строить социализм в Палестине; ср. § 9 о поляках и о "мосте".

Но в последние месяцы своей власти Зубатов помог укрепиться Георгию Гапону. Гапон, еще кончая полтавскую семинарию, был замешан в чтении противоправительственных листовок. В Петербургской духовной академии он окончательно избрал свой путь: помогать страждущим. После академии устроился священником в петербургскую пересыльную тюрьму и наслушался там повестей о человеческом горе не меньше, чем Достоевский или Солженицын на каторгах. Теоретических принципов Гапон не имел, относился к ним с презрением. Евреев не любил. Нравственность у него была бурсацкая-семинаристская, от литературных Хомя Брута и Ракитникова до реального Джугашвили одинакая. Весь смысл своей жизни он полагал в формуле: "Приидите ко Мне утружденные и уязвленные, и Аз помогу вы". Все прочее значения не имело. Он обладал потрясающим риторским талантом, как оратор был равен таким прославленным, как Гитлер, Троцкий, Ульянов. Не только в массовой аудитории, где довольно легко увлечь толпу, но и в аудитории из двух-трех человек, где обычные ораторские трюки не проходят. Первые его шаги на поприще благотворительности были смехотворны — он создал "Союз босяков", но какому босяку нужен на какие три буквы **союз!** Однако в 1903 в своих поисках Гапон вышел на супругов Алексея Егорыча и Веру Марковну Карелиных. Вот как их описывает один наблюдатель гапоновского движения:

Карелин превосходно знал положение дела не только в Петербурге, но и во всей России. Вообще же он произвел на меня своею настоящею интеллигентностью большое и хорошее впечатление. Мне и раньше приходилось встречать между рабочими, в особенности между молодежью, отдельные превосходные экземпляры, сильные, бодрые, способные на все и отмеченные печатью более крупной индивидуальности, чем в других слоях нашего общества. Но Карелин отличался огромной начитанностью вообще, а по

рабочему вопросу в особенности, общим высоким уровнем развития и способностью к глубокому анализу совершающегося. Он ясно, определенно знал, что надо рабочему классу у нас в России, так как отлично знал весь исторический ход вещей по рабочему вопросу во всем мире. Вообще по рабочему вопросу он был настоящим специалистом.

Госпожа Карелина не имела теоретических знаний своего мужа, но в то время, как он был иногда слишком рассудочен, жена была гораздо теплее, чутче, сердечнее, — и этим часто приближалась к существу дела ближе своего мужа.

Карелины были не одни. Вокруг них группировались подобные же рабочие. Вот некоторые имена участников гапоновского движения: Васильев, Варнашев, Иноземцев, Кузин, Сергеев, Усанов, Хайко, Шелгунов. Надо добавить еще безусловных агентов Зубатова — Михайлова, Петрова, Ушакова, но последнего рабочие довольно быстро выперли вон. Гапон, знакомый с практически всем полицейским миром Петербурга, был полезен рабочим. Гапон носился с идеей рабочего союза, это было нужно рабочим. Они сошлись. Зубатов, на которого Гапон вышел со своей идеей, узрел тут возможность расширить свою деятельность и оказал Гапону влиятельную поддержку. Но с падением Зубатова Гапон не рухнул, а, наоборот, развернулся. Почему? Из-за своей беспринципности и из-за бестолковости государственного управления. Еще когда Зубатов был на вершине своей власти, один полковник охраны потребовал от Гапона, чтобы тот поделился за Зубатовым и результаты слежки (сиречь высказывания Зубатова) доносил бы ему. К слову, Зубатов поручил Гапону то же самое в отношении именно этого полковника, они все там одинаково подлизывают друг дружку. Гапон ни от одного из двух поручений не отказался, получил по 100 рублей с нанимателей, отнес 200 рублей рабочим, соврав им, якобы деньги от купца такого-то. И регулярно доносил. Поэтому когда Зубатов слетел, то означенный полковник охарактеризовал Гапона как "своего человека", помогшего свалить Зубатова. Следовательно, благонадежность его не была поставлена под сомнение. С другой стороны, Плеве, утвердивший в свое время по докладу Зубатова проект положения о "Союзе русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга", конечно, положения не читал, не вникал, тут же все перезабыл. А ведал всем этим делом лично и единолично Зубатов. Когда же он слетел, то никто уже не

ведал. Зато все знали, что "его высокопревосходительство утвердить изволили". Гапон мог делать, что хотел. Теперь решала его инициатива, увертливость, напористость.

Начал с малого. Дабы изменить приниженное положение рабочего класса, мало повысить зарплату. Мало организовать охрану труда, даже уменьшить число рабочих часов мало. Надо прежде всего повысить культурный уровень рабочих и отношение к ним со стороны общества. Пусть закон признает, что **есть рабочие**, а не "выходцы из крестьян". Что они имеют право на союзы. Разрешить им вести самостоятельный диалог с классом капиталистов-фабрикантов. И повышать образование рабочих. Организовать их досуг. Они должны иметь свободное время и возможность заполнить это свободное время культурным отдыхом и самообразованием. И вот Гапон, получив разрешение фон Плеве, использует свои многочисленные знакомства, заводит новые и создает нечто вроде клубно-профсоюзной деятельности: приглашает артистов Придворной Капеллы (и те, конечно бесплатно, едут) выступать перед рабочими. Открывает буфет с чаем, фруктами, конфетами по самым низким ценам. В таком роде. И рабочие приобщаются.

Конечно, Гапон не останавливается на достигнутом. Получил он разрешение на создание только Нарвской организации, а претензии на всепетербургский замах фон Плеве самолично вычеркнул. Но на церемонию открытия Нарвского союза Гапон пригласил не только рабочих, но позвал и высшее полицейское чиновничество столицы. Сам градоначальник генерал Фуллон присутствовали и одобрили выдаваемые ему лично уважение и преданность, искреннюю преданность и душевное уважение. Красиво так Гапон самолично служил молебен за успех начинания, восклицал от сердца идущие здравицы в честь Царя, Царицы и всего положенного. Все подчиненные Фуллона видели, что Его Высокопревосходительство весьма довольны, поэтому, когда пару месяцев спустя Гапон открыл второй, никем ему не дозволенный отдел, никому в голову не пришло спросить у него бумагу о дозволении. И фон Плеве было недосуг во всякие мелочи вникать, и никто из полицейских не станет же **самого** беспокоить! Так нахрапом Гапон открыл еще несколько отделов.

На гапоновских собраниях по отделам о политике не высказывались, решали узко рабочие и благотворительные дела. Бывало, прокрадется какой-нибудь с.-д. или с.-р., начнет витийствовать, так его тихо-хонько оттащат, прикроют от шпикиов и задами выводят, чтобы и полиции не достался и народ не смущал. Полиция, конечно, не таясь присутствовала, бдя за порядком. И внутреннее освещение шло, как положено. В нескольких случаях рабочие под руководством Гапона выиграли забастовки, в еще большем числе случаев заводчики уступили красноречию Гапона и стачки были предотвращены. Социал-демократы неистовствовали в изобличениях "зубатовца" Гапона, клеймили все это провокацией. Но Петербург — не Одесса, не догадались поддельных листовок от имени Гапона изготовить. Да и заняты в это время с.-д. были архиважным делом: спорили насчет состава редакции "Искры". Похоже, что рабочие не слишком доверяли Гапону, а сначала принимали решение несколько человек с Карелиным и Шенуновым во главе, а уж потом собиралось заседание Правления Союза, где рабочие и проводили при Гапоне свое решение. Но случалось, что красноречием своим он переубеждал присутствующих.

Рекомендуем почитать: Заславский, Павлов, Ратона, Рутенберг.

§ 15. Взрыв революции

*Вехи революции; русско-японская война;
Азеф и Савинков; казнь фон Плеве;
весна Святополк-Мирского;
земский съезд ноября 1904;
схватка Гапона с капиталистами;
петиция и расстрел 9 января;
прокламация Гапона 10 января;
воронежское земство о расстреле;
казнь великого князя Сергея.*

Революция 1905 явилась результатом трех взаимостимулировавших факторов: деятельность БО ПСР, деятельность союза "Освобождение" и деятельность "Союза русских фабрично-заводских рабочих СПб". Происходила эта взаимокатализирующая, взаимоуси-

ливающая (хотя совершенно несогласованная) деятельность на фоне русско-японской войны или, точнее сказать, на фоне поражений и позора, которые достались на долю российскому правительству, его армии и флоту в этой войне. Вехи пути, приведшего к массовым волнениям в России в 1905, суть: 15 августа 1904 (убийство фон Плеве), 6 ноября 1904 (первый легальный земский съезд в Петербурге), 12 декабря 1904 (указ царя сенату), 9 января 1905 (Кровавое воскресенье), 4 февраля 1905 (убийство дяди царя), 18 февраля 1905 (испуганный рескрипт царя).

Началась русско-японская война из-за жадности русского правительства, вожделевщего вослед за Приуссурийским краем и Маньчжурией присоединить к России еще и плодородную Корею, пусть на первых порах и не административно. Но только финансово-торговым пактом. С точки зрения промышленности решался вопрос о рынках. Япония же, маленькая древняя страна с безумной плотностью населения, веками уже связанная с Кореей, не готова была отдавать эту землю России. Война назревала задолго, была очевидна и неизбежна, но началась она коварным без объявления войны нападением в январе 1904 японцев на русский флот в Порт-Артуре (по той же традиции японцы в 1941 нападут на американский флот в Пирл-Харборе, но та война кончится иначе).

Поначалу японская война казалась русским легким предприятием: арифметическое сопоставление территорий обеих воюющих держав, само собой, было в пользу России. "Да мы их одними шапками закидаем!" Но пехота терпела поражения и отступала в Маньчжурии, дальневосточный флот терпел поражения и погибал, балтийская эскадра медлительно добиралась кругосветно, по дороге учиняя неслыханные скандалы (обстреляла английских рыбаков у берегов Англии, со страху принявши их за японцев). Словом, авторитета у правительства не прибавлялось, а первоначальный взрыв энтузиазма (Россия — страна патриотическая) сменялся разочарованием. Вот календарь этой войны. 13 мая 1904 японцы установили блокаду Порт-Артура. 2 июня нанесли поражение русским под Вафангоу. 21 августа — под Лаояном. 20 декабря Порт-Артур капитулировал. 25 февраля 1905 — поражение русских войск под Мукденом. 16 мая — разгром

российского флота в Цусиме. В июле японцы полностью очистили Сахалин от русских.

В среде же революционеров и сочувствовавших им господствовало то воззрение на Россию, которое описано в § 9 под названием "историографические ошибки школы Покровского". Все революционные партии считали войну ненужной, винили в ней исключительно царское правительство и выдвигали с большей или меньшей степенью отчетливости лозунг "поражения своего правительства в данной войне". Земцы такого неосмотрительно-нелегального лозунга не выдвигали, но относились к войне скорее как к предлогу, пользуясь которым можно законно создать всероссийские организации, развернуть деятельность. Настроение же общества достаточно ярко характеризуется тем фактом, что один петербургский студент в связи с потоплением Японией ряда российских кораблей отправил японскому микадо поздравительную телеграмму. Телеграмма была доставлена из Петербурга в Японию. Такая позиция считалась в очень широких кругах нормальной, естественной и менее стыдной, нежели красной патриотизм. Собственно в этом проявлялось (в извращенной форме) присущее всякому народу право судить: нужна ли стране война, в которую ввязалось его правительство? И у разных представителей народа, естественно, возникают разные ответы. Через несколько лет Савинков в романе "То, чего не было" опишет трех братьев-революционеров, один из которых не задумываясь стоит на позициях поражения правительства (как в те годы стояли и Ленин, и Плеханов, и Чернов), а другой, напротив, патриот, офицер флота, который становится революционером как раз из негодования оскорбленного патриотизма: правительство столь бездарно, что довело нашу героическую армию до поражения! (К слову, это свидетельствует, что Савинков не только умелый террорист, но и чутко интуитивал во все происходящее в духовной жизни общества.) По мере роста революции и по мере побед японцев защитники правительства начинали пускать слухи, якобы революционеры действуют на японские деньги, "ихние наймиты". Никогда такие обвинения не были доказаны или хотя бы косвенно подтверждены хоть какими-нибудь архивными свидетельствами.

На место убитого в апреле 1902 министра внутренних дел Сипягина был назначен В. К. фон Плеве. Едва

расположившись в кресле министра, он вышел со Всеподданнейшим докладом:

Я полагал бы: собрание в текущем году статистических сведений о земельных имуществах в губерниях Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставив применение этой меры в отдельных местностях 22-х губерний усмотрению начальников губерний.

Мотивы? Полицейские-простые и убедительные — нехватка проверенных на благонадежность статистиков и отмечая вредоносность контактов неблагонадежных статистиков с народом. При такой исходной позиции ничего удивительного, что Плеве закрыл Вятское губернское земство (за чрезмерное открытие школ для народа), закрыл Черниговское, вышер в отставку умеренного Д. П. Шипова из Московского земства. Запретил обращаться с петициями на Высочайшее имя и даже упоминать в печати о таких петициях. Запретил земству принимать меры по борьбе с холерой. Увольнял и арестовывал земцев, арестовывал и увольнял. Запрещал нормальные, законные формы жизнедеятельности ради удобства своего ведомственного функционирования. И, конечно, фон Плеве считал себя — "народом":

В России недовольны существующим строем одни иностранцы, как-то: поляки, финляндцы и в особенности евреи. (...) Россия и самодержавие синонимы, а потому русские, избивая евреев, проявляют как патриотизм, так и лояльность. (...) Когда французский корреспондент заметил, что "против существующего режима борются и настоящие русские люди, отстаивающие идеи конституционализма и социализма", Плеве сказал: "Совершенно верно. Только их не стоит принимать в расчет. Они не пользуются у народа ни каплей доверия, народ издевается над ними, так как чувствует, что они действуют в ущерб его интересам. И, кроме того, народ вовсе не понимает их. Эти люди, сроднившись с идеями, привезенными из-за границы, потеряли всякую духовную связь с русским народом". Закончил же свою беседу Плеве такими словами: "Революция производится большинством, а большинство — за нас. Несомненно, кое-что нужно сделать, но в революции, которую вы предвидите, нет надобности. Нужно лишь уничтожить следы того, что сделано г. Витте..."

И, конечно, фон Плеве, возглавлявший Департамент полиции во времена Желябова—Дегаева, считал, что это он самолично ликвидировал "Народную волю", а уж, с теми-то справившись, с современной мелюзгой он разделается запросто...

Ну как такого не убить? Естественно, что ЦК ПСР постановил казнить царского сатрапа министра фон Плеве. У Азефа, которому поручили воплотить постановление, началась нелегкая жизнь. С одной стороны, он герой невидимого фронта, призванный освещать изнутри деятельность с.-р. партии, насколько это в его возможностях. С другой стороны, за десяток лет службы Азеф постиг, какие бездари сидят в департаменте, в министерстве, в полиции, в прокуратуре. Знал, что эти продажные чиновники запросто могут за 50 рублей сообщить фамилию или приметы провокатора любому революционеру. Страшился, что своей бестолковостью, хвастовством, ведомственностью или продажностью начальственные чины походя могут поставить его жизнь под угрозу. Случаев таких он знал много, настолько много, что они из случаев вырастали в систему. Поэтому Азеф **скрывал от своего охранный начальства** свое реальное положение в ПСР. Ставши уже полноправным членом ЦК, он доносил всего лишь, будто знаком с лицами, знакомыми с членами ЦК; ведь слух о том, что "в самом центральном ихнем комитете мы своего человека имеем", мгновенно разошелся бы до последнего писаря-вахтера в Департаменте полиции. Ни разу не сообщил он не только про то, что **руководит** боевой организацией (ему незамедлительно воспретили бы), но даже про то, что знаком лично хотя бы с одним членом БО. Например, про Савинкова он, непосредственно отдававший приказания Савинкову, доносил, что "еще не знает описания внешности Савинкова" и т. п. Для большей надежности иногда искажал, размышлял сведения в своих донесениях. И, возможно, Азеф нашел бы способ саботировать постановление ЦК ПСР, кабы в 1903 из вологодской ссылки, спропагандированные "бабушкой Брешко-Брешковской" в Женеву к Гоцу не заявили Иван Каляев и Борис Савинков с категорическим требованием пустить их работать в терроре.

Позиция Савинкова в те годы очень точно характеризуется стихами, которые сочиняет один из персонажей его романа "Конь бледный":

И если вошь в твоей рубашке крикнет тебе,
что ты — блоха, выйди на улицу и убей!

На унижительность положения можно отвечать только с оружием в руках. Позиция Каляева сложнее,

это глубоко религиозный человек, который мучился проблемой:

Вот мы призываем: Вставай-подымайся, рабочий народ! Ну, а если не встанут, если не пойдут? Значит, мы обязаны встать первыми, показать, как идти.

Азеф очень не хотел брать Каляева: поэтически настроенная экзальтированная личность, несет что-то о слиянии Евангелий и Ницше, чего ему делать в такой прозаической, тяжелой и грязной работе? Со своей стороны Каляев сразу учуял в Азефе нечто мертвенное, каменное, неприемлемое для страстного революционера, но был достаточно дисциплинирован, чтобы не дать воли чувствам, когда партия дает доступ к террору только через неприятное лицо. Азеф, по-видимому, рассудил, что при таких помощниках, как Каляев и тоже нервный Алексей Покотиллов¹, Савинкову ни с чем не справиться. Покушение не удастся, что и требовалось, а винить Азефа будет нельзя, ведь взял-то он Савинкова и Каляева вопреки своей воле, по настоянию Гоца!

Савинков же проявил свое мастерство организатора. Да, верховная власть в руках Азефа, тот финансирует организацию и назначает ей цели, спрашивает отчета в исполнении. Но вся текущая деятельность организации автономна. Савинков не бежит совещаться к Азефу, где и как надежнее конспиративно разместить участников. Когда и куда они съедутся. Он и сам мастак темнить. При этом Савинков неплохо разбирался в психике участвующих лиц, знал, кому что в какой форме сказать, дабы добиться успеха. Это, с одной стороны, отразилось в его автобиографических романах, а с другой — в изумленной реплике Черчилля: "К своему удивлению, я обнаружил в Савинкове неплохие задатки интригана". У Савинкова был строжайше соблюдавшийся им принцип подбора кадров. Приходит к нему человек и начинает объяснять, что рвется работать в терроре. Савинков же принимает его убеждать в бесцельности террора, в его неэф-

¹ Сын генерал-майора. Его брат Александр работал то замминистра иностранных дел, то послом, то нач. департамента в министерстве путей сообщения. За брата никак не пострадал служебно. Третий, младший брат Константин учился в гимназии.

эффективности, в его трудности, в ограниченности задач, которые решаются террором. Приводит массу доводов **не заниматься террором**. И только коли кандидат преодолеет все возражения, убедит Савинкова и в полезности террора вообще, и в том, что именно данное лицо никакою другою революционной деятельностью не смогло бы заниматься эффективнее, — только тогда он передавал вопрос о его принятии на решение коллектива БО. Это, конечно, приводило к отсечению массы желающих, но зато оставались исключительно полезные и убежденные. И, конечно, такой метод подбора кадров возможен лишь в те времена, когда кандидатов не единицы, даже не сотни, а многие тысячи и десятки тысяч. Когда речь идет не о **заговоре**, а о **массовом порыве**.

На первых порах в БО вошли Барыков, Боришанский, Дора Бриллиант, Прасковья Волощенко-Ивановская (участвовавшая еще в деле 1 марта 1881), Дулебов, Каляев, Мациевский, Моисеенко, Покотилов, Сажонов, Сикорский, Швейцер. Савинкову же принадлежала оригинальная идея по-новому готовить покушение. Ведь партизанский налет Балмашева годился только на один раз, его не повторить. Террористы стали работать извозчиками и разносчиками легкого товара, дабы пребывать свободно на улицах, иметь возможность проследить за системой выезда министра и, не привлекая внимания, общаться с лицами разных званий. Каково это дворянам поселяться в ночлежках типа "На дне" и перевоплощаться в кучера на глазах у десятков настоящих кучеров? И Покотилов, и Каляев, и Моисеенко сумели. Но расчет Азефа был в основе своей правильным: ряд покушений прошел неудачно, хотя и не обнаруженным полицией, а затем, заряжая бомбу, Покотилов подорвался, разнесся в щепу свой номер в отеле "Бристоль" (когда слежка завершилась, он лошадь с пролеткой продал и жил теперь по другому документу). Пришлось смыться из Питера, бросать все. Началась дезорганизация, разброд, упреки. Савинков не сумел противостоять возмущению подчиненных, валивших вину на него. И уступил всеобщему мнению коллектива: мы, мол, еще недостаточно умелы, чтобы замахиваться на министра, надо поднабраться опыта в убийствах губернаторов. И санкционировал перебраться в Киев для казни генерал-губернатора Клейгельса.

И тут вмешивается роковым для себя образом Азеф. Он достиг того, чего хотел. Как полицейский чиновник он доволен. Но ведь надо дать отмазку революционерам, которые его почнут упрекать за плохое руководство Боевой Организацией. И он устраивает показательно-начальственную выволочку Савинкову: как, мол, Вы смели нарушить партийную дисциплину! Изменить по своему усмотрению объект покушения, отказаться от убийства Плеве, приступить к подготовке убийства какого-то Клейгельса, о котором ЦК не выносил никакого постановления?! Да Вас за это из партии гнать надобно! Да с такими рабочниками мы никогда революции не сделаем! И в этих упреках, в начальственном изображении революционного вождя Азеф переиграл. Он настроил дисциплинированного Савинкова на безусловное выполнение задания ЦК, на "расшибиться в лепешку". Савинков возвращается в Петербург, стягивает оставшихся верными товарищей, возобновляет слежку и заготовку динамита. Азеф доволен, уверен, что дело и дальше сорвется. Дает осторожные наводки на Савинкова полиции, но так, чтобы Савинков, когда его схватят, никак не смог бы вычислить, от кого эти наводки. И так, чтобы если Савинков сумеет убить, то полиции не стало известно, что Азеф с ним лично знаком. Полиции же при невнятности наводок и конспиративности Савинкова не хватает данных, и вместо Савинкова она кидается на жившего в доме напротив адвоката Беренштама. После еще ряда нервных неудач 15 июля 1904 карета фон Плеве была взята в вилку четырех бомбистов: Боришанского, Сазонова, Каляева и Сикорского. Пропустив, как и было обусловлено, карету с охранниками-велосипедистами мимо себя, Боришанский продолжал идти не оглядываясь, на случай неудачи Сазонова, когда карета может повернуть назад, и тогда-то сработает он. Но не пришлось, как не понадобилось и запасным Каляеву и Сикорскому подправлять и добивать — Сазонов сразу намертво сразил фон Плеве и сам пал, тяжело раненный.

Этот акт центрального индивидуального террора получился неслыханно продуктивным. К тому же он совпал по времени с недавним другим совершенно единоличным террористическим актом: в Гельсингфорсе финляндский националист Евгений Шауманн убил генерал-губернатора Бобрикова. Шауманн тут же на

месте застрелился. Никакая партия за этим актом не стояла. Но и правительством и обществом воспринималось все подряд. "Освобождение" писало:

Русское самодержавие упорно отрезывало и отрезывает стране все пути к легальному и политическому развитию и, наконец, стало лицом к лицу с ужасающей действительностью неизбежных, одно за другим следующих политических убийств. Страшно для правительства не физическое устранение Сипягиных и фон Плеве, а та создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодования и возмущения, которая рождает из рядов русского общества одного мстителя за другим...

И вновь назначенный министр внутренних дел Святополк-Мирский не пожелал стать "следующим". Он обратился к России со словами:

Я, господа, желаю знать свободно высказанное мнение всей России, нужды и пожелания всех слоев населения.

И началась весна. Этот термин прочно привязан к августу — декабрю 1904. От самых внутривосстановительских мер, вроде пересмотра дел административно высланных, до крупномасштабных политических акций все в правлении Святополк-Мирского носило печать либерализма. Либерализм сверху и воодушевление снизу.

На имя министра во множестве стали приходить адреса с поздравлениями, приветствиями и указаниями конкретных пожеланий. В частности, земцы обратились к нему с просьбой разрешить наконец-то законно провести всероссийский земский съезд. Министр разрешил, но только в последний момент попросил именоваться не съездом, а совещанием. И вот в Петербурге 6—8 ноября, в первый день на квартире И. А. Корсакова на Фонтанке, на второй — А. Брянчанинова на Кирочной, а в третий — В. Д. Набокова на Б. Морской, совещание

...пришло к следующим заключениям:

1. Ненормальность существующего в нашей жизни порядка государственного управления, с особой силой проявившаяся с начала восьмидесятых годов, заключается в полной разобщенности правительства с обществом и в отсутствии необходимого в государственной жизни взаимного между ними доверия.
2. Отношения правительства к обществу имели в своем основании опасения развития общественной самостоятельности, постоянное стремление к устранению общества от участия во внутреннем государственном управлении. Исходя из этих ос-

- нований, правительство стремилось к проведению административной централизации во всех отраслях местного управления и к опеке над всеми сторонами общественной жизни. Взаимодействие с обществом признавалось правительством исключительно в смысле приведения деятельности общественных учреждений в соответствие с видами правительства. (...)
5. Для устранения возможности проявления административного произвола необходимо установление и последовательное проведение в жизнь принципа неприкосновенности личности и частного жилища. Никто без постановления независимой судебной власти не должен быть подвергавшимся взысканию и ограничиваемым в своих правах. (...)
 6. Для полного развития духовных сил народа, для всестороннего выяснения общественных нужд и для беспрепятственного выражения общественного мнения необходимо обеспечение свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзов.
 7. Личные, гражданские и политические права всех граждан Российской Империи должны быть равны. (...)
 10. (...) необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации.
 11. Ввиду сложности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное Собрание выражает надежду, что Верховная Власть призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа.

Председатель совещания *Д. Шипов*
 Товарищ председателя *Ив. Петрункевич*
 Товарищ председателя кн. *Г. Львов*
 Секретарь *Ф. Кокоршин*
 Секретарь *Л. Брюхатов*
 Секретарь *Ф. Головин*

Члены: 1. Авчинников 2. Алданов И. 3. Арсеньев К. К., акад. 4. Атрыганьев А. А. 5. Баратаев С. М. 6. Баратынский А. Н. 7. Бередников С. Г. 8. Брянчанинов А. 9. Будберг Р. Ю., барон 10. Васильев А. В. 11. Вернадский В. И., акад. 12. Веселовский К. Б., акад. 13. Волконский Н. С., князь 14. Вороновский В. М. 15. Гвоздев С. 16. Гейден П. А., граф 17. Геркен И. 18. Глебов Н. 19. Голицын М. В., князь 20. Горбунов В. П. 21. Горинов В. 22. Девиз В. Д., фон 23. Долгоруков Петр Д., князь 24. Еремеев А. 25. Жуковский И. Г. 26. Загорский Э. К. 27. Измайлов В. 28. Иконников А. 29. Калитин М. 30. Карышев Н. А. 31. Килевейн Г. 32. Ковалевский В. 33. Колобов М. П. 34. Колокольцев В. Г. 35. Колубакин А. М. 36. Коропочинский П. 37. Корсаков И. 38. Костромитинов Г. Н. 39. Котляревский С. А. 40. Крылов А. 41. Кудрявый В. А. 42. Кузьмин-Караваев В. Д. 43. Ладыженский В. Н. 44. Лесли Н. В. 45. Лизогуб Ф. 46. Линтварев П. М. 47. Львов Н. Н. 48. Марков В. 49. Марковников В. В. 50. Масленников М. М. 51. Масленников Н. Я. 52. Маслов С. Н. 53. Мейен В. Ф. 54.

Метальников Н. Н. 55. Милуков Н. К. (отец известного П. Н. Милукова. — *Р. П.*) 56. Михалевский В. В. 57. Муромцев С. А. 58. Набоков В. Д. 59. Новосильцев Л. Н. 60. Павлова А. 61. Перелешин Д. А. 62. Петров С. А. 63. Петрункевич М. И. (брат Ивана. — *Р. П.*) 64. Писарев Р. А. 65. Племянников В. А. 66. Полуектов И. Г. 67. Прокофьев М. 68. Протопопов Д. Д. 69. Раевский Н. В. 70. Рихтер Н. 71. Родзянко М. В. 72. Родичев Ф. И. 73. Рутцен А. Н., фон 74. Савельев А. А. 75. Садовский Б. 76. Свечин А. А. 77. Смирнов Г. А. 78. Соколов В. С. 79. Стахович А. А. 80. Стюарт А. Ф., барон 81. Татаринов Ф. В. 82. Урсул А. 83. Ушаков А. А. 84. Федоровский В. К. 85. Харченко Я. Т. 86. Хижняков В. М. 87. Хомяков Н. А. 88. Челноков М. В. 89. Шаховской Д. И., князь 90. Широков Н. 91. Шишков Н. А. 92. Эмин В. 93. Энгельгардт В. П. 94. Юматов А. Д. 95. Юмашев Л. В. 96. Якушкин В. Г.

На совещании присутствовало больше чем 102 подписавших — единицы ушли, недовольные ходом прений. В адрес "земского съезда" со всех концов страны шли адреса, пожелания, требования. Свыше шести тысяч подписей под поступившими за эти три дня письмами и телеграммами. С 1865 земское движение добивалось разрешения провести такой съезд. Потребовалось убить нескольких министров и одного царя, развить наследственно-профессиональное революционное движение, чтобы правительство разрешило наиболее грамотной части населения России собраться и сообща обсудить вопросы государственного устройства родной страны. Но дабы правительство удовлетворило высказанные съездом пожелания, понадобится еще год, и не один террористический акт будет подталкивать его.

Земский съезд возбудил резонанс в обществе, который поддерживался несколько недель главным образом "банкетной кампанией". Это значит, что в каждом губернском и крупных уездных городах под видом банкета в просторном зале собиралось несколько сот лиц, которые под видом тостов произносили речи о конституции, о правах человека, о переустройстве России. Порой на таких банкетах присутствовали даже представители с.-д. и с.-р., но чаще лишь с целью "разоблачить либеральное лицемерие". Структуралистски "банкетная кампания" соответствовала объезду страны депутатами парламента с отчетом о сессии и заслушиванием наказов депутатам. Необходимой принадлежностью таких банкетов бывали журналисты, и назавтра газеты подробнее излагали ход прений. Так идеи "Освобождения" доводились до ши-

роких масс. При всем разнообразии мнений направленность всех мнений сходилась в одном — **предъявлять требования правительству**. Это принималось всеми, это одобрялось, этим вдохновлялись. На прошедших в декабре ежегодных перевыборах губернских и уездных земских управ решительный перевес получили левые кандидаты. 12 декабря 1904 царь своим указом Сенату признал наличие крупных государственных неустойств ("нестроений") и повелел содействовать их выявлению и обсуждению.

Пользуясь отсутствием и Зубатова и Плеве, в атмосфере вседозволенности, всеобщего энтузиазма гапоновское общество процветало; подхлестываемое успехами либералов, оно активизировалось. К ноябрю в нем работали одиннадцать отделов (при законном одном-единственном) с общей численностью около 100 000 рабочих. Конечно, ни одна подпольная организация, даже наилучше организованная ППС, не могла похвастаться и вдесятеро меньшей численностью членов, тем более **рабочих**, тем более — в одном городе. До декабря 1904 фабриканты в основном шли на уступки Гапону. В декабре же, с одной стороны, измученные неотступными и все растущими требованиями гапоновцев, а с другой — стремящиеся в духе либеральной весны избавиться от этого наследия патерналистской политики царизма, заводчики постановили дать решительный бой Гапону. Надо признать, что для предъявления требований улучшить материальное положение рабочих время было неподходящим. Война и без того подрывала экономику, разрушая привычные торговые связи. Правда, из-за этого и жизненный уровень рабочих снижался. Словом, ситуация была сложная, требовала максимального терпения, умения идти на компромисс, знания нелегкого искусства социальных контактов. Ни гапоновские рабочие, ни фабриканты взаимопониманием и взаимотерпимостью не обладали. Хозяева петербургских предприятий собрались и постановили: держаться сообща, не уступать наглým притязаниям гапоновцев. На одном заводе, придравшись к ерунде, мастер уволил двоих рабочих, известных ему как гапоновские активисты. Гапон стал лично просить вернуть их.

- Нет.
- Тогда будет стачка.
- А я тебя не боюсь!

Началась стачка на этом заводе. Уговорить рабочих на забастовку оказалось нелегким делом — уж больно нестачечная была конъюнктура. Но соображение, что ежели отступишь, то хозяева сядут рабочим на шею, сведут на нет всю предшествовавшую относительно успешную деятельность "Союза", до сих пор не знавшего поражений, убедило рабочих. Ораторский дар Гапона сказался, увлек. Обе стороны уперлись, не шли на уступки. В ответ на стачку хозяин уволил еще нескольких. Тогда забастовку продлили. Фабриканты предъявляют Гапону ультиматум: не прекратишь стачку на этом заводе — выгоним со всех заводов активистов-гапоновцев (формальный предлог: те в рабочее время агитируют). Гапон же грозит им распространением забастовки на другие заводы. Под воздействием речей Гапона рабочие теряют всякую сдержанность. Перед Новым годом во всех одиннадцати отделах постановляется: последовательно объявить забастовки на всех заводах, хозяева коих грозили увольнением; затем (если не уступят) довести забастовку до всеобщей петербургской забастовки, а если и тогда фабриканты не сдадутся, то пойти в воскресенье 9 января с петицией к царю. Идея петиции принадлежала Карелиным еще в 1903, но тогда Гапон был против нее. Нынче же, как истинный выразитель народных чаяний, он вспомнил о ней и стал агитировать в пользу петиции.

Сформулировать-отредактировать петицию никто не умел — не было привычных к письменному труду лиц. Сам Гапон вечно путал все политические и экономические термины. И вот было постановлено: допустить на собрания партийных! Нахлынули освобожденные, меньшевики, большевики, социалисты-революционеры, анархисты, просто горлопаны. Гапон изловил лично ему знакомого инженера:

— Вы, батенька, грамотный, напишите для нас проект петиции к царю.

— А Вы, батюшка, верите, что царь вас примет, полиция не расстреляет?

— Нет, конечно, расстреляют нас всех.

— Так зачем же Вы ведете людей на расстрел, под пули?

— А затем, что один день под пулями революционизирует рабочих больше, чем все вы со своими партиями и бумагами!

Посмотрел на него инженер, взял бумагу и стал сочинять текст петиции. Был он социалистом-револю-

ционером. Соответственно и петицию составил. Гапон взял, поблагодарил и тут же сунул написанный текст другому, на сей раз с.-д. меньшинства. Тот возмущился неграмотностью предыдущего автора, исправил по научной системе. Словом, петиция вышла мешаниной всех революционных требований. В нее попали и "свобода слова, печати, союзов, собраний", о чем в начале стачки рабочие и не помышляли. Такими же далекими от первоначальных устремлений независимого рабочего движения, да и нереальными, звучали требования "учредительного собрания" и "восьмичасового рабочего дня". В то время в мире 8-часовой рабочий день существовал только в Австралии, где с 1900 года у власти стояло социалистическое правительство. И сами русские рабочие, как правило, предпочитали работать дольше, дабы заработать побольше. Едва ли можно по приведенной реплике Гапона, в перепалке и возбуждении, умозаключать об идейной позиции Гапона, да и сами такие термины неудобоприменимы к душе его. Но не случайно другой семинарист, Джугашвили, через несколько недель после 9 января почти буквально теми же словами расценит роль пуля в революционизировании. В те дни разум, опыт предсказывали — ну, конечно, власти будут стрелять. Но упование на чудо — а вдруг не будут? Ведь мы же на смерть идем, **значит**, они должны же понять!

Почти все собрания, митинги в первую неделю января 1905 проходили под призывом: "Пойдем, братцы, и умрем!" К шестивю недели свежестырянные белые исподние рубахи, традиционно смертные. Забастовка развивалась по экстремальному варианту — фабриканты на уступки не шли, правительство пребывало в растерянности. Шествие могло бы стать мощным коллективным доносом на алчность капиталистов и при правильном поведении монарха крайне усилить его власть, отодвинув надолго реализацию всех общедемократических политических требований. Но вмешалась случайность. В четверг 6 января на Неве перед Петропавловской крепостью проводился традиционный праздник водосвятия. И когда император Николай II со супругою своею Александрой Феодоровной преклонил колени у проруби, раздался положенный салют орудий. Однако по небрежности артиллерийской команды вместо холостого вдарили боевой картечью. Часть картечи шваркнула по царскому помосту.

Разумеется, царь перепугался. Когда еще следствие сумеет установить **случайный характер** выстрела! В тот же миг картечь связали со всеми вершившимися и предполагаемыми революционными действиями и, в частности, с подготовкой в Петербурге массовой, несомненно вооруженной демонстрации, к Зимнему дворцу направленной. Правительство сразу **поняло**, что нужно делать: **стрелять! стрелять! и патронов не жалеть!! холостых залпов не давать!!! подворотни запереть!!!!** дабы бегущим некуда было укрыться с улиц... Кто конкретно в правительстве какие советы давал — неизвестно, но что царь поручил обеспечение порядка своему дяде великому князю Владимиру Александровичу, генерал-губернатору Петербурга, облекши его неограниченными полномочиями, — факт.

Так демонстрация, которая при разумном отношении правительства могла бы вылиться в триумф самодержавия, стоящего над классами и облегчающего бремя нуждающихся и страждущих, превратилась в крах самодержавной идеи. Страх перед толпой воспрепятствовал царю выйти к народу на Дворцовую площадь. Кажется, это был первый в русской истории царь, струсивший перед собственным народом. Страх помешал министрам избрать в тот момент разумную для правительства антикапиталистическую политику — капиталисты и без того находились в оппозиции к правительству, оно не осмеливалось дразнить их еще больше. Надо всем реял призрак бомб — бомба, убившая Плеве, выросла в глазах общества призраком предстоящих бомб революции. К слову, с.-р. из-за бюрократизма своего аппарата не успели доставить бомб к 9 января.

Войска встретили демонстрацию залпами: у Нарвской заставы, у московской заставы, у Троицкого моста, у Дворцовой площади. "Это рвутся суставы династии данных присяг!" — вот чем были эти залпы. Среди офицеров Петербургского гарнизона нашелся единственный, кто отказался стрелять в народ. Это — муж сестры Савинкова; он будет убит красногвардейцами 28 октября 1917. Прочие остались верны "долгу присяги". Сам Гапон спасся только потому, что шедший рядом с ним инженер Рутенберг повалил его на снег при команде "пли!". Гапона утащили, увели, обрили, переодели. Из 150 тысяч от этой демонстрации свыше 1 тысячи человек остались на снегу. Случайно

или нет, но 9 января в петербургском небе светило три солнца и сияла радуга.

Назавтра по всей России разошлась листовка:

Родные! Братья товарищи-рабочие!

Мы мирно шли 9-го января к царю за правдой, мы предупредили об этом его опричников-министров, просили убрать войска, не мешать нам идти к царю. Самому царю я послал 8 января письмо, в Царское Село, просил его выйти к своему народу с благородным сердцем, с мужественной душой. Ценою собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все-таки пролилась!

Зверь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русского народа сознательно захотели быть и сделались убийцами наших братьев, жен, детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царский портрет, прострелили этот портрет и убили нашу веру в царя.

Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем! Вредите всем, кто чем и как может. Я призываю всех, кто искренне хочет помочь русскому народу свободно дышать и жить, — на помощь! Всех интеллигентов, студентов, все революционные организации (социал-демократов, социалистов-революционеров) — всех. Кто не с народом, тот против народа!

Братья-товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пишу, чтобы накормить себя, и оружие разрешаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит — все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ, где нет ни еды, ни оружия! Не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными. Лучше оставить девять сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицию!

Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — мое благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю.

Дорогие товарищи-герои! Не падайте духом! Верьте, скоро добьемся свободы и правды: неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатывайте, переписывайте все, кто может, и распространяйте между собой и по всей России это мое послание и завешание, зовущее всех угнетенных, обездоленных на Руси восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут или расстреляют, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мне вами — сотнями тысяч, клятву. Боритесь, пока не будет создано Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, где будут избраны вами самими защитники ваших прав и интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю.

Да здравствует грядущая свобода русского народа!

Священник Георгий Гапон.
12 час. ночи 9-го января 1905 г.

Возмущены были все. Уже во второй половине дня 9-го января в помещении Вольно-Экономического общества состоялось собрание под руководством П. Н. Милукова, заложившее "Союз Союзов". Это было объединение всех легальных и полуполегальных союзов — от академических и ветеринарных до железнодорожных и Союза равноправия евреев. Около десяти таких союзов постановили объединиться для скоординированной борьбы против безумств самодержавия. С 10 числа по России распространилась всеобщая политическая забастовка протеста, наиболее грозный характер принявшая в наиболее развитых промышленно областях, вроде Лодзи. В провинции:

При гробовом молчании тысячной толпы был прочтен следующий проект адреса: Государь! Воронежское губернское земское собрание, приступая впервые после рождения Наследника Цесаревича к своим очередным занятиям, просит Вас, Государь и Государыня, принять его поздравление с этим радостным событием. Вместе с тем собрание, по долгу принятой присяги, не может не высказать совершенно открыто то, что оно считает правдой по отношению к переживаемым внешним и внутренним горестным событиям, завершившимся на этих днях зловещим кровопролитием на улицах Вашей столицы. Глубоко потрясенные последним, являющимся в существе своем лишь одним из проявлений того неустройства нашего, которым порождены все означенные события, неустройства официально признанного с высоты Престола в Высочайшем указе Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года, собрание твердо верит, что лишь немедленный призыв свободно избранных представителей всего народа для разработки реформ, направленных к устранению существующего произвола и безответственности администрации и к водворению господства права в нашем отечестве, может внести надлежащее успокоение и устранить распространение по всей России подобных же кровавых событий, а также установить на незыблемых основаниях те правовые устои, при которых только возможны преуспевание и дальнейшее развитие дорогого нашего отечества...

В попытках как-то загладить случившееся царь повел доставить ему рабочую депутацию; настоящие вожди гапоновского движения в нее не попали, отчасти будучи убитыми, отчасти боясь ареста, отчасти от негодования, а главным образом не хотели идти без самого Гапона, который к этому времени уже убежал за границу (был приказ об его аресте). Подставная депутация, сварганенная полицией (впрочем, в нее проник и с.-д. адвокат Носарь, купивший документы у рабочего Хрусталева), была принята, выслушала поучение цареву, приняла к сведению обещание вспомоществования рабочим. На ближайшие полгода

установился резкий разрыв представлений о гапоновском движении с реальностью в нем. Все считали, что это — мощная, грозная сила. Поэтому для работы в нем и проник в депутацию Хрусталева-Носарь, а Троцкий из эмиграции нелегально вернулся в Россию в январе 1905; Парвус-Гельфанд, кажется, в марте. На деле же руководство Союза было парализовано, а едва лишь оно получило 30 000 рублей царской милости, как один рабочий хапнул эти деньги; посланный в догон другой настиг его в Иркутске, отнял 27 000 и бежал с ними... Никаких акций гапоновское движение не смогло предпринять в России, забастовка протеста бесплодно утасла недели через две.

И месяца не прошло с Кровавого воскресенья, как ПСР мощно ответила на него — в Москве, посреди Кремля, 4 февраля бомбой Каляева был разорван в клочья генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, дядя царя. Вся Россия восприняла убийство великого князя Сергея как возмездие за 9 января, хотя на деле оно начало подготавливаться раньше. Азеф, в отчаянии от успешных действий Савинкова, добился разделить Боевую Организацию на две: в Петербурге под руководством Швейцера (эту ветвь Азеф быстро и умело провалил, сумев подстроить улики на **другого провокатора** — на Татарова), где готовился акт против великого князя Владимира Александровича, и в Москве под руководством Савинкова. Хотя Азеф уже активно выдавал и приметы, и явки Савинкова, тот все же добился успеха, не попавшись. Но эти закулисные ходы стали известны гораздо позже, а тогда акт Каляева (о его личности надо писать так много, что я не пишу ничего) звучал как предвестие казни самого царя, как гневный символ побеждающей Революции. С акта 4 февраля по всей России развязался местный, неорганизованный и полуорганизованный террор, т. е. реализовалась программа ПСР, как о ней говорил Каляев на суде: центральный систематический террор есть пропаганда действием и примером, дабы научить и побудить массы братья за оружие, стрелять, бросать бомбы с целью начать вооруженное восстание.

Воздействие бомбы, начиненной динамитом Дорой Бриллиант и привезенной извозчиком Борисом Моисеенко Ивану Каляеву под руководством Бориса Савинкова, было в этот раз, как и в июле 1904, поразительно

эффективным, сказочным. Уже через две недели, 18 февраля, царь, устранившись, издал рескрипт, согласно коему монаршая воля состояла в том,

чтобы привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений.

Все подданные Российской Империи приглашались рескриптом сим, писанным на имя нового министра внутренних дел гофмейстера Булыгина, высказывать свои мнения и суждения на предмет улучшения основных законов России.

Рекомендуем почитать: Будберг, Горький, И. Л., Лучинская, Рутенберг, Савинков.

§ 16. Обретение конституции

*Инерция борьбы; гапоновская конференция;
апрельский съезд земцев; "Союз Союзов";
депутация к царю; восстание на "Потемкине";
незамеченные поражения революционеров;
размах крестьянского движения;
территориальные нюансы; крах булыгинской думы;
делегатское совещание железнодорожников;
вторая всеобщая политическая забастовка;
Манифест 17 октября.*

Кабы этот рескрипт адресован был Александром II министру Валуеву в 1865 (см. § 5), не только Аксаковы, Самарин и Чичерин, но и Герцен воскликнули бы: "Ты победил, Галилеянин!" — и были бы социально удовлетворены. Но опоздание на 40 лет имело два роковых последствия. Во-первых, накопилась сокрушительная инерция борьбы против правительства. Во-вторых, за эти сорок лет значительно переменялись условия жизни в Европе и в России, формы правления в сопредельных государствах, взгляды на соотносительность управляемых с управляющими. Коротко перемены можно резюмировать так: на несколько порядков возросло число лиц, требующих себе социального участия. По обеим этим причинам законосовещательная дума, обещанная 18 февраля 1905, никого — даже славянофилов — не могла уже удовлетворить. Теперь и союз "Осво-

бождение" и "Союз Союзов" добивались **законодательного органа**; у с.-р. и с.-д. требование законодательного собрания входило в программу-минимум. Кроме того, никакой — ни законодательный, ни законосовещательный — парламент невозможен, пока нет свободы слова и свободы печати: ведь как парламентарии узнают волю разных слоев населения, коли у населения рот завязан? Таковы объективные основания того, что борьба против правительства не прекратилась.

Субъективные же основания к такой борьбе короче всего выразить словом "энтузиазм". Потрясающий успех террористов ("Я грозу полюбил в эти первые дни февраля", — писал Пастернак, тогда гимназист, а гимназист Бухарин с этого взрыва окунулся в революционную деятельность) доказывал, вещал, манил, влек, торжествовал, призывал, убеждал, учил. Отступление правительства — как любое отступление врага — придавало силы ("Ура! Мы ломим!"). Так или иначе задействованные группировки обнаруживали возможность приложения своих сил.

И в том же марте, когда охранное отделение торжествовало свою локальную победу, арестовав Швейцера с двумя десятками боевиков (пресса величала: "Мукден русской революции"), революция одержала победу повнушительнее. В Швейцарии состоялась конференция всех революционных партий под председательством Гапона. На ней революционеры получили 100 000 долларов.

Дело обстояло так. Кровавые события 9 января потрясли мировое общественное мнение. В большинстве стран не принято, чтобы войска стреляли в свой собственный народ, особенно когда он идет с иконами а не с оружием. Поэтому когда революционер князь Петр Кропоткин, географ и прославленный ученый, приехал в турне с лекциями о русской революции в Америку, то его лекции получили полный сбор. Тогда же в США приехала политкаторжанка Екатерина Брешко-Брешковская, а о российской политической каторге писал уже американский журналист Джордж Кеннан. И хотя Кропоткин был анархист, а Брешковская — социал-революционер, т. е. в существенных вопросах теории они кардинально расходились, они не спорили в этих лекциях друг с другом, ибо думали об одном — как убедить американцев помочь русскому

народу. И убедили. Собрали в Америке 100 тысяч. А американцы, как известно, народ отзывчивый и импульсивный. Но и деловой — поставили условием, чтобы эти деньги пошли **не на партийную пропаганду** (американцам ни анархизм, ни даже социализм был ни к чему, они сами вешали своих анархистов), а **непосредственно русскому народу** в целях освобождения его от гнета самодержавия. Опять же, по своим меркам американцы считали, что залогом политической свободы народа является его **вооружение**. Если у каждого гражданина имеется пистолет, то полицейский еще раз десять подумает, прежде чем его незаконно арестовывать. Одно дело "молодец среди овец", т. е. до зубов вооруженный и лично, и всей силой самодержавного аппарата против бесправного и безоружного народа, и совсем иное дело — среди равно вооруженных сограждан. Поэтому американцы передали деньги Кропоткину под условием, что они пойдут на **непосредственное вооружение народа**, а не на нужды партийных аппаратов, не на социалистическую пропаганду и т. п.

Кропоткин был человеком честным, не случайно входил в состав чайковцев, он почитал долгом соблюсти условие. Так как в эти недели вождем русской революции единодушно почитался Георгий Гапон, впервые в истории выведший на улицу сотни тысяч рабочих, то до его сведения довели о деньгах, и он, уже в Швейцарии, предпринял в своем идеалистическом объяснении попытку объединить "всех революционеров" на сугубо материальной, денежной основе. Он принялся созывать конференцию. Какие склоки поднялись! Примазаться к деньгам хотелось и "нужно было" ужасно многим. Число революционных организаций в эмиграции было несуразно велико, численность большинства из них — ничтожна. И все — в потемках конспирации. Загорелись споры: такая-то организация дутая! На деле она никого не представляет! А чем проверишь? Другие же, напротив, сами приглашали фиктивных и поручительствовали за них, сговорившись предварительно о доле. Как бы там ни грызлись, все-таки примерно два десятка организаций Гапону удалось собрать: с.-р., с.-д., анархисты, националисты (окраинные). Союз "Освобождение" не участвовал — он подчеркивал, что его методы освобождения лежат не через вооруженную борьбу. Плехановцы не участвовали, поскольку лично Георгию Вале-

нтиновичу Георгий Аполлонович показался неприятным; предлогом же, как всегда поступали, были выставлены не личные качества, а якобы имевшие место подлоги с мандатами, к которым, мол, прибегали большевики на этой конференции. На эти деньги не сколько позже будут закуплены два парохода с оружием, один из которых поведет лично отец Гапон по Балтийскому морю, а другой — большевики по Черному.

Эта конференция оказала определенное воздействие на программу и на тактику революционных социалистических партий. Так, с.-д. большевики (с января 1905, после ареста прежнего "примиренческого" ЦК, большевики под водительством Богданова и Красина объединились с Лениным) провозгласили курс "на вооруженное восстание и свержение самодержавия", выставив на первый план задачу "технической подготовки к восстанию"; дошло даже до того, что они выступили против первомайской демонстрации в 1905, ибо "демонстрация распылит силы и отвлечет от подготовки восстания". Менее четкая направленность на вооруженное восстание была у разных фракций меньшевиков. Часть из них склонялась к временной коалиции с земцами-освободженцами и принимала участие в банкетной кампании. Некоторые, как упоминалось в конце прошлого параграфа, погрузились в независимое рабочее движение. Отчетливая ориентация на вооруженное восстание наблюдалась у с.-р., тогда еще не расколотых на фракции.

22—26 апреля 1905 в Москве состоялся созванный Головиным экстренный съезд, причем дурак губернатор "запретил" его, но делегаты собрались вопреки прямому запрету. По докладу Кокошкина были приняты следующие принципы:

1. В организации народного представительства Российской Империи не может быть допущено ни сословное начало, ни так называемое представительство интересов (т. е. отдельные выборы от различных классов или групп населения).
2. В основу будущей постоянной организации народного представительства в Российской Империи должны быть положены следующие начала:
 - а) Необходимы выборы от населения путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов.
 - б) Вышеозначенные выборы должны быть прямые. (...)
 - в) Наряду с представительным собранием, избираемым путем всеобщего и прямого голосования, должно быть

образовано особое представительство от реорганизованных на всю Российскую Империю органов местного самоуправления.

- г) Обе палаты должны быть равноправны. (...)
4. Никакое правильное представительное собрание, однако, невозможно до тех пор, пока не будут предоставлены населению неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраний. (...)
 5. Только немедленный созыв народного представительства с правом участия в осуществлении законодательной власти может привести к мирному и правильному разрешению насущных политических и экономических вопросов современной жизни России.
 6. Если окажется, что представители земства и городов могут участвовать в особом совещании под председательством гофмейстера Бульгина по выбору общественных учреждений, а не по приглашению правительства, и притом на равных с правительственными членами совещания, и если участие в выборах таких представителей будет предоставлено всем губернским земским собраниям, то желательно, чтобы они участвовали в совещании во всех стадиях его деятельности. В противном случае общественным деятелям лучше было бы уклониться от участия в этих совещаниях. Но и при участии общественного элемента деятельность совещания может быть лишь тогда плодотворна, если она будет доступна самой широкой гласности.
 7. Задача особого совещания под председательством гофмейстера Бульгина должна заключаться в выработке:
 - а) порядка избрания представителей в первое представительное собрание, которое должно иметь право участия в осуществлении законодательной власти;
 - б) общих условий, необходимых для производства свободных выборов (...).

То был последний съезд земцев, на котором присутствовал Д. Шипов — он принужден был уйти с него, потерпевши сокрушительное поражение (из ста с лишним делегатов за него голосовало только восемь).

В мае "Союз Союзов", провозглашенный поначалу как петербургская организация, приобретает всероссийский статус. Он объединяет до 17 профессиональных и целевых союзов при общей численности членов до 50 тысяч — эта массовость сопоставима с гапоновской. В мае же, 24-го, в Москве экстренно созывается земский съезд для выбора депутации к царю. Царь согласен принять эту депутацию, он идет и на такую уступку. Он принимает, жмет руки. Но земцы-конституционалисты непреклонны в своей решимости добиться законодательной думы взамен булыгинской законосовещательной. Призови царь подобную делегацию два года назад, до того, как он по науськиванию фон Плеве прогнал Шипова с председателей, депута-

ция бы возглавлялась умереннейшим Шиповым и верноподданнейше благодарила бы и за законсовещательную думу...

В июне — первое вооруженное восстание на флоте. Восстал броненосец "Потемкин", сравнительно недавно спущенный на воду. Матросы постреляли офицеров, подняли красный флаг. Не удержусь заметить, что в 1960 я сидел в лагере с одним потемкинцем — дряхлым уже стариком. И почти все травили его: вот вы, гады, за что вы боролись? До такой власти доборолись! А он — плакал... Не столь важно даже, что восстание в конце концов потерпело поражение: когда броненосец пришел в Одессу, где, по словам с.-д. корабля, его с нетерпением ждало население, в городе **не произошло восстания**. Население не хотело, чтобы в городе стреляли из пушек, и кораблю пришлось убираться прочь. В то время, правда, почти вся Одесса была охвачена забастовкой, но от экономической забастовки даже с политической прокладкой еще ох как далеко до готовности к кровопролитию. В конце концов корабль сдался румынским властям. Те передали корабль России и сделали вид, что не заметили, как разбежалась команда; в последнем немалую роль сыграла интернациональная помощь румынских социалистов, в частности Арборе-Ралли, род которого помнил еще цыганскую любовницу Пушкина. Для живших в те месяцы гораздо важнее был не неуспех восставших, а сам факт — **восстание вспыхнуло!** Так как в эти же месяцы Российская Империя терпела поражение за поражением в войне против Японии, революция на флоте приобретала особенно зловещий и грозный для правительства характер — армия, дескать, выступает против самодержавной власти. У самодержавия **нет** армии, дабы защитить себя от своего собственного населения. Те, кто считал, что все население настроено против самодержавия, кто верил, что народ готов принять демократическую республику, — те в факте хотя бы временного перехода войск на сторону революции усматривали залог и символ полной и быстрой победы революции. Тем более в данном случае, ибо вождь потемкинцев Афанасий Матюшенко в эмиграции провозгласил себя с.-р., а другой руководитель восставших матросов, Кирилл Фельдман, — с.-д.

9 июля 1905, в полугодовую дату гапоновского Кровавого воскресенья, во многих городах революци-

онеры (с.-д., с.-р.) вышли на улицы в надежде вызвать всеобщую демонстрацию и, может быть, даже перевести ее в вооруженное восстание. Революционеров оказались горстки. И — самое главное — их разгоняла и избивала не полиция, не войска, а население, толпы обывателей. Обывателей (мещан) можно было понять: непрестанные то тут, то там забастовки порождали дороговизну; красное знамя, противопоставляемое национальному андреевскому стягу, действовало как на быка; обилие евреев в революционном движении сталкивалось с растущим антисемитизмом и квалифицировалось как их засилье; неудачи в русско-японской войне (Цусима в мае) означали разорение для многих, кто так или иначе был торгово связан с потребностью расширения внешнего рынка России; американские сотни тысяч молвою давно были превращены в "миллион от японцев, который выплачен революционерам, дабы те погубили нашу страну"; наконец, и просто побить охота, особенно ежели господин пристав не препятствует. Но июльские неудачные попытки вызвать восстания в городах и в ряде войсковых частей и крепостей не охладили революционеров. Они вряд ли были ими замечены и уж во всяком случае **тогда** не подвергались анализу. Примерно тогда же пропали оба парохода с гапоновским оружием: шедший по Финскому заливу сел на мель, и лишь ничтожная часть досталась Финляндской партии активного сопротивления, а шедший по Черному морю штормом выбросило на сухумский берег, и все оружие досталось таможенной страже. Но снова на правительство, на публику, да и на самих революционеров производилось впечатление не поражений, а **побед**: смотрите, какими партиями оружия орудуют (орудуют)! Это лишь часть того, что доставляется в Россию. Так сказать, "усушка и утруска", неизбежные потери. Вот как наша мощь выросла!

И совсем неслыханны были победы революционеров в деревне. С весны аграрное движение захватывало одну область за другой. Помещики бежали в города. И в прежние годы случались вспышки крестьянских волнений, но они быстро гасли, кончались тем, что присланные воинские команды усмиряли бунтовщиков и, "пересекши весь мир", восстанавливали status quo ante. С 1902 в качестве неизбежного почти эпилога добавилось последующее убийство ("казнь") социалистами-революционерами того, кто командовал усми-

рением. Качественное отличие волнений 1905 состояло в том, что **не стало хватать** воинских команд — если за весь 1904 было использовано 212 рот, то за 1905 — уже 15 294 роты, т. е. в 75 раз (на два порядка) больше. Волнения стали глубже, продолжительнее, а для защиты имений пришлось возродить наемные войска — правительство разрешило землевладельцам за свой счет нанимать казаков.

Причин для волнений было много. Начать с того, что общинное землевладение и круговая за всех порука препятствовали прогрессу в сельском хозяйстве. Прежде, когда деревня была замкнутым в себе экономическим образованием, мужик летом работал в поле, а зимой — в избе, выделявая себе одежду и инструмент. Когда деревня включилась в общеэкономический оборот, самодельный инструмент и домотканая одежда не выдерживали конкуренции с покупными; поэтому мужик зимой был обречен на безделье. В то же время мужик не мог вовсе уйти из деревни, не руша сельскохозяйственного производства, — летом, в жатву, рабочих рук не хватало. За счет внутреннего перераспределения трудовых ресурсов деревня как-нибудь могла бы выкрутиться, породив наемных сельскохозяйственных рабочих и кулаков-фермеров. Однако принудительные уравнивающие перераспределения земли препятствовали этому процессу, и в результате производительная сила деревни (а значит, и ее покупная способность) доводилась до минимума. Война и революция подрывали хозяйство, помещичье — сильнее, нежели крестьянское, поскольку оно было сильнее зацеплено за общеэкономические связи, а последние чувствительны к военной и революционной неурядице. В силу политической близорукости и общей некультурности помещики стремились немедленно отыгаться на близживущих крестьянах: снижали расценки нанимаемым батракам; отказывали в аренде обычно сдаваемых лугов и т. п. И без того распространенное чувство ненависти к "барам" за то, что те лучше, "чище" живут, усиливалось. Пропаганда с.-р., которые во главу угла ставили крестьянскую революцию и подтверждали, что виновны во всем помещики, что у них надобно отобрать всю землю, что они грабители, — находила благоприятную почву и в это смутное время давала почти немедленные плоды. Различные в разных областях России. В Центральной и вообще Европейской России жили люди с одними

традициями, в Грузии — с другими. Крестьяне отказывались от уплаты налогов, как их призывали с.-р. и освобожденцы, захватывали помещичьи земли, как их призывали с.-р., "пускали красного петуха", т. е. поджигали барские усадьбы, что еще тоже входило в с.-р. и с.-д. тактику. И начинались насилия над личностью помещиков, чего, впрочем, революционеры не хотели замечать. Вот куски из хрестоматии "У станка", 1924 год издания:

В столовой Мымза бил посуду. Голован с Рыболовом дрались из-за серебряной разливальной ложки. Кузя Любавин бросал в окно книги.

Борис Горбушин старательно сдирал со стен обои, следя за тем, чтобы не уцелело ни клочка. Бегая по комнате с длиннейшею грубою в зубах, отлежавшийся Илья рычал, метался, сбивая всех с ног, хватал стулья, швыряя ими в стены, прыгал, цепляясь руками за люстры, и звонкие нежные хрусталики, как слезы, летели, дребезжа, на загаженный пол. Принеся со двора железный лом, Илья перебил все уцелевшие статуэтки, цветочные горшки, потом начал разворачивать камин.

...Окруженный толпою мужиков, в прихожей стоял на коленях князь Осташков. Дядя Саша Астатуй, наставляя в его лицо вилы, истерично кричал:

— Кланяйся мне в ноги!.. Кланяйся мне в ноги... Заколю.

Помещик кланялся, сзади его били кулаками по затылку. Противился Илья.

Это что тут у вас? А-а, козла защучили!.. — Схватив князя за шиворот, он заорал:

— Топить его, сукина сына!

С гиком и бранью помещика повели топить. Вода в пруду застыла. Сажени на две от берега вырубili прорубь и бросили в нее помертвевшего от страха князя. Пруд обмелел; вода подходила к нему лишь до пояса. Илья толкал Осташкова головой вниз под лед, а он царапался, кусал Илью за руки, выл. Из-под холеных ногтей его сочилась кровь, лицо было покрыто кровоподтеками, ссадинами, синяками. Тогда лед прорубили в другом месте, где поглубже. Там вода доходила барину до шеи. Выхватив у Дениски из рук рапиру, которую он стащил из кабинета, Илья, гогоча, взмахнул ею над самой головой помещика. Осташков выпучил глаза и окунулся. Рапира свистнула, ударив по ноге Касьяна-сотского.

Ах ты, стерва! — завизжал Касьян, хватаясь за ногу, — что ты наделал!

Голпа хохотала, люлюкала, прыгала вокруг проруби. Всем поправилась затея Илья.

— Сторонись! — кричал он. — Дайте ходу, р-раз!..

Осташков снова окунулся.

Та самая толпа, которая за десять лет до того во время холеры убивала, порой зверски, врачей, добровольно и бескорыстно приехавших лечить холеру, убивала и грабила теперь тех самых помещиков, из которых вышли и Вернадский, и Кропоткин, и Перов-

ская, и Петрункевич, и Плеханов, и Савинков, и Ульяновы. Те же самые нравы останутся и четверть века спустя. Долгое страдание, подавление и подчинение прорываются в минуты освобождения от гнета насильем и желанием причинять муки другому. Православная церковь не справилась с социальной задачей привить нравственные чувства крестьянской массе; крестьяне не усматривали в другом — личности, они пребывали вне добра и зла. И "кроме мордобития — никаких чудес".

За осень 1905 было уничтожено на 30 миллионов помещичьего имущества — это равно сумме поземельных налогов на недвижимое имущество в России на 1900 год.

Более осмысленными были аграрные волнения в прибалтийских губерниях, в основном среди сельскохозяйственных рабочих. Там преимущественно возникали забастовки. Зато подавление этих забастовок бывало совершенно зверское, причем отчетливо сказывалось великорусское и немецкое презрение к "чухне" (эстонцам и латышам).

И совсем иное творилось в Грузии. Целая область — Гурия — пребывала под управлением социал-демократического правительства (орган управления именовался, конечно, не "правительство", а "комитет"). В течение нескольких месяцев. Гурийские крестьяне направляли свой удар не против грузинских помещиков, а против царских чиновников — полиции, сборщиков налогов. Даже в тех случаях, когда перераспределяли землю, обходились без кровопролития, без эксцессов. В Грузии сказала еще одна, помимо национальной, специфика: генерал-губернатор и наместник Закавказского края Воронцов-Дашков еще со времен Александра II был либералом и тайным конституционалистом. Будучи назначен в Грузию в 1902, он вел мягкую, толерантную линию управления. Кутаисским губернатором он назначил еще более либерального В. Старосельского. Поэтому, в частности, войска в Грузии практически не применялись для подавления революционеров, забастовки там чаще оканчивались успехом. Зато армяно-татарская резня...

Аграрные волнения в Польше и Финляндии очень специфичны и, скорее, носили характер национально-освободительного движения, а не пугачевщины. В Сибири практически крестьянского движения не было. Отчасти потому, что крестьяне там жили в среднем

богаче Европейской России. Отчасти потому, что там не было общины и круговой поруки, так что производительные силы деревни не были скованы. Отчасти потому, что помещиков в Сибири практически не было, так что стандартная ненависть и стандартная пропаганда были неуместны. Отчасти потому, что в Сибири много свободной земли, — только сумей ее поднять и обработать, а потом сбыть хлеб.

В разных местах страны то тут, то там вспыхивали забастовки. В некоторых местах — очень успешные. Например, в Одессе грузчики сумели добиться такого договора с хозяевами, согласно коему хозяева не смели без согласия Союза грузчиков ни брать на работу, ни увольнять ни одного грузчика. В некоторых местах неудачные, ибо многие фабрики и так закрывались из-за сокращения объема производства в связи с войной. В некоторых — исход трагический, когда владельцы заводов, выполнявших военные заказы, призывали на помощь полицию, а порой и регулярную армию. Забастовки охватывали не только лиц наемного труда, но и учебные заведения — университеты, институты, даже средние школы. Учащиеся (изредка и учителя) бастовали чаще всего демонстративно на почве политических требований общегосударственного характера.

В первых числах июля съезд "Союза Союзов" постановил организовать манифестации против булыгинской законосовещательной думы. 7 июля в Москве состоялся (опять вопреки "категорическому запрещению" губернатора; авторитет власти стремительно падал) земский съезд, куда съехались 280 делегатов. Только двое покинули заседания в знак протеста против революционной речи Петрункевича. Съезд постановил отвергнуть булыгинский проект и организовать по всей стране многочисленные собрания для изложения мотивов этого постановления:

Съезд признает неотложной задачей данной минуты для общественных деятелей войти в ближайшее общение с широкими массами населения для совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы, завоевания необходимых для ее проведения свобод и для приготовления к выборам. (...) Привлечь возможно большие круги населения через действующие при управе советы, комиссии, участковые попечительства и т. п., — а также через временные съезды, совещания, комиссии и комитеты из губернских и уездных гласных и общественных деятелей. Кроме того, к политической деятельности следует привлечь волостные и сельские сходы, товарищества мелкого кредита и ссу-

до-сберегательные товарищества, сельскохозяйственные общества и другие самостоятельные организации.

Правительство не хотело уступать дальше, и 19—26 июля на петергофских совещаниях сановников под председательством царя (и, конечно, по приглашению-выбору только царя) было рассмотрено и утверждено, а 6 августа промульгировано "Положение о выборах в Государственную Думу" — законосовещательную, с многоступенчатыми не всеобщими и далеко не равными выборами. При приеме депутации в августе царем законосовещательная дума была отвергнута, "общественные деятели по приглашению" отказались участвовать, и проект Булыгина фактически рухнул. И в сентябре борьба вышла на финишную прямую.

Правительство созвало съезд железнодорожных служащих на предмет обсуждения положения о пенсиях для железнодорожников. Напомним, что в ту пору большинство лиц, работающих по найму, трудилось в частных предприятиях. Никаких пенсий таким лицам не полагалось: где гарантия, что сам предприниматель не разорится прежде? Железные же дороги в основном (на $\frac{2}{3}$) принадлежали казне, а казенные чиновники все обладали правом на пенсионное обеспечение за определенную выслугу лет, при условии "беспорочности" службы и т. п. Так как в понятие беспорочности входит определенная дисциплинированность, то забастовки в государственных учреждениях (школы, министерства, железные дороги, телеграф, некоторые банки, некоторые рудники) были довольно редким явлением. Поэтому, естественно, размеры пенсий редко пересматривались в сторону учета вздорожания жизни, общего роста потребностей и т. п. И вот в сентябре 1905 под давлением прессы, которая увязывала плохое состояние русского транспорта (болезненно сказавшееся в годы войны) с материальной необеспеченностью служащих на нем, правительство созвало совещание. Оно должно было состоять из лиц двух категорий: назначенных правительством и делегированных самими служащими. В силу вялости и колебаний правительственных участников инициативу перехватили делегаты. И сразу выдвинули далеко идущие требования. Правительство сделало было попытку распустить совещание, но, памятуя точно такие же ситуации с земскими съездами, в атмосфере утери страха перед распоря-

жениями власти, железнодорожники не разошлись, и, напротив, продолжали совещаться, хотя правительственная часть конференции удалась. На опустевшие места заботами "Союза Союзов" пустились просачиваться представители других профессий, разных партий, прессы, не пойми кто. Угрозы — и к тому же бессильные угрозы — правительства привели к тому, что делегаты, имевшие основания говорить от имени всех железных дорог, призвали все железные дороги поддержать их, объявив стачку. Поскольку в это время стандартные требования были у всех одни и те же — Учредительное Собрание на основе прямого, равного, тайного, всеобщего голосования шло к полным свободам и амнистии, — постольку железнодорожные делегаты единодушно приписали свои требования к своим пенсионным.

На местах же железнодорожные служащие восприняли этот призыв как резолюцию той самой конференции, на которую они выбирали делегатов, т. е.

в этом "то есть" и содержится революционное дыхание тех дней — как постановление своей верховной власти, и немедленно подчинились. Так, 10 октября 1905 транспорт стал. Похоже, что было одно изъятие. Сами забастовщики Восточно-Сибирской железной дороги утверждали, будто они делали исключение для солдат, возвращавшихся с японской войны, и пропускали эшелоны с демобилизованными. Напротив, начальники карательных отрядов в донесениях царю утверждали, будто именно этих-то эшелонов забастовщики не пропускали, а пропускали только поезда революционерами. Я не проверял расписания движения поездов за осень 1905 по ВСЖД.

Координируемые "Союзом Союзов", к железнодорожникам немедленно присоединились новые государственные служащие — телеграфисты. Это была наиболее грамотная, прогрессивная и политически свободомыслящая категория чиновников. Можно поручиться, что каждый телеграфист в ту эпоху состоял, как минимум, членом союза "Освобождение" или более радикальной организации. Телеграфисты оповестили всю страну о всеобщей забастовке, после чего перестали передавать какие бы то ни было правительственные или частные сообщения. Передавались лишь распоряжения или бюллетени забастовочного комитета, т. е. "Союза Союзов", возглавляемого П. Милюко-

вым. Заметим, что самодержавный аппарат был организован настолько бездарно, что параллельных (хотя бы армейских) телеграфных коммуникаций у правительства не оказалось. Губернаторы в Саратове, Тифлисе, Иркутске, Киеве и других городах с 12 октября на самом деле перестали получать какие бы то ни было инструкции или приказы из Петербурга; некоторые из них лихорадочно вчитывались в те газеты, что пропускались забастовщиками, — авось хоть косвенно вычитают, как распорядилось правительство?

По призыву телеграфистов к забастовке, которая получила название "Второй всеобщей политической", стали присоединяться все новые категории как казенных, так и частных служащих; рабочие также включились в стачку. 14 октября "Союз Союзов" провозгласил всеобщую политическую стачку, которая фактически уже шла. Поскольку основным содержанием забастовки были **политические** требования, постольку капиталисты не боролись против этой забастовки, как когда-то против гапоновской. Известны случаи, когда владельцы заводов заранее гарантировали рабочим, что за забастовочные дни с них не будет удержана зарплата. Если же кое-где с.-д. включали в требования "8-часовой рабочий день", то капиталисты, исходя из общего настроения, все равно не воспринимали этой забастовки как нацеленной против себя: вот добьемся, братцы, свободы союзов и свободы слова, вы создадите себе профсоюзы, мы себе — тресты, тогда и обсуди́м свободно, какой длительности будет у нас день.

Забастовка действительно сделалась всеобщей. Если какие газеты и выходили, то только по разрешению забастовочного комитета. Что такое забастовка для обывателя?

По приказу подпольных крамольщиков начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот дошло до того, что прекратился привоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже! Несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает, а сколько тысяч грудных младенцев, сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках. Не ныне-завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых конок,

проповедовал московский митрополит Владимир 14 октября или поэт позже вздыхал:

Но что пред забастовкою почтово-телеграфною
волнения и неловкости во встрече двух сердец?!
Теперь хоть бейся об стену в борьбе с судьбой
неравною:
дознайся, где он, собственно, нет ни малейших
средств...

Всеобщая стачка — это очень сильно действующее средство. Она заставляет **каждого** жителя задуматься над тем, чего требуют забастовщики. Решить для себя, правы они либо правы те, кто им отказывает? И немедленно стать на правую сторону, ибо продолжение забастовки приведет к разорению, к кошмару, к гибели. Всеобщая забастовка — очень сильное средство, ибо правительство, которое в сердце своем полагает, что его деятельность имеет свое оправдание во благе народа, что долг правящих заботиться об управлении (на какой манер, в какой форме — это уже второстепенно), такое правительство, видя ужас всеобщей стачки, скорее согласится удовлетворить даже не-правильные притязания бастующих, нежели попустительствовать разорению, болезням, страданиям своих невинных подданных-граждан.

Царь колебался. У него оставался выбор: или—или. Сначала он склонялся к тому, чтобы поручить дворцовому коменданту Д. Ф. Трепову (сыну того, в которого стреляла Засулич, т. е. незаконному правнуку Павла) силовое подавление, "разгон" крамольщиков. Трепов представил на утверждение проект большой крови, чем шокировал Николая II. Не столько кровью, сколько тем, что принуждал его, царя, взять ответственность на себя. Делал бы и делал, все потом санкционирую. А вот до приступа к действиям испрашивать санкции неприлично. И царь сказал, что "подумает". А тем временем на него наседали придворные либералы. В частности, великий князь Николай Михайлович, историк, требовал дать конституцию, говорят, даже ультимативно и картинно — с пистолетом, приставленным к собственному лбу. Но все решило вмешательство Витте.

В августе начались в США мирные переговоры между Россией и Японией. Находясь там, министр Витте ощутил враждебность американцев к самодер-

жавному режиму, их сочувствие требованиям политического освобождения России. Американцы посредничали в переговорах, и Витте был крайне заинтересован расположить их в пользу России. Одновременно русское правительство вело во Франции переговоры о заключении займа на крупную сумму. Французские республиканцы были настроены против самодержавия. А французские деловые люди не были уверены в том, что правительство в России продержится, раз там гуляет революция. А коли правительство свергнут, то что станет с займом и с процентами по займу?! Витте блестяще провел переговоры, и за весь свой авантюризм, за все поражения в войне Россия отделалась тем, что отдала Японии пол-Сахалина, нужного Главному тюремному управлению. За свой дипломатический успех лично Витте стяжал титул графа (коему недруги сразу же прицепили "граф полусахалинский"). В этом ореоле Витте приезжает, получает аудиенцию у царя и добивается его согласия прочитать свой проект. Царь читает и утверждает: "быть по сему". Манифест 17 октября повелевал:

Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов.

Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставляя за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспрять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий властей.

Борьба за Земский Собор, начатая Аксаковым, победила. Движение за права человека, начатое декабрьским выступлением "омерзительного вида штатских во фраках" на Сенатской площади 1825, — победило. Движение за ограничение хоть чем-нибудь беспредельной власти самодержца, начатое заговором верховников в 1730, — победило. Прошла широченная амнистия, выпустившая из тюрем практически всех борцов за свободу, в частности шлиссельбургских узников-народовольцев.

Рекомендуем прочитать: Бунин, Давыдов, Мстиславский, Пастернак, Пушкин, Серафимович.

Книга II

**РОССИЯ
КОНСТИТУЦИОННАЯ
(1905—1917)**

Резюме книги

Россия получила в 1905 конституционные основы, несколько худшие, нежели рисовалось в мечтах экспертам по правоведению, но достаточно сносные, чтобы ими пользоваться и по ходу жизни перекраивать на более эффективные. Самое скверно-значимое в этих основах оказалось то, что ими **не удалось** обеспечить **представительности от населения** в парламенте, из-за чего в следующую эпоху Россия и оказалась **без центральной власти**. Немаловажной оказалась и **инерция** революционных методов и действий, так что годы 1906—1907 ушли на погашение этой инерции. Помимо непосредственных восстаний, терактов (последний в 1911), эта инерция революционного духа отразилась на тогдашней жизни трояко: распространением **страха** перед повторением "анархии", **нетерпеливым зудом** крайне правых и отчасти административно-правительственных сил, **предчувствием** "грядущей революции" среди интеллигентов повышенной чувствительности. Сами эти три преломления революционной инерции выражались тоже по-разному: например, "страх" выступал и как мотивировка для "закручивания гаек", и как мотивировка либеральных и законосообразных мероприятий, был он и причиной перемещения массовой поддержки от кадетов к октябристам. То **нетерпение**, которое было свойственно прежде бесштанному революционеру (жажда сейчас, немедленно, безотлагательно **сделать что-нибудь**), передалось консервативно-охранительным силам, что у них выглядело и вовсе карикатурно-неприлично. Так сказала **инерция революции**. Сами же революционные партии сошли с политической арены почти начисто. То, что возникло с теми же названиями в 1917, имеет с действительными партиями до 1905 года лишь **легендарную**, на уровне **мифов**, преемственность. Наибольшая преемственность имела место в конституционно-демократической партии, шедшей от земцев-конституционалистов, но тоже

неполная. Партия с.-р. фактически распалась после 1909, и заново возникла в апреле 1917 другая партия — с тем же названием и частично с теми же вождями. РСДРП тоже распалась. Большевицкая партия возникла фактически заново в 1912 на "Пражской конференции"; соответствующий раздел в § 2 написан с более пристальным рассмотрением и увеличением, подобно § 11 в книге I и по тем же причинам.

Существенно, что верховная исполнительная и военная власть страны **не желала ничему учиться**, ничего усваивать, пребывала в полном разладе не только с левыми, но и с правыми политическими силами страны и сделала позором родины даже в глазах монархистов. Нет, нашелся один премьер-министр, П. А. Столыпин, который хотел учиться и умел это делать. Он взял у земцев их программу и устремления восьмидесятых годов и реализовал (с опозданием на четверть века) свою политикой, своим законодательством. Благодаря этому он нашел опору в партии октябристов. Но и Столыпин пришлось не ко двору царю с царицей, и союз его с октябристами оказался непрочным, и управление его вышло удивительно краткосрочным.

Вообще, **кратковременность** всего рассматриваемого промежутка — самое главное в нем. Не только в исторических масштабах, но и в мерках обычной человеческой жизни, даже в сроках нормальной парламентарной деятельности. Ну, что такое "столыпинская реформа"?! Кто знает, не обернулась ли бы она вскоре своей же противоположностью, как обернулся несколько более длительный нэп или хрущевские совнархозы?! Сколько историков — столько мнений, а факт один — **краткосрочность**. Ведь все внутривнутриполитические факторы и комбинации были сметены одним мощнейшим **внешнеполитическим, военным фактором**, который внезапно обрушился на Европу и подкосил не готовые к нему внутренне государство. Четырехлетнее всеевропейское и даже всемирное кровопролитие имело своим последствием то, что рядовому индивиду, массам индивидов — предстала совершенно иная, чем прежде, картина мира. Во всем — от экономических условий бытия и меры житейской безопасности до нравственных представлений насчет естественности убийства. Эту смену мировоззрений очень плохо ощущают те историографы, которые сидят за уютным

письменным столом; особенно это относится к американским советологам, да и к тем, кто декламирует насчет слезинки одного замученного ребенка. За вычетом военных лет и годов затухания революционных страстей на долю России Конституционной остаются годы 1908—1913. Что это для Клио?!

В политологическом аспекте, для тех, кто искал бы в нашем прошлом образцов и моделей, годы 1906—1913 интересны при сопоставлениях их с текущими советскими событиями первых небутафорских выборов в СССР в 1989 и последующей парламентской деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Отказ власти от самодержавного стиля управления, дарование населению значительных свобод, разрешение населению выдвигать и избирать себе депутатов в парламент, даже многоступенчатость этих выборов и неравноправные квоты представительств — все это сближает выборы 1989 с выборами в I Государственную Думу в 1906 и, после столыпинской узурпации, с выборами в III Государственную Думу 1907.

Но, за исключением этого (возможно, поверхностного) сближения, понимать времена 1906—1916 советскому и русскому читателю труднее всего. Во-первых, это — время действия сил (партий, организаций, учреждений, движений), **наименее характерных для России**. Ни до 1906, ни после 1920 **ничего подобного не существовало** в истории нашей страны. Во-вторых, вся направленность действий, весь круг интересов политиков и других активных деятелей того времени **для нас бесконечно далеки, чужды**. Если мы еще можем понять (в смысле сопереживания) нацеленность тех, кто рвался ограничить самодержавную власть и противостоял полицейскому государству в 1855—1905, то мы совершенно лишены опыта тех лиц и, следовательно, возможности сопереживания тем, кто в условиях парламента, опираясь на свои партии, проводил те или иные законопроекты. И наконец, для понимания **происхождения нашей власти**, как она функционировала с 1920 по 1986, нам не нужна эпоха 1906—1916; она не более мотивировала деятельность наших властей, чем эпоха Тутанхамона XIII, — за исключением формирования личных знакомств и приемов поведения на Пражской конференции РСДРП.

§ 1. Хроника угасания революционной активности

Погромы 21 октября; арест Петербургского Совета; крейсер "Очаков"; декабрьское восстание в Москве; разгром от Читы до Красноярска; казнь Гапона; первая Дума и Выборгское Воззвание; вторая Дума и арест ее части; Богров, Азеф, Савинков; большевистские экссы.

Наметим, не входя в подробности, вехи того процесса, который называется "победой контрреволюции над революцией, и, пожалуй, совершенно правильно так называется: силы, выступившие **против** революции, были вызваны к жизни самой революцией, они были "вторичны", они были "контр-силами".

Первое их проявление — пока стихийное и никем не организованное — относится к первым же дням появления Манифеста от 17 октября. Уже 21 октября толпы населения били революционеров, и это избиение продолжалось и на завтра. Как это случилось? Ведь революционеры выступали от имени народа, они искренне болели за народ, не жалея себя, рвались защищать интересы народные. "Но проснется народ и падет произвол", — пели они с надеждой в тюрьмах.

Первая причина может быть названа "лексическим недоразумением". Революционеры действительно хотели блага народу. Но в своих конструкциях-теориях они **исключали** из объема понятия "народ" страшно многих. Подобно тому как иные и сегодня исключают из понятия "народ" "интеллигенцию", так революционеры исключали из "народа" не только всю правительственную администрацию, полицию, но и священнослужителей, и промышленников ("капиталистов"), и владельцев земли ("помещиков"), и торговцев, да и всю сферу обслуживания, и "мещан". Сужение понятия "народ" в направлении "простонародья" превращалось теперь в сведение "народа" к "пролетариату" (только городскому или вместе с сельским — не имеет тут значения). На практике же это обобщивалось тем, что массы населения вели себя не так, как должен был вести себя народ согласно революционным диспозициям.

Вторая причина родственна первой, но заслуживает специального выделения. Находясь большей частью на нелегальном положении, революционеры оторвались от повседневных привычек народа. Значительная часть их — хотя далеко не все, вопреки тому, что стали писать позже, — были атеистами и не интересовались календарем церковных и правительственных праздников. А тут случилось, что 21 октября был праздник восшествия Николая II на престол. Этот праздник — Царский День — отмечался традиционно как нерабочий день, к нему часто выдавались подарки, за ним следовали церковные празднества. Три дня хронологически выпадало на **традиционные** массовые гуляния. Напомним, что телевизора, радиовещания и даже футбольных матчей тогда не водилось, и вся массовая жажда зрелищ удовлетворялась **только** общественными гуляниями да храмовыми службами. Это вкоренилось. Все знали эти праздники. Накануне, 18-го, 19-го и 20-го, революционеры выходили на улицы со своими знаменами беспрепятственно и победно. Бывало: едет генерал на пролетке, а навстречу демонстрация с красным флагом. И генерал привстает и отдает под козырек красному знамени. Толпа с красным знаменем и практически без оружия подходит к тюрьме, и начальство немедленно отпускает всех политических из тюрьмы, а представители демонстрантов проверяют по камерам, не осталось ли кого? Полиция забилась по углам, ни во что не мешалась — растерянность русского человека перед свалившейся "свободой". Губернаторы испрашивают у стачечных комитетов дозволения предпринять такие-то и такие-то меры.

И вот точно так же 21-го революционеры вышли на улицы. Было это подобно тому, как если бы в наши дни какая-нибудь политическая или экологическая группка затеяла бы митинг на стадионе "Динамо", забыв, что на это время назначен матч "Спартак" — "Динамо", да и вообще питая презрение к футболу. Отличие, пожалуй, в том, что в те времена и у такой группки, и у населения было вдоволь оружия.

Итак, вышли революционеры, а навстречу им — в отличие от предыдущих дней, когда улицы пустовали или заполнялись кучками сочувственно-побаивающихся зрителей, — **навстречу** идет громаднейшая толпа населения, не затронутая никакими революцион-

ными лозунгами, здорово поддтая, под андреевскими стягами, с хоругвями или с недопитыми бутылками. И у кого-то, у студента, есть пистолетик, один на сотню. Или лабазник держит берданку, из которой намеревается салютовать в честь праздника. Эти две толпы идут друг на друга. Одна — небольшая, "сознательная". Другая — громадная, охватывающая "все" население. Обе уверенные в своем праве. Срабатывает психика толп: кто первый подастся, испугается, кинется бежать? Тогда другой бросится догонять, добивать, брать возмездие за только что пережитый испуг. По законам численности обычно бежали и бывали избиваемы революционеры. А уж когда бегут — рождается охотничье желание догнать, растерзать, растоптать. Сладко бить беззащитного.

"Пули погуще!
По оробелым!
В гущу бегущим
грянь, парабеллум!"

"О славный час, о славный вид!
Еще напор — и враг бежит!
И следом конница пустилась,
убийством тупятся мечи..."

А если бегущие забегают куда в дом, то нужно ворваться, осадить дом, поджечь, разгромить, достать их, словом. Это нормальное стихийное поведение. Только в тех редчайших случаях, когда революционерам хватало сообразительности, запершись в каком-либо доме с крепкими дверьми, дозвониться до полиции и выгребовать охрану от хулиганов, — тогда полиция навела порядок, вызволяла. Но такое было уникальным исключением: ведь чтобы революционер когда-нибудь, хоть в миг смертельной опасности, осознал бы полицию — своего исконного врага — как заступницу-защитницу, нужно было особое, **юридическое** мышление. Кажется, и фактически-то полицию вызывали именно адвокаты.

Эти три дня вошли в историю кровавейшим избиением революционеров во всех сколько-нибудь крупных городах. Бил народ, население. И хотя казенные историографы талдычат, будто бы сии погромы были "спровоцированы" царским правительством, никаких документов причастности властей к избиениям не су-

шествует. Да и силенок у власти было маловато: царя растерянность, не до стимулирования массового движения было. Так случилось первое — и самое решительное — поражение революции. Все прочие вытекали из этого.

Но революционеры, конечно, не осознали случившееся как свое поражение. Они, конечно, не увидели в случившемся **противостояния** своего с народом. "Пройски царизма" — вот как они распенили случившееся. И решительней взялись штурмовать царизм.

В замышляемом штурме решающая роль отводилась поначалу Петербургскому Совету рабочих депутатов. Еще летом, во время стачки в Иваново-Вознесенске, по предложению губернатора, не желавшего беспорядочно препираться с многотысячной толпой, а хотевшего всерьез, по-деловому уладить конфликт, рабочие избрали депутатов в совет, который и повел переговоры с губернатором. Будучи по своему происхождению плодом инициативы власти, совет подвергся поношению со стороны наиболее р-р-революционно настроенных р-р-революционеров (с.-р. максималистов и с.-д. большевиков), но неожиданно оказался исключительно эффективной формой контакта рабочих с властями. Тем с.-д., которые еще с января искали **форм массового рабочего движения** (вослед и взамен гапоновскому), советская форма приглянулась. На нашем языке это была разновидность неформального движения в рабочей среде, получающая дозволение властей на существование и даже признаваемая властями настолько, что с ней ведутся переговоры. Грешно было бы не "внести сознательность в рабочее движение" со стороны научно подкованных партий. И вот, когда по всей России шла всеобщая политическая забастовка в октябре, они организовали присылку рабочих депутатов — точнее, депутатов от рабочих — в Государственную Думу в Петербурге. Растерянные или сочувствующие революции господские гласные потеснились, уступили зал рабочим и (или) их представителям. Очень быстро во главе совета стали партийные деятели: социал-демократы Хрусталев-Носарь, Парвус-Гельфанд, Бронштейн-Яновский-Троцкий и социал-революционеры Авксентьев и Зензинов. Этот Совет возглавил уже идущую забастовку, наладил выпуск своей газеты "Известия Совета Рабочих Депутатов"

(захватным порядком по чужим типографиям), а после Манифеста 17 октября стал легальным центром подготовляемого восстания. Полиция не имела доступа в Технологический институт, где Совет размещался, этим воспользовался большевик Красин и в одной из комнат Совета разместил пару пушек — сгодятся. Вся Россия напряженно ждала, когда Совет начнет штурмовать царскую власть. Статьи в "Известиях" резали день ото дня. Прямые выпады и призывы переходили всякие юридические рамки. И в начале декабря полиция, осмелев, ворвалась в Технологический институт, обнаружила массу оружия, арестовала сначала председателя Совета Хрусталева, потом — заместившего его Яновского и, наконец, практически весь Совет. Это было ошутимое поражение Революции — прежде всего потому, что "пролетариат столицы" не встал на защиту "своих представителей". Не только вооруженных выступлений не было, но даже намеченная перед арестом Совета всеобщая политическая стачка не состоялась. Примерно через год прошел открытый суд над руководителями Совета: им главным образом вменялось то, что они **выдавали себя за принадлежащих не к своему сословию**. Они держались молодецки, произносили зазорные речи, а после приговора поубегали с дороги в ссылку.

Следующее поражение Революции — восстание на крейсере "Очаков" в Севастополе 14 ноября, под руководством лейтенанта Шмидта. В нем переплелись и надуманное доктринерство с.-д., — мол, надо на данном этапе поднимать армию и флот на вооруженную борьбу с самодержавием; и упадок революционного настроения в массах; и грубость адмирала Чухнина, назначенного командовать Черноморским флотом; и беспорядочность стихийщины; и романтизм-идеализм лейтенанта Петра Шмидта. Но разгром восставших был основательный, кара за восстание была жестокой, и террористы с.-р. только через полтора года сумели "достать" Чухнина и казнить.

Еще основательнее было поражение московского вооруженного восстания в декабре. Опять же "восстание" требовалось по социалистическим программам как **более высокая форма** революционной борьбы сравнительно с забастовочным и митинговым движением. Хотя единства насчет московского восстания не было

ни в ПСР, ни в РСДРП, наиболее прямолинейные сами направились в Москву строить там баррикады. Смешна в России баррикада, а уж в декабре-то, в Москве-то! Ну хотя бы потому, что на баррикаде надобно дежурить круглосуточно, а это значит, в частности, что надо быть очень тепло, тщательно одетым. У революционеров, конечно же, никакого интендантства не имелось. Хорошо парижанам, когда они устраивают свою революцию по Гюго! Это жильцы, которые напротив своего дома тут же выворотили булыжники из мостовых, сгрозоздили из чего попало баррикаду и — подойди, полиция, мы тебя так трахнем! Ну, конечно, если Буонапарте артиллерией вдарит, то разбегаются, а против пуль из нескорострельного ружья баррикада достаточно эффективна. И когда возникает просвет, то баррикадники тут же рядышком домой сбегают, там поедят, поспят, переделуются, попьют винца. В России же большинство населения **не хотело** восстания, москвичи в массе своей не желали пальбы. Значит, основная масса на баррикадах — это **приезжие**. И дабы иметь возможность зайти в какую квартиру погреться, раненого занести, воды испить — им нужно **ломиться**. Силком входить. Значит, они дополнительно восстанавливают население против себя. Поестъ — денег они, как правило, при себе не имеют — нужно тоже отнимать у населения. Одеться — приехали в Москву грузины и топают в штиблетах да в пиджаках по морозу... Революционеры поначалу продвинулись очень близко к генерал-губернаторскому дому и к Кремлю, сумели даже захватить начальника московского жандармского управления Войлошников и расстреляли его по своему приговору (перед тем давши ему возможность проститься с семьей), но прибыл семеновский полк под командованием полковника Мина (убит уже в чине генерала через полгода), и восстание было оттеснено в район Пресни, где и задавлено.

В январе были сметены Читинский Совет, Иркутский Совет и Красноярский Совет. От этих советов — они именовали себя даже "республиками" — вообще ничего не осталось. Ни имен героев, ни имен сумасшедших, ни имен организаторов, ни имен предателей. Практически все попавшиеся под руку были поголовно повешены или расстреляны приговором военно-поле-

ного суда, который даже не трудился устанавливать настоящие фамилии обвиняемых. Судом этого назвать нельзя, следствия не было, это просто расстрел военнопленных или даже точнее — расстрел обнаруженных в прифронтовой полосе. Эти "республики" были сметены карательными экспедициями ген. Меллер-Закомельского и ген. Ранненкампа (казнить его с.р. не смогли; он опозорил себя в августе 1914), который воспользовался естественным стремлением дальневосточных войск поскорее вернуться домой. Достаточно было провести такую "политработу": "Братцы, эти смутьяны нас не пускают домой! Как только их уберем, поедете к своим бабам, чай истомились на японской-то войне!" Никаких столь же убедительных доводов революционеры выдвинуть этим солдатам не могли. Солдатушки-братушки постарались. Повешение — это еще самая цивилизованная форма казни. Развлекались тем, что пойманных агитаторов на полном ходу выбрасывали из вагона с санкции барона-генерала. Такой способ убийства обернулся — так в 1918—1919 вышвыривали "бар" из вагонов, в окно выдавливали, как описано у Набокова в "Подвиге".

Отступление. Дело тут не в "белом" или "красном" терроре. Да и слово "террор" тут чужеродно. Это просто стиль отношения к чужой жизни. Вместо "не делай другому то, чего не хочешь себе", к чужому относятся как к нечеловеку, как к предмету. Это и тот смак, когда заставляешь беззащитного "искать пятый угол". К этому осмелюсь добавить личные впечатления от читинского пейзажа. Я постиг — увидел — то, чего раньше не мог бы понять, что показалось бы мне книжным, надуманным: **сама местность склоняет к жестокости.** К несправедливости, к насилию. Сама местность — ландшафт, рельеф, поросль, воздух. Там не должен жить человек. Не для его житья созданы эти места. Ну, прогнать отары овец или табуны лошадей кочевник может. Ну, пройти в поисках золота или женьшеня. Но не более. Человек же, поселяющийся там долговременно, оседло, все время впитывает в себя этот императив мучить другого, наслаждаться безысходными страданиями, предавать надругательствам. Не изысканным, а самым просто жестоким и откровенно грубым. Думаю, что со временем наука откроет какие-нибудь "микроэлементы", порождаю-

щие эту эманацию жестокости. Этот геопециозный элемент представляется мне существенным, когда разбираешься в деяниях карательной экспедиции Ренненкампа и в партизанской борьбе 1918—1920.

В марте 1906 был убит — казнен, повешен — Георгий Гапон, вождь революции с января 1905. Не царскими властями, а руками своих сотоварищей по Собранию Русских Фабрично-Заводских рабочих Санкт-Петербурга. Это событие свидетельствовало о том, что революция не только уже умерла, но что и труп ее смердит. Рассорившись со всеми партиями в эмиграции, пережив неудачную экспедицию на пароходе "Джон Крафтон", который должен был доставить оружие для рабочей революции в Петербург, Гапон начал спиваться и сходить с ума от всемирной славы там, за границей. Манифест 17 октября позволил ему легально вернуться в Россию. Гапон пожелал возродить "настоящее рабочее движение", "не испоганенное партиями". По прежней своей стратегии он завязал хорошие отношения с полицией, добиваясь легального восстановления "союза"; см. § 14 книги I. Но на этот раз ему вместо дурака Фуллона пришлось иметь дело с умницей Рачковским, начальником политического розыска Империи. В качестве залога Рачковский потребовал от Гапона выдать боевую организацию ПСР — о знакомстве Гапона с Савинковым за границей Рачковский знал от Азефа, а боевой организации царские власти боялись пуще всех прочих революционеров. Гапон, ненавидя всех партийных как раздражающую занозу в деле спасения рабочего класса, приступил к поискам БО ПСР, достаточно неумело приступил, охмеленный своей славой и всемогуществом. Рутенберг, которого он привлек для этой цели, тут же все сообщил рабочим, подстроил так, что группа рабочих-гапоновцев наблюдала и слушала, как Гапон излагал Рутенбергу свои намерения; в конце встречи рабочие и повесили Гапона на одной из дач в Териоках. Казнь эта замутилась тем, что Рутенберг действовал с устной санкции Азефа и Чернова, но после убийства те отреклись от своих слов, ЦК ПСР не издал прокламации, в которой бы брал акт на себя, так что попользился черт-те какие слухи относительно "темного политического соперничества между революционерами".

И все равно революционерам мерещилось, будто все случившиеся поражения — временные неудачи.

Нет, за оружие браться нужно, только решительней и энергичней!

Огромного успеха добились революционеры на выборах в Государственную Думу, которая была созвана в апреле 1906. Точнее, Центральные комитеты ПСР и фракций РСДРП приняли постановление с призывом бойкотировать "фальшивое представительство, посредством которого царизм хочет обмануть народ". Но и от с.-р. часть (преимущественно "народные социалисты") выставляла свои кандидатуры и получила места в Думе под именем "Трудовой Партии", и от с.-д. часть отколовшихся от Плеханова меньшевиков попала в Думу. Но главным носителем революции на этих выборах явились к.-д., т. е. "конституционные демократы". Партия (КДП) возникла в ноябре 1905 на базе Союза Освобождения, т. е. завершала собою революционный импульс земского движения. Более умеренные земцы, примерно те, которые назывались несколько лет назад "земцы-славянофилы", образовали партию "Союз 17 Октября", примерно одновременно с к.-д. Во главе к.-д. стояли Муромцев (избранный председателем I Государственной Думы, т. е. равносильный Президенту) и Милюков. Во главе октябристов — Шипов и Гучков. Октябристы сразу высказались против продолжения революционного движения, а к.-д., хотя и выражали сожаления по поводу "эксцессов" революционной борьбы, полагали ее неизбежной, покамест правительство не пойдет далее по пути конституции, по пути радикального преобразования страны в конституционное, сиречь "правовое", государство. Не участвуя с оружием в руках на московских баррикадах, к.-д., по сути, были на стороне повстанцев, активно выступая в прессе против карательных мероприятий правительства и помогая скрываться негальным беглецам с баррикад.

Царское правительство, правда, "хотело обмануть", тут революционеры были правы. Только обманывать хотели не "народ", а "либеральных и революционных смутьянов". Исходя из мифических представлений, якобы в России народ бесконечно предан царю-батюшке, царские советники рекомендовали царю установить такую процедуру выборов в предсто-

ящую Думу, при которой большинство достанется крестьянству. "Позовите, мол, серые зипуны к Престолу", — как фантазировал лет за 30 до того Достоевский. Поэтому нормы представительства были устроены так, чтобы темное крестьянство могло бы послать больше депутатов, нежели ученые профессоры, не говоря уже о недоучках-студентах и рабочем классе. Эта попытка сжульничать обернулась жутким поражением для царя. Вот процентный состав Думы.

Конституционные демократы — 259 чел. — 58%.
Трудовая партия — 116 чел. — 26%.
Союз 17 Октября — 28 чел. — 6%.
Социал-демократы — 10 чел. — 2%.
Беспартийные — 45 чел. — 10%.

Почему так случилось? Да потому, что вообще фразы вроде "народ хочет", "крестьянство верит в царя", "крестьянство требовало земельной реформы", "рабочий класс добивался" — бессмысленны, а тот политик или историограф, который рассуждает посредством таких оборотов, никогда не достигнет успеха, все напутает и напортит. Осмысленны высказывания вроде "в таких-то уездах такой-то губернии прокатились крестьянские волнения", "на стачке рабочие такого-то завода выдвинули такие-то лозунги", "возникли многолюдные очереди там-то" — подобные высказывания подлежат фактической проверке, после которой могут стать средством дальнейшего понимания событий. Слова же вроде "народ верит" — непроверяемы, беспредметны. Они годятся для поэтического описания, но не могут служить опорой практического мышления. Крестьянство, прежде всего, представляло политически безграмотный слой в стране. Ни к какой предвыборной агитации оно не было приучено, не было подготовлено. Очевидно, что в этих условиях наибольшим успехом среди крестьянства должна была пользоваться та партия, которая лучше всего наладила свой агитационный аппарат. Монархисты вообще еще не успели сконституироваться; мы еще в прошлой книге отмечали, что правые, реакционные партии родились в России позже революционных. Царская пропаганда была, как всякая казенная, малоэффективна. А у к.-д. агитация и проникновение в массы были отлажены великолепно, вспомните хотя бы цитаты из

постановлений земского съезда в августе 1905 (см. § 16 кн. I)! Поэтому крестьяне и отдали свои голоса конституционным демократам. КДП получила уверенное большинство голосов в первом российском парламенте, а вместе с другими революционными партиями — 85 процентов голосов, так что победа революции была ошеломительна.

Очевидно, что в стране традиционно монархической, в которой всего лишь десять лет назад "бессмысленными мечтаниями" казалась надежда на хотя бы такое законосовещательное представительство, где большинство принадлежало бы убежденным монархистам, — в этом государстве такая Дума выглядела вопиющим несоответствием. Даже если **всех** беспартийных зачислить в монархисты (что фактически неверно), и то 10 процентов монархистов в парламенте для монархической страны маловато. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в июле Столыпин (назначенный премьер-министром взамен Горемыкина, который только что сменил Витте) распустил эту Думу. Тогда с.-р. и с.-д. выпустили прокламацию с призывом к оружию, а к.-д. издали так называемое Выборгское Воззвание. Оно было составлено на манер исторически прославленного воззвания — "Декларации независимости Северо-Американских штатов". Декать, ни одно правительство не имеет права собирать налоги со своих граждан-подданных, если граждане-подданные через своих представителей, законно избранных, не обсудили этих налоговых ставок. Раз не дали согласия обкладываемые налогом, то могут и отказаться платить налоги "депотической власти". В 1774 это сработало — там, за океаном. Ибо американцы — народ деловой, трудовой, к деньгам относятся внимательно, бережно, со счетом. У них не могло бы возникнуть стихов наподобие:

Торгаши просыпаются дружно,
чтоб скорей за прилавки засесть.
Целый день им обвешивать нужно,
чтобы вечером сытно поесть.

Они никогда бы не позволили, чтобы у них прямо из зарплаты вычитали бы какую-то сумму, ибо они платят налог после того, как истратят доход, на следующий год. Они получают все, что им положено, от

предпринимателя, а с государством рассчитываются уже сами, платя непосредственно государству и не вставляя промежуточную фигуру бухгалтера-предпринимателя. В России же в 1906, где никак не удавалось ввести подоходный налог, где главной массой налогоплательщиков были темные крестьяне отнюдь не с американским темпераментом и прошлым, — этот призыв к.-д. не был услышан.

Отступление. Лидеры к.-д., составляя Выборгское Воззвание, исходили из факта, что **крестьяне поддерживали в своей массе партию к.-д. на выборах в Государственную Думу**. Поэтому, умозаклучали они, крестьяне поддержат своих депутатов. Глубоко ошибочное, хотя и юридически логичное умозаклучение¹. Ибо крестьяне были политически неграмотны, как и основная часть жителей России в то время. Диво-дивное небывалое — политическая партия, которая легально существует в стране! И одно дело, когда полиция велит крестьянам **принять участие в выборах**. Тогда, естественно, крестьяне голосуют за наиболее речистых, за тех, кто чаще появляется на предвыборных собраниях. Совсем другое дело, когда та же полиция собирает **привычную** вековую подать, а к.-д. чего-то там пишут. Тут крестьяне уже не на стороне к.-д. Вообще, очень тонкий вопрос, и рассуждения в этом тонком волоске зачастую рвутся, стоит воспользоваться оборотом: "Массы поддерживали такую-то политическую партию". Партию ли они поддерживали либо же понаравившуюся личность? Программу партии поддерживали или же ситуационно сложилось так, что просто некого было другого поддерживать? Последовали ли тактическим призывам или же воображали, будто поступают наоборот? С этим мы еще существенно столкнемся, когда будем в книге III разбирать угар митингов 1917 года.

Имелась и еще одна причина, почему Выборгское Воззвание ничего не дало: позиция революционных партий. Те расценили роспуск Государственной Думы как закономерный шаг, который они давно предсказывали. Конечно, мы всегда знали и говорили, что никакого парламента нет и не будет, что правительство

¹ Собственно, ту же ошибку совершал В. М. Чернов, когда в декабре 1917 аргументировал на пленуме ЦК ПСР, почему, мол, большевики не осмелятся разогнать Учредительное Собрание.

только лишь обманывает всех, а либералы попались на удочку царского вранья в силу своей промежуточной и межеумочной классовой природы (вариант: сами врут в видах одурачивания пролетариата). Буржуазия, которая лакействует перед царизмом, видит теперь воочию, что ее выбросили, употребивши. Так им и надо! А то, что они призывают "не платить налоги", то это мелкобуржуазное лицемерие и пустая попытка одурачить. Надо призывать к восстанию, к вооруженной борьбе, к баррикадам, бомбам, наступательным демонстрациям и всеобщим забастовкам — тогда только и будет свергнуто самодержавие вместе с господами соглашателями-либералами и кровопийцами помещиками-капиталистами-профессорами, и народ обретет свои права! "В царство свободы дорогу грудью проложим себе!" Изорвать Столыпина!!

Вообще раздоры и расколы в антиправительственном лагере множились и расширялись. Ничего похожего на тот единоклубный порыв, который царил в августе—октябре 1905, не осталось. Например, ПСР раскололась на первом же своем съезде в январе 1906 на три партии: партия Народных Социалистов (Чайковский, Пешехонов, Короленко, Анненский) сформировалась из наиболее правой, т. е. умеренной, фракции ПСР. Они стояли за свертывание **вооруженной** борьбы. В центре располагались те, кто сохранил традиционное наименование ПСР, к центру примыкало фактическое большинство партии. Эти готовы были прекратить террористические акты на время свободного функционирования парламента, но не отказывались от вооруженных восстаний в принципе, если народ сам подымается. Левее шла Партия социалистов-революционеров максималистов. Они считали нужным продолжать и теракты, и восстания, а главное — требовали немедленных мер для введения социализма в России. Напомним, что "социализмом" тогда именовалось то, что сейчас называется "коммунизмом". Главным инструментом для введения социализма-коммунизма у максималистов были вооруженные восстания в населении и в армии-флоте. ПСРм составила основные кадры баррикадников в Москве в декабре 1905.

Перевыборы в Государственную Думу, назначенные Столыпиным, все равно дали перевес революци-

онерам. Вторая Дума еще резче разрывала с традициями монархической России. Вот ее состав на одну из дат ее существования (партийность тогда менялась довольно легко, поэтому разные источники приводят разные проценты).

Трудовики — 116 чел. — 23%.
Конституционные демократы — 98 чел. — 19%.
Социал-демократы — 65 чел. — 13%.
Беспартийные — 50 чел. — 10%.
Польское коло — 46 чел. — 9%.
Социалисты-революционеры — 37 чел. — 7%.
Мусульмане — 30 чел. — 6%.
Казачья группа — 17 чел. — 3%.
Монархисты — 10 чел. — 2%.

Хотя здесь суммарно революционеров в чистом виде всего 62%, они представлены более радикальными фракциями, да и среди польского кола (= круга), мусульман, казачьей группы и беспартийных находилось немало примыкающих к революционерам. Монархистов же до смешного мало в монархической стране — они еще не научились вести агитацию! Лишь через несколько лет Шульгин возьмется за предвыборную кампанию всерьез и по-деловому. С точки зрения деловой Вторая Государственная Дума была еще более безобразным органом, нежели Первая. В той хоть бесспорное большинство принадлежало одной партии — КДП. Поэтому, хотя партия была оппозиционно-революционная, противостояла правительству, все же в самой Думе решения можно было принимать. Во Второй же Думе ни одна партия не обладала большинством, поэтому ни о чем договориться депутаты не умели, все заседания Думы сводились к ядовитым препирательствам и между собой, и с правительством.

Последняя греза о восстании связана как раз со II Государственной Думой и случилась на Лондонском съезде РСДРП в мае 1907. Там было принято секретное решение (на съезде незначительное большинство принадлежало фракции большевиков, т. е. Алексинского, Богданова, Красина, Ленина) об организации вооруженного восстания, причем руководителями такового должны были стать депутаты II Государственной Думы от с.-д. Но агентура политического розыска работала хорошо, Столыпин по обвинению в заговоре арестовал с.-д. депутатов Думы (наиболее прославлен

Черетели), распустил Думу и изменил закон о порядке выборов в Государственную Думу. На сей раз разгон Думы прошел абсолютно без всяких значимых протестов — революция была уже бессильной. Некоторой пародией на восстание выглядело свеаборгское возмущение, хотя казни по этому восстанию стали на Балтийском флоте отнюдь не фарсом, а настоящими и жестокими. Точно так же шли беспощадные репрессии на Черноморском флоте, пока преемник Чухнина, испугавшись бомб, не провел амнистию.

Террористическую деятельность с.-р. вели довольно широко, но не сумели повторить своих достижений 1904—1905. Ни один министр, ни один великий князь не был ими казнен. Несколько покушений на царя провалились в самом зародыше. Наиболее важными шапками среди убитых ими оказались начальник главного тюремного управления да главный военный прокурор. Прогремел в июле 1906 и взрыв дачи Столыпина, где погибло сорок человек, но сам Столыпин уцелел. За эти успехи с.-р. заплатили практически полной гибелью всех своих террористов. Азеф сумел выдать и Савинкова, но тот и на этот раз обманул судьбу, бежав из-под виселицы из севастопольской военной тюрьмы; спасло то, что в полку охраны служили и с.-р. Но к концу 1908 утихли уже всякие покушения, последнее убийство имело место в 1911 — убийство Столыпина, премьер-министра, совершенное не от имени партии с.-р. или монархистов, а одиночкой Богровым.

С Богровым ассоциируется идея провокации. Подобно тому как Гапон считал незазорным сотрудничать "в интересах народа" с охранным отделением, так все больше и больше нетерпеливых революционеров начинали воображать себя "клеточниковыми" и идти на службу в охранку. Могли действовать и рассказы Арборе-Ралли и Пекарского о том, как они совместно с другими народовольцами морочили голову заграничному политическому розыску Империи. Ну да, придется выдавать на смерть своих товарищей, — рассуждали иные. — Но разве, когда их посылаешь с бомбой в руках, не отправляешь их тем самым на неизбежную последующую виселицу или на смерть от той же бомбы?! Революцию не совершить без жертв. Пожертвую несколькими, проникну в охранку, узнаю ее секреты,

буду полезен Революции. Так рассуждал, например, Петр Рысс с.-р. Не знаю, так ли рассуждал с.-д. Иосиф Джугашвили, но он тоже в 1906 начал (или возобновил?) свою работу для жандармов. Богров с начала революционной деятельности перешел от с.-р. к анархистам, очень быстро разочаровался и в своих сотоварищах по революции, и в методах борьбы. Мучительно стал искать новых приемов, ничего не придумал, кроме как поступить в охранку, выдал сколько-то десятков лиц (впрочем, по мелочи, никто из выданных не был казнен), прозябал года два, а когда Столыпин приехал в Киев с царем и царицей, обвел вокруг пальца своих охранных начальников и застрелил Столыпина. В эти годы провокация сидела на провокации, и не все были столь идейны, как Рысс или Богров. Сотрудники охранного отделения продавали свои секреты революционерам и историкам ради денег. Революционеры продавали своих товарищей ради спасения собственной жизни или облегчения судьбы. Верткие видели возможность заработать большие деньги, ставшие секретными агентами. И именно разоблачение провокации Азефа нанесло смертельный удар по партии с.-р. В годы 1906—1907 Азеф очень активно и точно наносил удар за ударом по партии. Именно ему принадлежат заслуга предотвращения всех покушений на царя и выдача Летучего боевого отряда ПСР. Но, работая столь эффективно, он вынужденно оставлял следы, и в 1908 Бурцев уже предъявил ЦК ПСР доказательства. В 1909 ЦК ПСР, включая Савинкова, признал факт провокаторства Азефа, в Государственной Думе прозвучал запрос к.-д. правительству, считает ли оно, мол, законным прибегать к провокации. После такой публичности партия с.-р. утратила всякий моральный авторитет.

Попытка Савинкова восстановить БО ПСР в 1909—1910 оказалась полностью неудачной. Во-первых, в БО половина боевиков на поверку были провокаторами. Но главное для Савинкова даже не это. Он, умея трезво воспринимать действительность, обнаружил, что прежние методы террористической деятельности сделались непригодными с развитием техники. Конкретно выявились два новых фактора, делавшие правительственных чиновников неуязвимыми: автомобиль и телефон. К автомобилю не подступишься так просто, как к пролетке. Если же существенно увели-

чить заряд, то будет масса невинно пострадавших, что недопустимо по революционной этике. Телефон же позволяет агентам власти сноситься между собой неизмеримо быстрее, нежели то могут заговорщики. И Савинков отказался от бесперспективных террористических попыток, вместо этого он занялся осмыслением случившегося в своих романах "Конь бледный" и "То, чего не было". Но его беспощадное к себе и к своим товарищам по партии видение реальности было освищено и с.-р., и с.-д.

В 1906—1908 за бомбы брались не только с.-р. и анархисты. Большевики тоже провели несколько неудачных попыток экспроприаций: Камо-Петросян в Тифлисе взял банк, Лбов и Мячин-Яковлев в Миассе взяли в 1909 полтора пуда золота. Ассигнации от первого экса попали к Ленину, но были с мечеными номерами, попользоваться не удалось. Золото от второго экса досталось Богданову, который не пожелал делиться с Лениным, и в результате большевистская партия развалилась в 1910. Ленин стал объединяться с Плехановым, о чем см. в следующем параграфе.

Аграрные волнения улеглись как-то сами собой, только в Эстляндии и Латгалии прокатились очень жестокие карательные экспедиции и прокатилось нечто, смахивающее на гражданскую войну, но не эстонцев (латышей) против русских, а эстонцев против местных немцев.

Проявления революции прекратились.

Изменив закон о выборах, Столыпин обеспечил неревolutionонный состав последующих Государственных Дум. Состав Третьей Думы.

Октябристы — 40%.
Националисты (русские!) — 25%.
Конституционные демократы — 14%.
Союз русского народа — 13%.
Прогрессисты — 7%.
Польское коло и т. п. — 7%.
Социал-демократы — 5%.
Трудовики — 4%.
Из общего состава 379 депутатов.

В Четвертой Думе состав такой.

Националисты (русские) — 30%.
Октябристы — 26%.

Союз русского народа — 18%.
Конституционные демократы — 15%.
Прогрессисты — 13%.
Польское коло и т. п. — 5%.
Социал-демократы — 4%.
Трудовики — 3%.
Беспартийные — 2%.
Из общего состава 377 депутатов.

Повторяем, что партийность варьировалась со временем. Достопримечательно, что при таком составе парламента партия к.-д. все-таки оставалась по сути ведущей в парламенте группой — за счет союзов, блоков, политической позиции. Это свидетельствует о высоком политическом мастерстве КДП. Конечно, по своему составу III и IV Думы более согласовывались с традиционным монархическим строем Российской Империи. Однако слишком резкий и тоже не до конца честный крен вправо привел в конце концов к тому, что в состав IV Государственной Думы попали безынициативные и не пользовавшиеся авторитетом лица, которые из-за этого не смогли встать во главе и руководить народным движением в Петрограде в марте 1917; например, октябрист Гучков просто не был избран в IV Думу. Это одна из причин исчезновения центральной власти в феврале 1917, а такое исчезновение — главное, чем отличается Русская Революция 1917 от Французской 1789 или Английской 1642.

Рекомендуем почитать: Андреев, "Былое", Горький, Грин, "Забастовки в...", "Известия Петербургского...", Мартов—Маслов—Потресов, Меллер-Закомельский, "Минувшие годы", Пастернак, Познер, "Процесс Петербургского...", Путник-Лендер, Ропшин, Рутенберг, Савинков, "Стенографические отчеты...", Хилков.

§ 2. Политические партии в 1906—1916

Перечень партий; политическая культура; к.-д. и октябристы; черносотенцы; перечень течений и фракций РСДРП; кадровая смена большевиков; финансовый вопрос; Пражская конференция; охранное отделение и большевики; персоналии — Зиновьев, Каменев, Малиновский, Орджоникидзе, Сталин, Троцкий; смена человеческого типа в среде революционеров.

Сразу после Манифеста 17 октября в России начали оформляться политические партии, претендующие на легальное признание; **продолжали** функционировать — модифицируясь — нелегальные партии; **возникли** новые, не существовавшие до революции, но порожденные ею контрреволюционные партии.

Когда дается свобода, то свободно пробуждаются самые **разные** силы и стремления, и это оборачивается порой вовсе неожиданно. Правительство **действительно дало свободу** в октябре 1905. Но дабы плодотворно воспользоваться свободой, нужна **социальная культура**, культура общения людских групп с разнонаправленными интересами и мировоззрениями. Здесь я настоятельно рекомендую читателю еще раз перечитать штату из Р. Фадеева, приведенную в конце § 5 книги I. Некоторое ясное представление о культуре социально-политического мышления даст приводимый ниже перечень наименований основных политических партий того времени. Обратим внимание, что в самоназваниях партий **левее октябристов** отражается в сжатом виде их программно-тактическое учение.

Анархисты — стремящиеся построить общество без власти.

Анархо-коммунисты — стремящиеся к коммунизму без государства.

Социалисты-революционеры — стремящиеся построить социализм посредством революции (я не вдаюсь здесь во фракции ПСР).

Социал-демократы — стремящиеся построить социализм посредством демократического движения (опять же не вдаюсь пока во фракции).

Народные социалисты — стремящиеся построить социализм, хотя здесь уже слово "народ" можно толковать по-разному; сами авторы противопоставляли всеобъемлющее слово "народ" доктринерскому сужению его до "рабочий класс", "пролетариат", употребляя "народ" скорее как синоним к "трудовой народ".

Конституционные демократы — желающие конституции и демократического государства.

Партия демократических реформ — желающие постепенно, реформами, достичь демократического государства.

Партия мирного обновления — желающие обновить Россию, но мирным путем.

Союз 17 Октября — стоящие на юридических позициях Манифеста.

Партия правового порядка — желающие спокойствия, порядка в стране, но на основе права, а не беспорядка.

Когда же мы переходим к обозрению названий более правых партий, мы видим, что те, как правило, присваивают себе названия так, словно бы их **уполномочили** говорить от своего имени те или иные классы, сословия или даже "вся страна".

Торгово-промышленная партия — как будто все торговцы и промышленники говорят лишь устами этой партии! Но ведь существовал и

Всероссийский торгово-промышленный Союз — т. е. организация, действующая якобы от имени тех же слоев, с претензией на всероссийскость. На деле эти две партии враждовали.

Союз русского народа — "уполномоченный" (кем?!), высказываться от имени всего русского народа, хотя с ним враждовал и конкурировал.

Союз русских людей — а сверх того и от того же имени вещало

Русское собрание — вполне самозванное и не разделяющее ни программных, ни тактических положений двух предыдущих "представительств" всего русского народа.

Союз землевладельцев — явным образом пытался выступать от лица тех, от чьего имени совсем иное заявлял

Союз объединенного дворянства — не включавший, однако, в себя множество дворян, князей и графов,

активно действовавших в земском движении и пошедших "левее октябристов" (см. списки в § 5 и 15 кн. I).

На фоне таких самозванных и безмерно широких названий партий правого крыла политического спектра, скрывавших свою направленность, цели и методы, приятным исключением звучит наименование

Общество активной борьбы с революцией и анархией — чей основатель Дезобри (какой-нибудь француз?) не выдает себя ни за чьею уполномоченного, а четко формулирует цели и средства Общества.

Проведенное исследование одних лишь наименований партий приводит к умозаключению, что "левее октябристов" обладали большей социально-политической культурой, нежели "правее октябристов". Это естественно: ведь партии "левее октябристов" были **менее массовыми**, нежели "правее", а массы, как отмечал Р. Фадеев, были дремучи и некультурны в политическом отношении. Как сказано в § 1, поначалу революционеры воображали, будто бы "черносотенные погромы" — дело происков правительства, которое "обмануло" народ, "спровоцировало" его. Это — первое пришедшее на ум объяснение. Логика, в которую тут впали революционеры, — простая и ясная логика. Это та логика, которая жаждет искать во всем неприятном, чудовищном, ужасном чьи-то козни, происки. Невозможно, чтобы **само по себе, естественно** возникло бы то, что для меня столь дико и кошмарно, значит, **кто-то умышленно** придумал это, дабы мне навредить. Если я признаю естественность **такого**, то мне надо полностью менять свой способ мышления. Как невежественное мышление, не вмещавшее возможности, чтобы **власть была не права**, искало объяснений революционному движению в том, что это де происки японцев, масонов, жидов, антихриста, — так революционное мышление, не вмещавшее возможности, чтобы **народ был не прав**, искало объяснений черносотенному движению в том, что это, мол, происки полиции и правительства. У этих "объяснений" различная терминология, разные сферы мышления, но они изоморфны.

Этимологически название "черная сотня" восходит к названию простонародных кварталов Новгорода Великого. Те "сотни" Новаграда, где живут "худые", не богатые "людишки". В 1611—12 Козьма Минин для спасения отечества в Смутное Время возглавил именно

"Черную Сотню". И в 1905 это название противопоставлялось названию "красная сотня" — так назывались революционеры.

Потребовалось немало времени — пара лет, а это долго для бурных периодов, — чтобы разные революционные деятели осознали, что не "козний" правительства, а с самого низу идущие глубоко демократические соки питают черносотенное движение. Струве и Бердяев постигли это в 1908 в "Вехах":

Между нами и нашим народом иная рознь. Мы для него не грабители, как свой брат деревенский кулак. Мы для него не просто чужие, как турок или француз. Он видит наше человеческое, именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души. И потому он ненавидит нас страстно и, вероятно, с подсознательным ужасом тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться мы его обречены пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной.

Тут спорны некоторые мысли: например, будто бы народ не чувствует "человеческой души" именно в интеллигенции. А тамбовский мужичок чувствовал ли "человеческую душу" в питерском рабочем? Или наоборот? Спорна мысль о "слиянии" как о чем-то бесспорно хорошем и идеальном. Но я привел эту цитату не ради полного ее обсуждения, а лишь для того, чтобы отметить, что Бердяев осознал **народный характер** черносотенного движения. И для того, чтобы констатировать, что Бердяев доразвился до мысли Фадеева, что "у нас все держится одной только правительственной склейкой", "одною полицией". В 1913 Ульянов тоже доразвился до этого понимания:

В нашем черносотенстве есть одна, чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий.

Соответствующие партии — Союз Русского Народа, Союз Русских Людей и их ответвления — возникли поначалу не как партии, а как **движение**. Через пару лет оно оформилось в партии, которые имели свое представительство в Государственных Думах, начиная с Третьей (от 1/6 до 1/3 мест). Они действовали то легально, то нелегально, царь иногда присылал им

приветственные телеграммы или поощрительно отвечал на их верноподданнические обращения к нему. Известнее всего из их деятелей имена Дубровина и Пуришкевича. Как и другие, эти партии претерпевали расколы и слияния; так, одно время Пуришкевич возглавлял Палату Михаила Архангела, порвав с СРН. В политическом спектре эти партии располагались на крайне правом фланге, значительно правее правительства и порой даже находились в оппозиции к правительству. Они настаивали на полной отмене Манифеста 17 Октября и на возврате к неограниченному самодержавию.

Из перечисленных выше партий новы и важны две: КДП и октябристы. Обе они возникли в ноябре 1905 на базе земского движения. Практически все члены Союза Освобождения оформились как Конституционно-демократическая партия. В конце 1905 — начале 1906 это была многочисленная и обильно представленная в Государственной Думе партия. Добиться полной легализации (= "регистрации", как выражаются сейчас) ей не удалось, ни сразу, ни позднее. На первых порах царские представители даже вели с к.-д. переговоры, предлагая тем войти в правительство или даже возглавить его, но в последующие годы влияние к.-д. падало. Во-первых, сельское дворянство — база земского движения — отвернулось от революционных идей в результате поджогов и разграблений 1905. Во-вторых, измененный Столыпиным закон дал КДП меньшинство в Думе. В-третьих, ориентация Столыпина на октябристов подняла авторитет октябристов, и после 1907 решающая роль при голосованиях в Государственной Думе принадлежала Союзу 17 Октября. В-четвертых, огромный урон партии нанесло Выборгское Воззвание. Его подписали **самые активные** деятели КДП. За это их позже судили. И хотя приговор был мягким (штраф, неделя ареста), сам факт **судимости** запрещал им выставлять свои кандидатуры на выборах, так что в думах действовали "второстепенные" к.-д.

КДП и октябристы сходились на мысли, что революционное движение кончилось, **должно** кончиться, длиться ему нет причин и оправданий. Завоеваны все те права, которые нужны человеку для нормальной жизни, для человеческого достоинства, для правильного функционирования государства. Те ненормаль-

ности — забастовки, аграрные волнения, бомбы, — которые можно было еще терпеть или даже поощрять, пока речь шла о завоевании неотъемлемых человеческих прав, теперь уже ничем не оправдываются. (Примечательно, что и ПСР постановила приостановить террор после 17 октября и возобновила его лишь после карательных ужасов Ранненкамппа и Меллер-Закомельского). Ежели кто верует, будто России нужен социализм (ни к.-д., ни октябристы в это не веровали), то пусть он **мирным** путем, пропагандой, профессиональными объединениями и т. п. средствами социального диалога — ныне не возбраняемыми — добивается своих целей. Расхождение между к.-д. и октябристами заключалось в следующем: к.-д. полагали, что теперь, когда России даны парламент и свободная пресса, причем **остается** монарх, надлежит реальную власть от монарха **переместить** к парламенту. На манер английской монархии. И давление со стороны нелегальных революционеров **помогает** такому перемещению. Октябристы же вышли преимущественно из земцев-славянофилов. Они полагали, что и при наличии парламента все-таки **решающая** роль должна принадлежать монарху, ибо такова специфика русской земли. Революционеры только вредны, сначала нужно успокоение, потом реформы.

Про развал ПСР мы уже писали, в подробности входить не станем. А вот про РСДРП придется писать подробнее из-за того значения, которое приобрели некоторые ее деятели впоследствии. В годы же 1910—1914 никакого серьезного значения в стране эта партия не имела. Сначала перечислим без дальнейших подробностей те основные фракции, которые существовали в РСДРП к 1912, когда прошли подряд две, направленные друг против друга, "объединительные" конференции — в Праге и в Вене.

1. **Ликвидаторы**, которые настаивали, что центр деятельности должен находиться в **легальных** организациях, вроде профессиональных союзов или единой рабочей партии, а нелегальная, да еще руководимая эмигрантами, с.-д. партия является анахронизмом.

2. **Голосовцы** — те меньшевики, которые группировались вокруг нелегального журнала "Голос социал-демократа".

3. **Правдисты** — те меньшевики, которые группировались вокруг нелегальной газеты Троцкого "Правда", издававшейся в Вене.

4. **Ленинцы** — те большевики, которые группировались вокруг нелегальной газеты "Социал-демократ". К 1911 они стали в ее редакции бесспорными хозяевами.

5. **Отзовисты** — те большевики, которые группировались вокруг нелегальной газеты "Вперед". Иначе называются **богдановцы**.

6. **Большевики-примиренцы** — те большевики, которые работали не в эмиграции, а в самой России и которые не приняли участия в Пражской конференции.

7. **Меньшевики-партийцы** — преимущественно многочисленные личные сторонники Плеханова, для которых самое главное было **сохранить нелегальную с.-д. партию**.

8. **Националы** — т. е. с.-д. из западных окраин, преимущественно Польши. Из них наиболее важную роль играла партия Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), которая одно время даже получала денежную дотацию от группы 4. К этой же рубрике можно отнести Бунд, хотя в описываемое время он играл гораздо меньшую роль, нежели десятью годами раньше.

Если во Вторую Государственную Думу с.-д. входили числом несколько десятков, то в III и IV их число в Думе никогда не превышало 15 человек, причем непременно один депутат от большевиков был провокатором охраны (Шурканов, смененный Малиновским). Так как выборы в Думу были не прямые, а по куриям, то предварительные политиканские соглашения обеспечивали большевикам всегда примерно одинаковое число депутатов (пять-шесть) в III и IV Думах. С 1912 в Петербурге выходила легальная газета "Правда", выпускавшаяся большевистской редакцией; во главе редакции стоял провокатор охраны Черноматов. Общий объем деятельности большевиков неплохо отражается таким финансовым показателем: за полтора года (1912 и половину 1913) весь бюджет ЦК большевиков уложился в примерно две тысячи марок. Сравните стоимость выпуска **одного** номера "Искры" в 1902—1904 — около трех тысяч марок.

Как известно, в историографии присутствуют три точки зрения относительно даты рождения большевистской партии: Ленин называл датой рождения 1903 год, т. е. II съезд РСДРП. Собственно, если быть

буквально точным, то Ленин датировал не рождение партии как организации, а рождение большевизма как течения; это смазано у казенных историографов. Сталин называл датой рождения партии 1912 год, конкретно Пражскую конференцию. Троцкий называл датой рождения партии 1917, конкретно Петроградский съезд РСДРП(б). Я думаю, что здесь ближе всего к истине Сталин. По-моему, датировать рождение партии большевиков следует 1910—1912 годами.

Именно в эти годы разорвалась персональная преемственность между теми, кто называл себя большевиком до 1910, и теми, кто называл себя большевиком после. Большевики до 1910 это: Алексинский, Богданов, Войтинский, Гастев, Десницкий, Дубровинский, Красиков, Красин, Кржижановский, Любимов, Лядов, Ногин, Носков, Рожков, Румянцев, Рыков, Сокольников, Шанцер. Они вели в России революционную деятельность, из них формировался ЦК или большевистская часть ЦК. В Ленине они видели полезного эмигранта-литератора, но когда он чересчур уж "перегибал", то принимали постановления, запрещавшие ему публиковать статьи без предварительного одобрения их содержания Центральным Комитетом, т. е. Красиным. И уж во всяком случае, в **практических вопросах** с ним не считались: устраивали партийные школы там, где им удобнее было (на Капри), **вопреки** желанию Ленина и т. п. Почти все названные лица и многие другие либо отошли от политической деятельности вообще, либо от большевистской организации именно около 1910. Наоборот, после этой даты резко возрастает влияние в партии и личная дружба с Лениным Зиновьева и Каменева.

Оба они были моложе Ульянова на 13 лет, т. е. выглядели бесспорными учениками, а не соперниками. Оба в с.-д. движении с 1901, т. е. выросли на статьях Ленина в "Искре". Зиновьев (Григорий Евсеевич Радомысльский) — сын молочника из Елисаветграда, а что такое еврей-молочник, — читайте Шолом-Алейхем "Тевье-молочник". Он в 1905—07 входил в состав Петербургского комитета большевиков (в Петербурге тогда действовало несколько с.-д. комитетов), с 1907 и до 1927 он непрерывно входит в ЦК большевиков. Как член ЦК, он в августе 1908 возглавлял Комиссию по расследованию "клеветы" со стороны меньшевиков

на большевиков, якобы большевики прибегают к таким запрещенным резолюциями съездов РСДРП приемам, как денежные экспроприации и индивидуальный террор. Естественно, что комиссия пришла к заключению, что все это наглая клевета со стороны меньшевиков, что Камо-Петросян никакого отношения к большевикам не имел. С 1908 Зиновьев в эмиграции, практически всегда рядом с Ульяновым, они часто пишут совместные работы. Зиновьев рано женился на Лилиной, но развелся с ней после Гражданской войны. Очень худой, даже тощий.

Каменев (Лев Борисович Розенфельд) был впервые арестован еще студентом в 1902, т. е. в 19 лет. Из Москвы перебрался на Кавказ и, конечно, через Алилуева познакомился с Джугашвили. Был делегатом и III съезда весной 1905, того самого, где как архиактуальная задача выдвигалось немедленное вооруженное восстание, и Лондонского съезда весной 1907, где тоже принята резолюция о практической организации такого восстания. С 1908 тоже в эмиграции. Входит в редакции газет "Пролетарий" и "Социал-демократ". Ему поручается тонкая работа: он делегируется от Ленина в состав редакции "Правда", что издается в Вене Троцким. То есть Троцкий-то не должен знать, кем делегирован Каменев, для Троцкого это просто новый активный сторонник. Каменев вполне годился для такой роли, ибо он едва ли не наизусть знал сочинения Макиавелли, обучил им и Джугашвили, и Ульянова.

Замечу попутно, что в политологии известна такая тактика "энтризм". Название дано по искаженному произношению французского слова "entrer" — входить. Другое название тому же "инфильтрация", но Троцкий пользовался первым термином. Энтризм заключается в том, что представители какой-либо партии тайно, скрывая свою принадлежность к этой партии, входят активными членами и даже в руководство другой политической партии, может быть родственной, может быть совсем враждебной. Это не то, что "инфильтрация", "разведка", "осведомительство". Нет, суть именно в том, чтобы **активно функционировать** в рядах чужой партии, не склоняя ее на позиции своей родной партии, а в духе именно чужой партии. Так завоевывается авторитет у чужих, а в "решительную минуту" можно, опираясь на этот авторитет, блокиро-

вать или взорвать изнутри эту чужую партию. Чаще всего энтризм осуществлялся в рамках с.-д. течений, но в годы Гражданской войны тоже были эффективные примеры красного энтризма в рядах зеленых. Первое упоминание о такой тактике у большевиков встречается в резолюциях о военных организациях в 1905. Троцкий был убежденным сторонником энтризма.

Вернемся к Каменеву. В 1914 он назначается — нелегальным — руководителем думской фракции большевиков. Будучи арестован, он отмежеввался от пораженческой (во время войны с Германией) программы большевиков, поэтому не был судим по законам военного времени, а всего лишь был сослан в Ачинск. Там он много общался с Джугашвили, учил его политической мудрости. Надо сказать, что Каменев производил на большевиков в России приятное впечатление, пользовался влиянием, и даже его практически покаянисто-отречение на суде не подорвало его авторитета в партии. Каменев женился довольно рано на сестре Троцкого Ольге Давидовне Бронштейн, имел от нее двух сыновей. Лицом Каменев — даром что еврей — походил как вылитый на Николая II. Я думаю, что в них обоих основная кровь была немецкой.

Одной из главных причин разрыва с Богдановым — Красиным — Луначарским был денежный вопрос. Всякому принимавшему участие в нелегальном движении известно, какое громадное значение имеет **финансирование**. Человеку, находящемуся на нелегальном положении, надо питаться, одеваться, часто и быстро — т. е. дорого — перемещаться, слать телеграммы, переходить границу, т. е. платить контрабандистам. Бумага стоит денег, типографии стоят денег, бомбы стоят денег, а еще взятки надо полиции давать, да и приходится ради конспирации ходить в рестораны. Откуда взять деньги? Конечно, мама может найти денег, чтобы сунуть кому следует, дабы ее сына отправили в ссылку не по этапу, а за свой счет. Но даже мама с ее земельной собственностью не может прокормить партию. Даже папа-купец Михаила и Абрама Гоца не мог бы финансировать всю ПСР, хотя он и отдал сотни тысяч. Революция стоит денег, и немалых. Эта сторона истории партии еще не проработана историографами, и здесь можно ожидать сенсационных находок. Коснемся только некоторых

эпизодов, надежно зафиксированных в "Ленинских сборниках" и т. п.

Ну, охмурили полусумасшедшего фабриканта С. Морозова, но отдавались эти деньги **всей РСДРП**, а не одним большевикам... Удалось, правда, выманить у несовершеннолетнего братишки фабриканта Шмита (не путать с лейтенантом Шмидтом!) несколько десятков тысяч. История вкратце — а она заслуживает и романа на манер "Бесов", и водевиля, и поэм — такова. Умирая в начале 1906 в тюрьме за содействие рабочим своего завода во время декабрьского восстания в Москве, капиталист Шмит (сам сравнительно недавно ставший из студентов капиталистом по смерти своего отца, настоящего промышленника) устно завещал своим младшим сестрам и брату продать завод и все полученные деньги передать партии с.-д. Его 12-летний брат считал это завещание священным, но его 18-летняя сестра не столь жаждала всего лишиться. Однако по российским законам того времени мужчина имел решающий голос. Конечно, юридически такое завещание имеет нулевую силу. Напротив, кабы стало известно, что завод продается для оказания помощи **преступной** организации, то продажу бы запретили. Однако элементарная порядочность воспрепятствовала сестре (собственно, сестрам) действовать юридически, "донести на брата". Ничто не воспрепятствовало помощнику присяжного поверенного совместно с еще тремя зрелыми мужами добиться встречи с мальчишкой (тот был один), где неоступными уговорами, не оставляя его ни на миг, добились от него согласия отдать эти деньги. У истории было много продолжений, о которых читайте в воспоминаниях В. К. Таратуты и в "Ленинском сборнике" § 28.

Но вот Богданов нашел новый способ финансирования: экспроприации. Однако после баснословно удачного (хотя все боевики, кроме троих, были арестованы) взятия золота в Миасе львиную долю добычи не отдал Ульянову, а истратил на основание партийной школы на Капри, на внутрипартийные расходы и т. п. Тот обиделся. А тут возникла ситуация, когда немецкая социал-демократия получила крупную сумму, которую должна была передать РСДРП только через Плеханова. Плеханов люто ненавидел Богданова: Плеханов считал себя философом и с 1902 обвинял

Богданова (и тем самым его партийных союзников от Алексинского до Ленина) в отходе от "марксистской философии", в увлечении классово-чуждой философией эмпириокритицизма, сползаний к махизму и т. д. Его ученица Л. А. Аксельрод строчила об этом книжку за книжкой. Ленин, сколько мог — в философии ему было разбираться недосуг — защищал Богданова от нападок Плеханова, большевики высмеивали плехановское увлечение "диалектикой". Теперь, когда получить деньги можно было только при доброжелательном отношении Плеханова, он одним ударом гениально убивает двух зайцев: обрушивается на негодника Богданова, отмежевывается от Богданова в глазах Плеханова и повторяет как само собой разумеющуюся истину некоторые формулировки Плеханова. Поворот от Богданова к Плеханову вызвал отпадение от Ленина едва ли не всех старых самостоятельных большевиков; даже Рыков не поехал на Пражскую конференцию, а Алексинский так стал лютейшим лениноненавистником. Красин вовсе отвернулся от революционной деятельности. Из союза с Плехановым тоже ничего не вышло толком, хотя кое-какие деньги удалось получить, пользуясь тем, что казначеем был большевик. Правда, потом пришлось часть полученной суммы депонировать у Каутского. Зато удачная экспроприация в Тифлисе резко повысила роль Грузии — т. е. Джугашвили и Орджоникидзе — при Ленине.

Джугашвили (Коба, Сталин) Иосиф, номинально сын сапожника Виссариона, фактически незаконный сын, причем т. к. на его воспитание присылались деньги, то факт незаконности был известен и влиял на становление личности. Другим обстоятельством укреплявшим комплекс неполноценности и зависти, были физические уродства: рост метр сорок семи, рябой, ненормальные пальцы на левой ноге, высохшая левая рука. Родился в декабре 1879, небогатым. Окончил Горийское духовное училище в 1894, учился в Тифлисской православной семинарии, но в 1899 оттуда изгнан. По одной версии — за революционную деятельность (он уже в 1898 вошел в Месаме Даси ("Третья сила") — либерально-националистическая грузинская организация), по другой — потому что начальство не пожелало держать в своих стенах стукача, по

третьей — потому что родственники настоящего отца перестали платить за его обучение; есть и иные версии. Ему пришлось даже поработать вычислителем-наблюдателем Тифлисской физической обсерватории, писал он и стихи. С 1901 — на нелегальном положении, ведет деятельность в Тифлисе и в Батуми, попадает в ссылку в Иркутск. По мнению Лохвицкого, первые контакты Джугашвили с охранным отделением относятся к 1902, когда он прибег к помощи жандармов, дабы убить своего соперника Кецховели. По некоторым документам, сохранившимся в СССР и своевременно выкраденным из архивов до того, как основное архивное дело было фальсифицировано, Сталин сотрудничает с охранкой с 1905. "Сведения, доставлявшиеся Джугашвили, были точны, но отрывочны", к 1911 отходит от сотрудничества. В 1906—07 участвовал делегатом на Стокгольмском (Объединительном) и Лондонском съездах РСДРП, в 1908 арестован и сослан в Вологду, бежит, в 1910 арестован в Баку и сослан в Сольвычегодск, в 1912 делается членом ЦК РСДРП(б), в 1913 сослан в Туруханск, где много жил вместе со Свердловым. Был женат на Сванидзе, имел от нее сына Якова. Он очень любил жену, но она была настроена резко против его революционной деятельности, была богомольна. Умерла около 1910. В ссылке, кажется, прижил сына от якутки. На примере биографии Сталина видно, как много историки не знают, когда речь заходит о персоналиях руководящих деятелей большевиков, какие обширные и глубокие фактические исследования предстоит провести, прежде чем можно будет выбирать между различными художественно-философскими версиями.

Орджоникидзе Георгий Константинович родился в Кутаисской губернии, как и Джугашвили, но в 1886. С семнадцати лет большевик, ведет активную работу в Баку в 1907, посредничает между Камо и Лениным, в 1911 возглавляет Российскую Организационную Комиссию по созыву Пражской конференции, в 1912 входит в ЦК РСДРП(б), почти сразу арестован. Несколько лет провел в Шлиссельбургской тюрьме, потом сослан в Якутск. Очень вспыльчив.

Вот один из эпизодов Пражской конференции, характеризующий людей как людей. От Москвы прибыл

на конференцию меньшевик Малиновский 1876 года рождения, металлист, с 1906 по 1910 секретарь правления Союза Металлистов, с 1906 сотрудник охранного отделения (попался на обычной краже и поддался шантажу). Но про последнее, конечно, вслух ничего не известно. Малиновский прибывает с императивным мандатом своих избирателей голосовать **против** Ленина. Так он и заявляет вечером. Ночью Ленин обхаживает его, обещает сделать его членом ЦК, депутатом Государственной Думы (вскоре предстоят выборы в IV Думу, а при системе голосований по куриям — сейчас выразились бы "от общественных организаций" — можно ручаться за некоторые мандаты). Тогда наутро Малиновский объявляет себя большевиком. Его избирают членом ЦК. Однако с опозданием приезжает член ЦК Шурканов, тоже от Москвы, но большевик; как раз на его место избран Малиновский. Шурканов — депутат III Государственной Думы. Дабы Шурканов про свое смещение не узнал,

...приходилось то устраивать заседания ЦК вместе с Полетаевым, но без Шурканова, то вместе с Полетаевым и Шуркановым, но без Малиновского. Шурканов, конечно, не должен был знать о том, что заседают без него, —

с эпическим спокойствием вспоминает Пятницкий-Тарсис.

Вот такое податливое ЦК, готовое инсценировать свои собственные заседания, стало возможно только без Богданова, Красина, Рожкова, Румянцева, Рыкова. Поэтому прав был Сталин, датируя рождение большевистской партии 1912 годом. Осталось нанести последний мазок: Шурканов тоже был **provokatorom**, старательно осведомлявшим охранку обо всем. То-то, небось, полковник Спиридович потешался, читая про инсценировки заседаний ЦК! А может, напротив, — он, воспитанный еще в нормах внеклассовой морали, не верил донесениям своих агентов, считая это небылицей? Ведь, в самом деле, легко ли поверить такому?!

Малиновский действительно стал председателем думской фракции большевиков в IV Думе, произносил громовые речи, Ленин величал его "русским Бебелем". Когда Бухарин пытался передать Ленину слухи, что Малиновский провокатор, отмахивался: Бухарин-де падок на сплетни и дьявольски неустойчив в политике.

Но когда в мае 1914 жандармский генерал Джунковский сообщил председателю Государственной Думы октябристу Родзянко, что Малиновский провокатор, то Родзянко вызвал Малиновского и велел не сходя с места написать отречение от депутатского мандата и убраться из России в 24 часа — под угрозой публичного разоблачения. Малиновский подчинился, бежал. Похоже, что Ленин до июня 1917 не верил в провокаторство Малиновского.

Сверх Малиновского в думскую фракцию большевиков входили Бадаев, Петровский, Самойлов и Шагов. И когда, например, к.-д. вносили законопроект о свободе слова, в котором фигурировали оговорки вроде "митинги нельзя устраивать на полотне железной дороги", то вскакивал Бадаев и обличал продавшихся буржуазии и царизму кадетов, которые ограничивают свободу слова, ибо свобода не знает и не должна знать никаких ограничений...

Нельзя сказать, чтобы большевики полностью отсутствовали на политической карте того времени. Когда в начале 1914 прогрессисты (новая партия, выделившаяся из Союза 17 Октября) созвали совещание с целью координации действий всех политических партий для оказания давления на правительство ради достижения ближайшего требования — полной реализации Манифеста 17 Октября, на этом совещании присутствовали и левые октябристы, и к.-д., и народные социалисты (трудовики), и несколько фракций РСДРП, в том числе большевики. Как поясняет советский историограф:

...кратковременное участие Скворцова-Степанова было исключительно связано с интересами финансового порядка — попытками большевиков получить от московских капиталистов-прогрессистов средства для очередного съезда партии.

На что не пойдешь ради денег для партии... Вот другое упоминание их на политической карте:

циркуляр департамента полиции от 16/IX—1914,
ша 190791.

Начальникам губернских и областных жандармских управлений, отделений по охране общественной безопасности и порядка и т.г. офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыском.

Поступающие из партийных агентур сведения указывают на стремление, проявленное в последнее время в среде российской

социал-демократической рабочей партии, к объединению различных существующих в таковой партии течений в целях как общего усиления партии, так и для придания всем последующим ее активным выступлениям большей плановости, энергии и полной согласованности в действиях. Учитывая исключительную серьезность настоящего намерения и всю нежелательность осуществления такового, департамент полиции считает необходимым предложить начальникам всех розыскных учреждений безотлагательно внушить подведомственным им секретным сотрудникам, чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было организационного слияния этих течений и в особенности объединения большевиков с меньшевиками”.

Директор Департамента полиции Брюнн де Сент-Ипполит был озабочен ростом и влиянием так называемого Междурайонного комитета РСДРП, попросту — “межрайонцы”. Этот комитет — результат трансформации так называемого Августовского блока, созданного на Венской конференции РСДРП в том же 1912, но не в январе, а в августе. Душой этого блока (и межрайонцев) был Бронштейн-Троцкий, главной заботой которого всегда было **единство партии**. Он избегал входить в какие бы то ни было фракции с их фракционной дисциплиной. Был он практически ровесником Джугашвили — старше его на два месяца, но лишен всех психических комплексов, присущих тому. В самом деле, отец его был **помещик** — в Таврической губернии евреям дозволялось владеть землей, а не сапожник и не молочник. Учась в реальном училище (вышиблен), был **признанным лидером**: издавал школьную газету, писал пьесы, организовал Николаевскую с.-д. организацию (“Южнорусский рабочий союз”), не успевши прочесть **ни одной** с.-д. книжки, как сам же и признавал! В 19 лет был арестован впервые, отделался легко. С 1901 работает для “Искры”, причем в ней выполняет роль “дубинки Ленина”, которою Ленин расправляется с непокорными, по крайней мере, по отзывам непокорных. Арестован, бежит из Иркутска в Самару. Но на II съезде (1903) не входит во фракцию Ленина, что передается советскими историографами как “присоединился к меньшевикам”, но что неточно, ибо Троцкий объявляет фракционную грызню недопустимым недоразумением и не входит ни в какую фракцию. Как он позже сформулировал: внутрипартийная дискуссия ведется не ради отсечения группы товарищей, а ради

установления взаимопонимания в партии. Когда он тоже не смог переносить далее плехановского характера и ушел из "Искры", уже меньшевистской, он настаивал, чтобы его друг Мартынов, тоже собиравшийся порвать с Плехановым, **остался** бы в редакции; что тут усматривать — заботу об единстве, заботу об общем деле или же энтризм — предоставляется мере испорченности читателя. Его деятельность в Петербургском Совете уже расписана. В это время он создал теорию перманентной (= непрерывной) революции: революция в одной стране непрерывно (в историческом масштабе) перерастает в революцию в других странах и во всемирную; революция буржуазно-демократическая (т. е. ограничивающая или свержающая царя) непрерывно и неизбежно переходит в революцию социалистическую (повторяю, что тогда "социализм" и "коммунизм" были синонимами). В январе 1910 он возглавлял тот Пленум ЦК РСДРП, который принял решение о ликвидации Большевистского Центра и газеты "Пролетарий" — большевики не подчинились, конечно. С октября 1910 Троцкий повел кампанию за объединение РСДРП. В это время к нему примыкают и обильно финансируют Иоффе (сын купца) и Скобелев (сын бакинского нефтепромышленника), он издает "Правду" в Вене, а также принимает участие в балканской войне, где, в частности, контактирует с Гачиновичем — деятелем из тех кругов, к которым принадлежал Принцип, убивший эрцгерцога Фердинанда в 1914. Усилия Троцкого по воссоединению РСДРП увенчиваются в августе 1912, когда в Вену съезжаются 30 делегатов (в Прагу прибыло только 20), провозгласивших единство (газета "Луч"). К началу войны идея Троцкого об единстве завоевала даже Плеханова, хотя именно в вопросах войны они резко разошлись, но об этом позже. Ленин, который точно и всегда знал, что, "прежде чем объединяться, надо размежеваться"¹, относился к словам Троцкого насчет единства как к раздражающему пустословию и обзывал Троцкого "иудушкой", имея в виду щедринского Иудушку-Порфирия Головлева, невежду, сутягу, лицемера, лгуна и пустослова. Позже, в сталинские времена, слову "иудушка" стали придавать смысл предателя Иуды, продавшего Христа-Сталина. Троцкий был женат на

¹ Впрочем, кажется, это формула Милюкова.

дочери полярного исследователя Седова, уже до революции имел от нее двоих сыновей. После 1906, кажется, в России не бывал до мая 1917.

С 1914 жил во Франции, откуда выслан в 1916 за антивоенную пропаганду в Англию, где тоже был арестован за пацифистскую деятельность.

В годы 1905—1910 меняется и сам духовный тип лиц, входящих в революцию. Мы видели в § 6 кн. I, что в семидесятые годы революционерами становились преимущественно дети дворян, движимые хомяковским импульсом "Господь, прости! Господь, прости!" лишь с заменой "Господь" на "Народ". "Иди и гибни — дело прочно, когда под ним струится кровь". После же 1905, в значительной степени из-за относительной широты революционного движения, из дворянского ставшего всеобщим, **трудное дело революционного подвига** сменяется **облегченной работой быстрого достижения революционного результата**. Вот пример, где хорошо просматривается стык двух революционных поколений. Зимой 1905 во время неудачного восстания в Горловке (Донбасс) в руки полиции попал тяжело раненный с.-д. большевик Марк Шайтлендер, известный под псевдонимом Кузнецов-Зубарев. Луганская организация отрядила Ворошилова вызволить Кузнецова-Зубарева из тюремной больницы. Тот проделал подготовительную работу, опоил стражу снотворным и проник в палату Кузнецова-Зубарева:

Я спросил, готов ли он.

— А что солдаты? — поинтересовался Кузнецов-Зубарев. — Они приняли снотворное, не погибнут ли они?

Я не стал отвечать на эти пустые вопросы и попросил его быстрее одеваться...

Однако "пустые вопросы" для старого революционера-подвижника значили больше, нежели победа революционной организации, чем своя собственная жизнь. Он **отказался** идти с Ворошиловым. Позже, уже без такой помощи, он самостоятельно убежал-таки. В 1909 был повешен. А о Ворошилове, для которого с 1905 до 1971 все эти вопросы были пустые, — о нем в досталь мы поговорим в следующих книгах.

Несколько позже подобный же эпизод случился и у Микояна. Когда осенью 1918 пароход с Шаумяном, Джапаридзе и прочими бакинскими комиссарами у-

стремился из Баку в Астрахань, пассажиры — беженцы от турок — взбунтовались: не хотим в голодающую Астрахань! Заворачивай в Красноводск, где культурные англичане! Совсем недавний революционер Микоян предложил: установить диктатуру, покидать на борт для острастки нескольких пассажиров, и никто не пикнет, поедут в Астрахань за милую душу! А старый революционер Алена Джапаридзе тихо молвил: "Ты что, с ума сошел — людей за борт кидать?!" Его поддержали Шаумян и другие большевики, и пароход повернул к Красноводску, где через несколько недель Джапаридзе, Шаумян и еще 24 человека (исключая Микояна — ведь он действует эффективно) были расстреляны, о чем будет рассказано в следующей книге. Те, кто выстраивают примую линию от бесовщины Нечаева к сталинским ужасам, забывают про слишком многие подробности, про факты вроде этих двух.

Странными, неисповедимыми ходами движется психика. Вот Богров, разочарованный и деятельностью с.-р., и метаниями анархистов, и охранной службой (после разоблачения двойной роли Азефа провокаторов в охранке стали утеснять), уже вроде бы начинал смиряться с необходимостью "жить как все". Но в сентябре 1910 умирает Муромцев, председатель Первой Государственной Думы, вождь КДП, — и по Петербургу, а затем по всей стране прокатываются демонстрации, чтущие его память. Не успели они шуметь, как умирает Толстой, эту смерть бурно переживает вся Россия. В декабре же в знак протеста против чего-то кончает с собой каторжанин Сазонов, убивший Плеве. И в его честь вспыхивают крайне острые — хотя и менее численные — беспорядки. Все это действует — с запозданием, покамест докатится до Киева — на душу Богрова, он вспоминает, что не совсем единым жив человек, и активизирует поиски путей, на которых мог бы исполнить свой долг революционера. В 1911 это ему удается. Но поделиться ему не с кем, получить санкцию от ЦК или БО ПСР он и не помышляет: он-то лучше других знает, сколько там может оказаться провокаторов! А единственный из вождей ПСР, Егор Лазарев, из народовольцев, слушает исповедь Богрова скептически, не веря в серьезность замысла мальчишки, забывая рассказанное Богровым на следующий же день как незначимое.

Рекомендуем почитать: Аврех, Белый, "Вехи", "Каторга и ссылка", Курлов, Лаверычев, Ленин, "Непролетарские партии...", Поссе, Пятницкий, Фалькович, Цветаева А., Цветаева М., Цявловский.

§ 3. Мирная передышка

*Кратковременность передышки;
достижение основных целей;
царь, буржуазия, рабочий класс, помещики,
администрация, премьер Столыпин;
свобода прессы; образование; армия; серебряный век;
техника изменила общественные отношения;
"Вехи"; интеллигенция*

Период 1908—1914 — семь лет русской истории — труднее писать, нежели 30 лет царствования Николая I, или 35 лет царения Екатерины II, или 20—25 лет владычества Сталина. Там, на большом промежутке времени, легко отличить временные явления от устойчивых тенденций, отмежевать привходящие обстоятельства от краеугольных камней вечности. Здесь же все смешалось: долговременное законодательство, плоды которого, по замыслу, должны сказаться через 30—50 лет, — и сиюминутные акции по замирению вчерашних волнений. Сколько историков — столько прогнозов: **во что** вылилось бы усмирение революции в 1907, кабы, во-первых, Столыпин не был бы убит (вариант — не поссорился бы с царицей), во-вторых, кабы Распутина кокнули бы лет на десять раньше (возможны варианты), в-третьих, не случилось мировой войны, в-четвертых, не страдал наследник престола гемофилией, в-пятых... в-шестых... Пожалуй, из серьезных историографов ни один не допускает только прогноза, что в России установилось бы социалистическое правительство. На такой выверт судьбы не рассчитывали даже социалисты: Ленин, выступая перед швейцарскими социалистами 22 января 1917, вздыхал, что ни он, ни его слушатели не доживут до победы социализма. Повторяю, даже добросовестные историки расходятся в оценке периода 1908—1914, а уж про романистов, поэтов и философов и заикаться нечего. И я даю свою импрессионистскую оценку ему.

Прежде всего, следует признать, что **основные** жизненно необходимые домогательства всех участников тогдашнего исторического процесса **были достигнуты**: царь остался у власти, сохранив в основном прежний круг лиц, с которыми ему приходилось общаться; сохранив в своих руках легальную и фактическую власть, превосходившую реально правовые возможности всех прочих общественно значимых сил в стране. В терминах "разделения властей" (см. § 3 кн. I) громадность власти, оставшейся у царя, выражается формулой: "Личная уния власти исполнительной, военной и духовной" или армейской формулой: "За Веру, Царя и Отечество!"

Буржуазия отвоевала полную независимость экономической власти, отменяла зубатовско-патерналистские популистские вмешательства правительства в экономические отношения, получила реальную свободу выявлять и отстаивать свои интересы (свобода ассоциаций, прессы, торговли; представители в Государственной Думе).

Рабочий класс завоевал свое законодательное отделение от крестьянства, обрел право на профессиональные ассоциации (легальные профсоюзы), существенно повысил свой жизненный уровень. После первых 10 лет царствования Николая II средняя продолжительность рабочего дня уменьшилась на два часа, квалифицированный петербургский рабочий, как правило, к 50—55 годам сколачивал капитал, достаточный, чтобы купить собственный дом и жить с семьей остаток жизни, не работая по найму. Кстати, зарплаты рабочего, как правило, хватало на прокорм семьи при неработающей жене. Примечательно, что как раз по этой причине ушел в революцию Ворошилов. Он вспоминает, что в их семье сложилась ситуация, когда заработка отца стало не хватать на жизнь и его мать **вынуждена** была пойти прирабатывать судомойкой. Эта **несправедливость**, эта **неправильность устройства общества** толкнули Ворошилова на революционную борьбу против **такого** общества. А когда он нагваривал свои мемуары литографу, он уже понятия не имел, как живут люди в его стране. Также высоким был заработок лиц свободных профессий. По сравнению с дореволюционным периодом средняя зарплата рабочего выросла на 25—30%, количество штра-

фов уменьшилось: в 1901 на каждые 100 рублей заработка приходилось 22 копейки штрафа, в 1906 только 10 копеек, а в 1910 — 16 копеек. Рабочий класс пользовался и свободой прессы и имел свое собственное представительство в Государственной Думе. Забастовки перестали считаться политическим антиправительственным актом, сделавшись средством диалога между рабочими и капиталистами. В этом смысле весьма показательно, что в 1914 году 55% всех стачек закончились **компромиссом**, а не односторонним подавлением экономического оппонента. При этом 19% стачек завершились победой рабочих, а 26% — победой хозяев. Та же тенденция прослеживается и в предыдущие годы мирной передышки. Это — признак роста культуры социального диалога.

Помещики спасли свои имения, хотя и здорово пожатые и пограбленные. Они получили возможность влиять на решение государственных вопросов, с ними стала считаться администрация. Собственно, они в эти годы становились **опорой** администрации.

Крестьяне, освобожденные Столыпиным от ига общины, получили возможность развивать свое хозяйство самостоятельно. Стимулировалось освоение сибирской целины, переселенцы в Сибирь получали подъемные и освобождение от налогов, а в Сибири или в Зырянском крае столько земли, сколько сумеешь вспахать. Финансы в стране оставались устойчивыми — никаких девальваций, никакой инфляции. Если сравнить десятилетие до 1905 с десятилетием после, то государственный бюджет удвоился, причем до 1905 он сводился с дефицитом, а после — с превышением доходов над расходами. Факты говорят против модного нынче утверждения, будто **всякая** революция приносит стране экономический ущерб, равносильный нескольким годам депрессии.

Правда, полезно помнить, что, несмотря на оживление и укрепление российской промышленности, она по-прежнему носила несколько **инвалидный** характер и пользовалась **поддержкой власти**. Хуже, она **нуждалась** в постоянной поддержке государства. Например, из-за низкой конкурентоспособности российских изделий на мировом рынке государство вводило протекционистские высокие тарифы на ввоз иностранных изделий. Для поощрения выпуска тех или иных изделий государство платило премии частным предприятиям

мателям, например, за каждый пуд рельсов, изготовленный в России, до 1905 платили 50 копеек, а после — 35 копеек. С 1899 действовал банковский консорциум — объединение банков, ставившее своей целью оказывать своевременную помощь тем или иным предприятиям, группам предприятий или промышленным отраслям в видах избежания кризиса в производстве. Поэтому, несмотря на процесс **оздоровления** российской экономики, в полном смысле здоровой ее назвать нельзя. Особенно скверно обстояло дело с транспортом, из-за чего сплошь и рядом возникали то нефтяной, то угольный голод; к 1917 прорезался хлебный голод (при перепроизводстве зерна), приведший к падению монархии.

Возвращаясь к описанной в § 3 книги I концепции соотношенности различных общественных институций, можно констатировать, что в рассматриваемый период были существенно урезаны полномочия исполнительной власти, провозглашена независимость судебной, информационной, экономической, профессиональной властей; сделаны шаги в направлении высвобождения законодательной, образовательной, религиозной властей из-под исполнительной. Только военная власть осталась целиком под главенством исполнительной самодержавной власти — юридически, фактически и даже персонально во главе сухопутной армии и флота стояли великие князья. Была признана сложность, плюральность институциональной структуры российского общества, и различные институции состыковывались друг с дружкой в **более сложный механизм**, нежели прежде: "Бог — монарх — народ".

Разумеется, действовали и противоположные тенденции. Не говоря уже о Союзе Русского Народа и о царице, самой главной помехой налаживанию новой структуры общества была тупость и продажность правительственной администрации. Полицейские приставы, которые при обысках за 25 рублей закрывали глаза на обнаруживаемый криминал; градоначальники, которые за 500 рублей освобождали из-под ареста; министры, которые ничего не смыслили в поручаемом им деле; наконец, царь всея Руси, который гневался на министра, сообщającego ему дурную весть... Когда читаешь мемуары царских чиновников, охватывает ощущение от их непроходимой глупости, непонимания

ими того, что они руководствуются в своих государственно значимых поступках отнюдь не государственными соображениями. Им просто **не было дано вместить** новых, уже возникших и еще помогающих жизни форм общественного существования. Того, что считаться надобно не только с "высочайшим одобрением" или "неодобрением", а с интересами и потребностями других слоев общества. Волонтаризм, пресмыкательство и коррупция — три кита, на которых зиждилась российская администрация 1908—14 годов. А на эту администрацию расходовалось 14% бюджетной росписи доходов (тогда как в Англии — только 3%, во Франции — 5%, в Италии — 7%). Конечно, по сравнению с последующими десятилетиями ("интеллект" Хрущева, коррупция при Брежневе) годы 1908—1914 не кажутся такими уж выдающимися, но свободный от таких поправок Набоков в романе "Бледный огонь" весьма точно описал бездарность и вырождение монархии. В аспекте политологическом, в каковом написана вся эта книга, все эти беды проистекали от того, что Россия **поздно** получила конституцию — не в 1862, как добивались славянофилы и западники, не в 1889, как получила Япония, уже побившая Россию в 1904—05, не в 1871, как получила Пруссия, которая еще побьет Россию, а только в 1905—07 годах.

Но какие бы тени ни омрачали существование в 1908—1914, с одним мрачным наследием прошлой России было покончено. Вот в 1851 Бакунин писал Николаю I из Шлиссельбургской тюрьмы:

Когда обойдешь мир, везде найдешь много зла, притеснений, неправды, а в России, может быть, более, чем в других государствах. Не оттого, чтобы в России люди были хуже, чем в Западной Европе; напротив, я думаю, что русский человек лучше, добрее, шире душой, чем западный; но на Западе против зла есть лекарства: публичность, общественное мнение, наконец, свободы, облагораживающая и возвышающая всякого человека. Это лекарство не существует в России. Западная Европа потому иногда кажется хуже, что в ней всякое зло выходит наружу, мало что остается тайной. В России же все болезни входят вовнутрь, съедают самый внутренний состав общественного организма. В России главный двигатель — страх, а страх убивает всякую жизнь, всякий ум, всякое благородное движение души. Трудно и тяжело жить в России человеку, любящему правду, человеку, любящему ближнего, уважающему равно во всех людях достоинство и независимость бессмертной души, человеку, терпящему, одним словом, не только от притеснений, которых он сам бывает

жертва, но и от притеснений, падающих на соседа! Русская общественная жизнь есть цепь взаимных притеснений: высший гнетет низшего; сей терпит, жаловаться не смеет, но за это жмет еще низшего, который так же терпит и так же мстит на ему подчиненных. (...)

Везде воруют и берут взятки и за деньги творят неправду — и во Франции, и в Англии, и в честной Германии; в России же, думаю, более, чем в других государствах. На Западе публичный вор редко скрывается, ибо на каждого смотрит тысяча глаз и каждый может открыть воровство и неправду, и тогда уж никакое министерство не в силах защитить вора. В России же иногда и все знают о воре, о притеснителе, о творящем неправду за деньги, все знают, но все же и молчат, потому что боятся; и само начальство молчит, зная и за собой грехи, и все заботятся только об одном, чтобы не узнали министр да царь. (...) Если кто и вздумает остаться честным человеком, то и товарищи и начальство его возненавидят; сначала прокричат его чудачком, диким, необщественным человеком, а если не исправится, так, пожалуй, и либералом, опасным вольнодумцем, и тогда уж не успокоятся прежде, чем его совсем не задавят и не сотрут его с лица земли.

Вот с этим общественным бичом было покончено — и, казалось, навсегда. Публичность, общественное мнение и свобода стали настигать воров, взяточников и казнокрадов, пожалуй, даже с преувеличениями. Страх как непрременная компонента жизни исчез из душ для тех, кто не нарушал законов своего государства. Тогда мнилось, что это достижение уже необратимо, что к николаевским временам "на всех языках все молчить" уже возврата не будет никогда.

В годы 1908—1913 даже курс правительственной власти был преимущественно разумным. Так, премьер-министр Столыпин опирался в своей деятельности на думское большинство, а не на какие-нибудь фракции-партии энергичного меньшинства. Опора на октябристов, помимо снятия напряжения между властями исполнительной и законодательной, приводила к тому, что давала Столыпину готовую программу — программу умеренного земского движения. Таким образом Столыпин провел законы, которыми уничтожались контрреформы 1889—1890 (см. § 5, кн. I). Земство получило права, отобранные у него Д. Толстым и Александром III.

Столыпин же сделал следующий шаг, естественно выводимый из освобождения крестьян в 1861. Тогда крестьян освободили от крепостной зависимости, но оставили в круговой поруке, т. е. зависимости от сельской общины. Как тогда же писал Самарин, мера сия

была вынужденной и временной, ибо ничего хорошего славянофилы в общине не усматривали. Но распылять крестьянство по индивидууму, бросать каждого крестьянина в одиночку в смятения социальных бурь и неопределенных взаимоотношений после того, как 300 лет крестьянин не был свободным, не приобретал навыков самостоятельной деятельности, было бы опасно. Теперь же минуло полвека крестьянской свободы от помещиков, с выкупными платежами было давно покончено. Можно было провести второй шаг сельской эмансипации — дать волю крестьянину от общинного схода. Столыпин это и осуществил. Вообще Столыпин полностью сдержал свое обещание: "Сперва успокоение, потом реформы". Он не обманул, успокоив страну виселицами, на которых повисли революционеры, взятые с оружием в руках. К слову, общее число казненных примерно равнялось числу лиц из государственного аппарата, убитых революционерами, если не принимать во внимание убитых в перестрелках и при иных обстоятельствах, исключавших учет намерений убивавших. И соответствующая цифра — несколько тысяч человек — не идет ни в какое сравнение с последующими временами, когда счет пошел не на тысячи, и не на десятки тысяч, а на миллионы.

Я далек от апологии личности П. А. Столыпина. Глава правительства, который при отсутствии внешней войны вводит в стране военно-полевые суды, который учиняет письменные выговоры губернаторам за низкий процент приведения в исполнение смертных приговоров, — словом, который ведет войну против части населения собственной страны, не вызывает у меня восхищения. Премьер-министр, который в ответ на думский запрос в связи с Азефом, запрос, в котором выражалось возмущение тем, что правительство прибегает к провокации (Азеф убивал министра Плеве, будучи сотрудником полиции), отвечает: "Так было, так будет", вызывает у меня презрение к его неадекватности; справедливо его прикончил именно провокатор. Способы, какими насаждались земские учреждения в западных губерниях, — жульнические способы, где мошенничество сидело на мошенничестве и мошенничеством погоняло, — огорчительны прежде всего тем, что ссорили местное население с пришлым русским населением; русские лишь возбуждали у поляков ненависть к себе, а плодами предоставленных рус-

ским преимуществ все равно в итоге воспользовались не русские, а малороссы (украинцы). Но при всех этих — не исчерпывающе указанных — недостатках Столыпин оказался очень уместным политиком и администратором для первых послереволюционных лет.

Приведу несколько примеров деяний высшей власти, которые через несколько лет отыгнулись России очень болезненно. Вот обязательное постановление Келецко-го военного генерал-губернатора от 13/26 января 1906:

В случае обнаружения у кого-либо оружия данное лицо будет подвергнуто смертной казни без суда. Если оружие окажется у детей, не достигших 14 лет, то смертная казнь постигнет их родителей или опекунов.

Правда, это постановление за его незаконностью было приостановлено Главным начальником Края Польского уже к 27 января, но на заборах оно успело покрасоваться и запасть в память тех, кто в 1918 начнет мстить. И ведь отменено оно было лишь в той части, что опекунов и родителей вешать не стали, да вместо "без суда" стало "по военно-полевому суду". Зато Столыпин настоял, чтобы по приговорам военно-полевых судов прошений о помиловании не принимали. Он запретил их принимать, подобно тому как в декабре 1934 Сталин запретил принимать прошения о помиловании по делам террористов. Ясно — в перспективе, — какой урон и Российскому государству, и социальной культуре населения причинили такие постановления.

Или возьмем законы о выборах в земские учреждения в западных областях. Если в городе (местечке) проживает **более половины** лиц иудейского вероисповедания, то закон предусматривал, что они получают **не более двадцати процентов** мест в городской управе. Вот такая "справедливость" — от 60% населения мест получают 20%, а зато 40% христиан (преимущественно католиков или униатов в этих местах) получают 80% голосов. На деле ломка здравого смысла шла еще дальше: если русских православных было в городе более пяти человек, то они непременно получали одно место в городской думе, тогда как другие имели одно место на сотню-другую человек (избирателей). Эти трюки, естественно, обернулись симпатиями местечковых евреев к тем, кто проклинал российское государственное устройство.

А вот событие, которое следует припомнить, ибо на искаженном изображении его спекулирует Шафаревич в своей книге "Русофобия". Министерство иностранных дел Российской Империи заключило с правительством С.-А.С.Ш. договор о торговле, одним из параграфов которого, в частности, предусматривалось, что подданные (граждане) каждого из договаривающихся государств имеют право свободных поездок по всей территории другого государства. Приехали в Варшаву несколько американских торговцев, заключили определенные сделки и собрались ехать в Петербург. А им говорят: вы евреи, вы не имеете права выезда за черту оседлости. Какого рожа, возражают те, мы американцы, у которых никто не имеет права спрашивать ни национальности, ни вероисповедания. Как американцы, мы имеем право пользоваться всеми пунктами подписанного вашим правительством договора. Но Министерство внутренних дел уперлось и не пустило. Тогда американцы уехали и разорвали договор с правительством, которое заключает договора, но их не исполняет. Кто виноват? В первую очередь то российские чиновники иностранных дел, что заключили договор, не представляя себе последствий, которые будут вызваны таким договором, не зная внутреннего законодательства собственной страны. Во вторую очередь виновата российская полиция, которая не знала, что *pacta sunt servanda*, что международный договор приоритетнее внутреннего законодательства. Но семьдесят лет спустя нашлись лица, в их числе Шафаревич, которые усмотрели в поведении американских торговцев признаки русофобии; лица, которые, умалчивая про пункты договора, предусматривавшие свободу поездок, изображают случившееся как умышленную провокацию еврейства всего мира, дабы сорвать русско-американский торговый договор. Тогда как на деле все сводится к обычной российской чиновничьей бестолковости и бесцеремонности.

Пресса в те годы была свободной — по русским, а не по американским меркам. Формальная свобода слова и печати, провозглашенная законом, экономически обеспечивалась свободой купли-продажи типографий, бумаги, книг, общей свободой экономических отношений, делавшей реально возможным заиметь

денеги, достаточные на организацию издательства. Книги объемом более 200 страниц публиковались без предварительной цензуры и могли — после выхода тиража — быть запрещены только по суду (т. е. в результате публичного разбирательства). Суд же был независимым на деле. Газеты, правда, могли быть приостановлены административно, но только в исключительных случаях, ограничительно предусмотренных законом, так что с.-д. имели полную возможность выпускать свои легальные газеты, а с.-р. — свой легальный журнал "Заветы".

Расширялась система частных и общественных гимназий, т. е. не состоявших на содержании государства, которые приобретали права, до тех пор монопольно удерживавшиеся за казенными гимназиями. Возник даже общественный, не государственный университет (имени Шанявского). Явления эти новые для русской жизни, свидетельствовавшие о росте самостоятельности, самосознания и самодеятельности населения. Оживленно обсуждалась школьная реформа, нужные преобразования в программах и методах обучения были сделаны. Бурно ширилось церковное движение, с лета 1905 все громче звучала идея возвращения к патриаршеству. Прекратились угнетения свыше и гонения на другие религии и секты. Еще в 1904 был издан указ о разрешении переходить из православной веры в любую другую — до того можно было из лютеранства перейти в католичество и обратно, из мусульманства в православие, но обратно — нельзя.

Поражение русской армии в японской войне оскорбило русский патриотизм, задело самолюбие военного сословия. Роль, которую играли военные круги в китайской и турецкой революциях тех лет, также воздействовала на воображение офицеров. Они — выпускники Академии Генерального Штаба — затеяли реорганизацию армии на более разумных основаниях, стали критически изучать историю японской войны, стали прикидывать, кому бы набить морду, чтобы не ощущать себя побитыми. По видимому, эта оздоровительная деятельность была в основном полезна и должна была бы принести свои плоды, улучшив российскую армию, ее уставы. Но наличие в армии большого числа застывших и тупых генералов, которым реорганизация грозила

отставкой, результировало фактическим разгоном "академиков" "в ссылку" по провинциальным военным округам. Армия в целом — в первую очередь ее офицерство — осталась некомпетентной в военном искусстве, не говоря уже про практически нулевое осознание важности **тыловых служб**.

К трехсотлетию дома Романовых в 1912 была провозглашена повальная амнистия, вернувшая с каторги Спиридонову (впрочем, ее вскоре пришлось арестовать), а из эмиграции — Бальмонта (он в декабре 1905 дрался на московских баррикадах). И в России воцарился фактический гражданский мир. Административная власть стала практиковать высылку осужденных вместо тюрем и Сибири за границу.

Что этот мир, что это последнее предвоенное десятилетие значило для России, видно хотя бы из перечня литературных имен: Аверченко, Амфитеатров, Андреев, Анненский, Арцыбашев, Ахматова, Бальмонт, Белый, Блок, Брюсов, Бунин, Вересаев, Волошин, Гиппиус, Горький, Грин, Гумилев, Есенин, Зайцев, Замятин, Зощенко, Вяч. Иванов, Г. Иванов, Клюев, Кузмин, Куприн, Мандельштам, Маяковский, Мережковский, Пастернак, Пришвин, Ремизов, Северянин, Серафимович, Сологуб, А. Толстой, Тэффи, Хлебников, Цветаева, Чарская, Черный, Чириков, Чулков. Список не полон, а ведь это только поэты и прозаики, формировавшие литературу десятилетия перед 1917. Поистине справедливо название "серебряный век русской литературы". Только длился он не век... даже на один человеческий век не достало...

Появилась свобода печати, и литература — художественная литература и литературная критика — перестала выполнять вообще-то чуждые ей, но неизбежные для российской литературы из-за уродливости государственного устройства функции "учить", "обличать", "указывать пути", "открывать глаза", "отражать действительность". Этими проповедническими задачами занялись — вполне свободно — другие. Литература же приступила к своему прямому делу — к мастерству слова. Во французской, например, литературе, испокон ценится не **что** сказано, а **как** сказано. В русской же до революции 1905 и после учреждения соцреализма в 1934 ценилось и стало цениться в первую очередь **что**. Форма воспринималась как вторичное, как не столь существенное. Поскольку

литература была единственным способом получить общественную трибуну, добиться гласности, постольку ее **использовали** в целях, чуждых ее природе. Декаденты-символисты девяностых годов подвергались поношению именно за то, что "отстранялись от общественных задач". Когда же это миновало, когда литература освободилась от "социальных приказов", она занялась своей формой, искусством сопрягать слова и звуки. И создала бесценные шедевры, которые и сегодня живут с нами, как новое слово для нас, как непревзойденный эталон, как то "Ах", которым остается только насладиться и умереть.

Из узких шор — "Борьба, борьбы, борьбе, борьбой, пролетарьят, пролетарьят" — выбежали русские писатели в умиротворенную тишину, увидели эту вечность над собою, увидели просто человека — в его несводимости к социальным проблемам и отношениям, в его извечно мистической тайне чуда.

И все люди, сохранившие умение **созидать**, будь то умелые руки или инженерный склад ума, бросили наваждение подстрекательства и разрушения, бесовщину подполья (ох как не хватает романов о бесовщине подполья 1906 года! Достоевскому такое и не снилось). И большевик Л. Красин, и анархист Пальчинский забросили революцию, сделали преусневающими инженерами. После амнистии они даже смогли из Германии вернуться в Россию. Грин — с.-р. террорист, занялся литературным трудом. Богданов из большевистских вождей ушел в труд врача и естествоиспытателя.

Техника к этому времени сделала гигантские шаги сравнительно с эпохой, в какую Сен-Симон и Фурье грезили о необходимости социалистического общества. Не только паровые машины вошли в быт, но появились и электродвигатели — от наглядных трамваев до более солидных насосов на городской водоканале. Возникли двигатели внутреннего сгорания, и на улицах вместо карет заскользили автомобили. Электричество освещало уже Петербург и Москву, электричество снабдило столицы телефоном (тогда в Санкт-Петербурге — трехзначные номера) и радио. Энерговооруженность городских жителей резко возросла, превзошла энерговооруженность, бывшую в распоряжении помещика средней руки в конце XVIII века. Ведь вдумайтесь только: дабы в XVIII веке мож-

но было принять несколько человек гостей, потанцевать, подзакусить, нужно было — не говоря о прочем — осветить зал и нанять музыкантов. Осветить — значит, свечи или факелы, т. е. копать, т. е. прислуга, следящая за нагаром на свечах, прислуга, которая будет потом стирать платья, чистить потолки и стены, ибо на протяжении одного вечера со свечами белое платье становится грязно-пятнистым, сальным. Стены — мажутся. Нанять музыку — опять-таки либо крепостной оркестр, либо вольнонаемный из людей, либо присланный из любезности начальником гарнизона полковой оркестр из людей же. Поистине прав был Оскар Уайльд, восклицавший: "Цивилизация нуждается в рабах!" Безо всех названных рабов, без людей, готовых прислуживать, нельзя было провести ни одного бала в XVIII веке. В начале же XX века даже в России, в любой из ее столиц, уже можно было собираться при не требующем обслуживания и непачкающем электрическом свете под звуки граммофона. Веселье перестало нуждаться в наличии невеселящейся, обойденной прислуги. Исчез один из ярчайших социальных контрастов. Несправедливость, преодоленная за счет уравнений Максвелла и изобретательности Эдисона.

Соответственно менялся взгляд мыслящих людей на природу социальных неурядиц, на проблемы социальных отношений. Если раньше, в молодости, будучи народовольцем, Хавкин твердо знал, что во всех бедствиях людских повинны богатые, что надобно поделить все богатства поровну, и исчезнут и голод, и болезни, и нищета, то теперь Хавкин знал, что надо изготавливать вакцину против чумы и убеждать невежественных крестьян, что прививки им и их скоту на пользу, а не нарушение воли Божьей.

И интеллигенция начала переоценку ценностей.

Что такое вообще "русская интеллигенция"? Интеллигенция — это совокупность людей, которые:

- 1) руководствуются в своих оценках, мнениях и по возможности поступках разумом, наукой, знанием, а не эмоциями, страстями, доверием к чужому авторитету;

- 2) которые преисполнены доброжелательства и общегуманных идей;

- 3) которые ориентируются на благо для других, либо не принимая свое собственное благополучие

в расчет, либо заведомо жертвуя им. При этом "благо для других" следует понимать не в частноблаготворительном смысле, а в смысле "пользы для государства", "пользы для общества", "пользы для России", "пользы для Идей".

Российская интеллигенция как раз в силу п. 2 увлеклась социализмом — от Нагорной Проповеди — и пошла в народ. В среднем индекс интеллектуальности у интеллигенции был всегда выше индекса интеллектуальности у администрации; как раз **неразумность** правительственных мер толкнула большинство интеллигенции в оппозицию и в революцию. И всегда интеллигенция верила, что она поступает во благо народу, что ее деятельность нужна и полезна России. События революционного времени заставили ее задуматься, задаться вопросом: а нужны ли мы народу с нашими идеями, с нашей борьбой за его нужды, за его свободу, за его счастье?

80—90% населения России по-прежнему жило в деревнях, лишь отдаленно задетых влиянием "чугунки". Оно не ведало никаких технических улучшений. Оно видело, что горожане живут лучше. Но в силу тугодумия, в силу большой инерционности мышления, в силу недоверия ко всему необычному, не опробованному отцами и дедами, в силу наличия в городах безработицы и разврата крестьяне не торопились менять сельскохозяйственный труд на фабричный. И крестьянам и мещанам поиски интеллигенции были чужды. Когда думские деятели распинались с трибуны, домогаясь отмены смертной казни и телесных наказаний для всего народа, крестьяне спокойно принимали розги и сами секли розгами, и шомполами, и вожжами подвернувшихся под горячую руку, жгли и убивали не слишком разбираясь. Например, когда 10 января 1906 Мария Спиридонова стреляла на перроне в Луженовского, которого она приняла за губернатора, зверски подавившего крестьянское восстание на Тамбовщине, случившиеся там казаки схватили ее, задрали юбку у этой шестнадцатилетней девушки и дружно скопом высекли ее. Не правительство это сделало! Правительство-то смутилось такого глумления, от смущения даже помиловало подлежащую повешению Спиридонову. Сам "народ" в лице казаков прибег к дедовским мерам. Более того, обнаружилось, что "народ" поступает во многих

случаях неразумно, не руководствуется логикой, подвержен страстям не хуже царской администрации. Население не испытывает благодарности: полтавский предводитель дворянства Линтварев, который был одним из активнейших деятелей земского движения, не только не заслужил благодарности крестьян, но, напротив, его усадьба была сожжена и пограблена одной из первых. Многие фабриканты давали деньги революционным партиям, а во время революции их заводы сжигались и терпели убытки словно вражеские. Наконец, оказалось, что гораздо охотнее устраивают погромы, нежели создают. Вспомнились слова Пушкина:

Не дай нам, Боже, дожить до повторения русского бунта, бес-
смысленного, жестокого, беспощадного¹,

сказанные им по поводу пугачевщины. Вспомнились многие слова Чаадаева — тогда его впервые издали в России усилиями Гершензона. По-новому, не как оскорбление, а как констатация факта зазвучали слова Константина Леонтьева, сыгравшего видную роль в славянофильстве:

Надобно для ясности понимания христианского Востока проводить мысленно черту между эпической, простонародной половиной всего греко-славянского мира и той его половиной, которую... (можно. — *Примеч. ред.*)... назвать интеллигенцией.

И случилось чудо. В своем развитии российская интеллигенция доросла до осознания своих классовых интересов, до небывало нероссийского поступка — до заявления этих интересов вслух. Я уже отмечал в кн. I неразвитость форм социального общения в России, в частности, писал, что редко и с большим трудом русские люди заявляют вслух свои интересы и отстаивают их; русским гораздо естественнее отстаивать чужие интересы или, на худой конец, свои собственные, **называя их чужими**. (Это находит проявление в таких фактах, когда группа людей притязает говорить от имени "народа", "общественности", "всех", а не от своего собственного. Это находило проявление в поддержке самозванства, когда свои интересы маскировались поддержкой "царя", в общем-то очевидно не царского пошиба.) Так вот, в 1909 русская интеллигенция

¹ Видимо, цитата по памяти. — *Примеч. ред.*

в сборнике "Вехи" осознала и заявила свои собственные сословные интересы. Этот сборник поучительно читать и до сих пор. Многие, выросшие у нас в стране в марксистской терминологии, делаются поклонниками Бердяева, ибо писания его в "Вехах" и после "Вех" — новое слово в развитии в сравнении с той терминологией, которая была уже выработана к 1903 (и заострена у нас при Сталине). Помимо упомянутого выявления **своих собственных** интересов, помимо выявления оппозиции "народ и интеллигенция", сборник выделялся подчеркиванием нравственных проблем; впрочем, их поднимал и вышедший в тот же год роман Ропшина "Конь бледный". Если русский марксизм считал, будто "человек — это совокупность производственных отношений", то "Вехи" повертывали вещи с головы на ноги, поставив на первое место **человека**, а "производственным отношениям" отвели причитающееся им место в сложной жизни общества. Повторяю: "Вехи" и сейчас на многих производят впечатление откровения, читать их полезно, переиздать обязательно, хотя едва ли можно **со всем** сказанным там согласиться безоговорочно.

В частности, сборник "Вехи" поражает своей неблагодарностью. Как бы ни были плохи революционеры, но какому бы неверному пути ни шла революционная и земская интеллигенция, но авторам сборника (и последующим историографам, романистам и историософам) не следовало бы забывать, что **только** благодаря тридцатилетней борьбе революционеров (и земства) авторы получили возможность высказывать свои взгляды в **легальной** прессе, а не в колымской ссылке по обвинению в "неблагонадежности".

Шепот жертв и депеш, участья, усыпит агентуру,
и тогда-то придет та весна, когда все оживет.

Да, революционеры много делали неверно. Да, их нравственный мир надламывался — в этом их "профессиональное заболевание". Да, они пребывали в плену ошибочных догм. По существу, почти во всем авторы "Вех" были правы. Но те же самые **нравственные** требования, во имя которых возвысили свой голос Бердяев, Булгаков, Гершензон, Изгоев и др., обязывали сказать "спасибо" тем, кто в силу отсутствия

(пусть "патологического" отсутствия) у него эгоизма шел добывать свободу **другим**. И можно было бы во многом потрудиться понять-оправдать революционеров. Да, ужасны революционные "профессиональные заболевания", но ведь это правительство **вынудило** юношей и девушек, несших народу книги, превратиться в профессиональных и даже наследственных революционеров. Да, догмы революционеров узколобы и ошибочны, но где в стране существовал **легальный** форум для гласного обсуждения и исправления сих догм?! В игнорировании и этих условий, и императива благодарности — основной просчет не только "Вех", но и Солженицына, когда он описывает ту эпоху. Полемический задор — в который раз! — возобладали над **со-чувствием**, этой первой христианской добродетелью.

Однако какие бы открытия в своем социальном и нравственном развитии ни совершала интеллигенция, как бы ни процветала беллетристика, как бы ни укреплялась промышленность, как бы ни совершенствовалась власть — две тучи чернели и сгустились над Россией. Из них и пролился кровавый дождь над нашей страной.

Рекомендуем прочитать произведения всех названных в тексте авторов, а также: Бурмистрова, Давидович, Дякин, "Кризис самодержавия...", Погребинский, Солженицын.

§ 4. Гришка Распутин

*Четырехзвенная система управления;
пятое звено — Распутин; гемофилия наследника;
претензии Распутина; Авраамов выбор перед царем;
клеветническая кампания;
антивоенная позиция Распутина;
единный фронт против Распутина*

Согласно основным законам ("органический закон", как это иногда именовалось) управление Российской Империей было четырехзвенным. Верховная власть — в том числе право вносить изменения в органический закон — принадлежала **монарху**. Монарх же назначал исполнительное звено — **Совет Министров** во главе с премьер-министром (таковым с 1906 по 1911

был Столыпин, потом Коковцев, потом Горемыкин, потом началась чехарда), причем Совет Министров был ответствен перед царем, и только перед царем. На деле это означало, что царь мог **сместить** министра, не **объясняя** причину; мог **избавить** явно проворовавшегося, подписав на обвинительном заключении "Дело сдать в архив"; мог отдавать министру приказания **помимо** премьер-министра. Совет Министров пользовался правом **законодательной инициативы** — он мог вносить законопроекты в Государственную Думу, избираемую многоступенчатым, цензово-сословным образом. Если Дума их отвергала, они проваливались, и в течение какого-то срока повторять тот же законопроект было нельзя. Если Дума их принимала — с поправками, дополнениями, иногда меняя реальный смысл на противоположный, — то одобренный законопроект шел в Государственный Совет. **Государственный Совет** наполовину состоял из членов по назначению от короны, наполовину из выборных (от поместных дворян, крупных промышленников, высшего духовенства, университетов и Академии Наук). Он окончательно утверждал или отклонял закон, который, однако, промульгировался **Сенатом**, ибо последний мог усмотреть **незаконность** и отказать зарегистрировать закон; таким образом, Сенат играл роль "омбудсмана", "высшего конституционного суда", "комитета конституционного контроля". Сенат при этом не имел права изменить ни одного слова в предложенном ему на утверждение законе. Царь имел право вводить некоторые законы, минуя Думу, и Столыпин злоупотребил — хотя бы и во благо — этим правом. Но "злоупотреблять во благо" традиционно для России, коли речь идет о праве.

И к.-д. и позже примкнувшие к ним левые октябристы — возник так называемый "прогрессивный блок", что надлежит отличать от партии "прогрессистов", — добивались **расширения** прав Думы. Добивались распространения права законодательной инициативы, введения ответственности министров и Совета Министров в целом **перед Государственной Думой**. Своеобразная форма "ответственности" министров существовала и состояла в том, что министры обязаны были отвечать на запросы Думы, буде запрос подписан достаточным числом депутатов, в зале Ду-

мы. А запросы, как правило, носили агрессивный, обвиняющий характер. Профессиональные журналисты, адвокаты и профессеры умели придать запросам язвительную и обидную для министров и в то же время внешне законную форму. Но, конечно, такой "ответственности" недостаточно. Смешно что-либо ставить в упрек тогдашним деятелям, смешно всерьез анализировать права и функции тогдашних органов власти, ведь дано было им временем на всю их деятельность — правильную и несправедливую, ошибочную и злоумышленную, продуманную и спонтанную, намеренную или вынужденную — всего-навсего десять лет. Из них мирных — пять, да и на протяжении этих пяти лет премьер-министра убили. Но поразимся: после убийства премьера **не было** по стране введено военного или чрезвычайного положения! Это в России-то, где с семидесятых годов XIX века в одной за другой губерниях вводилось Положение об усиленной охране...

Однако в описанную четырехзвенную систему высшего управления с некоторых пор **вклинилось** пятое звено — Гришка Распутин.

Император Николай II был крайне ограниченным человеком. Он не доверял чиновникам, газетам, министрам. Он твердо знал, что сам, "внутренним чутьем" лучше разберется и поймет, нежели все формально компетентные лица. Например, когда в 1892 еще наследником он возглавлял Комиссию по оказанию помощи голодающим, он не поверил ничьим докладам, а исхитрился послать инкогнито с чрезвычайной ре-визией мелкого чиновника Клопова для тайного обследования и наведения порядка. Разумеется, прожженная администрация сразу же усекла сего ре-визора, втерла ему глазыньки по самые уши и затем Николая-цесаревича провалилась. Но стремление приближать к себе "малых сих", слушаться их, а не "премудрых", **антиинтеллигентность**, сохранилась в императоре и даже усложнилась. Все время при царе терлись различные "старцы", "святые", кликуши, шарлатаны, общим для которых было одно: отсутствие образования и назойливое заявление своей значимости для царя и его семьи.

В конце концов всех их вытеснил Распутин. Об-разования у него не было, писал он с трудом, делая грубые ошибки. Он сразу же связал свою судьбу с судь-

бами царской фамилии, выдавши пророчество, что царь и царица останутся живы, только покамест он, Распутин, жив (и в самом деле, их свергли и арестовали спустя два месяца после убийства Гришки, а убили — полтора года спустя). Распутин — собственно, Григорий Ефимович Новых, а "Распутиным" его прозвали односельчане за распутство — обладал незаурядной психической (парапсихологической, мистической, называйте как удобнее) силой. Ограничусь двумя примерами.

Единственный сын царя, наследник Алексей, страдал генетической (унаследованной через мать) болезнью гемофилией — несвертывающимися кровотечениями. Крохотная царапина, ничтожный синяк оборачивались многонедельными болезненными и опасными для жизни опухолями. Разумеется, медицина была бессильна. Один лишь Распутин мог — на самом деле мог, как ни ругай его "шарлатаном", но это-то он умел, без туфты — останавливать кровь у мальчика силой своего взгляда, своих слов и прикосновений к голове.

Второй пример. В 1915—16 он выдал письменное пророчество. Безграмотно, но убежденно предсказывал то, что если его убьют лица, причастные к царской фамилии, то тогда Россию ожидает громадная опасность: реки крови и "на двадцать лет исчезнет всякое благородство". Про реки крови в 1918—20 напоминать излишне, а вот то, что для крестьянина "благородство" в первую очередь должно было ассоциироваться с **погонами** у "вашего благородия" и что погоны исчезли в России именно на 25 лет (1918—1943), напомнить следует. Срок указан с точностью до 25%, физика вполне устроило бы такое совпадение эксперимента с теорией.

Но вернемся к лечебной роли Распутина. Какая мать не добилась бы от своего мужа, чтобы такой целитель остался в их семье?! Увы, семья была царская, т. е. **на виду** у всех. И дело было вскоре после революции, т. е. в атмосфере пристальной недоверчивости всех против всех. Да и Распутин не ограничился ролью целителя. Он активно преследовал свои порой грязные — эгоистические интересы. Не знаю, верны ли слухи, якобы он превратил царицу в свою любовницу; сам по себе такой факт безразличен; существенно, что потянулась череда нерассеиваемых слухов

об этом. Ведь "жена Цезаря должна быть выше подозрений", — сказал Цезарь и развелся со своей Юлией, когда возник порочащий ее слух. По-видимому, указания на то, что его любовницей была фрейлина Анна Вырубова (урожд. Танеева) и еще несколько придворных дам, а также бесчисленное количество "проституток" помельче, верны. (Знатоку ясно, что медицинское свидетельство 1917 о девственности Вырубовой тому не противоречит.) Распространялись сведения, будто Распутин принадлежал к секте хлыстовцев, где мистическое религиозное чувство сливается с коллективным сексуальным наслаждением при неперенном присутствии сексуального хлыста, добавляющего компонент садо-мазохизма. Одних этих слухов, даже если бы не существовало **фактов**, а были только **поводы**, было бы за глаза довольно, чтобы скомпрометировать царскую семью.

Для романиста — не бульварного, а честно исследующего глубины человеческой души — может быть, окажется полезным такое мелкое замечание. Гришка был распутником, каких свет мало видывал, это факт. Его сексуальная разнузданность проявлялась в очень изощренных формах, таких, которые даже на растленном Западе и по сейчас полиция, кажется, не позволяет показывать. Описывать эти формы в подробностях можно только для очень искушенных и опытных людей, описание назвали бы "порнографией", да. Но мне кажется, что и искренность, и сила наслаждения, и известная "чистота грязи" в распутинщине **присутствовали**. Он ведь действительно **верил** в Бога. И он знал, что **совершает грех**. Но, не в силах удержаться, грешит, сознавая и тянучись ко греху. На каком-то шаге себя мучительно останавливая и тем греша еще грешнее и постыднее. Вот этот "глумливый стыд", который, кажется, делается реликтом в эпоху сексуальной революции и массовых изданий Кама-Сутры, был одним из важнейших факторов, который влек к нему женщин. Да, он ни одной женщины не мог мимо себя пропустить. Да, он любил хорошо пожить, попить, поесть, шикануть, швырнуть дорогой подарок. Для этого он, практически нищий мужик, должен был предварительно раздобыть либо деньги, либо тот перстень, который он небрежно кидает очередной наложнице. Ему приносят 10 тысяч в пакетике

от промышленника, добывающегося казенных поставок, а тут перед ним на коленях пара голых женщин, он им швыряет эти деньги не считая. Он и назовет их соответственно блядьми, получая наслаждение от возможности **так** назвать графиню, которой он платит! Приманчивость, обаятельность такого мужика в женских глазах — одна из компонент феномена "распутинщины".

Распутин, пользуясь безволием царя и очевидным благоволением к нему царицы, забрал и дело **государственного управления** в свои руки. Собственно, возможно, не столько он забрал, сколько министры ему уступили из опережающего пресмыкательства. Еще Столыпин пытался с ним бороться, чем вызвал гнев императрицы, откуда родились беспочвенные слухи, якобы Богров действовал по заданию царицы. После Столыпина ни один министр не делал попыток устранить Распутина, хотя отдельные лица на верхах иерархии пытались не уступать Распутину в его домогательствах (обер-прокурор Самарин, Верховный Главнокомандующий Николай Николаевич-младший и др.). Как правило, в годы 1913—1916 ни один министр не назначался без предварительной консультации с Распутиным и ни один прогневавший Распутина не оставался на министерском посту. Вместо того чтобы становиться **ответственным перед парламентом**, Совет Министров делался ответственным перед **шарлатаном** — по крайней мере, так его называли — Распутиным.

Ситуация усугублялась секретностью. Сами сведения о том, что царевич тяжело болен, были **секретными**, представляли собой **государственную тайну**. Царю казалось, что, сообщив он про это народу, народ усмотрит в тяжелом недуге наследника престола Божью кару, упадет любовь подданных к монарху. Царице было бы, естественно, стыдно, что она не смогла "для батюшки-царя родить богатыря". Поэтому все связанное с гемофилией держалось в тайне, про которую знали лишь избранные лица, числом с десяток. Тем более не посвященные в эту тайну люди не находили никаких оснований для частых визитов Распутина к царскую семью, для встреч царицы с ним практически наедине — никаких, кроме грязных подозрений. К пророчествам же Распутина — некоторые из них не оставались в секрете, он их повторял публично — от-

носились, как ко всяким пророчествам, т. е. как к шаплатанству.

Болезнь цесаревича Алексея Николаевича далеко выходила за рамки болезни сына в семье. Она напрямую была связана с вопросом престолонаследия. Ведь царица на протяжении первых десяти лет брака рожала только дочерей. Убий царя в 1903 Серафимом Клитчогло, у царя не оказалось бы наследника, престол перешел бы к мужчине из другой ветви. И другие ветви древа Романовых успели оживиться, они начали обсуждать ситуацию, рядить-судить те обстоятельства, которые должны были бы помешать более законному наследнику вступить на престол (например, брак с разводкой), которые должны были бы именно им, обсуждающим, дать преимущество. По рождении цесаревича в 1904 такие разговоры притихли было, но с обнаружением неизлечимой и смертельно опасной болезни его вспыхнули с новой силой. Для царицы Александры Федоровны (Алисы Гессенской) такие разговорчики были нож острый: после смерти-убийства Николая II она (без наследника) отбрасывалась прочь. Та ветвь Романовых, которая пришла бы к власти, была ей полностью чужда, а личным обаянием Алиса не обладала — она была вздорна, высокомерна, нетерпелива и неумна. Тем отчаяннее вынуждена она была держаться за Распутину — уже не как мать, а как императрица, как та императрица, которая после смерти Александра III не захотела потерпеть нескольких дней, а содрала с головы вдовствующей императрицы Марии Федоровны "принадлежащее ей, а не кому другому" украшение, слернула со скандалом, приличествующим базарной бабе.

И Николай II встал перед Авраамовой ситуацией: либо в интересах престижа Царской Власти принести в жертву своего единственного сына, прогнав уникального целителя, либо же поступать, как отец и муж, спасающий свое дитя, но не как **государственный муж**, спасающий репутацию власти в государстве. Сейчас модно рассуждать на тему о том, стоит ли счастье всего человечества единственной слезинки замученного дитяти; так в этой связи я напомним, что все христианство стоит на идее принесения своего сына в жертву Богу: от Авраама, приносящего Исаака, в Ветхом Завете до Бога, приносящего своего Сына во искуп

ление человечества, в Новом Завете. Христианство понимало суровость бытия и учило стоять выше естественных (т. е. животных) привязанностей. В традиции же российской имперской власти было ставить личные привязанности выше государственного приличия. Не копаясь там в разных федьках басмановых, можно припомнить, что Петр I женился на шлюхе, цинично поправ и церковные и народные уставы; что Екатерина II сама вела себя разнузданно; что Александр II третировал свою жену, оказывая во дворце знаки внимания не ей, а своей любовнице. И едва ли по скудости своего мышления Николай II **осознавал**, что поставлен судьбой перед Авраамовой ситуацией. Но фактически он сделал выбор, не прогнав шарлатана. Прислушавшись к мнению жены, а не к мнению общества (в лице Государственной Думы и премьер-министра Столыпина).

С этого времени Государственная Дума начала планомерную травлю царя и его семьи, поношение Распутина и императрицы, обличение придворных порядков, способствующих беспутству. Осторожную, намеками, но эффективную травлю. Слухи, усмешки, пожатия плеч, подтасовку фактов, коалиции, сплетни и все направлено к одной цели: дискредитировать царскую семью. При наличии свободы прессы и при отсутствии хоть каких-нибудь официальных мотивировок появления Распутина при царице такая борьба была беспроектной для обличителей.

Поначалу антираспутинскую кампанию вели главным образом к.-д. и октябристы, но затем к ней подключилась и наиболее численная в IV Думе фракция националистов, т. е. монархистов. К 1915—16 неотейшими врагами Распутина — и тем самым царицы — стали крайне правые монархисты из Союза Русского Народа. Так возник единый блок — от трудовика Керенского до черносотенца Пуришкевича. Помимо скандальности поведения царской семьи с началом войны возникла еще одна серьезная причина ненавидеть Распутина. Ведь практически все общество было за войну против Германии. Подробнее об этом мы поговорим ниже, но сейчас достаточно сказать, что попытки Распутина приостановить войну, помирить императора Николая II с кайзером Вильгельмом II и вообще вся его антивоенная деятельность шли резко поперек общественного мнения

и государственных устремлений. При том уровне социальной культуры, который был свойствен тогдашним деятелям и журналистам, антивоенная позиция Распутина однозначно квалифицировалась как "шпионаж", "предательство", "немецкий подкуп". Немецкое происхождение царицы "подкрепляло" такое клеймо. Хотя, как выяснилось с открытием дореволюционных архивов, ни к какому шпионажу или предательству Распутин не был причастен. Конечно, он был неразборчив и небрезглив, общался — не ведая того — и с немецкими агентами, но ни в коей мере не служил им сознательно. В то же время факт, что жандармы, которым было велено следить за Распутиным (поскольку он близок царю, его надо беречь и тем самым следить за ним — не как филеры, но как топтуны), бегали за ним по квартирам его любовниц и финансовых партнеров и натывались там в том числе и на подозреваемых в шпионаже личностей. Разглашая свою служебную тайну, эти жандармы лили воду на мельницу всеобщих порочащих Распутина слухов.

Так опозорил себя царь, а собою — самую идею Монархии. Именно ради спасения Монархии, против плохого царя монархисты заблокировались с октябристами и к.-д.

Рекомендуем прочитать книгу Масси.

§ 5. Мировая война

*Война обрывает внутренние закономерности;
летопись начала войны;
война традиционная и война тотальная;
преступления против человечности;
роль техники; крах идеалов гуманизма;
панорама военных действий по фронтам;
роль низкой социальной культуры;
сравнение со Второй мировой войной*

Неизвестно, справился ли бы русский народ с возросшей сложностью жизни, с увеличением независимых факторов и моделей поведения в социальных отношениях, справилось ли бы российское государство с растлевающим феноменом Распутина.

О Русь! В раздумии высоком
ты гордой мыслью занята:
Каким ты хочешь быть Востоком —
Востоком Ксеркса иль Христа? —

вопрошали друг дружку славянофилы и мистические анархисты. Но ход мировой истории не дал России "погрузиться в задумчивость", не дал времени на разрешение названных проблем. Вспыхнула Первая мировая война. Никто, правда, тогда не знал, что она — "первая". Напротив, все почему-то думали, будто она — "последняя". Не может быть, чтобы человечество допустило такой абсурд еще раз. Либо оно истребит само себя, либо раз и навсегда положит конец всем войнам на всей земле — так мыслили едва ли не все, кроме закоренелых циников. У социалистов (а они во всем мире тогда представляли заметную силу, и еще не произошло великого размежевания социалистического движения и профсоюзного движения) это самое ощущение преломлялось в виде цепочки формул: капитализм, изживая себя, развязывает империалистическую войну, которая фактом бессмысленной бойни и попятного от прогресса движения неизбежно пробудит пролетарские массы и приведет к социалистической революции во всех воюющих государствах, после чего наступит братство на Земле.

Настоящая история XX века началась, конечно, не 1 января 1901 года, а 26 июля 1914. С посленаполеоновского периода Европа жила относительно спокойной, не зная кровопролитных войн. Возникали, конечно, "войны", но настолько кратковременные, что, даже при резком перекраивании государственных границ, ими можно порой пренебрегать при описании социальной, духовной и экономической жизни Европы. Те войны оставались событиями **дипломатическими**, иногда **престижными**, но не становились общенародными, общенациональными, не входили в быт (разве что размером контрибуции, наложенной победителем) и в жизнь каждой семьи. Европа привыкла к миру. Мысль о том, что когда-нибудь наступит время, когда все будут убивать всех, никому не приходила в голову. Подобно тому как сейчас мы живем в твердом сознании, что никто из нас не будет закусывать мясом своего соседа по лестничной клетке — не в переносном, а в буквальном смысле слова. Это просто не присутствовало в сознании — война казалась природно не-

возможной. Разве что в Африке остался еще простор для войны, для "радости ножа".

Грянувшая европейская, а затем Мировая война была кошмаром и ужасом. Крушением бытия. Невместимым абсурдом, алогизмом, пробуждением варварства. Сместились все привычные представления гуманизма XIX века. Человеку, воспитанному на Гете, Гюго, Пушкине, Шелли, **ничего было делать** в новом мире насилия, внезапной смерти и подчинения мобилизационным повесткам. Прежний мир рухнул. Кто и как выберется из-под его обломков? Предсказывали соответственно своим темпераментам: оптимисты — хорошее, пессимисты — плохое. Теперь-то мы знаем, что из-под обломков XIX века в Европу выползло чудовище фашизма, которое четверть века расплодилось по Европе, завоевывая все новые земли и умы, пока его не загнали в берлогу, где оно, ворча, стало понемногу перерождаться и идти на уступки.

Существуют разные воззрения на то, из-за чего война возникла, могла ли бы она не вспыхнуть, какой был расклад сил, не говоря уже про "анализы" причин войны в терминах финансового, банковского и империалистического капитала. Я в это входить не стану, причин анализировать не буду. Просто напомним последовательность событий, как Россия стала воюющей страной.

К моменту начала войны император Франц-Иосиф на престоле находился 60 лет. Он застал еще времени Николая I, рос тогда, когда итальянский язык звучал в Вене как собственный придворный язык. Но ему крайне не везло с наследниками. Один сын умер, кажется, от оспы, взрослым уже. Другой, тоже взрослый, утонул купаясь. С внуком что-то стряслось. И к 1914 все престолонаследие у него сосредоточилось на единственной законной возможности — на эрцгерцоге Фердинанде. А если того не будет, то вообще нет наследника престола в Австро-Венгерской империи, а это сложное образование, состоящее из групп национальностей: немцы, австрийцы, венгры, славяне (украинцы, поляки, словены, хорваты) и евреи. Итальянцы отняли еще в 1860. Тогда империя потеряла порты, флот некуда ставить, на Адриатике осталась узкая полоска Далмации, сухопутная связь с которой лежит через враждебную Сербию и ненадежную Болгарию. И вот в июле 1914 в Боснии серб Гаврила Принцип убивает

ерцгерцога Фердинанда при торжественном дипломатическом визите. Это настолько тяжелый удар, что в угаре чувств Австрия потеряла рассудительность и ощущение меры. И хотя Сербия исполнила все ультимативнейшие требования, предъявленные ей из Вены за убийство, попрала свой собственный суверенитет, Австрия все-таки **ввела** свои войска в Сербию. Ввод войск поколебал равновесие на Балканах, которое и без того склонялось в пользу немцев — Австрии и Пруссии — с 1912. После балканской войны оба немецких государства приобрели заметные торговые преимущества, а Россия — в каком-то смысле "исторически породившая" и независимую Сербию, и независимую Болгарию — утратила там свои преимущества, была вытеснена оттуда. В 1912 Россия не осмелилась заступиться за "братьев-славян", что больно ударило по ее дипломатическому престижу и по национальному патристическому самолюбию, — см. § 9 книги I о "тупики славянофильства". Многие винили царя в том, что он "предал дело славян", бросает славян на экономическое растерзание немцам из-за происков своей жены-немки. Эти нападки были еще свежи в 1914. Допустить, чтобы **второй раз** Россия потерпела бы такое дипломатическое поражение на Балканах, чтобы королевство Сербия перестало существовать, было почти невысказимо для царя. Национальные силы, т. е. монархисты, отвернулись бы от него все без исключения, а уж те, что левее, и без того его враги!

Были в России и другие влиятельные общественные силы, которые хотели, прямо жаждали войны по иным, не идейно-самолюбивым причинам. Это — буржуазия и рабочий класс. Я уже писал (§ 7 кн. I и § 3 этой книги), что развитие русской промышленности упиралось в проблему рынка. Кому **сбывать** товары, производимые на фабриках, сбывать так, чтобы получать прибыль, расширить производство и повышать зарплату (как того требовали и добивались рабочие)? Сокращение производства — это не только низкие заработки, но еще и безработица, что при российских нравах (средствах социального диалога) грозит поджогом фабрик, т. е. еще большими убытками. Крестьянство России плохо покупает товары. С одной стороны, значительная часть его ужасающе бедна и не может позволить себе тратить деньги на фабричные изделия. Если уж купить сапоги, то одну пару на всю жизнь. При таком малом емком рынке

сами собой рождались мысли об **экстенсивном** развитии рынка, т. е. об экономическом или внеэкономическом захвате рыночных территорий. После недавней катастрофической неудачи с таким захватом на Дальнем Востоке взоры, естественно, обращались на Ближний Восток и на Балканы, в частности на проливы. Превращение Босфора и Дарданелл в российскую или полуроссийскую собственность, конечно, уменьшило бы накладные расходы на торговлю и промышленность — при условии, что за приобретение проливов не пришлось бы дорого платить. Вот эти силы смыкались в данный момент с патриотически-славянофильскими силами. Поскольку прежде промышленность, торговля и рабочий класс¹ **противостояли** монархически-национальным силам, постольку совпадение их интересов в данном пункте выглядело как **общенациональное, общенародное единство**, что, конечно, было немалозначимо для монарха. И для тех, кто готовил бумаги на подпись царю.

Поэтому, не объявляя никакой войны никому и даже не предъявляя нот-ультиматумов Австро-Венгрии, Россия провозгласила всеобщую мобилизацию. Юридически это вполне **внутреннее** дело, мы сами у себя проводим мобилизацию. Может, мы просто играем в "гражданскую оборону"?! Одновременно, формально не связанная с мобилизацией, была вручена нота Австро-Венгрии с представлением о необходимости вывода войск из Сербии.

Может быть, те и вывели бы свои войска: ну не вмиг, а покочевряжившись, сделавши вид, будто это им самим захотелось уйти, не сознавшись, что вынуждены. Ведь вопросы дипломатически-военного престижа крайне болезненны для таких нездоровых государственных образований, каковым была тогда Австро-Венгрия. При развале естественных связей внутри государства единственно связующим цементом оказываются **престижные** регалии верховной власти. Может быть, вывели бы, а может быть, и не вывели бы. Но, **не дожидаясь ничего этого**, не дожидаясь даже окончания мобилизации

¹ Рабочие преимущественно не призывались в армию во время войны, ибо получали бронь как работающие на оборону. Призывались крестьяне, рабочие с мелких предприятий, а студенты шли преимущественно вольноопределяющимися.

нии в России (а это акция длительностью в несколько недель, время погодить было), Прусская Империя (=Германия) предъявила ультиматум Российской Империи "отменить мобилизацию", а назавтра объявила войну России. Ее вмешательство во внутренние дела (мобилизация) России было, конечно, отклонено, расцененное как "наглое". Именно Германия — не Австро-Венгрия, а Пруссия — объявила войну России. А тогда, подчиняясь договору о союзе с Россией, Франция **пришла на помощь** России и объявила войну Германии, даже не успев начать мобилизацию собственной армии. Ведь договор предусматривал, что Россия и Франция взаимно приходят на помощь друг дружке, если на одну из них нападет Германия, причем в этом случае ни одна сторона **не имеет права** заключать сепаратный ("отдельный") мир с Германией. Вслед за тем связанная договором с Францией Англия пришла на помощь Франции и объявила войну Германии и Австрии. Затем Япония, связанная договором с Англией, выступила против Германии. Так война стала **мировой**.

Можно как угодно перетолковывать мотивы и намерения тех либо иных лиц или кругов, причастных к развязыванию войны, взвешивать-перевешивать торгово-промышленные интересы, государственно-империалистические амбиции, но никогда не следует упускать из виду саму **голую последовательность событий**. Часто упускают из виду одну-две строчки из нее, и получается чушь, что-нибудь вроде:

Ты ушла в мазурские болота,
защищая Франции престиж,
русская разутая пехота,
понаслышке знавшая Париж.

Так война началась. Поначалу никто не понимал, что это за война, все мнили, будто война закончится в несколько недель, пессимисты — в несколько месяцев. Во Франции **знали**, что они в несколько недель Берлин возьмут, в Берлине считали, на какой день войны займут Петербург и Париж, в Петербурге (к слову, мгновенно переименованном в Петроград, вот она когда началась, кампания неуважительного к своему прошлому переименования собственных городов) — что через несколько недель казаки войдут в Берлин.

Представление о войне составлялось по картинкам кратковременных наполеоновских кампаний, по иллюстрациям франко-прусской войны. Молниеносная кампания из нескольких битв. То, что эта война делается **тотальной** — первой тотальной войной в истории человечества, — не предугадывал никто. А война 1914 стала тотальной, задела всех.

Тут нужно отступление насчет войн вообще и войн тотальных. Вообще-то говоря, война — нормальное состояние истории человечества (кто не верит, возмите статистику). Мужикам надо кому-то проламывать голову, никуда от этого не деться. Красивее всего это бывает, когда совершается, как у д'Артаньяна, хотя и он порой доводит до сожжения трактира и гибели неповинной трактирщицы. Война — так уж сложилась история — была непременным условием существования общества. Но войны до 1914 были обязательны **только** для тех, кто хочет участвовать в войне или сословно вынужден, для кого это профессия, кто сам при этом рискует жизнью. Иными словами, значимыми они были для **очень узкого круга**. Идет там где-то война, а люди пашут себе, сеют, торгуют, никого из них эта война не касается. Вот, например, Фарадей со спутниками в 1809—1811 в отпуск съездили из Англии во Францию. Англия воевала с Францией с 1793 по 1815, действовала введенная декретом Наполеона континентальная блокада, а Фарадей спокойно "получает визы" и не таясь проезжает от Ла-Манша до Лиона, любуясь и живя в гостиницах, встречаясь с учеными. Ибо "блокада" касалась **оптовой торговли, коммерческих дел**, а не **личных**. Никто не хватал Фарадея как "шпиона" или кого-то там враждебного. И сам Фарадей не исполнял никаких соглядатайских обязанностей, в отличие от Вавилова, который, 120 лет спустя, в афганскую поездку, собирая семена, отчитывался и перед разведорганами.

А в 1915 царем был издан закон о принудительном отчуждении земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии во всем 150-верстном приграничном районе. В отличие от сталинского выселения народов в 1941—44, на добровольную ликвидацию хозяйства оставлялись сроки от 10 до 16 месяцев. Сенат постановил, что подданные вражеских держав **не должны** пользоваться судебной защитой. Для должников германских и австрийских подданных открылась тем самым

возможность освободиться от платежей — многие, и в том числе городские учреждения, этим **воспользовались**. Даже монархист С. С. Ольденбург, писавший в Праге в 1939 историю царствования Николая II, смущенно комментирует:

Это распространение военных законов на частноправовые отношения вообще было новой чертой в международной жизни: во время Крымской кампании, например, Россия считала еще себя обязанной платить англичанам проценты по займам, хотя и состояла с Англией в войне. Великая Война, подобно землетрясению, перевернула психологию народов и опрокинула представления о праве и добре, казавшиеся незыблемыми. Наряду с героизмом и жертвенностью, война породила психологию: "Добро есть то, что содействует успеху".

Война же 1914 стала тотальной, она **всех задела**. Прежде всего в силу развития техники, к чему приложили руки и Фарадей, и Эдисон, и Менделеев. Такой техники, когда невозможно соблюдать человеколюбивые правила всяких женевских конвенций, согласно коим гражданское население не должно подвергаться угрозе смерти, разрушения жилища или гибели имущества. Да, когда драгунский полк выступает против уланского полка, когда они рубятся и даже постреливают, видя в отдельности каждое летящее и крутящееся ядро, можно уберечь население. **Технически** возможно. Но когда артиллерия умеет стрелять на сотни километров, когда с аэроплана можно сбрасывать бомбы, когда ветер несет отравляющий газ, когда пулемет строчит безостановочно, когда артподготовка стирает целые квадраты или полосы, тогда уже все живое гибнет подряд. Черчилль изобретает танки, ставя колесные броневики на гусеницы, — кто будет считаться с требованием сохранить неповрежденными гражданские дороги?! Как, обстреливая Париж "Большой Бертой" за 200 верст, немцы разберут, в какое здание попадает снаряд и кто в том здании живет, учится, дислоцирован, лечится?! Во всех странах для перевозки больших контингентов войск **приходится** отменять на железных дорогах перевозку гражданского населения и грузов, так что приходится начинать с ущемления собственного мирного населения, а уж где тем заботиться о чужом!.. На женевских сборищах выработаны были правила гуманного ведения боевых операций, правила гуманного обращения с военно-

пленными, был учрежден Красный Крест для целей оказания помощи раненым и военнопленным. Дабы случайно не поранили санитаров, тот должен носить знак Красного Креста, хорошо видимый; одет санитар должен был в форму, заметно отличающуюся от армейской формы. Но при дальнобойном оружии эти различия в формах стираются — палат во все движущееся подряд. Перевозки Красного Креста должны были тоже производиться под этим знаком, например если поезд, то на крышах и стенах вагонов должны быть нарисованы кресты. Его нельзя обстреливать, бомбить, но как ты в сумерках различишь? Это что же, уйти от возможной мишени не обстрелявший?! Или еще. Не знаю, как другие правительства, но российское уже в 1915 нарушало эти соглашения грубо жульнически: посылали боеприпасы Румынии под маркой ящиков с красным крестом. А немцы в этом смысле люди совершенно формальные и беспощадные. Им довольно одного нарушения, чтобы обесценить сотни случаев соблюдения договоренности, конечно, ежели они чувствуют себя достаточно сильными. И они провозгласили нарушителями **своих противников**, сами сняв с себя юридическую ответственность за все последующие собственные нарушения. И начали вести подводную войну. Строго говоря, поначалу она не подпадала ни под какие конвенции, поскольку, когда те заключались, еще не существовало подводного военного флота. Но уже довольно быстро — и естественно — немцы пустились нарушать вековые правила спасения тонущих на море. Любой капитан, видя тонущих, **обязан** взять их на борт к себе — независимо от состояний войны, разрыва дипломатических отношений, предыдущей стрельбы друг по другу и т. п. Именно так японцы брали на борт тонущих русских моряков под Цусимой, спасли команду крейсера "Варяг". Но **технически** для крохотной подводной лодки, потопившей громадный транспорт с войсками, невозможно никого взять на борт, даже в надводном положении, которое крайне рискованно для подлодки. Немцев стали уличать в нарушении общеморских правил, они отреклись от правил вообще — тотальность возросла. Пошли топить и мирные корабли. Так рухнула хрупкая система юридических фикций, на которых базировалось европейское представление о "гуманном ведении войны", т. е. представления-иллюзии о "жизни в цивилизованном

обществе". Война сделалась тотальная, ни с чем не считающаяся, кроме самой себя, кроме своих собственных потребностей "успешного ведения войны".

И в короткий, кратчайший срок в глазах всего мира именно немцы стали выглядеть главными виновниками нарушений. Виновниками варварской войны. Это они напали на нейтральную Бельгию, дабы упростить себе стратегическое выполнение плана Шлиффена по разгрому Франции. Бельгия-то надеялась отсидеться в нейтралитете. В конце концов немцы сумели восстановить против себя весь мир, даже североамериканцев, так что, когда Россия выпала в 1917 из антинемецкой коалиции, в эту коалицию — Антанту — вступили С.-А.С.Ш., гораздо более мощный враг Германии, нежели Россия. Вообще-то С.-А.С.Ш. никак не хотели ввязываться в европейский конфликт, изоляционизм у американцев очень высок, сила лозунга "Америка для американцев" большая. Добавочно: в С.-А.С.Ш. проживало громадное количество граждан и иммигрантов германского происхождения, говоривших на родном немецком языке, не желавших воевать против своего бывшего отечества, против страны отцов и братьев¹. Но когда одно на другое накладывались такие варварства, как потопление громадного пассажирского корабля "Луизитания", то с победой на президентских выборах в 1916 Вудро Вильсона вступление С.-А.С.Ш. в войну на стороне Антанты оказалось неизбежным. И в апреле 1917 С.-А.С.Ш. провозгласили войну Германии. К слову, на борту "Луизитании" в Европу отправлялся некий миллионер-миллиардер с целью вложить весь свой капитал в дело мирного прекращения войны-кровопролития. В дело примирения воюющих европейцев. Если надо где подкупить кого, если есть где какие претензии у одного государства к другому, готов был он выплатить из своего кошелька. Ибо

крупный капитал труслив. Он боится войны. Он готов откупиться любой ценой, лишь бы не было войны.

¹ К слову, их не принуждали к этому. Любопытное сравнение: иконы С.-А.С.Ш. освобождали немцев-американцев от службы в американской армии. Поэтому практически случаев перехода на сторону врага там не было. Законы же Австрии не освобождали славян от службы в австрийской армии, поэтому чехи, словены, русины полками сдавались русским.

Только голоштанники, которым нечего терять, охотно раздувают войны и мировые пожары. И нет ничего ошибочнее, нет ничего более мешающего понять истинный ход истории, нежели клише, согласно которому якобы "крупный капитал раздувает войну и наживается на ней".

В немецких оккупационных войсках, расположившихся в Бельгии и Франции, появилась практика "заложников". Кажется, впервые она возникла в 1870, но заметно стала проявляться в 1914—1915. Берут, например, мэра городка в заложники, и если кто-нибудь ночью перервет линию сообщений со штабом, то мэра утром расстреливают, хотя у него бесспорное алиби, поскольку он в ту ночь в тюрьме сидел. Тут полезно для оценки будущего напомнить, что практику брать заложников для поддержания спокойствия в округе придумали не какие-нибудь террористы или коммунисты-большевики, а ее изобрел Генеральный Штаб и санкционировало правительство Германской Империи. В России до этого в те годы не дошли. Скажем, из-за двойственного положения евреев в зоне военных действий (см. § 9 кн. I) среди них нашлись и такие, что стали работать на немцев шпионами в прифронтовой местности; примерно по тем же основаниям и так же, как работали контрабандистами или проводниками для беглецов через границу. Тогда великий князь Николай Николаевич, Верховный Главнокомандующий, повелел выселить всех евреев из Прибалтики в 24 часа. Но нашелся умный адъютант-референт, который убедил, что поголовное выселение невозможно ни в 24 часа, ни в 24 месяца. Потому что просто во время военных действий, когда мы не знаем, где какое население и сколько его, невыселимо выявить, у кого какое вероисповедание. Тогда упорный князь повелел взять заложников побогаче из евреев, и буде обнаружат какого шпиона из евреев, то расстрелять сих заложников. Но и этого его приказа не исполнили — просто сунули куда подальше, а Главнокомандующий и сам позабыл, что отдал такой приказ. Ужас Германии заключался в том, что в ней подобные приказы издавались с полным соблюдением всех законных формальностей и столь же дисциплинированно и исполнительно приводились в действие. В России же спасал бардак, отсутствие систематичности и пунктуальности.

Сейчас подобные акции подпадают под понятие "преступлений против человечности". Когда судили всяких герингов за такие преступления, они оправдывались: о какой "человечности" может идти речь во время войны?! Когда на карту поставлена жизнь нации?! Судьба социализма?! В этом и состоит суть фашизма — в тотальном мышлении, при котором все человеческие ценности приносят в жертву ради **достижения победы**. Приводимые примеры призваны помочь понять, как в аду Первой мировой войны рождалась идеология фашизма. Та, которая радостно продекларировала: "И рухнуло браунингам в провал римское и еще какие-то права!" Которая стала учить: все эти "гуманные", "человеколюбивые" слова — это только средство буржуазного, классового, плутократического обмана масс.

Страшно — с общечеловеческой точки зрения — стало то, что **техника стала служить целям уничтожения людей**, стала подчинена войне. На переломе XIX и XX веков только-только мечтали еще о временах, когда человек "завоюет стихии", "научится летать", "подчинит себе воздух" и "подводное царство". И вдруг оказалось, что как-то враз "завоевал", "научился" и "подчинил", но что все это используется в античеловеческих целях. Быстрее и эффективнее, нежели успели использовать те же технические достижения для улучшения жизни, быта, устранения социальных несправедливостей. Фантастическая греза Александра Грина "Блестящий мир" — это насквозь индивидуалистическая мечта, как человек научится летать, а обернулась она такой социализацией авиации! Конечно, масштабами не выросло это до последующих бомбежек Ковентри или Дрездена, но ведь все равно человеческое развитие, успехи человеческой мысли, успехи человеческих наук, человеческое мастерство обернулись античеловеческим кошмаром, убийством, калечением, **лютом**. В этом непреходящее историко-политическое значение той войны. Техника после нее милитаризировалась, техника стала служить в первую очередь войне. Не случайно уже в годы той войны носилась идея атомной бомбы, а в 1921 Эренбург в одном романе упоминал, что американцы уничтожили этой атомной бомбой Японию. Телефон — такая чудесная вещь, связывающая людей в разных местах, — стал

служить оперативной передаче команд на убийство. Из генштаба и ниже по звеньям.

Второе несчастье, принесенное этой войной, обнаружилось, что человечество достигло в XIX веке пика, вершины своего нравственного развития, а в XX обернулось на попятное движение. Ведь в своих грезах об устранении насилия из жизни общества человечество достигло в XIX веке максимума, т. е. **насилие было минимизировано**. Рисовалась картина, будто употребление насилия для разрешения тех или иных спорных вопросов внутри ли страны, вне ли в принципе устраняется. Вскоре может быть и вовсе устранено, когда все цивилизуются (или "проникнутся религиозным сознанием", как учил Толстой). Минимизируется убийство, смертная казнь. Казалось, что это уже реализуется, уже в стадии почти полной реализации, вот-вот, чуть-чуть, осталось. Ну, люди должны стать чуток умней. Ну, просвещение должно распространиться, школы улучшиться. Вот уже и детей в школах перестали пороть. Ну и какие-то социальные усовершенствования нужны, дабы голодные жаны вальжаны не нарушали порядка. Вот-вот перестанут прибегать к насилию совсем!

И вдруг это насилие становится **повседневной жизнью** на протяжении нескольких лет. Только насилием, только убийством, только угрозой убийства, только спасением от убийства занимаются люди — и массы простонародья и возвышенные интеллигенты — на протяжении нескольких лет подряд. Это сразу отобраывает человечество на много веков назад. Ибо тем людям, которые **привыкли** каждый день стрелять или находиться под обстрелом, которые получают орден за то, что на пику насадили больше людей, нежели сосед насадил, — этим людям позже уже не внушить: "Не убий!" У них уже привычка выработалась. И минет фронт, а останется ностальгия по тем временам, когда в него палили, а он так ловко и героически вел себя, что жив остался и победил, убивши тех, кто в него стрелял! Он уже свысока воспринимает тех, кто сам не убивал, кто не знает этого ощущения, кто не привык спокойно перешагивать через трупы товарищей своих и врагов.

В итоге воздействия всех этих тотальных причин рождалось нечто небывалое во всемирной истории. Один писатель вкладывает в уста своего персонажа слова:

Кстати, о свободе. Ты не заметил ли — о ней забыли все, кроме, разве, профессиональных журналистов. Как эти солдаты подчинили свои чувства, думы, дни разумным машинам (= пушкам и пулеметам. — *Р. П.*), так вся Европа предана сейчас железному, единому закону. О свободе, самой простой, не той торжественной, что в конституциях "слова, совести, передвижения" и прочая, прочая, нет, о свободе жить, думать, ездить на лодке, бить полотенцем мух, писать стихи, вешаться от любви на галстук, о свободе человеческой забыли все. (...) Что же сказать вам о завтрашнем дне? Кричат знакомые, заветные, уютные слова: "родина", "честь", "победа", "во имя"... Что вам имя?... Работают же на безликого, бездуховного, нерожденного, но в утробе — жесточайшего.

Да, тогда рождался тоталитаризм, фашизм, обращавший индивидуумов — в винтики одной машины. Рождался не от каких-либо "доктрин" и "теорий", не по чьему-то "умыслу", но самым ходом вещей плюс неподготовленностью души человеческой к обрушившемуся на нее массово-техническому миру.

Вкратце о ходе военных действий. Согласно доктрине Мольтке, Германия не в силах вести одновременную войну на два фронта; поэтому, коли у нее возникают два военных врага и на западе и на востоке, она должна **быстро, мгновенно** вывести из строя одного врага, дабы затем уже воевать против второго. Русский глубокий и протяженный фронт не сломишь в считанные дни, дабы принудить Россию к миру, поему сразу после вступления Франции в войну Германия порешила вывести из войны Францию, для чего пошла через Бельгию — в том месте, где французы не ждали. Но благодаря тому, что французы в Первую мировую войну защищались лучше, героичнее, нежели во Вторую мировую, немцам не удалось вывести западный фронт из игры, и в дальнейшем они были обречены воевать на два фронта, т. е. — согласно Мольтке — обречены были на поражение априори. Кабы кайзер, осознавши это, пошел на попятный, ход мировой истории стал бы иным. Но и в условиях блокады Германия не только не просила пардону, но продолжала воевать за мировое господство. А поражение Центральных Держав было неотвратимо и экономически и стратегически при одном условии: что страны Антанты не психуют, не выходят на сепаратный мир. Германское правительство пыталось склонять царя и царя к сепаратному миру, но безуспешно. В 1915 Италия выступила против Центральных Держав, в 1916 к Антанте присоединилась Румыния. Как

боевые силы государства эти значили мало, но как симптом всеохватывающей блокады — много. Кажется, никто за всю войну не подключился к Германии-Австрии, за исключением Турции и Болгарии.

Фронт на западе, грубо говоря, стабилизировался. Для французов два названия звучат примерно как "Сталинград" для русских — это "Марна" и "Верден". Погибло под Верденом около миллиона человек. Представить зрительно: на одном месте, в районе городка с десятком тысяч населения, погибло около миллиона солдат! Такова была ожесточенность сражений. А ведь порядок всего населения Франции — пятьдесят миллионов, примерно столько же в Германии. При пересчете потерь на душу населения в стране оказывается, что больше всего потерь понесла Франция, где за 1914—1918 погибло примерно семь из тысячи. Следующими в этой шкале идут англичане. При таких фактах кощунством выглядят писания отдельных историографов и сочинителей, что, мол, "Антанта покупала русскую кровь за займы". Россия на деле понесла потерь **меньше всех** (в пересчете на душу населения), не считая С.-А. С.Ш., которые воевали менее двух лет. Германия по индексу потерь находится на пятом-шестом месте, ибо немцы умели технично убивать, у них "культура убийства" находилась на большей высоте, им требовалось меньшее число выстрелов, меньшее число снарядов, меньшее время, меньшие собственные жертвы на поражение одного неприятельского солдата.

Укрупняя план и от всемирной панорамы переходя к российской, мы увидим, что на разных фронтах события развивались по-разному. На Южном фронте русские одерживали победу за победой, взяли Карс, взяли Эрзерум, продвинулись глубоко в Турцию. На этом фронте не возникало никаких волнений и антиправительственных разговоров. Это и понятно: если имеется успех, то почему бы и не повоевать?! Очень приятно крушить ребро другому.

На Юго-Западном было не так хорошо. Позже с этим фронтом сомкнулся Румынский фронт, но румыны воевать не умели, они только воровать умели. Фронт в основном держался, иногда даже одерживал частичные победы. Русская армия сохраняла инициативу, там осуществлен знаменитый брусилковский прорыв. Потом, правда, приходилось отступать и отдавать то, что завоевали, но повального отступления

не было, воевали на равных. Главным противником там были австро-венгерские войска, славянские части которых нередко сдавались в плен в полном составе, а из пленных позже формировались уже антинемецкие вооруженные силы.

На Западном фронте приходилось воевать не столько против Австро-Венгрии, сколько против Пруссии. Пруссак на голову выше австрийцев в военном отношении. И там приходилось **все время отступать**. К тому же линия фронта пролегла через земли "Привислинского края", т. е. Польши, преимущественно "этнической Польши". Там против России воевали еще регионы Пилсудского. Пройдя через стадию социализма, Юзеф Пилсудский к 1912 пришел к воззрению, что главный вопрос — **национальный вопрос**. Надо, установил он, возродить разорванную на три куска Родину. Возродить как **самостоятельное государство**. Для начала неважно в каких границах. Еще в 1912—1913, предвидя мировую войну, Пилсудский высказывался пророчески, что в этой войне Центральные Державы разгромят Россию, а затем Антанта одержит победу над Центральными Державами. Этот прогноз¹ лег в основу его тактики: с началом войны Пилсудский предложил немецкому генштабу, что сформирует польскую армию из добровольцев; она будет воевать против России при условии, что приобретает **государственный статус**. Она подчиняется **польским властям**, воюет в **союзе** с Германией. И при начале военных действий его регионы торжественно вступили в Варшаву, из которой бежали русские. Поляки героически дрались за то, чтобы освободить Речь Посполиту от тех москалей, которые в 1830 разоряли Варшаву, в 1863 губили Родину, которые в 1870—1914 запрещали Польше польский язык в судах, в государственных учреждениях, даже устные объяснения по-польски в казенных присутственных местах воспрещались. Позже, когда под давлением ситуации на фронте и своих союзников

¹ Так как это предсказание сбылось, оно кажется естественным и не удивляет. Но стоит подчеркнуть, что так представляли себе будущее немногие. Например, президент Вильсон строил свою стратегию в предположении, что если Германия рухнет, то Россия заполнит всю Центральную Европу и станет господствующей на континенте державой. Т. е. он как бы провидел ситуацию после второй мировой войны, но в первую — не он, а Пилсудский оказался провидцем.

российское правительство дало некоторые невнятные обещания насчет самостоятельности Польши после войны, когда на русской стороне были сформированы легионы Довбор-Мусницкого, положение Пилсудского при немцах пошатнулось, его даже арестовали, но это уже, собственно, польская страница истории. А для русской существенно, что на протяжении 1914—1917 Западный фронт **отступал**, был угнетен отступлением.

Примерно то же самое творилось на Северном фронте, т. е. в Прибалтике. Там примерно половина населения были немцы — "остзейские немцы" (Ост Зее). Это сейчас, в итоге секретного протокола 1939 и последующих депортаций, немцы оттуда исчезли. Тогда же наступление из Восточной Пруссии (сейчас поделенной между Россией и Польшей с тотальным выселением населения), естественно, воспринималось как возвращение немцев на свою законную родину, кою сдуру Анна Ивановна присоединила к москвитам. Северный фронт перманентно отступал. В Финляндии никаких сухопутных действий не происходило. Там базировался российский флот, но он не сыграл в войне заметной роли. Социально значимо, что Северный и Северо-Западный фронты пятились, а потому там все время klokотало недовольство. Это нормальное недовольство человека, которого бьют. Которого заставляют рисковать жизнью, испытывая множество неудобств, но который не получает никакой компенсации в виде "мы победили", "зато". Он уже не разбирает, кто его бьет, за что его бьют, не сам ли он виноват в том, что его бьют (сия мысль в голову приходит редко и обычно последней). Это все совершенно неважно, а важно лишь, что его бьют, а ему некого ударить. Психически такое состояние ущербно, поэтому там роптали. Что солдаты ропщут — это не имело большого значения. На кого они ропщут — ну, на ефрейторов, унтеров, прапорщиков, поручиков. Самое большее — на батальонного майора в полковом штабе. Большие солдаты и не видят никого. Ропот солдат был социально несуществен. Малейшей победы оказывалось достаточно, дабы изменить настроение на противоположное. Гораздо важнее было возмущение офицеров, от полковников до командующих фронтами. Они были недовольны проигрываемой войной. Естественно, каждый считал, что именно он поступает правильно, а его сосед — неправильно. Но, встречаясь

с соседом, оба сходились на том, что **начальство** поступало неправильно. Оно приказывало неправильно. Недоприказывало, переприказывало, не в ту сторону приказывало. Вот это-то настроение, расплываясь, стало главенствующим к осени 1916 года.

Но до того, как рассказывать про события, порожденные этим настроением, пройдемся чуть глубже по общественно значимым проявлениям и фактам этих лет.

Прежде всего мы видим проявления векового бескультурья и беспечности. Пишут вот, что солдаты, мол, "гнили в окопах". А ведь почему они, сукины дети, гнили в окопах?! Вот описание свидетеля-очевидца. Идут парламентареры от русских к немцам. По русской территории пробираются. Всюду сырость, течет, загажено, воняет. Солдаты кое-как пристроились, без уюта-комфорта. Переходят на немецкую территорию — т. е. несколько шагов по белорусской земле, где тогда пролежала линия фронта, — и видят, что кругом полная сухость, дренажная система в окопах и ходах сообщения, что уборные отнесены в сторону, что в окопах полная чистота, никаких экскрементов, уютные койки. В чем же дело? Не в территории, не в климате, не в погоде. А в том, что немцы по-хозяйски, аккуратно располагались на занятой ими земле. Приходят и сразу проводят дренаж: нам здесь жить, надо обеспечить санитарные нормы житья. Русский же машет рукой: а, авось и так! Ничего со мной (или "с ним") не станется, подстелю шинелку. Вот еще выдумали — трудиться отходить подале, тут поближе и присяду. Это традиционное нежелание вкладывать свой труд в улучшение бытовых условий собственной жизни — вот оно и сказывалось столь картинно. Не о презренных бытовых условиях думать надлежит, а о душе. Ну и поругивать других, "из-за которых" бытовые условия такие несносные. Вот это все и оборачивалось хрестоматийным "гниют в окопах". У немцев вшей не водилось. Русские же все время занимались щелканьем по нижнему белью. И позднее это фатально отразилось уже на армии Деникина: ее сгубил сыпной тиф.

Другой пример. В первые недели войны по стечению мобилизационных обстоятельств в Петрограде скопилось страшно много призванных в действующую армию, транзитных и случайно временных задержан-

ных именно в Петрограде. Начальство сначала скомандовало погрузить их в эшелоны, а лишь потом подумало, куда же, собственно, сии эшелоны направлять? С железными дорогами было не так хорошо, как в Европе, посему их погнали через главный железнодорожный узел Петроград. В стиле добротной российской традиции их, высадивши из эшелонов, пристроили "временно" в университете, располагавшемся в Петровских Коллегиях. Ну, студентов оттуда, само собой, попросили прочь "на время". Итак, главное здание заняли солдатами. Уборные, что имелись в университете, были рассчитаны на гораздо меньшее число пользователей. У солдат они мгновенно забились и вышли из строя. Начальство же о таких низменных предметах, естественно, не удостоивает думать, равно как и историографы, которые описывают те времена и все озабочены высоким штилем да классовым анализом. Относительно "смыва" солдат не инструктировали, не обучали. И вот при забытых наглухо унитазах, заделанных до непроходимости сортирах солдаты пустились испражняться непосредственно в коридорах и на лестнице университета. Очевидец повествует, как он вместе с той самой женщиной, которая послужила блоковой Незнакомкой, ходил по этому коридору, как они перепрыгивали через кучки, как, не стесняясь их, на ступеньках восседал солдат с голой задницей и говорил: "Вот я рассчитал: когда до последней ступеньки дойду, а я каждый день на очередную делаю, тогда нас и отправят на фронт". Очевидец умиленно восхищается: "Так и случилось, в тот день и отправили! Как верно исчислил!" Ну, как бы поступил английский лорд или студент? Он, во-первых, набил бы морду этому солдату, чтобы тот не испражнялся при женщине. И другим — чтобы вообще не гадили там, где люди ходят. Английские студенты боксу не напрасно обучались. Затем лорд засучил бы рукава и — может быть, с помощью той же Незнакомки — вычистил бы все коридоры и ступеньки, и к нему на помощь пришли бы другие сыновья-дочери лордов. В точности так поступили английские лорды примерно десять лет спустя в Англии во время всеобщей стачки, когда практически все рабочие и чернорабочие примкнули к призыву лейбористов. Казалось — все, конец буржуазной Англии, никто этой работы не сделает, придется власть отдать социалистам. Ан нет, тут-то лорды

и приняли на себя работу грузчиками, кочегарами, гальюнщиками, подметальщиками, курьерами — это массовое бесплатное штрейкбрехерство сломило забастовку. А российские ничего не умели: ни морду набить, ни убрать грязь. Почему русские не могут набить морду? Да потому, что английский лорд, студент обучены бить больно, но без членовредительства. А русский дерется без удержу, не владея техникой, хватается за предмет потяжелее, за свинчатку, за топор. А ведь "набить морду" и "изувечить" — разные вещи! В России же интеллигенция дошла до такого идиотизма, что, мол, "недопустимо физическое воздействие", что, мол, "словом надо воздействовать". Проповедовал такой граф, который поучал, что, мол, нельзя противиться злу насилием, никак нельзя, ни в коем разе!

В результате солдаты поняли уже тогда, что они — **безнаказанны**.

Следующая, менее глобальная, сыгравшая важную роль в русской истории беда, принесенная первой мировой войной, заключалась в том, что массы людей **приучались к паразитической жизни**. Ведь армия — это паразитический орган. Она ничего не создает, но много потребляет. Особенно это относилось к гарнизонам в тыловых городах, к запасным гарнизонам, численность которых возросла сравнительно с мирным временем очень значительно. Эти-то уже полные паразиты. Но живут они на всю катушку, ибо знают, что их могут послать туда, где свищут пули и рвутся снаряды. Поэтому девочки все ихние — "греха перед пулею нет". Поэтому они и засирают университет, что перед перспективой смерти на фронте все прочие ценности отступают. Сознание "Ничего ты со мной не сделаешь!" и "Нечего думать о завтрашнем дне, хорошо бы сегодняшний провести!". Этот паразитический слой запасников из-за особой бездарности российского Генерального Штаба оказался самым главным на социальной арене к 1917. Ибо главным действующим лицом (хотя и не "юридическим лицом") в Петрограде в 1917 будут не те или иные политические деятели, не политико-общественные организации, а **петроградский гарнизон**. Эти тыловики уже в 1916 отказывались выступать на фронт, и власти, боясь обострять ситуацию, отменяли приказы о выступлении, т. е.

уступали фактическим дезертирам. Солдаты уже убивали — безнаказанно убивали — полицейских в Петрограде в 1916.

Как уже говорилось, никто не ожидал затяжной войны. К тому, что именуется "современной войной" — тоже, конечно, не были готовы. Конечно, немцы были подготовлены лучше, а у русских и французов доходило до трагических анекдотов. Например, один из крупнейших теоретиков российского военного дела генерал Драгомиров изрекал: "Пользование артиллерией развращает боевой дух войск". Сия мудрость, разумеется, хорошо вписывается в традицию: "Пуля дура, штык молодец", но не состыковывается со скорострельным оружием противника. Точно так же французы не отменяли ярко-красного цвета штанов своих солдат во имя пресловутого духа — и подставляли великолепные мишени противнику.

Нет, среди российских военных имелись светлые умы, были таланты. Академия Генерального Штаба воспитывала умелых полковников, грамотных и инициативных. Но общая система царской армии не вмещала в себя этих "академиков", "генштабистов", не подпускала их к руководящим должностям. Уродство государственного устройства России проявилось в том, что Верховным Главнокомандующим непременно был член Царствующей Фамилии: сначала назначен был великий князь Николай Николаевич-мл., а потом по наговору царицы его сняли и сам Император стал Главкомом. В военном отношении это был кошмар. Не личные качества Главкома важны в первую очередь, а его умение подбирать кадры и мыслить стратегически. Держать таких советников, которые поставляли бы ему наверх своевременно правильную информацию, которые давали бы разумные советы в связи с поступившей информацией. И — крайне важно — все это должно делаться быстро. Ведь в военном деле важно в первую очередь быстрое, мгновенное реагирование. В гражданском можно годами **никак** не поступать: жизнь все равно идет себе и идет. В военном же важно **именно сию минуту поступить как-то**, иногда даже не важно как, но **поступить**. Не примешь решения — теряются жизни дивизий и армий. Решение надо принять неотложно. Ну, кадров царь абсолютно не умел подбирать, про это мы уже рассуждали, когда обрисовывали, как

министры подбирались. А едва он провозгласил себя главковерхом, как в Ставке вступил в силу придворный церемониал. К нему мог попасть с докладом кто-нибудь, только спросившись у министра двора, совершенно штатского человека, которому было за 70 лет. Какую оперативную информацию он мог оценить по срочности, неотложности, чтобы осмелиться разбудить императора?! Он же судил не по информации, а по придворному рангу заявителя. И хотя информация была обращена не к царю, а к верховному главнокомандующему, допуск осуществлялся к Царю, а не к Главковерху. Эта система роковым образом сказала в дни Февраля, когда в царский поезд поступила срочная телеграмма, на которую следовало немедленно отвечать, но Его Императорское Величество изволил отойти ко сну, недопустимо же тревожить августейший сон... А к тому часу, когда Император изволил проснуться, позавтракать и когда по придворному церемониалу наступила пора докладывать поступившие телеграммы, пришла уже другая телеграмма, после которой на ту, первую, уже незачем было отвечать, уже не оставалось альтернатив, оставалось лишь отречение...

Конечно, сопоставляя эту бездарность руководства с ходом Второй мировой войны, видишь, что царское правительство, в отличие от правительства сталинского, не предало своего западного союзника, так что немцы все-таки были вынуждены вести войну на два фронта, а не порознь бить сначала врага на западе, потом — на востоке. Царю померещиться не могла бы та власть Сталина, пользуясь которой он расстреливал командующих армиями и фронтами. Пресса, конечно, врала и визжала, но опять же царю не снилось сталинское могущество над газетами, журналами, пропагандой, идеологией. Никакой заметной части российской промышленности не пришлось эвакуировать; эвакуации подверглись варшавский да дерптский вузы, часть населения из Прибалтики и Польши. В 1915 по стране прокатилась паника, отозвавшись в думских выступлениях и даже правительственных совещаниях, когда из-за успехов немцев казалось, что придется сдать врагу Киев. Но германцы и близко к Киеву не подошли, даже Рига была сдана только летом 1917. Ни на Дону, ни на Волге оккупанты не побывали. Возникали трудности с продовольствием, приходилось на второй-

третий годы войны в крупных городах вводить нормы продажи хлеба. Но в целом страна жила без карточной системы, трудности вызывались **не отсутствием** хлеба в стране, а **транспортными, административными и корыстными** причинами. Не хватало транспорта для перевозки грузов, ибо мало было железных дорог. Правительство установило разновидность продовольственной разверстки на хлеб (подчеркну: задолго до большевистской продразверстки!), закупаая по установленным правительством ценам весь (или почти весь) хлеб и далее распределяя его в административном порядке. С этой задачей администрация от непривычки справляться не умела. Крестьяне же не хотели продавать хлеб по низким ценам, придерживая его у себя, продавая на сторону по повышенным ценам. Полезно отметить, что крестьянство очень сильно — в среднем — обогатилось за время войны, ибо накопило денег. Но так как эти деньги они придерживали, не пуская в оборот, то Государственный банк вынужден был печатать новые ассигнации, чем началась инфляция, но, конечно, не сопоставимая с обесцениванием советского рубля в 1941—45 гг. В наиболее неблагоприятном месте, в Петрограде, цены за 1914—1917 выросли раз в восемь—десять. Зарботки почти не возросли, поскольку забастовки во время войны не допускались, бастующих тут же призывали в армию.

Опять-таки не следует в этом российском развале видеть что-либо специфически русское. У союзников дела обстояли не лучше. Так, в июне 1917 американский посол доносил из Лондона, что "у английских финансовых агентов в Соединенных Штатах средств ровно столько, чтобы продержаться один день". Канцлер британского казначейства тогда же уведомил, что "вся финансовая структура Англии рухнет в течение нескольких дней". Запасов зерна в Англии оставалось лишь на восемь недель. Но, хотя другие страны были очень близки к краху, эту роковую черту **перешагнули** только одна Россия. И прочие державы-победительницы вернулись к своему прежнему устойчивому равновесию (не считая Италии), тогда как Россия, перейдя через пороговое значение, перешла к принципиально иному устойчивому равновесию, не прежнему. "Чуть-чуть" — иногда много значит в судьбе и людей и обществ...

Рекомендуем прочитать: Бонч-Бруевич М., Вырубова, Гроссман, Деникин, Дякин, Келлер, Курлов, Людендорф, Мстиславский, Ольденбург, Солженицын, Толстой А. Н.

§ 6. Исчезновение монархии

Партии в военные годы; заговор думцев с генералами; убийство Распутина; хлебные очереди; Керенский; Петроград против царя при молчании страны; отречение Романовых.

На фоне Мировой войны продолжались политические страсти конституционной России. Главным их символом мало-помалу стал Распутин; в его яркой фигуре, как в фокусе (хотя, если говорить точно, то был он "ложным фокусом"), скрестились все противоречивые устремления.

В начале войны было не так. Тогда практически все население страны слилось на несколько дней-недель в общем патриотическом порыве. И военные, и студенты, и монархисты, и конституционалисты, и крестьяне, и горожане, и торговцы, и служащие по найму — все загорелись чувством "дать отпор проклятым немцам". Волна стихийных демонстраций в поддержку правительства прокатилась по городам. Государственная Дума единодушно поддержала военные мероприятия и призвала вести войну до победы. Но волна эта была одиночной, разовой — прокатилась и сошла на нет, оставив недовольство тем, как правительство ведет войну; выросло раздражение от разлада и бестолковости в администрации.

Нет, общество не мгновенно повернулось от сотрудничества с властью к нападкам на власть. Сознавание того, что война — тяжелое испытание для родины, что надо многим поступиться для победы или хотя бы для защиты родной земли, — побуждало к умеренности. Был создан "Союз Земства и Городов" ("Земгор", "земгусары") для оказания помощи правительству и армии, промышленности и транспорту со стороны общественных сил. Это было нечто вроде того единения, которое устанавливалось в обществе в 1891 в связи с голодом (см. § 5, кн. I); только при Александре III власть была придирчивой и считала

себя сильной, а потому всячески препятствовала общественным силам, сейчас же власть еле-еле дышала сама, никому препятствовать не сумела бы, так что Земгор возник и функционировал без помех. Из общественных же сил возникло Особое Совецание по Обороне, занимавшееся проблемами крупной и оборонной промышленности, вопросами транспорта и изыскания средств для закупок наиболее важных товаров для страны. Но все уходило в песок из-за полной некомпетентности основного руководящего звена управления в царской России. Безответственность верховной власти в назначении министров, прежде всего премьер-министра, обернулась катастрофически низким профессиональным уровнем министров и их непосредственных подчиненных. Престарелый Горемыкин, который и в лучшие-то свои годы не относился к числу выдающихся государственных деятелей, был вынужден в военной напряженности управлять страной, а в дни Февральской революции задыхаться от страха и непонимания. Проходимец Протопопов, который умел в покоях царицы кривляться, изображая на ковре умирающую или влюбленную пантеру, — в награду удостоивался поста министра внутренних дел. Честный Самарин, неодобрительно отозвавшийся о Гришке, тут же увольнялся в отставку с поста обер-прокурора Святейшего Синода. А тем временем десятки политических деятелей из числа заседавших в Думе и около нее, доказавших уже за 20—30 лет свою пригодность к государственной работе и любовь к родине, — не допускались к управлению. Пока канцелярия какого-нибудь министра не облечет в циркуляры и отношения, не выхолостит сути дела — никакое решение Земгора не обретало силы. И напрасно гибли солдаты на фронте, напрасно верста по версте отдавалась российская земля германцам, напрасно уходили деньги. Это не просто раздражало, это заставляло политических деятелей принимать **политические** решения.

Разные политические партии ставили перед собой различные цели. Пожалуй, ни одна из представленных в IV Думе партий не ставила в 1913—1914 цели в ближайшее пятилетие свергнуть монархию. Наиболее левая из легальных партий, КДП, ставила задачей "достигнуть ответственного министерства", т. е. чтобы при сохранении царя премьер-министр назначался бы Думой, отчетывался бы перед нею, ею же мог бы быть.

уволен в отставку; соответственно и прочие министры. Более левые, но уже нелегальные РСДРП и ПСР были, по сути, безразличны к государственному устройству страны, они вели **демонстрационную деятельность**, с тем чтобы иметь имя и определенный престиж к моменту нового революционного подъема, который конечно же когда-нибудь повторится. ("Демонстрационная" — не в смысле уличных демонстраций, а в смысле демонстрирования.) Иные из них даже всерьез верили, будто бы "развязанная капиталистами империалистическая война" обязательно обернется мировой социалистической революцией, но из-за отсутствия деловых исследований по их психике трудно сказать, насколько значима для них была такая вера.

Деятельность именно большевиков в России в годы войны протекала в трудных условиях и оказывала минимальное воздействие на общественно-политическую жизнь. Прежде всего, осенью 1914 в Петроград прибыл присланный Лениным Каменев, дабы проинструктировать руководящих большевиков о политической линии революционной социал-демократии во время войны. Собралось совещание, на котором присутствовали все пятеро депутатов-большевиков в IV Думе, а также другие заметные функционеры. Из-за наличия хорошей агентуры охранка арестовала всех совещающихся на второй день, депутаты и Каменев были сосланы, партия лишилась своей верхушки, а также представительства в парламенте. Затем газету "Правда" возглавлял Черномазов, который — как выяснилось в Феврале — давно служил в охранке. Охранное отделение всячески разжигало распри между социал-демократами, старательно препятствовало через свою агентуру объединению большевиков и меньшевиков — это также уменьшало возможности большевистского действия. Значительно возросла роль "межрайонного комитета", в который входили такие сторонники Троцкого, как Володарский, Иоффе, Луначарский, Урицкий, Юренев. Они стремились игнорировать межфракционную полемику, пытались исходить "из принципов интернациональной социал-демократии" ("циммервальдская левая" и т. п.). Из большевиков в Петрограде действовали Шляпников и Скрябин (Молотов). Они имели солидный стаж нелегальной партийной работы, но были очень серыми личностями, плохо разбиравшимися и в политике,

и в устройстве общества, и в теории. Впрочем, в людях, кажется, они умели разбираться, — так, Шляпников подметил, что по партийным явкам через Швецию со ссылками на Ленина косяком приходят немецкие шпионы. Но независимо от того, в чем Русское Бюро ЦК РСДРП, возглавлявшееся Шляпниковым, умело разбираться, в чем нет, сил в стране было так мало, что для посылки в партию проагандистских материалов Ульянов был вынужден пользоваться адресом своей матери: другого надежного не имелось.

Примерно в таком же развале пребывали с.-д. меньшевики, оставшиеся в составе Думы, и ПСР, которая косвенно была представлена в Думе "трудовой фракцией". Неожиданно активную и организованную роль сыграла в Февральские дни левая группировка с.-р., которую возглавлял П. А. Дмитриевский (= Александрович). Совместно с межрайонцами (Ф. Ф. Линде) они, вроде бы, вывели на уличные демонстрации значительное количество людей. Но этот эпизод плохо исследован в историографии из-за стандартного замалчивания революционных заслуг эсеров и троцкистов. Но все же позиции этих партий были сильнее из-за того, что в Думе находились их признанные представители вроде Чхеидзе и Керенского. Легальность деятельности думцев, меньшевиков и трудовиков, косвенно помогала большевикам. Например, в развитие идей Земгора возник Военно-Промышленный Комитет, при котором была создана Рабочая Группа, возглавленная меньшевиком Гвоздевым. Цель ее — улавливать интересы рабочих, дабы не возникало конфликтов, мешающих промышленности работать на оборону. Поэтому Шляпников, как рабочий, за счет своих контактов с Гвоздевым (хотя контакты эти выглядели как обличения со стороны Шляпникова в адрес Гвоздева, продавшегося-де капиталистам) пользовался в глазах петроградской охраны неприкосновенностью. Арестуешь его — будешь иметь дело с думским запросом, внесенным с.-д. и трудовиками, а ради скандала его поддержит весь Прогрессивный Блок! Лучше не связываться! Арестовали Шляпникова и других большевиков только тогда, когда царь повелел распустить Государственную Думу — за несколько дней до Революции.

Прогрессивный Блок возник тогда как странный альянс между монархистами и кадетами, правыми

и левыми октябристами. В него то входила та или иная фракция, то выходила, разные группировки Блока переругивались друг с дружкой в прессе или с думской трибуны — но суть его была равно животрепещущая для всех: **долой Распутина!**

К событиям начала войны Гришка Распутин касательства не имел. Незадолго до того он чуть не отправился на тот свет: обманно лишенная им девства монахиня несколько раз погрузила в него нож, но он оказался живуч, она не была профессиональным убийцей, так что через несколько недель Гришка выкарабкался. И узнал, что началась война. Он немедленно отстучал телеграмму царю, заклиная того не объявлять войны. Конечно, немца мы победим, уговаривал он, но какое море крови прольется из-за этого! Все в кровавом тумане! Однако слал он свою телеграмму из Тобольска, лично воздействовать на царицу не мог, словом, к нему никто не прислушался. Однако этой своей позицией Распутин сразу сделал себя "борцом за мир", т. е. противопоставил себя практически всему обществу, всем правительственным деятелям, всей армии. Его и до того не любили, а сейчас "антипатриотическая позиция" делала его, наконец-то, серьезно уязвимым по законам военного времени. Так, например, когда он просил через несколько месяцев разрешения приехать на фронт "освятить бойцов", то Главковерх Николай Николаевич едко ответил: "Приезжай. Повешу". И мог бы — согласно юрисдикции фронтовой полосы. Распутин не оборвал своих гешефтмахерских контактов с сомнительными дельцами, а среди них имелось немало немецких шпионов или, по крайней мере, подозреваемых петроградской контрразведкою в шпионаже лиц (возглавлял контрразведку одно время генерал М. Д. Бонч-Бруевич, помешанный на шпиономании), — вот **основание** твердить, будто Распутин немецкий шпион. А любящая его царица — немка по происхождению; вот вам "другое доказательство". Крайне правые монархисты, у которых всегда умственная деятельность была самым слабым местом, особенно хватались за такие "доказательства" и возненавидели Распутина. На этой почве они сошлись с конституционными демократами, которые исстари ненавидели Распутина за его неконституционное вмешательство в дела управления государством. Сошлись с октяб-

ристами, которые враждебно относились к Распутину, следуя заветам своего великого лидера покойного П. А. Столыпина. Сошлись с журналистами, которым дай только посмаковать альковные секреты, почмокать над амурами в Царском Селе, в уединенном павильоне. Антираспутинские выступления достигли пика осенью 1916 в речах Керенского и Милюкова, нацеленных уже не против одного Распутина, но против самой императрицы. И пока в Думе произносились эти речи, а в прессе публиковались белые полосы взамен не пропущенных цензурой текстов (сами речи расходились в самиздате большими тиражами, нежели тиражи газет), на тайных собраниях велись беседы и вершились сговоры о тактических средствах, которыми можно изменить прогнивший режим управления. Эти разговоры происходили не на съездах малочисленных подпольных партий, где они суть пустая декламация, а велись солидными деятелями, имеющими за собой рычаги управления: депутатами Государственной Думы, промышленниками, замминистрами, генералами Штаба Верховного Главнокомандующего. Вот цитаты из книги одного советского историографа:

После сентябрьских 1916 года совещаний, во время частных бесед с товарищем (= первый заместитель, по-нашему — Р. П.) председателя Государственной Думы к.-д. Н. В. Некрасовым на квартире у А. И. Гучкова они пришли к выводу о необходимости встать на путь дворцового переворота. Они признали, что допустить смену власти в порядке революционной анархии нельзя, что ответственные и государственные люди должны на себя взять инициативу смены власти, и что дворцовый переворот является единственным выходом для спасения России от всех бед, связанных с грозящей ей стихийной революцией. Переворот мыслилось совершить бескровно, причем предполагалось брата императора провозгласить регентом. Вскоре к двум инициаторам дворцового переворота примкнул М. И. Терещенко.

Поименно известны две "пятерки". В первую входили А. И. Коновалов, А. И. Гучков, Н. В. Некрасов, М. В. Терещенко, И. Н. Ефимов. Во вторую, оформившуюся в начале декабря 1916, вошли Г. Е. Львов, П. П. Рябушинский, М. М. Федоров, М. В. Челноков, М. М. Хатисов.

План дворцового переворота имел несколько вариантов. Наиболее подготовленным являлся проект захвата царя в поездке между Петроградом и Ставкой. (...) Князь Вяземский примкнул к Гучкову, (...) заговорщики поставили в известность начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексе

ева. (...) Командующий войсками царской ставки генерал Н. В. Рузский (у которого начальником штаба был М. Д. Бонч-Бруевич) выразил свое сочувствие. (...) Было решено: 1. Конфликт правительства с Гос. Думой неизбежен. 2. Ни на какие уступки и частные соглашения ни прогрессивный блок, ни президиум Думы не пойдут. 3. Следовательно, Дума будет распущена. 4. Тогда объединенное большинство Думы объявит роспуск недействительным, заседания Думы продолжатся в Москве (...) по-видимому, в имении Коновалова. 5. Собравшаяся в Москве Дума обратится к стране с воззванием, в котором укажет, что правительство умышленно ведет Россию к поражению, дабы заключить союз с Германией и при ее помощи водворить в стране реакцию и окончательно аннулировать акт 17 октября...

Небольшой комментарий. Фактически **неверно**, будто бы "правительство умышленно вело страну к поражению", будто царь, царица, их родственники или министры проводили курс на "союз с Германией". Даже на заключение сепаратного мира с Германией не было ни установки, ни санкции царя. В то же время практически все общество и все заговорщики **искренне верили** в такой предательский умысел правительства. Ибо бардак был такой, что казалось: такое без злодейской измены невозможно! Так проявлялась психическая потребность объяснять беды не стечением обстоятельств, а происками врагов. Низкий уровень политической культуры общества проявлялся в факте устойчивой распространенной веры — в сущую чушь. Через 20 лет этот феномен повторится, в еще более уродливой форме веры во вредительство.

В то же время заговорщики не ошибались, когда полагали, что царь примеряется аннулировать Манифест 17 октября и превратить Думу из законодательного учреждения в законосовещательное; документы, свидетельствующие про таковой устойчивый замысел царя, сохранились. Так в истории, в жизни случается нередко: правильная оценка ситуации переплетена в умах и душах людей с глубоко неверными суждениями; но эти ошибочные умозаключения и предположения оказываются не менее мощными двигателями, нежели верные. Именно поэтому задачей историографа в первую очередь является **не судить** деятелей прошлого, а **стараться понять их, вжиться в их внутренний мир**. Тогда поступки персонажей прошлого выглядят естественными, лишенными загадок.

Подобно тому как охранное отделение знало про все, что вершилось в подпольных партиях, знало оно

и про эти сговоры-заговоры думских деятелей. Но было бессильно что-либо предпринять. Ибо не хватало улик, с которыми можно было сунуться в суд, обратиться к Думе с требованием лишить парламентской неприкосновенности заговорщиков, доказательно обратить внимание Верховного Главнокомандующего на измену его Начальника Штаба. Агентурные сведения — это еще не доказательство!

Фигура Гришки Распутина — вот что символизировало распад в стране, вот что порождало все заговоры, вот на что было направлено всеобщее негодование. Наиболее решительные из монархистов — великие князья Дмитрий Павлович и Николай Михайлович, плюс князь Феликс Юсупов, женатый на бывшей великой княгине Ирине Александровне, и дворянин Пуришкевич — замыслили более простую акцию, нежели государственный переворот. Они решили убрать самого Гришку. Убрать — убить. Согласно их замыслу, после убийства негодя предполагалось предъявить царю ультиматум с требованием выслать царицу за границу. После сего всякие обвинения в германофильстве и измене смолкнут, страна сплотится вокруг Верховного Вождя и победит германцев. Первое действие — убийство Григория Ефимовича Распутина-Новых им удалось осуществить, правда, не столь гладко, как ожидалось. Ключнул Гришка на бабу, конечно: Юсупов пообещал ему свою жену в любовницы, а тому вкусно добраться до великокняжеского белого мяса... Но организм Распутина был феноменально вынослив, и, кабы заговорщики не спустили его тело — нашпигованное цианистым калием, простреленное несколькими пулями, с проломленным черепом — под лед, полагая, будто это уже труп, Распутин бы еще ожил. Но лишь несколько дней спустя выловили его уже бездыханное тело в проруби между Васильевским островом и Петропавловской крепостью. На второе действие — предъявить ультиматум — заговорщикам смелости не хватило.

Хотя царь проявил необыкновенную для себя твердость и выказал свое неудовольствие своим родственникам великим князьям за убийство Распутина, даже дал понять, что намерен вести следствие и карать, это была единственная твердость, на которую он оказался способным. И он и царица пребывали январь—февраль 1917 в полной внутренней растерянности, находясь под впечатлением мрачных пророчеств Григория

на случай своей смерти. Заготовил царь и указ о роспуске Думы, с открытой датой, предоставив министру внутренних дел самому решить, когда им воспользоваться. Это был не первый такого рода указ, и до того царь давал карт-бланш своим министрам. Но именно сейчас министры решили им воспользоваться.

Собственно, стоит сказать чуть подробнее. На 14 (27 по новому стилю) февраля 1917 было назначено очередное открытие сессии Думы. К этому дню и был подготовлен указ. Слухи о намечаемом разгоне Думы ходили перед каждой ее сессией, циркулировали они и сейчас. Дабы парировать царские замыслы, думские деятели наметили к 14 февраля массовые демонстрации в поддержку Думы. Отчасти холод, отчасти агитация крайне левых внедумских партий против "говорильни" сорвали массовость уличных действий. Демонстрации вышли убогими. Полиция умозаключила, что Дума не пользуется поддержкой, и министр внутренних дел Протопопов счел уместным применить царский указ о роспуске Думы. Ирония судьбы в том, что он еще не успел осуществить сего намерения, как царь пожелал, чтобы сам Протопопов ушел в отставку.

Но за эти дни ситуация с массами переменилась полностью. Началось с мелочей. Транспорт работал плохо. Хлеба не хватало. Конечно, смысл слов "не хватало хлеба" меняется от эпохи к эпохе. Если бы жители Петрограда, без карточек покупавшие тогда в среднем около килограмма нефальсифицированного хлеба на душу населения в сутки, знали, что через три года им будут выдавать по пятьдесят граммов хлеба на сутки, и не на душу, а только на рабочего; если бы они узрели блокаду 1941—42; то они, наверное, возликовали бы своему счастью и своей сытости в феврале 1917. Но нет машины времени, а кассандрам никто не верит. Здесь-то и таится коварный водоворот, подстерегающий любого историографа, а тем более человека, досуже размышляющего над историей: мы склонны судить о прошлом с позиции нашего сегодняшнего опыта и знания, а ведь деятели в истории были лишены этого опыта, этого знания! Они жили в другом мире¹. Жителям Петрограда жилось хуже, чем

¹ Кто из нас согласится судить продовольственные лишения 1980-х годов с позиции убийственной перенаселенности и отравленности Земли к концу XXI века?!

в 1916. Поэтому в очередях у булочных ворчали. И вот в столице осталось хлеба всего на 22 дня, а очередной транспорт с хлебом заслали по пьянке куда-то к черту на кулички. Слухи об отсутствии хлеба немедленно бросили толпы в очереди. Еще кабы градоначальник рискнул и выдал бы н/з, заполнив булочные до отказа хлебом, возможно, ничего бы не случилось. Впрочем, не исключено, что весь хлеб раскупили бы на сухари. Но, напротив, булочные стали открываться все позже, хлеб по качеству худшал (за неимением возможности вздуть цены на дефицит, ибо цену с начала войны устанавливало правительство, торговцы стали попридерживать муку), очереди удлиннились.

И, как на грех, наступила петербургская оттепель. Стоять в очереди стало возможно без риска обморозиться. Очереди, простиравшиеся во всю ширь всю длинную улицу; хвосты очередей, не получившие хлеба и раздраженной толпой бредшие домой или к другим булочным, — становились (безо всякого умысла) демонстрациями. Такое скопление народа — законное. Преимущественно скопища эти состояли из женщин. Полиция свыкла, что их не надо разгонять, не приказано разгонять, да попробуй к этим языкастым бабам подступиться — так обложат, что рад будешь, если без царапин на морде уберешься восвояси. Население привыкает к своеобразным "клубам" в очередях, возникает некая **законность** нахождения на улицах полусобраний, полумитингов, где очень озлобленно разговаривают обо всем: и о Думе плохо отзываются, и царя ругают, и покойника Распутина чихвостят, и царицу лают, и продавцов-булочников грозятся побить. Они всех кроют, не впадая ни в какие партийные пристрастия, на все злые, что мужиков нечем кормить. Эти толпы в принципе можно повернуть куда угодно, если заслать в них специалистов по социальной психологии, да вот только самая сия наука стала разрабатываться лишь десяток лет спустя в трудах Питирима Сорокина. Первые три дня, т. е. 23—25 февраля, протекали именно так. Донесения полиции свидетельствуют, что только в субботу 25 февраля зазвучали, отдельные покамест, **политические** разговоры, выкрики. В этот день и хлеба вовсе не завезли, и докатилось известие, что Думу будут разгонять. В этот же день полиция предприняла попытку "рассеять толпу". Но в описываемой

ситуации это бессмысленная затея. Разгонять такие толпы невозможно. Одно дело, кабы у них был красный флаг, который надо отнять и похватать несших, а также рядом с несшими идущих. Но здесь нет ни флага, ни головы, ни хвоста, ни агитаторов. Вот очень характерный эпизод. Гвардейская рота под командованием гвардии поручика Кутепова, прославившегося и довоевавшегося до генерала через полтора-два года в армии Деникина, вышла 26 числа из района Адмиралтейства, дабы разогнать кого-то на Шпалерной. Но не может эта рота дойти до места назначения. Потихоньку, покамест они шагают, встречающиеся толпы отесняют то одного солдата, то другого, оттирают шеренги, приданную артиллерию, в конце концов рота **теряется** по дороге, которая длиною в 25—30 минут. Кутепов возвращается, не исполнив приказа, потому что ему **некем** командовать. Пример сей характерен потому, что монархические убеждения и дисциплинированность лично Кутепова, его бесстрашие — не могут быть поставлены под сомнение.

Пока — не было никакого и ничьего умысла. Но 26 февраля толпы пошли к Государственной Думе! Почему? Прежде всего, это в каком-то смысле естественнее и безопаснее. В центре, где Зимний дворец, Мариинский дворец, там нет и булочных для масс, там расположены преимущественно кондитерские. Вот подальше, за Литейным проспектом, там гуще населенные и менее обеспеченные места. Еще подальше, за Таврическим садом, уже вовсе окраина — Пески, Песчаная, она же Слоновья, позже Суворовский проспект. На этой окраине и Смольный монастырь стоит. Естественно, что в центре города риск вооруженного вмешательства полиции в уличные волнения выше, нежели на окраине. Во-вторых, ведь у населения возникли разговоры про Думу. Вот какие-то толпы и метнулись к Думе. Они идут в ярости и возмущении. Они готовы и бить стекла во дворце, где собрались "эти болтуны", разжиревшие "на нашей нищете"; они готовы поддержать любой протест, который изойдет из уст депутатов; они могут удовольствоваться просто зрелищем разгоняемых депутатов — ах, каково-то им будет под казацкими нагаечками! Могла бы толпа просто стоять под окнами Таврического дворца и кричать: "Хлеба! Хлеба!" Могла бы и порвать мундиры на

господах депутатах. Пожалуй, все могла бы толпа, разве что не могла бы в те дни выступить **в защиту царя**: престиж Его Величества был основательно подорван. Пожалуй, не нашел бы отклика и призыв штурмовать Зимний или Мариинский дворец. Толпа шла не на пролитие крови, она шла смотреть и кричать. И не против власти шла толпа — ведь полиция узаконила эти шествия длительным невмешательством. Даже забастовка в тот день — воскресенье — еще не разгорелась, только завтра стихийно по городу распространилась всеобщая забастовка, причем ей очень способствовало то обстоятельство, что первыми или одними из первых забастовали трамваи, т. е. транспорт. Разумеется, в толпу затесываются и шляпниковы, и богдатыевы, и линде, и юреневы, и александровичи, которые подсовывают толпе красные знамена и социалистические лозунги. Правительственные агенты не вмешиваются, ничего не предлагают толпе. Думские деятели в растерянности. Господа депутаты как раз вечером 25 числа стоя выслушали Высочайший Указ о роспуске Государственной Думы, о прекращении ее заседаний впредь до особого распоряжения. Вроде бы они должны были подготовлены к такому повороту событий. Они ведь составляли план как раз на эту ситуацию — перебраться в Москву в особняк Коновалова при поддержке генерала Алексеева. Вставать в вооруженную оппозицию царской власти. Провозглашать неподчинение указу о разгоне, объявлять Думу действующей. Но сегодня обстановка не та, какую они предполагали в своих замыслах. На арену в Петрограде вышла толпа. В Москве же полное спокойствие. Уезжать из города, где идут волнения, в город, который полностью контролируется властями, — едва ли с революционной точки зрения такой шаг покажется тактически верным. С другой стороны, большинство депутатов Думы суть монархисты, причем избранные на основе не очень честного столыпинского закона о выборах 1907 при не очень-то честных практически выборах 1912 года. Они сознают, что не являются представителями населения страны, а уж тем более не представляют населения и настроений Петрограда в начале 1917. Передвижка власти от привычного царского правительства куда угодно влево лишит большинство членов этой IV Государствен-

ной Думы всякой власти, всякого политического положения. Составляющие решающую по численности массу депутатов октябристы собирались своим заговором-неповиновением царю **предотвратить** массовое выступление, избежать "анархии", очистить правительство от неспособных лиц и тем укрепить управление страной. Сегодня же, ежели, протестуя против разгона Думы, стать под защиту революционных толп, то будет **революция, пугачевщина...** Прежние планы захвата царского поезда или речей в особняке Коновалова строились при жизни Распутина, личность которого **объединяла** всех депутатов в противостоянии ему; сейчас такого единства нет. А если не все депутаты, а только часть их соберется на манер Французской Революции "в зале для игры в мяч", то политическое значение этого поступка будет ничтожно, он сравнится с пресловутым Выборгским Воззванием. Тут надо действовать сообща — либо не действовать! Сам председатель Думы (а в такие моменты личность руководящего деятеля приобретает огромное значение) Родзянко — монархист, и не слишком храбрый к тому же человек. У него преобладает умение выжидать, терпеть, прокрадываться. Сейчас он колеблется, ни на что не может решиться. А без председателя — какая же законность собрания депутатов Думы?! И думцы не отозвались протестом против Указа о разгоне, не помчались немедленно в Москву на свободное заседание Государственной Думы. Но они и не ушли из Таврического по домам. Они слонялись по коридорам дворца, не расходились, они оставались все вместе. Они продолжали — хотя уже и не официально — обсуждать ситуацию. Они напряженно ждали, что же случится.

И среди них нашелся человек, который не стал ожидать, пока события "случатся". Он стал совершать события. Он взял на себя бремя исторических событий, стал "тянуть на себя параллелограмм сил", как выражался Герцен. На парাপет, на полукруглый подъезд ко дворцу, почти на самую Шпалерную, вышел-поднялся Александр Керенский. И оттуда держал свою речь, определившую судьбу династии Романовых. Как опытный адвокат, он знал, что в момент напряженной неопределенности нельзя позволить стоящему напротив тебя народу задавать тебе вопросы: если ты не

сумеешь ответить на них (а кто сумел бы ответить на вопросы о хлебе?!), то тебя сметут, перестанут слушать, а может, и разорвут в клочья. Надо сразу навязать **свою концепцию** и указать, **что делать**. И он начал:

Граждане! Вы пришли сюда, чтобы приветствовать Государственную Думу! От имени Государственной Думы благодарю вас за высокий патриотический и гражданский порыв...

Говорить он умел безостановочно. Правда, он не предвидел, начиная речь, что придется говорить 72 часа почти без передышки, но он и это выдержал. Он сразу навязал толпе концепцию: она пришла **приветствовать Думу** (а не бить ее, не любоваться разгоном, не требовать хлеба от Думы). И сразу же определил свой статус: он — **уполномочен Думой**, т. е. **высшей народной властью** на данный момент, поскольку царская власть, не обеспечившая хлеба, не имеет авторитета ни у кого из слушателей. Никто, разумеется, его не "уполномочивал". Он был самозванец, ибо революция — всегда самозванство. Но Керенский пошел и дальше: он стал отдавать толпе **распоряжения**. Не сразу, конечно, а когда убедился, что его слушают, что, послушав, уходят расположенными к нему и к Думе. Тогда он стал сначала бросать лозунговые призывы, потом дошел и до конкретных приказов: идите туда-то и арестуйте такого-то. И шли, и арестовывали, и приводили арестованных к Керенскому, а тот распоряжался, куда запереть бывшего министра. Так Министерский павильон Таврического дворца был обращен в арестантскую. Керенский держался величественно, жестикация была у него красочная, голос разносился далеко (напомним, что ни микрофонов, ни мегафонов тогда не существовало, оратор мог полагаться только на мощь собственных легких). Потом, конечно, к Керенскому подключились — сначала с.-д. Скобелев, Соколов, Чхеидзе, а потом к.-д. Керенский первым нацепил красный бант, и почти сразу же демонстрации пошли под красными знаменами; к.-д. не так быстро нацепляли красные банты. Вообще, вскоре партийный цвет к.-д. определился зеленым — их знамя было светло-зеленое. Соколов вспоминает, что когда он произносил свою первую речь перед возбужденными рабочими (в его с.-д. терминологии все, кто за революцию, — непременно рабочие), то

был он уверен... что это последняя речь в его жизни, что через несколько дней его расстреляют или повесят.

Три дня народ валил со всех концов города к Таврическому. Царь пребывал в ставке, в поезде, и ничего не знал. Премьер-министр Голицын отсиживался, не поднимая телефонной трубки, пока за ним не явились эмиссары Керенского, арестовали и отвезли в Министерский павильон. Другие власти не сразу и узнали о происходящем, а узнав, не соображали в отсутствие инструкций, что же делать. В ряде мест полиция попробовала было разгонять шествия, теперь уже все идущие под красными знаменами. Завершилась попытка столкновением между войсками и полицией: лейб-гвардия стреляла на Марсовом Поле в полицию, Волынский полк у Николаевского вокзала перебил полицию. Мы уже упоминали, что армия еще в 1916 позволяла себе убивать полицейских безнаказанно.

Итак, власть царя никем серьезно не защищалась в Петрограде. Полезно отметить, что в целом по стране никаких волнений не происходило, ни восстаний, ни демонстраций, ни террористических актов, ни партизанских отрядов, ни хотя бы петиций (вопреки тому, что было уже в 1904—1905, см. § 15—16 кн. I). Для общей структуралистской оценки российского общества и, в частности, Февральской революции очень важно именно такое соотношение между центральной властью и населением всей страны. В этом — одно из важных различий между Русской революцией 1917 и Французской революцией 1789.

В Петрограде 27 февраля Государственная Дума создала Временный Комитет Государственной Думы, который выпустил прокламацию к населению (тогда предпочитали выражаться высокопарнее: "к народу") от имени Революции. Эта прокламация, хотя и была исполнена типографски, имела вполне самиздатскую концовку: прочтя, перепиши и распространи дальше. Уверенности в себе еще не было никакой. Ни Временный Комитет, ни возникший в тот же день по инициативе Соколова и Суханова Совет Рабочих Депутатов не осмеливались провозглашать себя **носителями власти в стране**. Временный Комитет создавался "для поддержания порядка в столице", Совет Рабочих Депутатов — для объединения

усилий рабочих (и почти сразу же — солдат) в столице же. Совет сначала собрался на квартире у Соколова, а на следующий день безопасности ради перебрался в Таврический дворец, находившийся под охраной революционных солдат, признавших власть Керенского.

Вот эти петроградские органы и вышли на прямой контакт с царем. Сначала председатель Думы Родзянко послал Государю Императору отчаянную телеграмму:

Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие, топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Моллю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца.

Царь, находившийся в Ставке отдельно от императрицы, кривится на эту телеграмму: "Ах, этот толстяк Родзянко опять написал мне всякий вздор". И даже не отвечает. Затекает передать чрезвычайные полномочия генералу Н. И. Иванову (с характерным для происходящей драмы отчеством "Иудович"), но тот не умеет организовать ничего похожего на дисциплинированную часть. Командующие фронтами, к которым Иванов обращается с требованиями выделить ему войска, саботирует его чрезвычайные распоряжения. По мере поступления беспокоящих известий царь решает запросить командующих фронтами. Казалось бы, согласно воинской дисциплине, они, шесть человек командующих, обязаны были отпрапортовать: "Готовы исполнить свой долг присяги перед Царем и Отечеством по приказу Верховного Главнокомандующего". Вместо того ото всех поступают телеграммы, что, мол, нужно разумно отнестись к происходящему. Они осмеливаются давать советы, когда должны беспрекословно служить. Осмеливаются давать советы об устройстве государственной власти. Шесть телеграмм, пересланных Алексеевым, и седьмая, что он сам согласен с мнениями начальников фронтов, — шесть актов измены под руководством Начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Так сработал заговор офицерско-генеральского корпуса. Конечно, солдаты

и страна здесь были ни при чем, но царю не на что было опереться. В 1905—1906 он опирался на верных ему генералов, которые командовали войсками, умея внушить солдатам и низшим офицерам, что надо крушить мятежников и непокорных. Сегодня у него не было никакой опоры. Даже слабое, в тот момент в салон-вагоне воспринимаемое не как реальное, а как символическое, давление со стороны Временного Комитета не могло быть ничем уравновешено, побеждено. Еще будь царица с царем, она могла бы влить в него **волю к сопротивлению**, хотя эта догадка тоже вилами на воде писана, даром что стала расхожим местом в историографии. Однако тот же Н. И. Иванов, прибывши с батальоном георгиевских кавалеров в Царское Село и обнаруживши бессилие этого батальона перед настроениями солдатских масс, перед бастующими и демонстрирующими толпами Петрограда, — отбывает назад, не догадываясь захватить с собой царицу. Приказа не было, не было понимания ситуации.

В Петрограде же события углублялись:

Днем сильным отрядом солдат и вооруженным народом после короткого сопротивления тюремной стражи взята Выборгская одиночная тюрьма Кресты. Все политические заключенные, в том числе рабочая группа Центрального Военно-Промышленного Комитета, а также Хрусталева-Носарь, освобождены. Взяты также Дом предварительного заключения и Женская тюрьма, Литовский замок. В руки восставших войск и революционного народа попала также и Петропавловская крепость, которая превращена в главную базу революционной армии. Все политические освобождены и выпущены на свободу. Разгромлено и подожжено Охранное Отделение. Все архивы и дела политических уничтожены¹.

В городе всеобщая забастовка. Газеты не выходят, выпускаются только "Известия Совета рабочих и солдатских депутатов", "Известия Временного Комитета Государственной Думы". Тиснуты на одной стороне листа, набор почему-то рассыпается, разные экземпля-

¹ Сейчас стали модными домыслы, якобы уничтожение архивов Охранного отделения было на руку царским провокаторам — дабы уйти от грядущей ответственности, они же и подожгли, мол. Совершенно антиисторическая мысль. В тот день думали о борьбе с царизмом, казавшимся еще грозным, почти непобедимым. Мысль о том, что придется приспособляться к победе революции, еще не родилась.

ры одного и того же номера набраны по-разному. Только с № 4 пойдет печать на обеих сторонах листа. Еще недавно сидевший в Петропавловке В. Л. Бурцев энергично вмешивается в революционный процесс, отправляя телеграмму Петру Кропоткину в Англию: "В этот исторический момент Ваше присутствие необходимо". Такую же телеграмму посылает Плеханову редакция журнала "Современный мир". К 1 марта углубление революции доходит до того, что председатель Думы Родзянко решает выехать к царю уговаривать того отречься от престола по-мирному, без кровопролития. Но Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не позволил "монархистам сговариваться между собой", не пустил Родзянку на вокзал. Второго марта уже с санкции Совдепа октябрист Гучков и националист Шульгин выезжают к царю. Одни, без охраны, без вооруженной демонстрации. Тем временем царь пытается соединиться с царицей, доехать до Царского Села. Она не стесняется, охваченная беспокойством, высказывать по телеграфу опасения, что он в ее отсутствие наделает глупостей. Еще неизвестно, как повернулась бы история, кабы они смогли соединиться, но управляющий одним из отделов путей сообщения Бубликов совместно с управляющим другим отделом присылает царю в Ставку телеграмму, будто бы все станции на пути следования царского поезда находятся в руках забастовщиков, которые **не пропустят поезда**, а может быть, и хуже обойдутся с монархом. На самом же деле ничего подобного не было. События вершились в Петрограде, а на станциях и полустанках этой провинциальной железной дороги еще по-прежнему все вытягивалось в струнку, когда прибывал свитский поезд. Телеграмма же была послана **умышленно**, потому что Бубликов — один из заговорщиков "по пятеркам" — опасался, что прибытие царя сможет изменить баланс сил не в пользу революции. Он хотел остановить поезд, и за отсутствием рабочих-забастовщиков прибег к дезинформации о наличии рабочих-забастовщиков. Телеграмма сработала, царь приказал повернуть поезд назад, доверившись слуху.

В итоге, оказавшись перед двумя почтительно представшими перед ним посланцами волнующегося Петрограда, царь не арестовал их, а отрекся от престола (сначала в пользу своего сына, а затем отрекся и от имени сына в пользу своего брата; юридически, конеч-

но, последнее отречение не имело никакой силы) и вскоре добровольно сам отправился под арест в Царское Село. Людовик XVI поступал иначе, он ожесточенно отстаивал каждый атрибут своей власти, сам не отдавал ничего, только силой у него вырывали.

4 марта великий князь Михаил Александрович, поколебавшись, счел за благо **не вступать на престол** до созыва Учредительного Собрания. Конечно, никакого "учредительного собрания" пока не имелось, но широко была распространена идея, что, мол, в освобожденной от царского гнета России будет "по-настоящему" создано представительство народа, которое и станет **Учредительным Собранием**. На сей счет см. кн. I, а также много об этой идее будет сказано в кн. III. Трудно гадать, желал ли Михаил стать царем, но побаивался, что это будет трудновато, ежели его не позовет на престол (как его предка Михаила Федоровича в 1613) Учредительное Собрание (Земский Собор), или же Михаил прибег к такой форме отказа потому, что в душе не хотел становиться царем. Как бы то ни было, но Совдеп резко высказался против предполагавшегося воцарения Михаила, и больше никаких попыток "передать престол" кому-либо из императорской фамилии не предпринималось. Так исчезла монархическая форма правления в России. Та форма правления, которая исключительно имела место в России с XV века — самодержавная, хотя бы и с некоторыми ограничениями в последнее десятилетие.

После того как царь отрекся, телеграф разнес эту весть по всей стране, во всех губернских и многих уездных городах "произошла революция". Наш старый знакомец полковник Зубатов (см. § 14 из кн. I) застрелился при этом известии. Другой наш знакомый — народоволец Лев Тихомиров (§ 6 кн. I) сам заявился в милицкий участок и дал подписку, что обязуется выполнять все распоряжения новой власти. Тверского губернатора Бюнтинга убили, дом его сожгли. Екатеринославский губернатор издал постановление:

Предписываю всем чинам и лицам повиноваться всем распоряжениям нового правительства. Всякие выступления против нового правительства будут всемерно преследоваться и караться по всей строгости.

В Тифлисе великий князь Николай Николаевич организовал парад в честь Революции, и поздравил офицеров и членов РСДРП со всеобщей радостью, и принимал от них поздравления с победой народа России. В Кронштадте матросы зверски перебили-перетопили адмиралов, офицеров. Полиция всюду попряталась, разбежавшись. Милиция возникла не на базе прежних специалистов, а из энтузиастов-дилетантов студентов и профессоров.

Внезапно, в несколько дней, Россия оказалась в условиях, предсказанных за полвека до того Ростиславом Фадеевым:

Представим себе сон: нам снится, что все частные русские люди, 79 с половиной миллионов из восьмидесяти (со времени Фадеева население возросло до 150 миллионов, да и численность чиновников — не "частных людей" — возросла. — Р. П.) перенесены мгновенно на другую планету, и им приходится устраивать свой общественный быт без помощи готовой правительственной склейки, которою у нас все держится; этим частным людям надо сложиться в общество и государство одною силою своей исторической закваски и современных убеждений. Может ли даже присниться, чтобы, при такой крайности, в нынешнем русском обществе нашлось достаточное большинство, правильное сказать — достаточная нравственная сила для твердого и скорого установления не только соответствующих форм, — мы о них уже не говорим, — но даже самых коренных основ? (...) Существует ли в русском современном обществе какое-либо мнение с таким большинством или, говоря иначе, существует ли такая группа единомышленных людей, которая в предлагаемом нами сне могла бы обратить свою волю в обязательный закон, без чего новой планете пришлось бы быть свидетельницей сумятицы и даже полного разложения, еще не виданных на нашем свете. Вопрос сводится этот на следующий: оказываются ли в обновленном (имелось в виду обновление, внесенное Великими Реформами 1861. — Р. П.) русском обществе хотя бы только завязка самостоятельной и сознательной народной жизни, без которой мы можем быть расой, можем быть государством, но не можем стать живою развивающеюся нацией, идущей вперед по своему пути. (...) Под щитом сильного правительства, обеспеченные в сохранении наружного порядка, мы можем долго прожить в состоянии беспорядка внутреннего, так долго, что наконец по привычке утратим веру во все на свете, кроме одной полиции; тогда уже будет поздно исправляться.

Ну, на "другую планету" никто не переносил весь русский народ, всю Россию. Но **полиция исчезла, государственные чиновники исчезли**. Народу, населению предстало, как раз по Фадееву, **самостоятельно** устраивать свою жизнь, самому избирать формы устройства жизни. Правда, в отягощенных сравнительно с услови-

ями сна Фадеева обстоятельствах: шла затяжная Мировая война, лились потоки крови.

И что же случилось в нашей стране, **вдруг** лишившейся центральной власти? **Полностью лишившейся?** Да еще в условиях **затяжной войны?**

Рекомендуем прочитать: Деникин, Иоффе, Керенский, Краснов, Лукомский, Милюков, Мстиславский, Набоков В., Набоков К., "Новый Сатирикон", "Падение царского...", Пастернак, Перетц, "Петроградский Совет...", Родзянко, Станкевич, Суханов, Толстой Л. Н., "Февральская...", "Хроника февральской...", Черменский, Шкловский, Шульгин, Яковлев Н. Н.

Как создавалась эта книга

Эту книгу Револьт создавал в течение всей нашей совместной жизни — двадцать шесть лет, нет, еще раньше, гораздо раньше: к 56 году, когда мы познакомились, у него были собраны почти все необходимые материалы ("Былое" — почти все номера с 1906 по 1918 год, "Царствование Николая I", "Царствование Александра II" и вроде этого, мемуары революционеров, дневники и мемуары царедворцев, Витте, Деникина, о нем, Врангеля, воспоминания и романы Савинкова, Бог весть что еще и Ленин, Ленин, Ленин...).

Помню, я пришла как-то раз со своим приятелем к Револьту и его жене Ирене, у них была еще какая-то молодежь, человек пять, и мы все слушали, а он читал нам "Коммунистический манифест", после мы его разбирали и вдруг кто-то сказал: "Да ведь это четвертый сон Веры Павловны!" Уж его-то мы назубок знаем! Это теперь (дожили!) одни отличники штудируют Чернышевского, а другие отличники — Достоевского. А тогда мы, обнаружив забавное сходство "Манифеста" и "Четвертого сна", ужасно развеселились, и стало почему-то легко, какая-то неотвратимость исчезла. Вроде мы вздохнули свободно.

В другой раз Револьт рассказал нам о социалистах-революционерах, и я с изумлением узнала, что это те самые, мерзкие "эсеры", которые убили хорошего, светлого товарища Урицкого и страшно ранили Ленина отравленной пулей.

После были арест, суд, лагерь, "спецрежим", Владимирская тюрьма, и всюду он рассказывал о русской революции и ее людях. Некоторые зеки записывали, эти конспекты ходили по рукам из лагпункта в лагпункт. Во Владимирской он не столько рассказывал — он слушал. Ему привелось сидеть в одной камере и гулять на прогулочном дворике с "бериевцами", недорасстрелянными в свое время. Он слушал очевидцев, сталинских коршунов и грифов.

Пришло освобождение — он в Ленинграде, в ЛОМИ (Ленинградское отделение Математического института), у нас родился сын, мы съехались, поменяв наши комнаты на две вместе. Револьт освободился летом 63 года. В 65 году защитил кандидатскую диссертацию, в 69 — докторскую, написал монографию, несколько статей, кучу рефератов и мою любимую большую статью "Как я искал шпиона Рейли". К нам приходили гости и... слушали о русской революции. И снова Желябов, Нечаев, Лопухин, Савинков, Бурцев, Малиновский, Ленин, Ленин... И все собирались книги, а стены и проходы заполнялись самодельными стеллажами. И был написан "Один политический процесс".

Это его процесс, точнее, два процесса: арест и суд в 1957 и пересуд в 1958. Потом долго, до начала 80-х, самиздатные копии "Одного процесса" изымались почти при каждом обыске в Питере, да и в Москве.

В 1970 году — снова арест, суд, этап, ссылка в Коми АССР. Я приехала к нему в поселок Краснозатонский еще не насовсем, а так, повидаться. Мы пошли в лес. В тайгу! Был, помнится, теплый февральский день, мягкий глубокий снег, красивый лес, нарядная просека, чья-то лыжня, молочно-белое небо, вдруг засиявшее, — такой обманчивый весенний денек. Он сказал мне то, о чем нельзя было говорить в общезнании: "Я решил написать книгу "Происхождение современной власти". Сердце у меня упало. Книгу он, конечно, напишет. А после... Ссылка — это рай! Из него нас выгонят, когда он ее напишет. Но не имело смысла возражать, спорить, уговаривать. Потому что как можно сказать человеку: "Не пиши книгу"? И чего ради он торчал в лагерях, в тюрьме, в ссылке?

Он начал писать в 1973 году, мы жили в Сыктывкаре, в отдельной квартире, условия для работы были. Револьт взял себе псевдоним С. Спекторский. Он эту поэму знал наизусть, как, впрочем, и все остальные поэмы Пастернака, и очень любил. И вот С. Спекторский написал свое "Происхождение современной власти", в основном. Он все время что-то изменял, дополнял, уточнял. Да и сам в эти годы (1954—1973!) менялся, но к 1976 счел книгу готовой и стал давать ее людям и с тоской ждать, когда придут. Но все не приходило, хотя чувствовалось по разным признакам, что сгущается... А жизнь шла, рос сын, Револьт написал и издал в Сыктывкаре несколько математичес-

ких статей и монографию, несколько статей для самиздата, сотрудничал в самиздатском журнале "Сигма". В Сыктывкаре мы нашли хороших друзей (каких друзей! мы еще не понимали тогда!), он теперь им рассказывал об истории русского освободительного движения. Слушатели были. Я, казалось мне, наизусть выучила "Спекторского", сроднилась с ним. И с персонажами. Даже Дзержинский чудился мне то ли нелюдью, то ли родственником. Нет, не буду говорить о книге, она — перед вами.

А они все — так и пришли с обыском в октябре 1982 года и унесли с собой все экземпляры "Происхождения", да и вообще много "самиздата" и "тамиздата". Но, слава Богу, сразу не замели, а дотянули до 1985 года, а потом...

Перестройка! И вот в 1989 году Револьт читает лекции по геометрии в Сыктывкарском университете, днем, а по четвергам вечером в том же университете — общедоступные лекции по истории русской революции. Слушатели — преподаватели, студенты, рабочие, служащие самых разных учреждений и со всех концов города. Лекции он записывал на магнитофон. Револьт был уже очень тяжело болен, хотя и не знал этого, и не мог сам таскать огромный, тяжелый магнитофон, и всегда находился доброволец, который его нес. Однажды был сильный мороз, градусов за 40, и я предположила, что мы зря идем в университет, — не придут: темно, холодно зверски, скользко. Нет, пришли! Столько, сколько всегда. А потом он снова переработал книгу с учетом своих лекций, свободы, новых опубликованных документов, новых впечатлений и своего короткого депутатского опыта. Он полностью подготовил к печати две отдельные книги из цикла "Происхождение современной власти":

I — "Россия в борьбе за конституцию" (1855—1905),

II — "Россия конституционная" (1905—1917), собрал макет третьей книги ("Россия без центральной власти") и пытался работать над ней в Германии, в больнице — работы было на месяц, по его расчетам, но месяца этого уже у Револьта не было. Четвертая книга — "Циклы власти" — осталась такой же, как она была у Спекторского.

Первые две книги — вот они. И теперь я благодарю всех тех, кто размножал, распространял и сохранял

экземпляры "Спекторского" в 70—80-е годы, тех, кто позже набрал I и II книги, предоставил свои компьютеры, вычитал гранки. Все это бескорыстно, только из любви к книге и ее автору. Спасибо вам! Конечно, огромное спасибо Государственной Думе, ее Совету и Председателю Ивану Петровичу Рыбкину за добрую память об ушедшем коллеге и помощь в издании. Спасибо Виктору Леонидовичу Шейнису и Радию Исааковичу Циммерину — без их участия публикация этих двух книг состоялась бы аж как нескоро. Я, может, их бы и не увидела.

Вилена Пименова

Литература

1. Аврех А. Я. Столыпин и третья дума. М., 1968. Царизм и четвертая дума. М., 1981. Распад третьеиюньской системы. М., 1968.
2. Акимов-Махновец В. П. Первый съезд РСДРП. 1906.
3. Аксаков И. С. Сочинения, тт. 1—7. М., 1886—1887.
4. Аксаков К. С. Сочинения, тт. 1—3. М., 1861—1880.
5. Аксаков С. И. Сочинения, тт. 1—5. М., 1966.
6. Алексеев М. П. Славянские корни в "утопии" Томаса Мора. Москва—Белград, 1955.
7. Андреев Л. Сашка Жегулев. Рассказ о семи повешенных. Губернатор.
8. Аптекман О. В. Партия народного права. 1907.
9. Аргунов А. А. Из прошлого партии социалистов-революционеров. 1907.
10. Бунин И. А. Деревня. 1910.
11. Бакунин М. А. Государственность и анархия. 1873.
12. Белокогонский И. П. Земское движение до образования партии Народной свободы. 1907.
13. Белый А. Москва. Котик Летаев. Петербург. На переломе.
14. Богучарский В. Я. Государственные преступления в России. 1902.
15. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви, тт. 1—4. СПб., 1910.
16. Бонч-Бруевич М. Д. Воспоминания. 1925.
17. Будберг Р. Ю. Съезд земских деятелей 6—9 ноября 1904 в Петербурге.
18. Бурмистрова Т. Ю. Национальный вопрос и рабочее движение в России. М., 1969.

19. Былое. Журнал, 1906—1907; 1917—1926.
20. Великая реформа. Сборник. СПб., 1911.
21. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет, тт. 1—4, 1911.
22. Вехи. Сборник. СПб., 1909.
23. Витте С. Ю. Воспоминания, тт. 1—3, М.—ПГ., 1923.
24. Войнич Э. Овод. 1898.
25. Вырубова А. А. Страницы моей жизни.
26. Герцен А. И. Былое и думы.
27. Гладилин А. Сны Шлиссельбургской крепости. 1974.
28. Глинский Б. Б. Революционный период русской истории, тт. 1—2. СПб., 1910.
29. Горький М. Жизнь Климата Самгина.
30. Григорович Д. В. Антон-Горемыка. 1847.
31. Грин А. Рассказы 1908—1914 гг.
32. Гроссман В. Все течет.
33. Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы. М., Наука, 1980.
34. Гуссейнов Ч. Фатальный Фатали.
35. Гюго В. Отверженные.
36. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., Наука, 1975.
37. Давыдов Ю. Глухая пора листопада. Этот миндальный запах.
38. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 1869.
39. Дейч Л. Г. Евреи в русской революции. 1923.
40. Деникин А. И. Очерки русской смуты.
41. Диккенс Ч. Сказка о двух городах.
42. Достоевский Ф. М. Бесы. Дневник писателя. Записки из подполья. Подросток. Записные книжки к "Подростку".
43. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911. Л., 1978. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967.
44. Забастовки в учебных заведениях. 1906.
45. Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. 1918.
46. И. Л. Банкетная кампания в Саратове. 1908.
47. Ибсен Г. Привидения.

48. Известия Петербургского Совета рабочих депутатов. № 1—10, 1905.

49. Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, ИИЯЛ, 1976.

50. История ВКП(б) под общей редакцией Ярославского, т. 1, вып. 1, М., 1926.

51. Источниковедение отечественной истории. М., Наука, 1980.

52. Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 в англо-американской буржуазной историографии. 1970.

53. Карты России. XVII—XIX вв.

54. Катков М. Н. Сочинения.

55. Каторга и ссылка. Журнал. 1921—1935.

56. Келлер Б. Пушки августа.

57. Керенский А. Ф. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970.

58. Киплинг Р. Бывший человек.

59. Ключевский В. О. Курс русской истории. IV изд., тт. 1—5, СПб., 1911.

60. Кампанелла Т. Город Солнца.

61. Конюшев В. Ф. Такое голубое небо. М., ПИ, 1973.

62. Короленко В. Г. На голоде.

63. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. М., Наука, 1979.

64. Краснов П. Т. Воспоминания. Романы.

65. Кризис самодержавия в России. Л., 1984.

66. Кропоткин П. А. Записки революционера.

67. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского. М. МГУ, 1979.

68. Курлов Н. П. Конец русского царизма. М., 1923.

69. Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967.

70. Лемке М. К. Политические процессы в России. 1921

71. Ленин В. И. Памяти Прошьяна. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве.

72. Ленин В. И. Справочный аппарат к III изданию.

73. Лесков Н. Чертовы куклы. Юдоль. Некуда. На пожаре. Загадочный человек.

74. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. 1886

75. Липкин С. Декада.
76. Лохвицкий М. Ю. Выстрел в Метехи. М., ПИ, 1973.
77. Лукомский А. С. Воспоминания. 1922.
78. Людендорф. Мои воспоминания о войне. М., 1924.
79. Любящий тебя В. Ульянов. М., 1972.
80. Лурье С. А. Литератор Писарев. Л., СП, 1987.
81. Лучинская А. Б. Великий провокатор. 1923.
82. Манн Т. Иосиф и его братья.
83. Маркс и Энгельс. Собрание сочинений, т. 9.
84. Мартов, Маслов, Потресов. Общественное движение в России в начале XX века, тт. 1—4. СПб., 1910.
85. Масси Р. Николай и Александра. Нью-Йорк, 1967.
86. Меллер-Закомельский. Рапорт генерал-лейтенанта Меллер-Закомельского Его Величеству от 8 февраля 1906.
87. Мережковский Д. С. Александр I. Декабристы.
88. Милоков П. Н. История второй русской революции, тт. 1—3. 1924.
89. Минувшие годы. Журнал, 1908.
90. Монтескье Ш. О духе законов. 1748 (русский перевод 1900).
91. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии.
92. Морозов Н. А. Повести моей жизни.
93. Московит А. Метаполитика, 1978.
94. Мстиславский С. Д. Грач — птица весенняя.
95. Набоков В. В. Бледный огонь. Под знаком незаконнорожденных. Подвиг.
96. Набоков В. Д. Воспоминания. 1924.
97. Набоков К. Воспоминания.
98. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX века. Л., 1984.
99. Непролетарские партии России. М., 1984.
100. Новый Сатирикон. Журнал, 1917.
101. Обзор важнейших дознаний о государственных преступлениях за 1884 год. То же, за 1900 год.
102. Овсяннико-Куликовский Д. Н. История русской литературы XIX века, тт. 1—5. Мир, 1910—1911.

103. Огонек. Журнал, 1988.
104. **Окуджава Б.** Глоток свободы. Путешествие дилетантов.
105. **Ольденбург С. С.** История царствования императора Николая II, тт. 1—3. Прага, 1939.
106. **Орловский (В. В. Воровский).** Совет против партии. Женева, 1904, издательство Бонч-Бруевича и Ленина. Переиздано в 1933, М., ПИ.
107. Очерки истории дореволюционной России.
108. **Павлов И. М.** Из воспоминаний о "Рабочем союзе" и священнике Гапоне. 1908.
109. Падение царского режима, тт. 1—9, 1917—1923.
110. **Пажитнов К. А.** История социалистических идей в России. 1924.
111. **Пастернак Б. Л.** Доктор Живаго. Лейтенант Шмидт. Тысяча девятьсот пятый год.
112. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. (Протоколы.)
113. Первая марксистская организация России — группа "Освобождения труда". М., Наука, 1984.
114. Первый призыв всех сословий на военную службу. СПб., 1975.
115. Первый съезд РСДРП, материалы. М., 1958.
116. **Перети Г. Г.** В цитадели русской революции. 1917.
117. Переписка императорской фамилии Николая Павловича.
118. **Пирумова Н. М.** Земское либеральное движение. М., 1977.
119. **Погребинский А. П.** Государственно-монополистический капитализм в России. М., ИСЭЛ, 1959.
120. **Познер** (составитель). Боевая группа при III РСДРП(б). 1927.
121. **Полиектов А. А.** Николай I. Биография и обзор царствования. 1918.
122. **Поссе В. А.** Воспоминания. (Две версии: тошнотворные — содержательные, тощие — лживые. — Р. П.)
123. Процесс Петербургского Совета.

124. Прыжов И. Г. Исповедь.
125. Путник-Лендер Н. Потрясенная Россия. 1910.
126. Пушкин А. С. История пугачевского бунта. Капитанская дочка.
127. Пятницкий О. А. Избранные воспоминания и статьи. М., 1969.
128. Ратова С. А. Всеобщая стачка в 1903 на Кавказе и Черноморском побережье. 1907.
129. Ремизов А. М. Сочинения, тт. 1—7. СПб., 1912.
130. Родзянко М. В. Крушение империи. М., 1927.
131. Розанов В. В. Сочинения.
132. Ропшин (Савинков). То, чего не было. СПб., 1911.
133. Рутенберг П. Дело Гапона. 1910.
134. Савинков Б. В. Воспоминания. 1909.
135. Самарин Ю. Ф. Сочинения, тт. 1—10, 1877.
136. Свод законов Российской империи.
137. Сенкевич Г. Камо грядеши. 1896.
138. Серафимович А. С. Город в степи.
139. Солженицын А. И. Красное колесо.
140. Соловьев В. С. Сочинения, тт. 1—10, 1913.
141. Станкевич В. Б. Воспоминания.
142. Стенографические отчеты заседаний I и II Государственной Думы.
143. Суханов Н. Н. Записки о революции. Пг., 1921.
144. Сутырин В. А. Александр Ульянов.
145. Тихомиров Л. А. Исповедь. Почему я перестал быть революционером.
146. Толстой А. К. Князь Серебряный. История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева.
147. Толстой А. Н. Хождение по мукам.
148. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри нас.
149. Трифонов Ю. В. Нетерпение.
150. Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды. Саратов, 1969. Народная Воля перед царским судом. 1972.
151. Тун А. История революционных движений в России. 1883.
152. Тургенев И. С. Новь.

153. Утопический социализм в России. Хрестоматия. М., 1985.
154. Фадеев Р. А. Русское общество в настоящем и будущем. СПб., 1874.
155. Фалькович С. М. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе. М., 1975.
156. Февральская революция. Сост. Алексеев. М., 1924.
157. Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости. Париж, 1930.
158. Фигнер В. Н. Запечатленный труд.
159. Филиппов Р. В. Пионеры марксизма в России, 1883—1893. Историографический очерк. М., ИПЛ, 1989.
160. Хилков М. И. Революционеры в Москве.
161. Хомяков А. С. Сочинения, тт. 1—8, 1886.
162. Хроника Февральской революции. 1924.
163. Цветаева А. Воспоминания.
164. Цветаева М. Воспоминания.
165. Цявловский М. А. Большевики по данным царской охраны. Пг., 1918.
166. Чаадаев П. Я. Философические письма. 1836, 1914, 1935.
167. Чернышевский Н. Г. К барским крестьянам. Что делать?
168. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII веках. 1978.
169. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. М., Наука, 1978.
170. Черменский Е. Д. Государственная Дума и свержение царизма в России. 1976.
171. Шафаревич И. Р. Русофобия.
172. Шевченко Т. Г. Кобзарь.
173. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., Наука, 1981.
174. Шкловский В. Б. Воспоминания.
175. Штейн Л. Социализм и коммунизм современной Франции. 1824.
176. Шукшин В. Я пришел дать вам волю.

177. **Щедрин М. Е.** История города Глупова. Господа ташкентцы.
178. **Щетинина Г. И.** Студенчество и революционное движение в России.
179. **Эймонтов Р. Г.** Русские университеты на грани двух эпох. М., Наука, 1985.
180. **Языков Н. М.** Полное собрание стихотворений. 1934.
181. **Яковлев А. Л.** Человек и пустыня. 1929.
182. **Яковлев Н. Н.** Первое августа 1914. М., 1974.
183. **Янов А. Л.** Некоторые проблемы русской консервативной мысли XV—XVIII столетий. М., 1973.

Содержание

Предисловие	3
Книга I. Россия в борьбе за конституцию (1855—1905)	15
Резюме книги	16
§ 1. Россия на дату смерти Николая I	20
§ 2. Славянофилы проводят освобождение крестьян	26
§ 3. Прочие реформы Александра II и анализ форм государственности	38
§ 4. Революционность шестидесятых годов	48
§ 5. Земское движение до смерти Александра III	66
§ 6. Революционное движение до смерти Александра III	84
§ 7. Промышленность, хозяйство и классы к концу XIX века	108
§ 8. Духовенство и религиозная жизнь	116
§ 9. Территориальные и демографические факторы	124
§ 10. Распространение социал-демократических идей в России	141
§ 11. Создание РСДРП	153
§ 12. Возрождение Партии социалистов-революционеров	168
§ 13. Формирование Союза "Освобождение"	175
§ 14. Независимое рабочее движение	184
§ 15. Взрыв революции	193
§ 16. Обретение конституции	211

<i>Книга II. Россия конституционная (1905—1917)</i>	229
Резюме книги	230
§ 1. Хроника угасания революционной активности	233
§ 2. Политические партии в 1906—1916	251
§ 3. Мирная передышка	270
§ 4. Гришка Распутин	286
§ 5. Мировая война	294
§ 6. Исчезновение монархии	317
<i>В. А. Пименова. Как создавалась эта книга</i>	338
Литература	342

Главный редактор *Е. А. Андрусенко*
Заместитель главного редактора *Н. Н. Аксенова*

ИБ № 9930

IP № 010273 от 10.12.92 г.

Подписано в печать 27.05.96. Формат 84x108¹/₁₆.

Литературная обработка № 1. Гарнитура "Таймс".

Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,21.

1 500 экз. Заказ № 1683. С 039.

Федеральный государственный
научно-издательский Центр "Республика"
при Правительстве Российской Федерации по печати.

Издательство "Республика".
СПб, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Московская фирма "Красный пролетарий".
Москва, Краснопролетарская, 16.

ПИМЕНОВ
Револьт Иванович
(1931 — 1990),
общественный
деятель,
историк,
математик